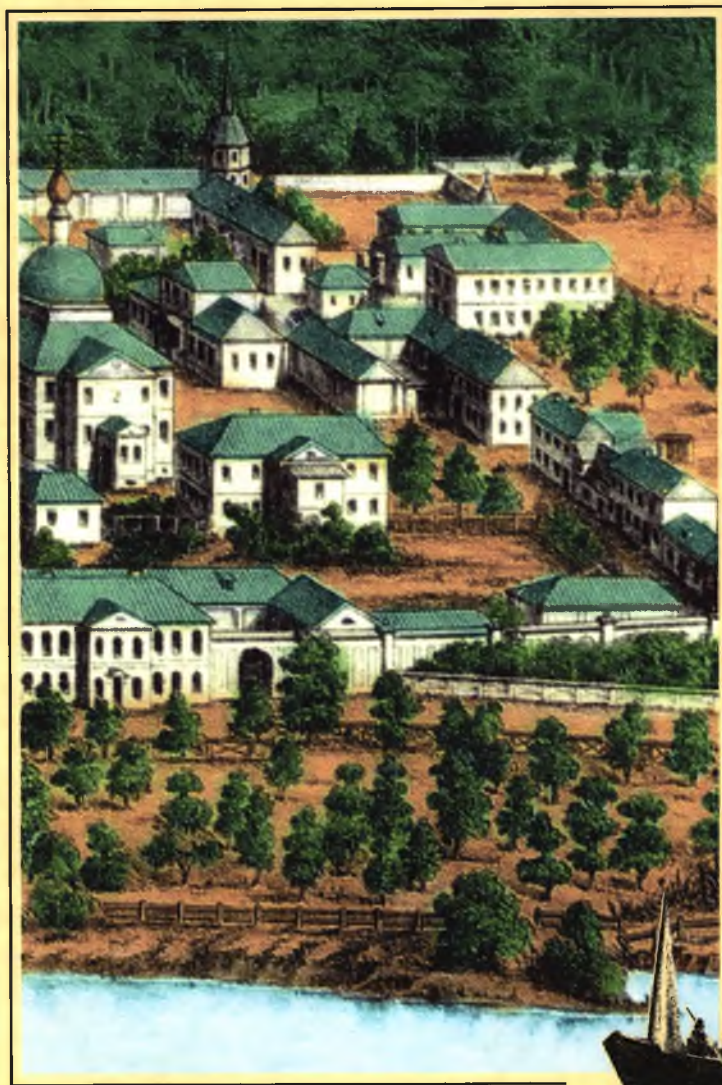

Житія Оптинскихъ Старцевъ

www.tezauriliturgic.ro

ПРЕПОДОБНЫЙ ЛЕВЪ

ПРЕПОДОБНЫЙ ЛЕВЪ

Свято-Введенская Оптиная Пустынь

2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предувѣдомленіе	5
Глава I. Рожденіе и мірская жизнь Льва Даниловича Наголкина, в послѣдствіи старца Леонида. – Его поступленіе въ Козельскую Оптину Пустынь, переходъ въ Бѣлобережскую пустынь, временное пробываніе въ Чолнскомъ монастырѣ и переходъ на Валаамъ	10
Глава II. Жительство іеромонаха Леонида въ Валаамскомъ скиту. – Его переходъ въ Александро-Свирскій монастырь, затѣмъ въ Площанскую пустынь и, наконецъ, въ Оптину Пустынь Калужской епархіи	25
Глава III. О старцествѣ	49
Глава IV. Водвореніе старца о. Леонида на скитской пасѣкѣ. – Его отличительныя свойства, духовныя дарованія и наружный видъ	65
Глава V. Келейная жизнь старца о. Леонида и общій взглядъ на его старчествованіе, или учительство, съ благими послѣдствіями	89
Глава VI. Недоброжелательство, а затѣмъ и явное возстаніе нѣкоторыхъ непонимавшихъ жизни духовной оптинскихъ монаховъ и мірянъ противъ старца о. Леонида, хотя безъ особенно худыхъ послѣдствій. Соприкосновенный сему разсказъ новоначального брата Александра (в послѣдствіи іеросхимонаха Антонія кіево-печерскаго), въ описываемое время принятаго Старцемъ въ Скитъ на жительство ...	112

Глава VII. Переходъ іеромонаха о. Макарія (Иванова) изъ Площанской пустыни въ Оптиный Скитъ ради сожителства съ старцемъ о. Леонидомъ. Ихъ взаимныя отношенія; единомысліе и единомудренность обоихъ старцевъ въ отношеніи къ ихъ духовнымъ дѣтямъ. Вліяніе старца о. Леониды на постороннія обители мужскія и женскія	129
Глава VIII. Подробности старчества, или учительства, старца іеромонаха Леониды въ разсказахъ жившихъ при немъ учениковъ его	142
Разсказъ послушника Оптиного Скита брата Александра Медвѣдева, впослѣдствіи кіево-печерскаго іеросхимонаха Антонія	144
Разсказъ монаха Тихоновой пустыни Калужской епархіи С.	148
Разсказъ Оптиной Пустыни послушника Алексѣя Иванова Васильева, какъ пользовалъ его покойный старецъ о. Леонидъ	153
Разсказъ Александра Смирнова	157
Разсказы прочихъ оптинскихъ братій	159
Разсказъ скитскаго рясофорнаго монаха Петра (Иванова)	162
Разсказъ бывшаго оптинскаго іеромонаха о. Моисея	163
Три разсказа Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія и вмѣстѣ другихъ монаховъ-старожиловъ ...	164
Разсказывалъ кіево-печерскій іеросхимонахъ Антоній ...	168
Разсказывалъ о себѣ Калужской Тихоновой пустыни духовникъ іеросхимонахъ Ефремъ	171
Послѣдній въ этой главѣ разсказъ покажетъ, какую отеческую попечительность имѣлъ старецъ Леонидъ о присныхъ своихъ ученикахъ	172
Глава IX. Духовное окормленіе старцемъ іеромонахомъ Леонидомъ двухъ изъ ближайшихъ къ нему учениковъ, о. Павла (Тамбовцева) и Алексѣя Поликарповича Бочкова, въ отвѣтахъ Старца на ихъ вопросы	178
Нѣсколько словъ объ о. Павлѣ (Тамбовцеве)	178

Отвѣты старца о. Леонида на вопросы о. Павла (Тамбовцева)	180
Отвѣты старца о. Леонида на вопросы Алексѣя Поликарповича Бочкова, въ послѣдствіи Антонія, игумена Черемнецкаго монастыря	204
Объясненіе послѣднихъ словъ старца о. Леонида	209
Глава X. Гоненіе на старца о. Леонида 1835–1836 гг. Переводъ его изъ Скита въ монастырь. Посѣщеніе Оптиной Пустыни Кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ) съ благими послѣдствіями какъ для Старца, такъ и вообще для обители. Неоднократныя запрещенія и разрѣшенія Старцу принимать посѣтителей. Важныя причины сихъ пріемовъ.	212
Глава XI. Общеніе старца о. Леонида съ Скитомъ по переходѣ его въ монастырь. Назначеніе одного изъ его учениковъ о. Геронтія настоятелемъ Калужской Тихоновой пустыни. Посѣщенія сей обители старцемъ о. Леонидомъ и его бесѣда съ раскольниками. Скорби Старца въ Тихоновой пустыни	240
Глава XII. Пользованіе старцемъ Леонидомъ относившихся къ нему постороннихъ посѣтителей, монашествующихъ и мірянъ. — Его предсказанія, наставленія, исцѣленія, обличенія, совѣты, между коими — общій совѣтъ желающимъ вступить въ бракъ и прочее, въ разказахъ	270
Глава XIII. Гоненіе на старца о. Леонида и на его ученицъ, жившихъ въ Бѣлевскомъ женскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ (1839–1841 г.)	306
Глава XIV. Блаженная кончина старца о. Леонида и погребеніе	337
Глава XV. Заключение	353
Приложенія	361
Нѣсколько писемъ старца о. Леонида, въ схимѣ Льва	363
Плачь на гробѣ отца	438

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

По кончинѣ Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія (1891 г.) осталась рукопись: «Копія съ собственноручныхъ записокъ Кіево-Печерскаго духовника, іеросхимонаха Антонія, бывшаго ближайшимъ ученикомъ и сожителемъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Леонида, въ схимѣ Льва». Рукопись эта оказалась у старца Амвросія по слѣдующему случаю. Когда вышло въ свѣтъ первое изданіе жизнеописанія старца о. Леонида, старецъ Амвросій послалъ нѣсколько экземпляровъ этой книги въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ жили и подвизались нѣкоторые изъ оставшихся еще въ живыхъ учениковъ старца Леонида, въ числѣ коихъ былъ и о. Антоній (Медвѣдевъ). Въ письмѣ своемъ старецъ Амвросій просилъ о. Антонія по прочтеніи книги сдѣлать на оную свои замѣчанія и вмѣстѣ написать, что только онъ могъ помнить изъ обстоятельствъ жизни старца о. Леонида, съ цѣлью при второмъ изданіи книги сдѣлать дополненіе. Просьба эта о. Антоніемъ была въ свое время исполнена. И старецъ Амвросій имѣлъ утѣшеніе получить отъ о. Антонія довольно объемистую рукопись съ указаніемъ на нѣкоторыя погрѣшности въ напечатанномъ жизнеописаніи старца Леонида и

съ дополненіемъ новыхъ свѣдѣній о его жизни. Рукопись эта, по благословенію старца Амвросія, немедленно была скопирована, и подлинникъ отосланъ былъ обратно къ о. Антонію въ Кіевскую Лавру. Но время шло, а обстоятельства не благопріятствовали исполненію благого намѣренія старца Амвросія. Наконецъ, Господу угодно было, по молитвамъ почившихъ старцевъ, совершить давно желаемое ими дѣло.

Предлагаемое теперь жизнеописаніе старца о. Леонида подъ заглавіемъ: «Первый великій старецъ Оптинскій, іеромонахъ Леонидъ (въ схимѣ Левъ)» вновь передѣлано, значительно дополнено, и погрѣшности въ немъ по возможности исправлены. Въ составъ его, кромѣ изложеннаго въ запискахъ Кіево-Печерскаго іеросхимонаха Антонія, вошло еще нѣсколько устныхъ разсказовъ Оптинскихъ старожиловъ-монаховъ, которыхъ теперь уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Также принята во вниманіе помѣщенная въ «Душеполезномъ чтеніи» за апрель 1881 г. статья Андрея Ковалевскаго подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о духовникѣ Кіево-Печерской Лавры іеросхимонахѣ Антоніи».

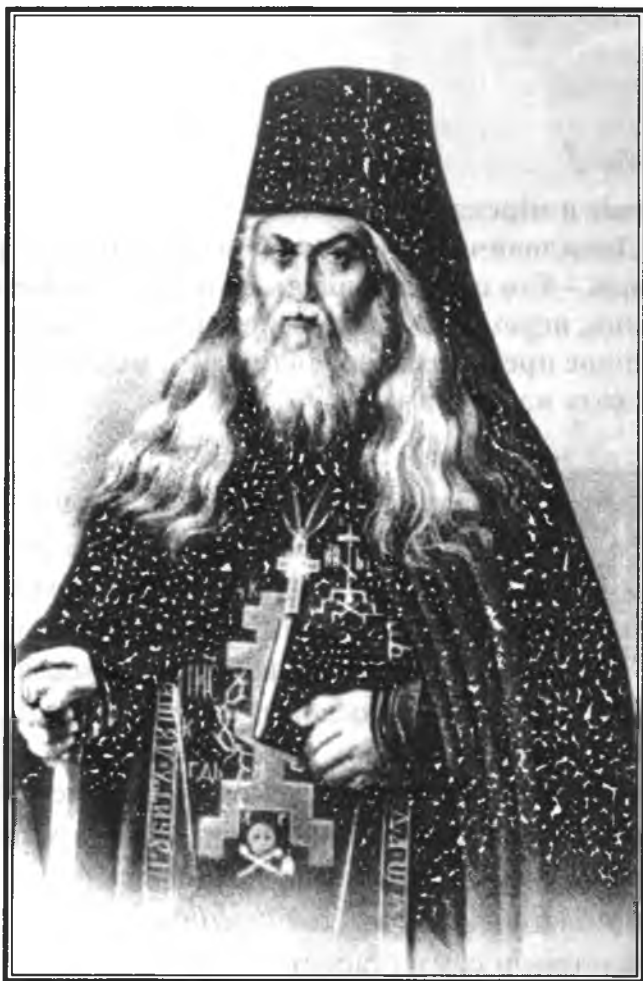
Въ этой статьѣ авторъ помѣстилъ немало свѣдѣній объ Оптинскомъ старцѣ о. Леонидѣ, слышанныхъ имъ отъ іеросхимонаха Антонія. Но въ статьѣ этой встрѣчаются неточности. Например, предмѣстникомъ Калужскаго епископа Николая (Соколова) Ковалевскій называетъ Евлампія (Введенскаго). На самомъ же дѣлѣ предмѣстникомъ епископа Николая былъ епископъ Никаноръ (Клементьевскій), впослѣдствіи С.-Петербургскій митрополитъ. И между епископомъ Евлам-

піємъ, скончавшимся въ 1813 г., и епископомъ Николаемъ, вступившимъ на Калужскую кафедру въ 1834 г., былъ цѣлый рядъ калужскихъ епископовъ. (См. Церковн. Вѣдом. за 1899 г. № 33. «Калужскіе Архипастыри»). Еще: Оптинскаго старца іеросхим. Макарія Ковалевскій называетъ спостникомъ кіево-печерскаго іеросхимонаха Антонія. – Отца Макарія можно назвать спостникомъ Антонія, только не кіево-печерскаго, а Оптинскаго скитоначальника, іеромонаха Антонія (Путилова). Кіево-печерскій же іеросхимонахъ Антоній былъ въ то время однимъ изъ новоначальныхъ скитскихъ послушниковъ и вскорѣ переведенъ былъ въ Тихонову пустынь. Еще: путешествіе кіево-печерскаго іеросхимонаха Антонія на Валаамъ, въ Свирскій и другіе монастыри Ковалевскій относитъ ко времени послѣ кончины старца Леонида и говоритъ, что ему на дорогу Оптинскій скитоначальникъ Антоній далъ 5 руб. Но старецъ о. Леонидъ скончался въ 1841 г., а Оптинскій скитоначальникъ Антоній въ 1839 г. переведенъ былъ въ Малоярославецкій монастырь въ настоятеля, гдѣ и прожилъ болѣе десяти лѣтъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, при распредѣленіи фактовъ въ жизнеописаніи старца о. Леонида пришлось держаться болѣе собственноручныхъ записокъ кіево-печерскаго іеросхимонаха Антонія, нежели переданныхъ черезъ него свѣдѣній Андрея Ковалевскаго. Изъ этихъ послѣднихъ извлечено только самое малѣйшее, не подлежащее сомнѣнію.

Нелишне, кромѣ того, замѣтитъ слѣдующее. Въ одномъ изъ періодическихъ духовныхъ изданій напеча-

тано: «Во время жизни своей въ скитахъ, онъ (старецъ іеромонахъ Леонидъ) часто встрѣчался съ дикими звѣрями – съ медвѣдями и волками, но звѣри не дѣлали ему вреда, и только одинъ волкъ ухватить было его разъ зубами за ногу, но тотчасъ же, точно чѣмъ-то испуганный, оставилъ пустынника и убѣжалъ». – Изъ прежнихъ изданій жизнеописанія старца Леонида видно, что онъ жилъ въ двухъ скитахъ, – въ одномъ скиту на Валаамъ и черезъ немалое время въ другомъ – Оптиномъ. О валаамскомъ мѣстопребываніи иноковъ бывшій Валаамскій игумень о. Варлаамъ († 1849 г.), доживавшій послѣдніе годы своей жизни на покоѣ въ Оптиномъ скиту, имѣлъ обыкновеніе при случаѣ говорить: «Хорошо, нечего сказать, хорошо и у васъ, а все не то, что на Валаамѣ. Тамъ возьмешь, бывало, краюшку хлѣба за пазуху, и хоть три дня оставайся въ лѣсу: ни дикаго звѣря, ни злого человѣка; Богъ да ты, ты да Богъ» (Историческое описаніе Оптинскаго скита, 1862 г. С. 231). Изъ этихъ словъ о. игумена Варлаама можно заключить, что на Валаамѣ дикихъ звѣрей нѣтъ, и, слѣдовательно, о. Леонидъ не могъ тамъ встрѣчаться съ медвѣдями и волками. Живя же въ Оптиномъ скиту, о. Леонидъ хотя имѣлъ обыкновеніе иногда лѣтомъ дѣлать по лѣсу прогулки, но всегда въ полуденное время и въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ учениковъ, которые послѣ кончины Старца, при воспоминаніи о немъ, говорили, что и здѣсь встрѣчь съ волками и медвѣдями никогда не было. А что дѣйствительно одинъ волкъ поранилъ старца Леонида, такъ это было еще до поступленія его въ монастырь. О семъ въ предлагаемомъ жизнеописаніи сказано подробно.

Преп. Левъ Оптиный

Глава I

Рожденіе и мірская жизнь

Льва Даниловича Наголкина, вполсѣдствіи старца Леонида. – Его поступленіе въ Козельскую Оптину Пустынь, переходъ въ Бѣлобережскую пустынь, временное пребываніе въ Чолнскомъ монастырѣ и переходъ на Валаамъ

риснопамятный Оптинскій Старецъ, іеромонахъ Леонидъ, въ схимѣ Левъ, родился въ 1768 г. въ городѣ Карачевѣ, Орловской губерніи, и въ святомъ крещеніи наречень былъ Львомъ. Родители его были простые граждане карачевскіе, мѣщанскаго сословія, по фамиліи Наголкины. Имя отца было Даніиль. Болѣе о родителяхъ старца о. Леонида ничего неизвѣстно. Можно только съ достовѣрностью полагать, что они были люди разумные и благочестивые. Къ сему заключенію приводятъ разумность и благочестіе ихъ молодого сына Льва. Какъ вполсѣдствіи и самъ старецъ о. Леонидъ, по поводу наслѣдственности добродѣтелей или пороковъ отъ родителей къ дѣтямъ, выражался такъ: «Яблоко отъ яблони далеко не укатится». При такихъ душевныхъ качествахъ родители старца о. Леонида были, какъ видно,

бѣдные. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что сынъ ихъ, молодой Левъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, несмотря на свои умственные и нравственные способности, не имѣлъ возможности оставаться дома и заниматься хозяйственными дѣлами, а вынужденъ былъ поступить на жалованье въ приказчики къ одному купцу г. Болхова Орловской губ., по фамиліи Сокольников, торговавшему пенькою и коноплянымъ масломъ, домъ котораго стоялъ на Одерской площади. Въ тѣ, впрочемъ, давнія былыя времена въ Болховѣ, кажется, едва ли еще употреблялось названіе «приказчикъ», а просто называли «работникъ» или «малый».

Рѣдко кому-либо изъ болховскихъ приказчиковъ приходилось разъѣзжать по разнымъ сторонамъ Россіи. Кожевники бывали иногда въ Харьковѣ и по другимъ украинскимъ ярмаркамъ, а торговавшіе пенькою дальше своего уѣзда не ѣздили. Накупивъ по разнымъ селамъ и деревнямъ достаточное количество пеньки и масла, они сбывали все это бѣлевскимъ купцамъ, которые имѣли дѣло съ Петербургомъ. Но Левъ былъ малый расторопный и смѣтливый, честный и вѣрный. По примѣру нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, онъ и самъ сбывалъ свой товаръ непосредственно тогдашнимъ петербургскимъ купцамъ. Сбытъ этотъ производился въ г. Сухиничахъ Калужской губерніи. И хозяинъ вполне довѣрялъ честному своему малому сухиническое дѣло. Почему и приходилось сему послѣднему, въ продолженіе зимы, бывать въ Сухиничахъ по нѣскольку разъ. Впослѣдствіи, при воспоминаніи о семъ, старецъ о. Леонидъ приговаривалъ: «Плохинская дорога изъ Болхова

въ Сухиничи мнѣ такъ была знакома, какъ съ печки на лавку»¹.

Въ то время, къ которому относится разсказъ, дорога эта пролегла среди густыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Проѣзжая однажды этимъ путемъ, Левъ встрѣтилъ волка, который началъ нападать на молодого парня. Но Левъ обладалъ большою тѣлесною силою, – онъ могъ поднимать тяжесть до двѣнадцати пудовъ. Потому, схвативъ имѣвшуюся при немъ дубину, онъ ошеломилъ волка. Оправившись отъ удара, разъяренный звѣрь вскочилъ къ Льву въ сани и вырвалъ у него изъ икры правой ноги часть мяса, какъ въ послѣдствіи говорилъ Старецъ: «Пожалуй, въ фунтъ не уберешь». Затѣмъ и опять бросился на него съ разинутой пастью, въ которую Левъ успѣлъ всунуть руку и своими мощными пальцами крѣпко уцѣпился за горло звѣря, что и обезсилило его. Между тѣмъ испуганная лошадь во всю мочь, какъ на крыльяхъ, неслась съ двумя сѣдоками. Наконецъ, въ виду деревни совсѣмъ обезсиленный волкъ свалился съ саней. А Левъ, при помощи Божіей, добрался до своего Болхова. Рана у молодого дюжого человѣка скоро зажила, однако оставила слѣдъ на всю его послѣдующую жизнь, – онъ на правую ногу нѣсколько прихрамывалъ, а въ шрамъ, образовавшійся отъ раны, могъ вмѣщаться волоцкій орѣхъ.

¹ Въ прежнихъ изданіяхъ жизнеописанія старца іеромонаха Леонида сказано, что онъ въ должности купческаго приказчика дѣлалъ часто большіе и дальніе разѣзды. Но это ошибка, по замѣчанію кіево-печерскаго іеросхимонаха Антонія, ближайшаго ученика старца о. Леонида.

Проѣзжая часто по торговымъ дѣламъ изъ Болхова въ Сухиничи и обратно, Левъ имѣлъ случай нерѣдко сталкиваться съ людьми разныхъ званій и состояній. И такъ какъ онъ одаренъ былъ хорошими умственными способностями, – имѣлъ прекрасную память, любознательность, наблюдательность, дальновидность и соображеніе, – то пріобрѣлъ черезъ это весьма много разнообразныхъ нужныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Память же у него была такова, что, услышавъ однажды отъ путешественниковъ о какой-либо мѣстности, въ другой разъ черезъ долгое время онъ говорилъ о ней уже какъ очевидецъ и коренной житель того мѣста. Зналъ всѣ слышанныя имъ подробности – хозяйство обитателей, промышленность, семейный бытъ и проч. Прекрасно понималъ жизнь нашихъ баръ, ихъ бытъ, воспитаніе, службу, утонченность обращенія; также военный бытъ, флотскую службу, полевую и морскую нужду, – все это какъ будто онъ видѣлъ своими глазами и вымѣрять своими шагами. И потому, разговаривая о всѣхъ этихъ и подобныхъ предметахъ, онъ какъ будто читалъ развернутую книгу. Такимъ-то образомъ онъ хорошо зналъ почти всю Россію. Имѣя же общеніе съ людьми всѣхъ сословій, Левъ Даниловичъ черезъ это еще въ мірѣ пріобрѣлъ большое знаніе людей и опытность, которую впослѣдствіи употреблялъ для пользы ближнихъ, обращавшихся къ нему за духовными совѣтами.

Добродѣтельная жизнь и способности цѣнятся вездѣ. Видя усердіе и во всемъ исправность своего малаго, зажиточный хозяинъ дома готовилъ ему свою дочь въ замужество. Но у Льва Даниловича было совсѣмъ

другое намѣреніе и стремленіе, а потому онъ наотрѣзь отказался отъ этого счастья. Послѣ, когда онъ уже былъ старцемъ въ Оптиной Пустыни, эта бывшая его невѣста вмѣстѣ съ другими спутницами приходила къ нему въ Оптину какъ посѣтительница и богомолица. На двадцать девятомъ году своей жизни, именно въ 1797 г., Левъ Даниловичъ оставилъ многоятежную и суетную жизнь міра сего и первоначально поступилъ въ Оптину Введенскую Пустынь, Калужской епархіи². Настоятелемъ монастыря въ то время былъ игумень Авраамій, первый возстановитель и возобновитель совсѣмъ было пришедшей въ упадокъ сей Пустыни.

Ревностно принялся молодой послушникъ за труды монастырской жизни и своею богатырскою силою по временамъ удивлялъ сожителей своихъ и вообще со-присутствовавшихъ. Приводимъ здѣсь сему примѣръ. Въ одно время съ Львомъ Даниловичемъ поступилъ въ Оптину другой молодой послушникъ (впослѣдствіи бывший настоятелемъ Московскаго Симонова монастыря, архимандритъ Мелхиседекъ). Оба они равны были силою. Вотъ открылась надобность соединить каналомъ два небольшихъ озера вблизи монастырской бани, и почему-то требовалось окончить дѣло въ одинъ день. Къ этой работѣ нужно было приставить до двадцати чело-вѣкъ поденныхъ. Два упомянутыхъ богатыря рѣши-лись принять этотъ трудъ на себя и во что бы то ни стало окончить работу въ одинъ день и, къ изумленію

² Впрочемъ, Калужская епархія въ то время еще не была самостоя-тельная. Она входила въ составъ Московской епархіи и получила само-стоятельность только въ 1799 г.

всѣхъ, намѣреніе свое привели къ желаемому концу. Только въ этотъ день они отличились особеннымъ аппетитомъ, какъ въ послѣдствіи неоднократно, подшучивая надъ собой, рассказываль о семъ самъ старецъ о. Леонидъ: «Мы вдвоемъ съѣли въ этотъ день пятнадцать фунтовъ хлѣба»³.

Недолго прожилъ въ Оптиной Пустыни молодой послушникъ Левъ, – всего два года; но въ этотъ короткий срокъ своими непомѣрными трудами успѣлъ разстроить крѣпкое свое здоровье, какъ самъ онъ писалъ о семъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

Въ 1799 г. онъ перешелъ изъ Оптиной въ пустынную обитель Бѣлобережскую, Брянскаго уѣзда, Орловской епархіи. Неизвѣстно, какая причина побудила его къ сему переходу. Если предположить тяжелые труды въ Оптиной, отъ которыхъ онъ потерялъ свое здоровье, такъ и въ Бѣлобережской обители его ожидали тѣ же труды, на которые онъ обрекъ себя при поступленіи въ монастырь. Вѣроятно же всего, его потянуло туда неудержимое желаніе обучаться жизни духовной, такъ какъ настоятельствовалъ въ то время въ Бѣлыхъ Берегахъ іеромонахъ Василиій Кишкинъ, старецъ духовной жизни, подвизавшійся немалое время на Аѳонской горѣ. Итакъ, не для облегченія трудовъ и не для тѣлеснаго успокоенія перешелъ послушникъ Левъ въ другую обитель.

³ «Судя по трудамъ и по труженикамъ, – замѣчалъ блаженной памяти старецъ іеросхимонахъ Амвросій, – это немного». Въ самомъ дѣлѣ, если приходившіеся 7 1/2 фунтовъ на одного человѣка разложить на четыре части – завтракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ, то въ каждый разъ приходилось одному съѣдать одинъ фунтъ и три четверти съ осмой. Это а одинъ разъ съѣсть и каждый обыкновенный рабочій крестьянинъ.

Напротивъ, и здѣсь, какъ и въ Оптиной, онъ проводилъ дни свои въ непрерывныхъ трудахъ, подавая собою всѣмъ братіямъ примѣръ трудолюбія и искренняго послушанія. А такая жизнь сама собою возвышала его передъ прочими братіями и не могла не обратить на него особаго вниманія о. настоятеля.

И вотъ черезъ два года по поступленіи въ Бѣлобережскую пустынь (1801 г.), Левъ постриженъ былъ въ монашество и нареченъ Леонидомъ. Вскорѣ затѣмъ, въ томъ же 1801 г. 22-го декабря, онъ рукоположенъ былъ во іеродіакона, а 24-го декабря во іеромонаха. Такимъ особеннымъ вниманіемъ настоятеля къ вновь поступившему послушнику и быстрымъ производствомъ въ чины монастырскіе *не вознесся сердце* его, *ниже вознесосться очи* его (Пс. 130, 1), и не ослабѣла въ немъ ревность къ трудамъ и послушанію.

Однажды при наступленіи храмоваго праздника клиросные братія, недовольные чѣмъ-то, отказались пѣть бдѣніе, полагая, что этимъ принудятъ настоятеля исполнить нѣкоторыя ихъ требованія. Но настоятель не захотѣлъ уступить ихъ неразумному домогательству и, чтобы смирить ихъ, велѣлъ позвать о. Леонида съ другимъ близкимъ къ нему братомъ, и имъ вдвоемъ пропѣть все бдѣніе. О. Леонидъ въ это время возилъ съ хутора сѣно. Усталый, покрытый пылью, онъ только сѣлъ за столъ подкрѣпиться незатѣйливымъ монастырскимъ ужиномъ. Но вотъ ему передаютъ волю настоятеля, чтобы онъ немедленно шелъ въ церковь и становился на клиросъ отправлять бдѣніе. Ни слова ропота и противленія настоятельской власти не вышло изъ устъ истин-

наго послушника. Не докончивъ даже своего ужина, онъ поспѣшилъ въ церковь и вдвоемъ съ товарищемъ, къ удовольствію настоятеля, исполнилъ волю его. Голосъ онъ имѣлъ довольно сильный теноро-басъ, хотя нѣсколько рѣзкій, пѣлъ правильно и хорошо зналъ порядокъ церковной службы.

Другой случай показываетъ, что въ о. Леонидѣ вмѣстѣ съ трудолюбіемъ и послушаніемъ соединялось и великое человеколюбіе. Во время пребыванія его въ Бѣлобережской обители былъ тамъ одинъ братъ, впадшій въ прелесть⁴. Взошелъ онъ однажды на колокольню и кричить оттуда во всеуслышаніе: «Смотрите, смотрите! Я вергнусь низу и не разобьюсь; ангелы Божіи примутъ меня на руки свои. Сказано: *Яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранить тя...* И: *На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс. 90, 11, 12)». Между тѣмъ бывший на какой-то работѣ о. Леонидъ вдругъ бросаетъ работу и что есть силы бѣжитъ на колокольню. Лишь только онъ успѣлъ вбѣжать туда, какъ прельщенный, окончивъ свою рѣчь, бросился было черезъ балясникъ. Но въ это мгновеніе о. Леонидъ успѣлъ схватить его за край одежды, втащилъ обратно на колокольню и позаботился о пользѣ его души и спасеніи.

Въ 1804 г. іеромонахъ Леонидъ братствомъ Бѣлобережской пустыни избранъ былъ въ настоятеля сей обители на мѣсто оставившаго начальническую должность

⁴ Прелесть – слово славянское, по-русски – обманъ. Монастырское выраженіе «впасть въ прелесть», значитъ «быть обманутымъ злохитрымъ бѣсомъ».

строителя старца о. Василия. Это случилось въ пятый годъ по поступленіи о. Леонида въ Бѣлобережскую пустынь и седьмой съ поступленія его въ Оптину. Срокъ до избранія на настоятельскую должность вообще очень короткій. Но онъ именно показываетъ, что о. Леонидъ въ это недолгое время такъ преуспѣлъ въ жизни духовной, что опередилъ на этомъ поприщѣ многихъ старожиловъ-монаховъ. Замѣчательно, что самое избраніе іеромонаха Леонида на настоятельство застало его въ трудахъ послушанія.

Дѣло было такъ. Собрались монастырскіе братія и стали разсуждать, кого бы избрать на мѣсто прежняго строителя. Но о. Леонидъ уклонился отъ этихъ толковъ. – «Выберутъ кого-нибудь и безъ меня; а слышно, что въ обители вышелъ весь квасъ», – подумалъ онъ и пошелъ квасъ варить. Между тѣмъ братія, послѣ долгихъ толковъ, рѣшили, что, кромѣ о. Леонида, въ настоятеля избрать некого. Пошли всѣмъ соборомъ въ квасоварню, взяли изъ его рукъ черпакъ, который онъ въ это время держалъ, сняли съ него фартукъ, приличнымъ образомъ одѣли и повезли въ Орель для представленія его преосвященному Досифею и утвержденія въ должности настоятеля, – каковое утвержденіе въ то же время со стороны Владыки и послѣдовало.

Начальственная должность о. Леонида не измѣнила его простого образа жизни. Такъ, если дѣло заставляло его куда поѣхать, нерѣдко онъ ѣздилъ на одной лошаdkѣ, въ простой телѣжкѣ и безъ кучера. Въ Бѣлобережской пустыни былъ іеромонахъ Гавріилъ, карачевскій уроженецъ, который вскорѣ по посвященіи въ санъ іеро-

монаха, вслѣдствіе представленія о. строителя, изъявилъ сему послѣднему свое желаніе побывать съ нимъ въ Карачевѣ, – мѣстѣ своей родины. Отецъ строитель не отказалъ ему въ этомъ, а сказалъ, чтобы, какъ только откроется первый случай, онъ напомнилъ ему о семъ. Случай не замедлилъ открыться. Отцу настоятелю почему-то нужно было поѣхать въ Карачевъ, и потому накануне поѣздки онъ велѣлъ о. Гавріилу готовиться къ пути. Но у о. Гавріила давно уже все нужное было подготовлено, – праздничная ряса и камилавка, уложенная въ камилавочникъ. Насталъ часъ отъѣзда. Помолились Богу. Выходятъ. Смотритъ о. Гавріиль – подали телѣгу съ передкомъ, запряженную въ одну лошадь. – «Гдѣ же кучеръ?» – спрашиваетъ о. Гавріиль. – «Какой?» – возражаетъ настоятель. – Отецъ Гавріиль: «Чтобы править». – Настоятель: «Чтобы у меня для одной лошади трехъ кучеровъ? Спасибо! Садись-ка, братъ, на передокъ, а устанешь, – я сяду. А это что? Камилавочникъ и ряса? Да я и самъ камилавки не беру съ собой. А ты, если берешь съ собой парадъ, такъ садись на мое мѣсто, а я лошадью править буду». Тотчасъ и сѣлъ на передокъ. Сконфуженный о. Гавріиль былъ уже и не радъ, что взялъ свой парадъ. Немедленно снесъ его въ келлію и попросилъ о. строителя сѣсть на свое мѣсто, а самъ занялъ должность кучера.

До занятія настоятельской должности о. Леонидъ, – конечно, съ согласія и благословенія своего о. строителя, – временно пребывалъ въ Чолнскомъ монастырѣ Карачевского уѣзда, гдѣ въ то время поселился только что прибывшій изъ Молдавіи карачевскій уроженецъ,

землякъ о. Леонида, схимонахъ Ѳеодоръ, ученикъ великаго старца Паисія, архимандрита Молдо-Влахійскихъ монастырей. Многіе изъ братій Чолнской обители пользовались духовными наставленіями сего опытнаго въ подвижнической жизни и умудреннаго благодатію Св. Духа старца о. Ѳеодора⁵. Подъ руководствомъ сего-то наставника и о. Леонидъ обучился противоборству страстямъ и достигъ духовнаго просвѣщенія. Чистѣйшая любовь неразрывными узами соединяла наставника съ ученикомъ.

Замѣтимъ кстати, что въ то же время о. Леонидъ имѣлъ еще духовное общеніе съ настоятелемъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря, ректоромъ Сѣвской духовной семинаріи, архимандритомъ Филаретомъ⁶ (впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ), который, при научномъ образованіи, черезъ общеніе съ подобными о. Леониду иноками, рано обучился цѣнить духовный разумъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ, хотя бы и не получившихъ школьнаго образованія, и, думается, какъ

⁵ Житіе схимонаха Ѳеодора издано было въ первый разъ въ Москвѣ въ 1839 г., вторично въ 1847 г. и въ третій разъ въ 1907 г. Изданіе принадлежитъ Оптиной Пустыни.

⁶ Въ прежнихъ жизнеописаніяхъ старца о. Леонида сказано, что онъ во время своего начальствованія въ Бѣлобережской пустыни имѣлъ духовное общеніе съ настоятелемъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря, ректоромъ Сѣвской духовной семинаріи архимандритомъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ). Но о. Леонидъ опредѣленъ былъ настоятелемъ въ 1804 г., когда именно въ томъ же 1804 г. архимандритъ Филаретъ переведенъ былъ изъ Сѣвска въ г. Уфу, тоже на должность ректора семинаріи. Слѣдовательно, духовное ихъ сближеніе было раньше, когда о. Леонидъ еще не былъ настоятелемъ. Свѣдѣнія объ архимандритѣ Филаретѣ взяты изъ книги: Жизнеописаніе Кіевского Митрополита Филарета (Амфитеатрова). Архимандрита Сергія (Василевскаго). Казань, 1888 г.

самъ подвижникъ и монахолюбивый, былъ коротко знакомъ съ старцемъ о. Леонида схимонахомъ Ѳеодоромъ.

Когда о. Леонидъ былъ простымъ іеромонахомъ, тогда ему удобно было временно проживать въ Чолнскомъ монастырѣ при старцѣ о. Ѳеодорѣ. Когда же онъ опредѣленъ былъ Бѣлобережскимъ строителемъ, тогда уже лишился возможности сожительствовать съ нимъ въ чужой обители. Тяжело было ему прервать близкія сношенія съ своимъ старцемъ-наставникомъ. Но Провидѣніе разлучило сподвижниковъ ненадолго. Безпокойство отъ посѣтителей, нарушавшихъ безмолвіе монашеской жизни въ Чолнскомъ монастырѣ, особенно же слава о добродѣтеляхъ и подвигахъ о. Ѳеодора, отъ которой онъ всегда, по смиренномудрію, бѣгалъ, понудили его въ 1805 г. для болѣе удобнаго молитвеннаго служенія Господу переселиться въ пустынную обитель Бѣлобережскую. Съ любовію принять былъ смиренный Старецъ своимъ приснымъ ученикомъ, настоятелемъ сей пустыни о. Леонидомъ, который обрадовался приходу мудраго наставника какъ обрѣтенію великаго сокровища. Совмѣстное жительство и частое собесѣдованіе съ Старцемъ еще болѣе усовершило о. Леонида въ духовной жизни и болѣе поощряло его къ дальнѣйшему прохожденію подвиговъ духовныхъ.

Недолго, впрочемъ, судилъ Господь пребыть о. Леониду въ должности настоятеля обители, – всего четыре года, ибо не по сердцу была ему многозаботливая настоятельская жизнь. Въ Бѣлыхъ Берегахъ въ 1807 г. старца его, о. Ѳеодора, постигла сильная и продолжительная болѣзнь. Девять дней онъ не принималъ

никакой пищи и трое сутокъ пребылъ въ летаргическомъ снѣ. Испытавъ въ сей болѣзни, какъ говорить описатель жизни и подвиговъ о. Ѳеодора, сладостныя ощущенія благодатныхъ даровъ Духа Божія, Старець возжаждалъ еще болѣе уединенной и безмолвной жизни и объявилъ о семъ желаніи о. настоятелю и братіи. По любви и уваженію къ нему немедленно устроили для него уединенную келлію въ глуши лѣса, въ двухъ верстахъ отъ обители, гдѣ онъ и поселился вмѣстѣ съ другимъ великимъ подвижникомъ, іеросхімонахомъ Клеопою. Къ нимъ-то въ скоромъ времени перешель и смиренный о. Леонидъ, добровольно сложившій съ себя въ 1808 г. настоятельство. И здѣсь-то, какъ было въ свое время слышно, живя съ упомянутыми двумя подвижниками въ пустынномъ безмолвіи, онъ принялъ келейно постриженіе въ схиму, а съ нею и прежнее свое имя – Левъ.

Но сказалъ Господь: *ниже вжигаютъ свѣтилника и ставятъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ (суть)* (Мѡ. 5,15). Скоро Провидѣніе открыло людямъ пустыннолюбиваго о. Ѳеодора. Слава о высокой жизни и мудрости его пронеслась повсюду, и вскорѣ къ дверямъ келліи его стали стекаться тысячи посѣтителей, нарушавшихъ тишину пустынной жизни подвижниковъ Христовыхъ.

Тяготясь молвою, сколько пріятною для самолюбія, столько же непріятною для смиренномудрія, а вмѣстѣ и зная, что новый о. настоятель монастыря смотритъ на эту молву народную какъ на нарушеніе мира всей обители, они возымѣли сильное желаніе переселиться въ

отдаленные сѣверные предѣлы царства Россійскаго. Немало времени продолжалось и возрастало въ нихъ сіе влеченіе. И вотъ прежде всѣхъ оставилъ обитель ученикъ старцевъ, подвижникъ, жившій въ монастырѣ, выше упомянутый іеромонахъ Гавріиль, и – такъ сказать – проложилъ путь самимъ старцамъ. Онъ перемѣстился на Валаамъ. Затѣмъ сгорѣла пустынная келлія о. Ѳеодора отъ нечаяннаго случая и недосмотра самихъ пустынниковъ, такъ что и сами они едва спаслись отъ огня. Послѣ сего уже и старцу Ѳеодору суждено было Промысломъ Божіимъ прежде своихъ сподвижниковъ также оставить Бѣлые Берега. Предавшись волѣ Всемогушаго, носящаго *всяческая глаголомъ силы Своя*⁷, онъ въ 1809 г. направилъ путь свой въ Новоезерскій монастырь, находящійся на восточной сторонѣ Новгородской губерніи. Впрочемъ, тамъ не остался, а по волѣ С.-Петербургскаго митрополита Амвросія помѣстился въ Палеостровской пустыни, на островѣ Онежскаго озера, гдѣ и провелъ три скорбныхъ для него года.

На мѣстѣ же сгорѣвшей пустынной келліи о. Леонидъ съ о. Клеопою озаботились построить новую келлію. Впрочемъ, имъ недолго пришлось пожить въ ней. Вѣроятно, и къ нимъ, какъ къ о. Ѳеодору, ходили за совѣтами мірскіе посѣтители и братія, что, какъ выше замѣчено, не нравилось новому о. настоятелю. Потому со стороны его послѣдовалъ объ этомъ преосвященному Досіею доносъ. А Владыка, желая успокоить о. настоятеля, приказалъ о. Леониду уже и поневолѣ выйти

⁷ Евр. 1, 3.

изъ Бѣлобережской пустыни, сказавъ, что «два волка въ одной берлогѣ не живутъ». Такимъ образомъ, побуждаемые необходимостью, а вмѣстѣ и желая жить нѣскольکو поближе къ своему духовному наставнику и другу о. Ѳеодору, о. Леонидъ съ больнымъ о. Клеопою, въ сопровожденіи монаха Амфилохія (ученика о. Леонида), въ 1811 г. переселились на жительство въ Валаамскій скитъ, куда въ слѣдующемъ 1812 г. удалось перейти изъ Палеостровской пустыни и самому старцу Ѳеодору.

Обстоятельства, какъ видимъ, слагались обычнымъ порядкомъ, но все невидимо управлялось и устроилось премудрымъ Промысломъ Божиимъ къ пользѣ избранныхъ рабовъ Его. Семья пустыннлюбцевъ неожиданно собралась воедино. О. Леонидъ и о. Клеопа, сблизившись на Валаамѣ съ о. Гавріиломъ, наконецъ имѣли утѣшеніе соединиться и съ гонимымъ за правду старцемъ о. Ѳеодоромъ. – Впрочемъ, гоненіе это было вслѣдствіе недоразумѣнія Палеостровскаго о. настоятеля. Въ жизнеописаніи старца о. Ѳеодора читаемъ: «Довольно сказать, къ славѣ Имени Божія и къ чести виновника временныхъ скорбей Ѳеодора (въ Палеостровской пустыни), что онъ (виновникъ) пять часовъ отъ глубины сердца сокрушеннаго, повергшись къ стопамъ больного Ѳеодора, за 25 дней до смерти его, проливалъ предъ нимъ слезы раскаянія и умиленія и простился съ нимъ при смерти, какъ искренній другъ и благодѣтель».

Глава II

Жительство іеромонаха Леонида въ Валаамскомъ скиту. – Его переходъ въ Александро-Свирскій монастырь, затѣмъ въ Площанскую пустынь и, наконецъ, въ Оптину Пустынь Калужской епархіи

Глава милосердому нашему Богу, – писалъ вскорѣ по прибытіи на Валаамъ отецъ Теодоръ подвижнику Площанской пустыни отцу Аѳанасію, – слава милосердому нашему Богу, что сподобилъ и меня недостойнаго и сквернаго сожителствовати со отцы моими въ скиту Валаамскомъ. Уже теперь передъ милосердымъ нашимъ Создателемъ и Искупителемъ не можемъ никакого извиненія и оправданія принести. Онъ исполнилъ все наше желаніе... Вправду можно похвалиться милосердіемъ Божиимъ, на насъ недостойныхъ явленнымъ. Привелъ насъ въ мѣсто безмолвное, спокойное, отъ челоуѣкъ удаленное, молвы свободженное. Отецъ Леонидъ опредѣлень у насъ въ скиту смотрителемъ. Только помолитесь милосердому Богу, да дастъ поне отнынѣ начало положить Его возлюбити, и по Его святой волѣ жити, и Божественныя Его заповѣди сохранять».

Валаамскій іеросхимонахъ

Около шести лѣтъ пробыли три доблестныхъ подвижника, отцы Ѳеодоръ, Клеопа и Леонидъ, въ Валаамскомъ скиту какъ въ надежномъ пристанищѣ спасенія и, какъ выражался иносказательно жившій въ то время въ тѣхъ предѣлахъ юродивый Антонъ Ивановичъ, «торговали здѣсь хорошо», чѣмъ намекалъ онъ, съ одной стороны, на ихъ происхожденіе изъ купеческаго званія, а съ другой – на духовную ихъ куплю – приобрѣтеніе Христу душъ чрезъ честнѣйшіе злата и сребра ихъ мудрые совѣты и наставленія. Ибо и здѣсь великіе старцы своею духовною мудростію и смиреніемъ привлекли къ себѣ многихъ братій, которые начали къ нимъ ходить, желая пользоваться ихъ духовнымъ руководствомъ. Ученикъ же ихъ, прежде перемѣстившійся изъ Бѣлобережской пустыни въ Валаамскій монастырь, іеромонахъ Гавріиль, хотя имѣлъ съ ними духовное общеніе, но вмѣстѣ съ ними въ скиту не жилъ.

Въ числѣ пользовавшихся духовными наставленіями о. Ѳеодора и о. Леонида былъ келліархъ Валаамскаго монастыря о. Евдокимъ, духовникъ Валаамскій. Прежде онъ проходилъ жизнь монашескую безъ духовнаго руководителя, уповая достигнуть духовнаго пруспѣянія одними внѣшними подвигами и совершенною покорностью своему о. настоятелю, игумену Иннокентію, котораго онъ считался приснымъ ученикомъ. Но ни послушаніе, изъявляемое готовностію умереть во исполненіе заповѣди настоятеля, ни внѣшніе подвиги его не приносили существенныхъ плодовъ монашеской жизни. Отецъ Евдокимъ не замѣчалъ въ себѣ ни крото-

сти, ни смиренія, ни слезъ, ни любви. Напротивъ, сухость, жестокость души, зазрѣніе всѣхъ и другія, хотя и скрываемыя, страсти томили подвижника. Онъ не находилъ себѣ покоя, хотя исполнялъ все, по его мнѣнію должное и по книгамъ, и по опыту. Отецъ Евдокимъ доходилъ до отчаянія, и лукавые помыслы склоняли его къ самоубійству, совѣтуя броситься со скалы въ заливъ. Но вотъ Господь внушилъ ему, оставивъ надежду на свою праведность, прибѣгнуть къ о. Θεодору и къ о. Леониду.

Опытные старцы очень скоро помогли ему, открывши на основаніи свв. Отцовъ, что одно внѣшнее дѣланіе и тѣлесные подвиги не ведутъ инока къ преуспѣянію, особенно если они, являемые человѣкамъ, влекутъ его къ тщеславію и гордости и ко всѣмъ послѣдствіямъ этихъ страстей, – къ ожесточенію, осужденію и отчаянію, и что безъ внутренняго, смиреннаго, неявляемаго дѣланія молитвы и безъ совершенной невмѣняемости⁸ нельзя смягчиться, смириться и повеселѣть дѣтскою евангельскою радостію. Старцы показали ему истинный ключъ къ отверженію сердца, и о. Евдокимъ, монахъ внѣшній, но искренній и готовый ради спасенія на смерть, понялъ смиренную науку Отцовъ, началъ возрождаться, смиряться и постепенно успокоился. Впослѣдствіи онъ всѣми почитаемъ былъ на Валаамѣ. Извѣстный Валаамскій настоятель, о. игумень Дамаскинъ,

⁸ Невмѣняемость, по ученію преп. Варсонофія Великаго, значитъ: считать себя за ничто, считать себя землею и пепломъ, ни съ кѣмъ не сравнивать себя и не говорить о своемъ добромъ дѣлѣ: «И я это сдѣлалъ» (Отвѣты 269 и 610).

какъ слышно было въ свое время, пользовался его совѣтами и говорилъ нѣкоторымъ, что имена о. Ѳеодора и о. Леонида постоянно были на устахъ о. Евдокима и что онъ всегда вспоминалъ о нихъ съ благодарностію и глубочайшимъ уваженіемъ.

Слава о старцахъ болѣе и болѣе распространялась. Вмѣстѣ съ о. Евдокимомъ и по его примѣру еще болѣе братіи стало приходить къ нимъ. Посѣтители монастыря всѣхъ сословій также стекались къ келліи старцевъ, чтобы воспользоваться ихъ благоразумными совѣтами. Но вотъ горе, – это руководство старцевъ-подвижниковъ въ самомъ Валаамскомъ монастырѣ было еще новостію и не всѣ могли понимать, какъ бы слѣдовало, ученіе ихъ, въ особенности же ихъ сокровенную высокую жизнь. Потому, въ то самое время, какъ одни, получавшіе отъ ихъ совѣтовъ и наставленій великую духовную пользу, относились къ нимъ съ уваженіемъ и благоговѣніемъ, – другіе, даже изъ благомыслящихъ подвижниковъ Валаамскихъ, смотрѣли на жительство старцевъ съ недоумѣніемъ.

Одновременно съ старцами-наставниками жилъ въ томъ же Валаамскомъ скиту іеромонахъ Варлаамъ (бывшій впослѣдствіи Валаамскимъ игуменомъ). Великій любитель безмолвія, онъ недоумѣвалъ, какъ эти старцы проводили цѣлые дни въ многочислѣ, бесѣдуя съ приходившими къ нимъ ради совѣтовъ духовныхъ, и пребывали несмущенными. Однажды онъ обратился къ старцу Ѳеодору съ такими словами: «Батюшка! Я блазнюсь на васъ, – какъ это вы по цѣлымъ днямъ пребываете въ молвѣ и бесѣдахъ со внѣшними (съ мірскими по-

Игуменъ Варлаамъ

сѣтителами), – какво есть дѣло сіе?» – «Экой ты, братецъ, чудакъ! – отвѣтилъ Старець, – да я изъ любви къ ближнему два дня пробесѣдую съ нимъ на пользу душевную и пребуду несмущеннымъ». Изъ этого отвѣта извѣстнаго уже своими подвигами и благодатными дарованіями Старца, о. Варлаамъ вразумился навсегда познавать различіе путей «смотрительныхъ отъ общихъ», т. е. путей особенныхъ, которыми ведетъ Промыслъ Божій избранниковъ Своихъ, – отъ путей общихъ, по которымъ шествуютъ всѣ православные христіане, жаждущіе душевнаго спасенія⁹. Находились, наконецъ, еще и такіе люди, въ сердцахъ которыхъ возбуждалось противъ старцевъ-наставниковъ и неудовольствіе, которое отчасти происходило отъ немощи человѣческаго сердца, отчасти же отъ навѣтовъ злокозненнаго врага діавола. Ибо, по ученію преп. аввы Дорофея, «не только самое наставленіе ненавидитъ лукавый, но даже и самага голоса, произносящаго оное, не можетъ слышать; даже ненавидитъ и самый голосъ

⁹ Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говорить: «Поистинѣ великое дѣло благодушно и мужественно подвизаться въ безмолвіи... Но безъ сравненія большее дѣло – не бояться внѣшнихъ молвъ, а средь шума ихъ сохранять неподвижное и небызненное сердце и, съ человѣками обращаясь по внѣшности, внутренно пребывать съ Богомъ» (Слово къ пастырю... Гл. 9). Впрочемъ, сей мѣры возраста духовнаго достигаютъ немногіе и непросто, а получаютъ ее какъ воздаяніе за многіе труды, наипаче же за смиреніе. И тогда-то, будучи промыслительно вызваны на подвигъ служенія ближнимъ, могутъ приносить имъ великую духовную пользу, сами не вредясь нисколько отъ соображенія съ другими. Таковы и были приснопамятные старцы о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ, – присовокупимъ къ сему – и преемники о. Леонида, Оптинскіе старцы, о. Макарій и о. Амвросій.

наставленія, т. е. то самое, когда говорятъ что-либо, служащее къ наставленію»¹⁰.

Упомянуто объ о. Евдокимѣ, что онъ считался при-
снымъ ученикомъ тогдашняго Валаамскаго настоятеля
о. Иннокентія. Когда же о. Евдокимъ, а за нимъ и другіе
братія обратились къ старцамъ за наставленіями, о. игу-
мень увидѣлъ себя какъ бы оставленнымъ отъ предан-
нѣйшаго ему человѣка и счелъ себя какъ бы презира-
емымъ отъ братій, полагая, вѣроятно, что настоятель
долженъ быть единственнымъ духовнымъ руководи-
телемъ въ обители.

Въ древнее простое время большею частію такъ и
было. Но въ наше связанное формальностію время
самому настоятелю, безъ помощи опытныхъ духовни-
ковъ и старцевъ, неудобно принимать на себя духовное
окормленіе братіи. Это сознавалъ еще и въ давнее время
одинъ изъ величайшихъ наставниковъ монашества, пре-
подобный и духоносный отецъ Ѳеодоръ Студійскій¹¹.
Но не съ такими мыслями и чувствами смотрѣлъ о. Ин-
нокентій на о. Ѳеодора и о. Леонида. Ихъ отеческая ко
всѣмъ любовь, общительность и свобода обращенія
представлялись ему непокорностію настоятелю и вмѣ-
шательствомъ въ его управленіе. Ихъ ученіе казалось
какимъ-то страннымъ нововведеніемъ. Неудовольствіе
его противъ старцевъ еще болѣе усилилось, когда ми-

¹⁰ Преп. отца нашего аввы Дороева душеполезныя поученія и по-
сланія. Изданіе Оптиной Пустыни. Поученіе 5-е. О томъ, что не должно
полагаться на свой разумъ.

¹¹ Свидѣтельство о семь преп. Ѳеодора Студита можно читать въ
слѣдующей III главѣ сего жизнеописанія, гдѣ онъ отдѣляетъ старца-
затворника отъ настоятеля.

нистръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, прїѣхавши на Валаамъ, все время своего пребыванія тамъ провель въ келліи старцевъ; даже велѣлъ приготовить себѣ у нихъ чай и пригласить туда изъ монастыря настоятеля.

Наконецъ о. игумень рѣшился жаловаться митрополиту Новгородскому и Петербургскому Амвросію на старцевъ-пришельцевъ, возмущившихъ, по его мнѣнію, миръ обители. Митрополитъ зналъ Валаамскаго настоятеля съ хорошей стороны, какъ человѣка честнаго и трудолюбиваго подвижника, а противъ старцевъ былъ предубѣжденъ и готовъ былъ уже осудить ихъ. Стали поговаривать, что о. Ѳеодора, какъ не русскаго, а молдавскаго постриженника и въ Россіи просто карачевскаго мѣщанина, хотятъ выслать изъ обители и обратить въ первобытное состояніе; что и о. Леониду не миновать бѣды. Однако митрополитъ поручилъ изслѣдовать это дѣло благочинному надъ монастырями, Коневскому строителю о. Иларіону (бывшему впослѣдствіи тихвинскимъ архимандритомъ).

Въ февралѣ 1817 г. о. Иларіонъ прибылъ въ Валаамскій монастырь и допрашивалъ о. Ѳеодора съ его сподвижниками, предложивъ имъ до тридцати письменныхъ вопросовъ. Съ удивленіемъ прочиталъ о. Иларіонъ ихъ отвѣты и послѣ всегда говаривалъ, что ему нигдѣ не приходилось вычитать то, что высказали ему въ своихъ отвѣтахъ простые старцы. Святое ихъ буйство оказалось выше мудрости человѣческой. Отецъ Иларіонъ всячески старался примирить о. игумена съ старцами. Онъ дѣйствовалъ такъ отчасти по сознанію истины и чувству справедливости, отчасти же, можетъ быть,

и потому, что вмѣстѣ съ нимъ присланъ былъ на Валаамъ со стороны министра духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, довѣренный человѣкъ, нѣкто А. Н. Никольскій, для дознанія о возникшемъ дѣлѣ и для защиты старцевъ. Между тѣмъ преданными имъ лицами доведено было о затруднительномъ ихъ положеніи до свѣдѣнія двухъ петербургскихъ архимандритовъ, впослѣдствіи великихъ святителей, Филарета, митрополита Московскаго, и Иннокентія, епископа Пензенскаго.

Эти христіанскіе философы, знавшіе нѣсколько о. Леонида, приняли участіе въ старцахъ, заступились за нихъ, и слова ихъ подѣйствовали на митрополита Амвросія. Къ этому времени пришло еще и донесеніе отъ о. Иларіона о невинности старцевъ. Митрополитъ съ огорченіемъ увидѣлъ, что онъ едва не сдѣлалъ большую несправедливость. Игумень Иннокентій вызванъ былъ къ Владыкѣ и встрѣченъ грознымъ и безцеремоннымъ вопросомъ: «Что ты, старый..., со мною было сдѣлалъ? По твоей милости я чуть было не осудилъ людей, лучшихъ насъ съ тобой». Игумену вѣрно было всячески покоить старцевъ въ своей обители съ угрозою, что, въ случаѣ ихъ жалобы, онъ будетъ смѣненъ. Старцамъ же передано было, чтобы они были увѣрены въ защитѣ высшаго начальства. Но это несогласно было съ понятіемъ смиренномудрыхъ подвижниковъ о монашествѣ. Они никакъ не могли и не хотѣли согласиться какъ бы то ни было преимуществовать предъ настоятелемъ, волю котораго каждый истинный монахъ считаетъ за выраженіе воли Божіей и потому скорѣе согласенъ терпѣть отъ него скорби, нежели возвышаться надъ нимъ.

А кромѣ того, зная хорошо сердце человѣческое, старцы не надѣялись, чтобы настоятель совершенно умиротворился по отношенію къ нимъ. Вслѣдствіе чего они признали за лучшее оставить Валаамъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ по одному этому случаю считать о. игумена Иннокентія человѣкомъ недоброжелательнымъ, ибо онъ оставилъ по себѣ добрую память. Если же и случилось съ нимъ описанное искушеніе, то, какъ всякій можетъ видѣть, оно было слѣдствіемъ его недоразумѣнія.

Незадолго передъ выходомъ изъ Валаамскаго скита о. Леонидъ былъ въ С.-Петербургѣ и явился къ митрополиту Амвросію, вѣроятно, для личнаго объясненія о постигшемъ его съ о. Ѳеодоромъ искушеніи, а вмѣстѣ и съ просьбою о дозволеніи имъ перемѣнить мѣсто жительства.

Въ это время онъ имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоею полковницею, Акилиною Ивановною Черкасковою, которая, будучи вдовою, жила вдвоемъ съ своею больною дочерью, Любовью Николаевною. Этой Акилинѣ Ивановнѣ о. Леонидъ оказалъ великую помощь. Къ свѣдѣнію примемъ, что въ Александро-Невской Лаврѣ жилъ одинъ изъ учениковъ о. Леонида, монахъ Іоанникій, который проходилъ послушаніе свѣчника. Вдова полковница, похоронивши мужа своего въ Лаврѣ, обратилась къ сему о. Іоанникію съ просьбой, гдѣ бы онъ посоветовалъ ей нанять квартиру поближе къ монастырю, чтобы удобнѣе было ходить въ храмъ Божій и на могилу мужа своего. По его указанію квартира скоро нашлась. Въ саду у одного приходскаго діакона стоялъ особый флигелекъ, куда она, послѣ обычныхъ пред-

варительныхъ условій съ хозяиномъ, и перебралась. Между тѣмъ она сильно тосковала по своему сожителю, такъ что желала бы хоть тѣнь его видѣть. Къ удивленію скорбѣвшей супруги, желаніе ея не осталось тщетнымъ. Она не только могла видѣть своего покойнаго мужа, но даже и разговаривать съ нимъ. Какъ разъ къ этому времени прибылъ въ Петербургъ о. Леонидъ. Узнавши отъ о. Іоанникія о прелестномъ состояніи Черкасовой, онъ сумѣлъ, при помощи Божіей, раскрыть заблужденіе ея и возстановить въ ней правую вѣру относительно душъ отшедшихъ отъ міра сего людей; и мечтаніе тотчасъ исчезло.

Слѣдующій случай съ тою же Черкасовой показываетъ, какъ свѣтель былъ взглядъ о. Леонида и глубоко пониманіе имъ жизненныхъ обстоятельствъ. Живши съ мужемъ, Черкасова не занималась хозяйствомъ, такъ что и понятія о немъ не имѣла. Вслѣдствіе сего, оставшись вдовой, она вскорѣ все нажитое мужемъ состояніе прожила. Тогда она начала закладывать въ банкъ свои драгоценности. Билетовъ закладныхъ набралась порядочная пачка, о чемъ она сама неоднократно рассказывала, что и о. Іоанникій подтверждалъ какъ очевидецъ. «Когда батюшка о. Леонидъ съ о. Іоанникіемъ, – такъ говаривала Черкасова, – посѣтилъ насъ, я безсознательно вынула изъ комода эти билеты и положила передъ нимъ, не сказавъ ни слова, а онъ молча пододвинулъ ихъ къ себѣ ближе и началъ разбирать. Потомъ и опустилъ свою голову¹². Мы перепугались, думая, ужъ не

¹² Думается, что о. Леонидъ углублялся въ умную молитву.

сдѣлалось ли что съ батюшкой. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ простоналъ: „Ахъ, бѣдная! Ты должна заживо пропасть“. – „Что все это значить?“ – возразила я. – „А то, – отвѣчалъ батюшка, – что по этимъ билетамъ ты должна вносить проценты, а не будешь вносить, тогда будутъ нарастать проценты на проценты; затѣмъ всѣ твои вещи должны будутъ поступить въ продажу, а чего не достанетъ, ты обязана будешь доплачивать. Банкъ своего не уступить. И за малость посидишь въ долговомъ отдѣленіи или попросту въ тюрьмѣ“. – „Ахъ, батюшка, что же мнѣ дѣлать?“ – „А вотъ что“. Тутъ онъ отобралъ одинъ билетъ и сказалъ: „Надобно эту вещь выкупить и продать, а на вырученные деньги выкупить другую и также продать и т. д.“». Для этого дѣла пригодился расположившійся всѣмъ сердцемъ къ о. Леониду одинъ вольноотпущенный К. Салтыковой, Діомидъ Кондратьевъ. Онъ все это аккуратно выполнилъ, такъ что Черкасова вскорѣ освободилась отъ процентовъ, а затѣмъ ей скоро пришлось получить и пенсіи за себя и за больную дочь, какъ воспитанницу Смольнаго института. И такимъ образомъ находившаяся въ крайности полковница была избавлена отъ великой ожидавшей ее бѣды.

А еще случай съ тою же госпожею уже указываетъ на благодатный даръ прозорливости въ о. Леонидѣ. У упомянутаго діакона освободилась на дворѣ квартира. Онъ и сталъ предлагать Черкасовой, чтобы она изъ находившагося въ саду флигеля перебралась къ нему на дворъ. Но она отказалась, сказавъ, что ей и здѣсь хорошо. Не прошло послѣ того и четверти часа, какъ

является къ ней о. Леонидъ въ сопровожденіи о. Іоаннікія. Хозяйка квартиры передала имъ предложеніе о. діакона. На это о. Леонидъ и говоритъ: «А я за тѣмъ и пришелъ къ тебѣ. Сейчасъ перебирайся на новую квартиру. Позвать о. діакона!» Черкасова просила было отложить это дѣло хоть до завтра, но о. Леонидъ настойчиво сказалъ: «Нѣтъ, сейчасъ же перебирайся или никогда». Съ приглашеннымъ о. діакономъ немедленно согласились. Взяли рабочихъ, которые и перенесли вещи изъ садовой квартиры въ новую, на дворѣ; а хозяинъ заперъ во флигелѣ ставни и двери.

Но вотъ утромъ приходитъ о. діаконъ къ Черкасовымъ и говоритъ: «Откуда это Богъ послалъ вамъ Ангела-хранителя?» – «А что такое?» – возражаютъ ему. – «Да если бы вы остались на ночь въ старой квартирѣ, – продолжалъ діаконъ, – не быть бы вамъ живыми. Тамъ, оказалось, дверь и ставни въ окнѣ спальни сломаны, и потому васъ непременно бы убили». Вскорости сдѣлалось извѣстнымъ, что во главѣ злоумышленниковъ былъ прежній добрый слуга Черкасовыхъ; ибо всѣ они пойманы были въ другомъ мѣстѣ въ подобномъ дѣлѣ и при допросѣ сами признались въ своемъ зломъ умыслѣ. А предводитель ихъ при поимкѣ и жизни лишился отъ нанесеннаго ему тяжелаго удара. Но это еще не было извѣстно. При свиданіи же и разговорѣ Черкасовой съ о. Леонидомъ коснулась рѣчь хорошаго и вѣрнаго когда-то ихъ слуги. О. Леонидъ промолвилъ: «Э! поминай, какъ звали». – «Но вѣдь онъ еще живъ?» – спросила Акилина Ивановна. – «Нѣтъ, уже кровь пріяла судъ; остается молиться за него». – Черезъ нѣсколько дней

жена покойника при личном свиданіи съ Черкасовыми подробно все описанное рассказала¹³.

Закончивъ въ Петербургѣ всѣ нужныя дѣла, о. Леонидъ, вскорѣ по возвращеніи изъ столицы вмѣстѣ съ о. Ѳеодоромъ перемѣстились въ Александро-Свирскій монастырь, считая себя отребіемъ міра и недостойными мирнаго и постоянного пребыванія на землѣ. Это было въ іюнѣ 1817 г. Сожитель же ихъ и сподвижникъ о. Клеопа скончался немного раньше, именно 19 мая 1816 г.

Какъ подвизались старцы на новомъ мѣстѣ своего жительства, свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что въ послѣдній годъ жизни старца о. Ѳеодора, скончавшагося черезъ пять лѣтъ по переходѣ въ эту обитель, о. Леонидъ, по свидѣтельству самого Старца, преуспѣлъ въ иноческомъ житіи болѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы своего монашества. И замѣчательно, что о. Ѳеодоръ, бывши старцемъ-наставникомъ о. Леонида, въ то же время имѣлъ его своимъ духовникомъ и другомъ духовнымъ. Опасаясь, какъ бы о. Леонидъ какъ ученикъ не сталъ дѣйствовать въ отношеніи къ своему старцу по пристрастію снисходительно, о. Ѳеодоръ, приступая къ исповѣди, скажетъ, бывало, иногда: «Ну, Леонидъ, смотри, чтобы не щадить». И если о. Леонидъ дѣлалъ своему Старцу какое-либо замѣчаніе, оно всегда принималось имъ съ любовію и благодарностію.

¹³ Эти мать съ дочерью, Черкасовы, по переходѣ старца о. Леонида въ Оптину Пустынь, пріехали къ нему изъ Петербурга и, при его содѣйствіи определены были въ Калужскій женскій монастырь, гдѣ нѣсколько времени жили и скончались.

Ко времени пребыванія старцевъ въ Александро-Свирскомъ монастырѣ относится весьма любопытный разсказъ о посѣщеніи этой обители Императоромъ Александромъ I. Разсказъ, изъ котораго видно, что слава объ ихъ подвижнической богоугодной жизни слѣдовала за ними повсюду, хотя бы они не желали сего.

Въ 1820 г. Государь объѣзжалъ сѣверныя свои владѣнія. Путь его пролегалъ вблизи Александро-Свирскаго монастыря. Жившіе тамъ старцы, о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ, почтительно предложили своему настоятелю, о. архимандриту, приготовиться къ встрѣчѣ Государя, хотя въ маршрутѣ монастырь этотъ не былъ означенъ. Отецъ настоятель принялъ это предложеніе, и въ часы, назначенные для проѣзда Императора, ожидалъ его у воротъ. Между тѣмъ Государь на пути, по своему обыкновенію, разспрашивалъ о мѣстности и ея жителяхъ у ямщиковъ, иногда самъ, а иногда черезъ кучера Илью, неизмѣннаго своего возницу. Приближаясь къ дорогѣ, гдѣ поставленъ былъ крестъ въ знакъ близости монастыря и для указанія къ нему пути, Государь спросилъ: «Что это за крестъ?» Узнавъ же, что недалеко Свирскій монастырь, онъ велѣлъ туда ѣхать. При этомъ онъ началъ разспрашивать, каково въ монастырѣ и каковы братія. Ямщикъ, нерѣдко туда ходившій, отвѣчалъ, что нынѣ стало лучше прежняго. «Отъ чего?» – спросилъ Государь. – «Недавно поселились тамъ старцы, о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ; теперь и на клиросѣ поютъ получше¹⁴, и во всемъ какъ будто болѣе порядка».

¹⁴ Отецъ Ѳеодоръ былъ превосходный пѣвецъ и знатокъ церковнаго клироснаго чина.

Государь, слыхавшій отъ кн. Голицына эти имена, пожелалъ со старцами познакомиться. Между тѣмъ ожидавшіе Царя-посѣтителя испытанные скорбями старцы сотворили между собою краткое совѣщаніе – какъ поступить, если Государю угодно будетъ обратиться на нихъ вниманіе. «Если изъ-за князя Голицына было намъ искушеніе, – сказалъ о. Ѳеодоръ, – то что будетъ изъ-за Государя? Потому, о. Леонидъ, не будь веле-рѣчивъ, а всячески помалчивай и не выставляйся».

Подѣзжая къ монастырскимъ воротамъ, высокій Посѣтитель удивился нечаянной встрѣчѣ настоятеля и тотчасъ спросилъ: «Развѣ ждали меня?» Отецъ архимандритъ не приписалъ себѣ одному такую готовность, а сказалъ, что по совѣту старцевъ вышелъ въ срѣтеніе возлюбленнаго Монарха. Вошедши въ церковь и приложившись къ мощамъ преп. Александра, при которыхъ гробовымъ былъ одинъ изъ старцевъ, Государь, по своему смиренію, пожелалъ принять благословеніе у іеромонаховъ съ приказаніемъ, чтобы не отнимали рукъ, когда онъ будетъ цѣловать ихъ. При этомъ онъ спросилъ: «А гдѣ здѣсь о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ?» Старцы нѣсколько выдались, но на всѣ вопросы Императора отвѣчали елико можно сдержанно и отрывисто. Государь, какъ видно, самъ это замѣтилъ и прекратилъ вопросы, считая, можетъ быть, и неумѣстнымъ предлагать ихъ въ храмѣ Божіемъ. Наконецъ, подошедши къ о. Ѳеодору, онъ просилъ у него благословенія. «Я монахъ непосвященный, – сказалъ смиренный старецъ, – я просто мужікъ». Государь вѣжливо отклонялся и поѣхалъ въ дальнѣйшій путь.

7-го апрѣля 1822 г., въ вечеръ Свѣтлаго пятка, о. Ѳеодоръ окончилъ многотрудное поприще земной своей жизни, испустивъ духъ на рукахъ любимаго своего ученика, а вмѣстѣ и духовнаго отца своего, о. Леонида. Вотъ въ какихъ умилительныхъ подробностяхъ описывается блаженную кончину Старца его жизнеописатель: «Еще за полгода до кончины постигла о. Ѳеодора тяжкая болѣзнь. – „Слава Богу, слава Богу! – повторялъ онъ въ минуты жестокихъ мученій своихъ, – и я вижу, наконецъ, берегъ житейскаго моря, по которому доселѣ, какъ утлая ладья, носилась душа моя напастей бурю“. – Насталъ вечеръ Свѣтлаго пятка. Лицо Старца просіяло; радостная улыбка оживила уста его. Печальные ученики, безмолвно окружавшіе смертный одръ его, забыли слезы и сѣтованія; съ благоговѣйнымъ трепетомъ и изумленіемъ смотрѣли они на блаженную кончину раба Господня. Архимандритъ Макарій напутствовалъ его Елеосвященіемъ и Пріобщеніемъ Св. Таинъ; и чистая, свѣтлая душа его отлетѣла въ горнія обители блаженной вѣчности».

Послѣ кончины старца о. Ѳеодора о. Леонидъ не желалъ оставаться въ Александрo-Свирскомъ монастырѣ какъ ради учениковъ своихъ, которые не могутъ еще понести молвы отъ большого стеченія народа въ обители, такъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, а имѣлъ намѣреніе съ учениками своими и единомысленными братьями перейти въ болѣе уединенное мѣсто. Вотъ какъ писалъ онъ объ этомъ іеромонаху П.: «Вы изволите писать, что въ нынѣшнія пребѣдныя времена, кажется, нужно собраться намъ всѣмъ воедино и выпросить у

какого-либо монахолюбиваго архимандрита куточекъ. Это ваше мнѣніе и мы одобряемъ... Да и батюшка нашъ, о. Ѳеодоръ, насчетъ соединенія, дабы намъ не разлучаться, но сожительствовать вкупѣ, неоднократно подтверждалъ. Особливо, когда даръ прозорливства передъ смертію получилъ, уговаривалъ отечески тако: отцы мои! Господа ради другъ отъ друга не разлучайтесь, поелику въ нынѣшнее пребѣдственное время мало найти можно, дабы съ кѣмъ по совѣсти и слово-то сказать. — Да вы теперь сіе и на опытѣ, яко въ зеркалѣ, видите. Но, къ сожалѣнію, за премногіе грѣхи мои, въ нашемъ союзѣ не находится нынѣ такого мужественнаго и достойнаго строителя, который бы могъ содержать Обитель и насъ окормлять по преданію свв. Отецъ и назидать благоразсмотрительно... Но собраться воедино, кажется, полезно для подкрѣпленія другъ друга».

Когда сдѣлалось извѣстнымъ желаніе о. Леонида оставить Свирскій монастырь, тогда его съ учениками стали приглашать въ разныя мѣста. Знаменитый въ то время Казанскій архіепископъ Амвросій Подобѣдовъ, слышавшій о старцѣ Леонидѣ отъ духовника своего, іеромонаха Іова (впослѣдствіи жившаго въ Оптиномъ скиту), изъявлялъ готовность принять его въ свою епархію. Кромѣ того, ему предлагали перейти въ Площанскую пустынь Орловской епархіи, и во вновь устроенный Скитъ при Оптиной Пустыни. Отъ перехода въ Казанскую епархію Старецъ отказался, а болѣе имѣлъ наклонность перейти въ Оптину Пустынь, куда его приглашали Калужскій архипастырь, преосвященный Филаретъ, Оптинскій игумень Даніиль и основатель

Скита о. Моисей съ скитскими старцами. «Наши сердца, – писалъ онъ, – наклонность туда имѣють, поелику я тамъ начало полагалъ и здоровье потерялъ. И нашъ прежній любитель и благодѣтель, преосвященный Филаретъ, яко монахолюбивая душа, того желаетъ».

Съ желаніемъ старца о. Леонида согласны были и приближенные его ученики. Одинъ изъ нихъ, вышеупомянутый Гавріиль, остававшійся въ Валаамскомъ монастырѣ, въ 1823 г. первый переселился въ Оптинскій Скитъ.

Въ томъ же году 17-го августа посѣтилъ Оптину Пустынь Калужскій владыка, епископъ Филаретъ, и утвердительно сказалъ Оптинскимъ старцамъ, что онъ чувствуетъ, что о. Леонидъ непременно будетъ въ Оптиной Пустыни или вообще въ его епархіи. И предсказаніе Владыки дѣйствительно исполнилось, только не скоро.

Пять лѣтъ удерживали о. Леонида въ Александровскомъ монастырѣ, несмотря на его усиленные просьбы отпустить; даже не отпускали въ Кіевъ на богомолье. Но въ этомъ несогласіи начальства съ желаніемъ просителя послѣдній усматривалъ, что еще не было воли Божіей на переходъ его въ другое мѣсто. А многіе изъ посѣтителей Свирской обители были весьма рады, что Старецъ тамъ оставался, потому что жаждали слышать отъ него слово назиданія. Впрочемъ, эта привязанность къ нему народа не могла бы тамъ удержать его. – «Ей, ничего такъ не жаль здѣсь намъ оставить, – писалъ онъ, – какъ только останки прелюбезнѣйшаго нашего благодѣтеля, достоуважаемаго

батюшки о. Θεодора. Однако и о семь да будетъ воля нашего Создателя и Искупителя! Мы мыслимъ и судимъ, яко человѣцы, да и человѣцы еще плотстїи. А премилосердый Господь вся вѣсть, еще и несодѣянное наше»... «Гдѣ воспослѣдуетъ воля Божїя, – писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, – тамъ никакія пресильныя препятствїя не преодолеваютъ». Эта вѣра старца Леонида оправдалась самымъ дѣломъ. Пять лѣтъ, какъ сказано, его насильно удерживали въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, а въ началѣ шестого года Господь такъ устроилъ, что его уволили оттуда безъ всякаго затрудненїя.

По выходѣ изъ Александро-Свирскаго монастыря о. Леонидъ предварительно направилъ путь свой въ Кїевъ для поклоненїя святымъ мощамъ угодниковъ Божїихъ. Тамъ, во время его пребыванїя, случилось непрїятное происшествїе. Въ дальнихъ пещерахъ, гдѣ нѣсколько разъ Старецъ слушалъ раннюю Божественную литургїю, одинъ раскольникъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, похитилъ руку отъ мощей преподобнаго Венїамина. Начались розыски. И такъ какъ пещерники замѣтили въ числѣ богомольцевъ о. Леонида, то прямо къ нему и отнесли съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ на кого подозрѣнїя. Старецъ описалъ примѣты одного, по его мнѣнїю, подозрительнаго человѣка и то, когда онъ ходилъ въ пещеры. Похититель и святыня были, такимъ образомъ, отысканы, а о. Леониду отъ всѣхъ было большое спасибо.

Возвращаясь изъ Кїева, старецъ о. Леонидъ, не смотря на то, что высказывалъ въ свое время желанїе

Общій видъ Козельской Введенской Оптиной Пустыни
съ запада. Гравюра. 1831 г.

помѣститься въ Козельской Введенской Оптиной Пустыни, не прямо, однако, туда направился, а сначала прибылъ въ Богородицкую Площанскую пустынь Орловской епархіи. Это было 6-го октября 1828 года. Приѣздъ этотъ старца Леонида въ Площанскую пустынь, какъ можно видѣть изъ жизнеописанія Оптинскаго старца о. Макарія, былъ не простою случайностью, а устроился по особенному Промышленію Божію. Въ обители этой давно подвизался добрымъ подвигомъ сейчасъ упомянутый іеромонахъ Макарій (Ивановъ), который незадолго предъ тѣмъ лишился своего старца и духовнаго наставника, схимонаха Аѳанасія. Скорбя о своемъ духовномъ сиротствѣ, о. Макарій усиленно началъ молиться, чтобы Господь послалъ ему наставника съ даромъ духовнаго разсужденія. Прибытіе о. Леонида въ Площанскую пустынь и было отвѣтомъ на эту молитву. И о. Макарій несказанно радъ былъ Старцу. Впрочемъ, не менѣе радъ былъ и старецъ Леонидъ встрѣтить въ о. Макарії столь даровитаго инока, такъ хорошо подготовленнаго къ высокимъ подвигамъ иноческой жизни. Безъ сомнѣнія, это духовное сближеніе, а вмѣстѣ и крайняя нужда о. Макарія, который еще требовалъ для себя вождя духовнаго, и были причиною того, что о. Леонидъ рѣшился, хотя, можетъ быть, временно, остаться на жительство въ Площанской пустыни. Пламенно любившій свою святую обитель, о. Макарій по обычаю восхвалялъ ее и многимъ желавшимъ поступить въ монастырь совѣтовалъ тутъ оставаться. Но о. Леонидъ, которому по благодати Божіей открыто было будущее Площанской пустыни, всегда говаривалъ

о. Макарію: «Погоди-ка, погоди! Вотъ будетъ тебѣ Площанскъ; ой, будетъ, аль-ни голову почешешь». Слова эти старца Леонида вскорѣ стали исполняться на дѣлѣ. По невѣдомымъ судьбамъ Промысла Божія попущены были въ обители нѣкоторыя нестроенія и разладъ въ иноческой жизни, такъ что старецъ Леонидъ могъ прожить въ Площанской пустыни только полгода и, по прошествіи зимы, въ апрѣлѣ 1829 г., перешелъ наконецъ въ Оптину Пустынь.

Глава III

О старчествѣ

Переходъ старца о. Леонида въ Оптину Пустынь весьма замѣчателенъ тѣмъ, что имъ введено и упрочено было въ этой обители такъ называемое старчество. И такъ какъ этотъ, основанный на евангельскомъ, апостольскомъ и святоотеческомъ ученіи, образъ монашескаго житія въ наше время мало извѣстенъ, хотя въ послѣднее время и немало писали о немъ, то, прежде чѣмъ продолжать разсказъ о жизни старца о. Леонида, желательно сказать нѣсколько словъ о старчествѣ. Не новое, впрочемъ, что-либо имѣется въ виду говорить объ этомъ предметѣ, а уже давно высказанное покойнымъ Оптинскимъ же старцемъ іеросхимонахомъ Амвросіемъ и напечатанное въ прежнихъ изданіяхъ жизнеописанія старца о. Леонида. Къ сему дерзаемъ прибавить только нѣчто малое, можетъ быть, нелишнее для уясненія предмета¹⁵.

¹⁵ Приведенныя въ свое время старцемъ Амвросіемъ выдержки изъ свв. отцовъ подвижниковъ на славянскомъ нарѣчїи теперь приведены для болѣе удобнаго пониманія на русскомъ и съ указаніемъ ихъ по русскому Добротолубію.

Старець, старцы ¹⁶ – это общеупотребительное въ монастыряхъ названіе старыхъ и старшихъ монаховъ, въ особенности же отличающихся строгостію иноческой жизни и по преимуществу могущихъ руководить другихъ въ жизни духовной.

Что такое старчество? – Старчество, если смотрѣть на него, такъ сказать, съ внѣшней стороны, есть не что иное, какъ монастырское установленіе или часть монастырскаго устава (гдѣ только, конечно, оно введено). Самое же дѣло или, выражаясь монастырскимъ языкомъ, «дѣланіе» или, наконецъ, старчество по внутреннему своему значенію, въ отношеніи къ старцу-наставнику, называется старческимъ окормленіемъ (отъ слова кормчій) или, ближе къ русскому нарѣчію, старческимъ руководствованіемъ, или просто старчествованіемъ. Въ отношеніи же къ руководимымъ его можно назвать старческимъ путемъ, которымъ старецъ-наставникъ ведетъ имѣющихъ къ нему духовное отношеніе къ совершенствованію въ жизни духовной. Старчество въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, т. е. какъ путь старческой, по опредѣленію блаженной памяти покойнаго Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія, состоитъ въ искренномъ духовномъ отношеніи и послушаніи духовныхъ дѣтей своему духовному отцу или старцу.

¹⁶ Нелишне замѣтить, что въ монастыряхъ нѣкоторыя славянскія слова получили право гражданства. Напримѣръ, дѣланіе – дѣло, работа, занятіе; окормлять – управлять, наставлять, руководствовать; прелесть – обманъ, такъ какъ впадшіе въ прелесть обыкновенно бываютъ обмануты лукавыми бѣсами.

Достоинство старчества:

а) Начало его – можно усматривать, во-первых, из того, что оно ведет свое начало отъ Безначальнаго. Мы видимъ въ Самомъ Единомъ Трѣипостасномъ Божествѣ безусловную покорность и послушаніе Сына Божія и Духа Святаго Вѣчному деньми (См. Дан. 7, 9). Напримѣръ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорить о Себѣ въ Св. Евангеліи отъ Іоанна: *Яко снідохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (6, 38); еще: *Мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаго Мя. И: о Себѣ не приідохъ, но есть истиненъ поспавый Мя* (7, 16, 28). И: *Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ* (15, 10). И у апостола Павла: *послушивъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8).

И объ Утѣшителѣ Духѣ Святомъ въ прощальной бесѣдѣ Своей съ учениками Господь Іисусъ Христосъ сказалъ, что Онъ не Самъ Собою придетъ, но *Егоже послетъ Отецъ* (Ін. 14, 26). А вслѣдствіе единой со Отцомъ власти и силы въ другомъ мѣстѣ говорить объ Утѣшителѣ: *Егоже Азъ пошлю вамъ*; и затѣмъ все-таки прибавляетъ: *отъ Отца* (Ін. 15, 26). И еще о Духѣ Святомъ: *Не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать* (Ін. 16, 13).

Изъ приведенныхъ мѣстъ Св. Писанія и изъ другихъ многихъ можно видѣть, что два Лица Святыя Троицы – Сынъ Божій и Духъ Святой, несмотря на то, что имѣють съ Богомъ Отцомъ единую сущность и равную силу и славу, находятся въ безусловной подчиненности Богу Отцу или, низводя эту подчиненность до понятій человѣческихъ, если не дерзко такъ выразиться, со-

стоять въ искреннемъ къ Нему отношеніи или просто въ послушаніи.

б) Всеобщность. – Во-вторыхъ, за достоинство старчества ручается его всеобщность. Какъ Единъ есть Творецъ всѣхъ тварей невидимыхъ и видимыхъ, и всѣ твари болѣе или менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ Божіихъ свойствъ, такъ естественно всѣмъ имъ долженъ быть присущъ, по подобію своего Творца, и общій законъ подчиненности низшихъ тварей высшимъ. Этого требуется и единство, и порядокъ всего мірозданія, какъ множество разнообразныхъ частей въ одной благоустроенной машинѣ. Такъ, мы знаемъ, что въ мірѣ ангельскомъ низшіе чины получаютъ вѣдѣніе о Недовѣдомомъ и Непостижимомъ и просвѣщеніе чрезъ высшихъ или старѣйшихъ чиновъ (св. Діонисій Ареопагитъ о Небесной іерархіи). Души отшедшихъ изъ сей жизни праведниковъ вмѣстѣ съ ангелами благодѣйствуютъ живущимъ на землѣ, вразумляя ихъ и способствуя къ богоугожденію.

Минуя іерархическую соподчиненность въ Церкви воинствующей, скажемъ, что подвизающіеся въ жизни сей временной внити въ животъ вѣчный руководствуются (и иначе нельзя) совѣтами и указаніями старѣйшихъ или опытныхъ въ жизни духовной старцевъ. Прибавимъ къ сему: всякое научное знаніе, искусство, художество и даже простое ремесло непременно требуютъ своихъ наставниковъ. Самое, наконецъ, зло подчиняется тому же закону. Искусившіеся въ порочной жизни бываютъ руководителями на пути порока еще неискусившихся.

Потому св. Григорій Синаить и говорить: «Невозможно кому-либо самому научиться художеству добродѣтелей, хотя нѣкоторые пользовались своимъ опытомъ, какъ учителемъ. Ибо самому по себѣ, а не по совѣту преуспѣвшихъ дѣйствовать – самомнѣніе наводитъ или, лучше, порождаетъ. Если Сынъ (Божій) ничего отъ Себя не творить, но, какъ научилъ Его Отецъ, такъ творить (Ср.: Ин. 5, 19, 10), и Духъ глаголати имать не отъ Себя (Ср.: Ин. 16, 13): то кто помыслить можетъ, что достигъ такой высоты добродѣтели, на коей не имѣть нужды въ чьемъ-либо тайноводствѣ? Безуміе паче, нежели добродѣтель, имѣющимъ, кажется, таковой въ самопрельщеніи»¹⁷.

в) Потребность старческаго окормленія. – Потребность и даже крайняя нужда старческаго окормленія въ отношеніи жизни духовной естественно вытекаетъ изъ самой поврежденной грѣхомъ природы человѣческой. Грѣхъ омрачилъ душевныя очи человѣка. О духовныхъ предметахъ онъ имѣетъ самыя смутныя представленія. Онъ и видя не видитъ, и слыша не слышитъ. Воспитанный среди мірскихъ грѣховныхъ обычаевъ и самъ пріобрѣтшій множество худыхъ навыковъ, онъ часто имѣетъ понятіе о религіи и нравственности самое поверхностное, а иногда совсѣмъ извращенное. Всѣ такіе люди, не исключая и такъ называемаго образованнаго класса, водятся обыкновенно одною внѣшностію. Сходить въ праздникъ въ церковь, поставить предъ иконою свѣчу, положить нѣсколько поклоновъ – вотъ и все дѣланіе ду-

¹⁷ Русское Добротолюбіе. Т. 5. Св. Григорія Синаита главы о молитвѣ и безмолвіи. Гл. 15. С. 255.

ховное такихъ людей. А о томъ, что въ храмъ Божиємъ и вообще среди молитвы отъ *сердца* исходятъ *помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы* и вообще помышленія суетныя, т. е. о всемъ постороннемъ, нужномъ и ненужномъ, *скверняющая* внутренняго *человѣка* (Мѡ. 15, 19, 20), – объ этомъ и горя мало. Часто таковыя помышленія и за грѣхъ не считаются. Между прочимъ, въ этомъ-то и заключается самая суть зла и грѣха. А въ наше ужасное время, прибавимъ къ сему, разливается уже и совершенное невѣріе въ Бога, въ Промыслъ Божій и во все святое.

Худыя помышленія – корни худыхъ поступковъ. Поэтому преп. авва Дорофей и говоритъ: «Если ты будешь похотствовать, хотя бы ты сегодня и не прелюбодѣйствовалъ, но похоть не перестанетъ внутренне смущать тебя, пока не вовлечетъ тебя и въ самое дѣйствіе. Если ты гнѣваешься и раздражаешься на брата своего, то когда-нибудь впадешь и въ злословіе; (потомъ) начнешь и коварствовать (противъ него) и, такимъ образомъ, малопомалу идя впередъ, дойдешь, наконецъ, и до убійства»¹⁸. Потому и Господь говорилъ фарисеямъ: *фарисее слѣпый, очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда* (Мѡ. 23, 26). И черезъ пророка: *отимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима* (Ис. 1, 16).

Затѣмъ еще большее затрудненіе. При слѣпотѣ нашей душевной и путь-то, которымъ мы должны слѣдовать къ горнему нашему отечеству, по словамъ Самого Господа, *тъсный* (Мѡ. 7, 14), пролегающій посреди

¹⁸ Преп. аввы Дорофея поученіе 1-е.

ужасныхъ стремнинъ и пропастей. И потому требуется съ нашей стороны большая внимательность и осторожность, чтобы идти этимъ опаснымъ путемъ. И Св. Писаніе предостерегаетъ насъ въ семь случаѣ: да не уклонишия *ни на десно, ни на лѣво*, но путемъ царскимъ ходи (Втор. 5, 32; 17, 11). И Самъ Спаситель сказалъ: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи* (Лк. 9, 62). Наконецъ, по словамъ преп. Іоанна Лѣствичника, «мы имѣемъ враговъ лукавыхъ и злыхъ, коварныхъ, пронырливыхъ, держащихъ огонь въ рукахъ и желающихъ сжечь храмъ Божій тѣмъ самымъ пламенемъ, который въ немъ¹⁹, враговъ сильныхъ и никогда не спящихъ, невестественныхъ и невидимыхъ»²⁰.

г) Опасность для проходящихъ жизнь духовную безъ духовнаго окормленія. Потому и говоритъ тотъ же преподобный: «Прельстились²¹ тѣ, которые, возложивъ упованіе на самихъ себя, сочли, что не имѣютъ нужды ни въ какомъ путеводителѣ».

«Какъ не имѣющій путеводителя удобно заблуждается на своемъ пути, хотя бы и весьма былъ уменъ, такъ идущій самочинно путемъ иночества легко погибаетъ, хотя бы и всю мудрость міра сего зналъ»²².

«Кто идетъ (иноческимъ путемъ) самочинно, безъ евангельскаго разума и безъ всякаго наставленія, – гово-

¹⁹ Т. е. пламенемъ собственныхъ его страстей.

²⁰ Лѣствица. Москва, 2-е изд. С.-Введенской Оптиной Пустыни. Слово 1, отд. 24. С. 22.

²¹ Прельстились, т. е. обманулись. Лѣствица. Слово 1, отд. 7. С. 16.

²² Лѣствица. Слово 26, отд. 237. С. 265.

рить преп. Маркъ Подвижникъ, – тотъ много претыкается, впадаетъ во многія ямы и сѣти лукаваго, и во многія впадаетъ бѣды, и не знаетъ, какой конецъ получить. Ибо многіе прошли путь свой со многими трудами, подвижничествомъ и злостраданіями и многіе труды претерпѣли Бога ради; но самочиніе, неразсужденіе и то, что они не искали отъ ближняго наставленій, содѣлало таковыя труды ихъ тщетными»²³.

Причина же прелести самочинно живущихъ монаховъ, между прочимъ, есть то, что бѣсы всегда стараются показывать намъ свѣтъ тьмою, а тьму свѣтомъ, какъ сказано у св. апостола: *самъ сатана преобразуется во Ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14).

Духовное руководство – незаблудный путь. «Невозможно, – говоритъ Кассіанъ Римлянинъ, – впасть въ бѣсовскую прелесть тому, кто живетъ не по своему хотѣнію и разумѣнію, а по наставленію старцевъ. Не можетъ лукавый врагъ посмѣяться надъ неопытностію того, кто не привыкъ, по причинѣ ложнаго стыда, скрывать всѣ возникающія въ сердцѣ его помышленія»²⁴.

«Какъ корабль (говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ), имѣющій хорошаго кормчаго, при помощи Божіей безбѣдно входитъ въ пристань, такъ и душа, имѣя добраго пастыря, удобно восходитъ на небо, хотя и много грѣховъ нѣкогда сдѣлала»²⁵.

²³ Посланіе къ Николаю иноку. – Въ книгѣ преп. Марка Подвижника, изданной Оптиной Пустынью.

²⁴ Собесѣдованіе 2-е. О разсужденіи. Гл. 10.

²⁵ Лѣствица. Слово 26, отд. 236. С. 265.

д) Признаки искренняго духовнаго отношенія духовныхъ дѣтей къ старцамъ-наставникамъ. Преподобные Каллисть и Игнатій въ Добротолюбіи выставили пять признаковъ искренняго духовнаго отношенія духовныхъ дѣтей къ старцамъ-наставникамъ: 1) полная вѣра къ своему наставнику и предстоятелю; 2) истина – истинствовать предъ нимъ въ словѣ и дѣлѣ; 3) не исполнять ни въ чемъ своей воли, а стараться во всемъ отсѣкать оную, т. е. ничего не дѣлать по своему желанію и по своему разумѣнію, а всегда обо всемъ вопрошать и дѣлать по совѣту и волѣ наставника и предстоятеля; 4) отнюдь не прекословить и не спорить, такъ какъ прекословіе и спорливость бываютъ отъ разсужденія съ невѣріемъ и высокоумдіемъ и 5) совершенное и чистое исповѣданіе грѣховъ и таинъ сердечныхъ²⁶.

Поясняя сей послѣдній пунктъ, старецъ Амврсій говорить далѣе подробнѣе: «Духовное отношеніе требуетъ отъ руководимыхъ, кромѣ обычной исповѣди предъ Причащеніемъ Св. Таинъ (если, конечно, старецъ – іеромонахъ и духовникъ), и частаго по потребности исповѣданія старцу и духовному отцу не только дѣлъ и поступковъ, но и всѣхъ страстныхъ помышленій и движеній и таинъ сердечныхъ, какъ о семъ говорятъ Василій Великій въ Правилахъ, пространно изложенныхъ (вопр. 26), Симеонъ Новый Богословъ въ первой части Добротолюбія (гл. 122) и другіе святые Отцы».

е) Необходимость откровенія помысловъ. Исповѣданіе это или откровеніе уже потому необходимо, что,

²⁶ Добротолюбіе. Т. 5. Инокъ Каллиста и Игнатія наставленія для безмолвствующихъ. Гл. 15.

по словамъ преп. Іоанна Лѣствичника, «помыслы, не объявляемые духовному отцу, переходятъ въ дѣла»²⁷. А «объявленіе и открытіе предъ отцами злыхъ помышленій, – по словамъ преп. Кассіана Римлянина, – изсушаетъ оныя и ослабляетъ»²⁸.

Кого же, собственно, должно имѣть наставникомъ? «Впрочемъ (говоритъ св. Григорій Синаитъ) не всѣхъ вопрошать надо, но одного того, кому и другихъ управленіе ввѣрено, кто жизнію блистаетъ и кто, будучи бѣденъ, многихъ богатитъ, по Писанію (Ср.: 2 Кор. 6, 10). Многіе неопытные повредили многимъ неразумнымъ, за коихъ судъ пріимутъ по смерти. Ибо не всѣмъ принадлежитъ руководить и другихъ, но тѣмъ, коимъ дано божественное разсужденіе духовомъ, отличающее лучшее отъ худшаго мечемъ слова. Каждый имѣетъ свой разумъ и свое разсужденіе естественное, дѣятельное или научное, но не всѣ имѣютъ разсужденіе духовное. Почему Премудрый Сирахъ и говорить: *Мирствующи съ тобою да будутъ мнози, совѣтницы же твои единъ отъ тысящъ* (Сирах. 6, 6). Немалъ же трудъ найти руководителя незаблуднаго ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, ни въ разумѣніяхъ. Незаблуденъ ли кто, узрѣвается изъ того, если онъ имѣетъ свидѣтельство отъ Писанія и на дѣяніе и на разумѣніе, смиренномудрствуя въ томъ, о чемъ должно мудрствовать»²⁹.

²⁷ Лѣствица. Слово 26, отд. 207. С. 262.

²⁸ Писаніе преп. отца Іоанна Кассіана Римлянина въ русскомъ переводѣ, 1877. С. 191.

²⁹ Добротолюбіе. Св. Григорія Синаита. 5. О прелести и о другихъ предметахъ.

Должно искать и молить Бога, чтобы указаль незаблуднаго наставника. Многіе въ настоящее время, особенно изъ отвергающихъ путь духовнаго отношенія, въ оправданіе свое ссылаются на недостатокъ и оскудѣніе духовныхъ наставниковъ. Но св. Василій Великій говорить, что если кто усердно поищетъ добраго учителя, то и непременно найдетъ ³⁰. И св. Симеонъ Новый Богословъ учить: «Молитвами и слезами умоли Бога показать тебѣ человѣка, который бы могъ хорошо упасти тебя». И далѣе говорить: «Лучше называться ученикомъ ученика, а не жить самочинно и обирать безполезные плоды своей воли» ³¹.

Впрочемъ, если бы кто и по тщательномъ и усердномъ исканіи не могъ обрѣсти духовнаго наставника и руководителя, въ таковой нуждѣ старецъ о. Паисій Величковскій въ письмѣ къ іерею Димитрію предлагаетъ слѣдующій совѣтъ:

«Въ нынѣшнія тяжелыя времена, что достойно многого плача и рыданія при крайнемъ оскудѣніи таковыхъ наставниковъ, если бы какіе ревнители изъ иноковъ захотѣли таковымъ жительствою угождать Богу, то Самъ Богъ и божественное писаніе преподобныхъ оныхъ отцовъ, общежительныхъ наставниковъ, даже и доселѣ сохраненное Божиимъ Промысломъ, служить учителемъ и наставникомъ. Съ разсмотрѣніемъ внимая оному (писанію), какъ бы имъ самимъ, читающіе со страхомъ Божиимъ и разумѣніемъ могутъ отчасти, поспѣшествуе-

³⁰ Слово подвижническое.

³¹ 5-й томъ русскаго Добротолюбія. Гл. 33. Двѣнадцать словъ св. Симеона Новаго Богослова. Русск. пер., изд. Оптиной Пустыни.

мые Богомъ, и житію ихъ богоугодному быть подражателями, будучи окормляемы и вразумляемы своимъ отцомъ, о имени Христовомъ собравшимъ ихъ или ими единодушно выбраннымъ, не отъ себя, но отъ Св. Писанія и отъ того же ученія святыхъ Отцовъ на-учающимъ духовныхъ чадъ своихъ»³².

ж) Старецъ можетъ и не имѣть высокихъ духовныхъ дарованій. – Прибавимъ еще къ сему, что нѣтъ особен-ной нужды домогаться отыскивать старца-наставника съ высокими духовными дарованиями, свидѣтельство чему можно видѣть въ Лѣствицѣ³³. Тутъ только требует-ся чело-вѣкъ, искусившійся въ ратоборствѣ со страстями и невидимыми врагами, – почему описываемый здѣсь старецъ о. Леонидъ такъ высоко цѣнилъ это искусство или опытность въ жизни духовной и нерѣдко имѣлъ обыкновеніе говорить: «Искусство – половина свято-сти».

з) Значеніе духовнаго старца-наставника. – А какъ высоко значеніе духоноснаго старца-наставника, можно видѣть изъ словъ преп. Ѳеодора, игумена Студійскаго. Этотъ угодникъ Божій въ предсмертномъ своемъ завѣщаніи братьямъ касательно выбора и назначенія настоя-теля пишетъ такъ: «Во-первыхъ, оставляю вамъ (какъ наставника) господина и отца моего, и отца вашего, преподобнѣйшаго затворника и отца, и свѣтило, и учи-теля. Ибо онъ о Господѣ выше и меня, и васъ; и онъ –

³² Житіе и писаніе Паисія Величковскаго. Москва, изд. С.-Введен-ской Оптиной Пустыни, 1847. С. 248.

³³ Слово 4, отд. 112; слово 26, отд. 110 и слово къ пастырю. Гл. 8. С. 4.

наша глава, хотя и подчинилъ себя, живя безмолвно въ христоподражательномъ смиреніи. Его наставленіями и молитвами, вѣрую, спасетесь, если только окажете ему должную благопокорливость и послушаніе... А потомъ, – продолжаетъ тотъ же св. Отецъ, – кого общимъ избраніемъ боголѣпно поставите въ настоятели, по предварительному отеческому совѣту, и кого будетъ желать все братство, на избраніе того и я соизволяю»³⁴.

и) Важность духовнаго отношенія къ старцамъ. – Великая же важность духовнаго отношенія къ старцамъ добровольно подчинившихъ себя послушниковъ доказывается особенно двумя слѣдующими примѣрами. Преп. Ѳеодоръ Студитъ пишетъ: «Одинъ старецъ не разъ приказывалъ ученику своему исполнить нѣкоторое дѣло, но тотъ все отлагалъ. Недовольный симъ старецъ въ негодованіи наложилъ на ученика запрещеніе – не вкушать хлѣба, пока не исполнить порученнаго дѣла. Когда ученикъ пошелъ, чтобы исполнить повелѣніе, старецъ умеръ. Послѣ его смерти ученикъ желалъ получить разрѣшеніе отъ наложеннаго на него запрещенія. Но не нашлось никого въ пустынной мѣстности, кто бы рѣшился разрѣшить это недоумѣніе. Наконецъ ученикъ обратился съ своею просьбою къ Константинопольскому Патріарху Герману, который для разсмотрѣнія этого дѣла собралъ другихъ архіереевъ. Но ни Патріархъ, ни собравшійся соборъ не нашли возможнымъ разрѣшить епитимію старца, о которомъ даже неизвѣстно,

³⁴ См. преп. Ѳеодора Студійскаго огласительныя поученія въ русскомъ переводѣ. Москва, изд. С.-Введенской Оптиной Пустыни, 1872. С. 334.

имѣлъ ли онъ степень священства. Посему ученикъ до смерти принуждёнъ былъ питаться пищею изъ однихъ овощей»³⁵.

Въ Прологъ 15-го октября повѣствуется: «Въ скиту жилъ монахъ, который въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ послушливъ своему отцу; наконецъ, по зависти бѣсовской, отпалъ отъ послушанія и безъ всякой благословной причины ушелъ отъ старца, презрѣвъ и запрещеніе, ибо онъ имѣлъ отъ старца запрещеніе (епитимію) за непослушаніе. Пришедши въ Александрію, онъ былъ схваченъ и принуждаемъ тамошнимъ княземъ отречься отъ Христа, но остался непоколебимъ въ твердомъ исповѣданіи вѣры и за это былъ мученъ и преданъ смерти. Христіане того града взяли тѣло новаго мученика, положили въ раку и поставили оную въ святомъ храмѣ. Но въ каждую Литургію, когда діаконъ возглашалъ: „Елицы оглашенніи, изыдите“, – рака съ тѣломъ мученика, къ удивленію всѣхъ, невидимою силою выносилась на паперть, а по окончаніи Литургіи сама собою поставлялась опять въ храмѣ. Одинъ александрійскій вельможа молился о разрѣшеніи этого недоумѣнія. И ему открыто было въ видѣніи, что замученный монахъ былъ ученикъ такого-то старца и за непослушаніе былъ связанъ отъ него епитимією. Какъ мученикъ, онъ получилъ вѣнецъ мученической, а какъ связанный запрещеніемъ старца, не можетъ оставаться при совершеніи Божественной литургіи, пока связавшій не разрѣшитъ его.

³⁵ Преп. Ѳеодора Студійскаго огласительныя поученія въ русскомъ переводѣ. Поученіе 33.

Тогда же отысканъ былъ старецъ, который пришелъ въ Александрію и разрѣшилъ связаннаго отъ запрещенія. Съ того времени рака уже никогда не трогалась съ своего мѣста»³⁶.

к) Исторія старчества. – Въ заключеніе всего сказаннаго о старцествѣ, прослѣдимъ вкратцѣ исторію старчества въ монашескихъ обителяхъ отъ начала до нашего времени, при семъ имѣя въ виду собственно Оптину Пустынь.

Путь старческаго окормленія во всѣ вѣка христіанства признанъ всѣми великими пустынниками, отцами и учителями Церкви самымъ надежнымъ и удобнѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе были извѣстны въ Христовой Церкви. Старчество процвѣтало въ древнихъ египетскихъ и палестинскихъ киновіяхъ; вполнѣдствіи насаждено на Аѳонѣ, а съ Востока перенесено въ Россію. Но въ послѣдніе вѣка, при всеобщемъ упадкѣ вѣры и подвижничества, оно понемногу стало приходить въ забвеніе, такъ что многіе даже начали отвергать его. Уже во времена Нила Сорскаго старческой путь многимъ былъ ненавистенъ, а въ концѣ XVIII столѣтія и

³⁶ Желаящіе имѣть болѣе подробное понятіе о пути старчества да прочтутъ: Василия Великаго – слова о подвижничествѣ и правила, пространно и кратко изложенныя (часть 5); св. Іоанна Лѣствичника слово 4 и слово къ пастырю; преп. аввы Дорофея слово 5; преп. Ѳеодора Студита огласительныя слова (изданныя Оптиною Пустынью), въ особенности: 2, 4, 8, 9, 10, 12, 17, 26, 29, 46, 47 и 95; Симеона Новаго Богослова главы 15–19, 38–44 (въ 1-й части славянскаго Добротолюбія); преп. Кассіана Римлянина слово о разсужденіи и Ѳеодора Едесскаго главы 40–46 (въ 4-й части славян. Добротолюбія). Также могутъ прочитать сборникъ писемъ Оптинскаго Старца іеросхимонаха Макарія, особенно 4-ю часть – къ монахинямъ.

почти совсѣмъ сталъ неизвѣстенъ. Возстановленію въ Россіи этого основаннаго на ученіи свв. Отцовъ образа монашескаго житія много содѣйствовалъ знаменитый и великій старецъ, архимандритъ молдавскихъ монастырей Паисій Величковскій. Онъ съ великимъ трудомъ собралъ на Аѳонѣ и перевелъ съ греческаго языка на славянскій творенія аскетическихъ писателей, въ которыхъ содержится ученіе о монашескомъ житіи вообще и въ особенности о духовномъ отношеніи къ старцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Нямецкомъ и другихъ подчиненныхъ ему молдавскихъ монастыряхъ онъ показалъ и примѣненіе этого ученія къ дѣлу. Однимъ изъ учениковъ архимандрита Паисія схимонахомъ Θεодоромъ, прожившимъ въ Молдавіи около 20 лѣтъ, этотъ порядокъ монашеской жизни переданъ описываемому здѣсь іеросхимонаху о. Леониду, а о. Леонидъ, какъ сказано выше, ввелъ старчество въ Оптиной Пустыни. Продолжателями же сего руководствованія духовнаго были слѣдовавшіе по преемству старцы-наставники, – іеросхимонахи: Макарій, Амвросій, Анатолій, Іосифъ и игумень (впослѣдствіи схиархимандритъ) Варсонофій.

Глава IV

Водвореніе старца о. Леонида на скитской пасѣкъ. – Его отличительныя свойства, духовныя дарованія и наружный видъ

еперь будемъ продолжать разсказъ о жизни старца іеросхимонаха Льва.

Въ Оптиной Введенской Пустыни уже давно жили и подвизались два ангела во плоти – настоятель обители о. игумень Моисей (Путиловъ) и родной его братъ, начальникъ Скита іеромонахъ Антоній. Оба они, какъ положившіе основаніе своего иночества въ пустынныхъ Брянскихъ лѣсахъ, подъ руководствомъ строгихъ отшельниковъ, въ духѣ прежнихъ великихъ пустынножителей, пламенно желали ввести старчество въ родной имъ Оптиной обители, но сами не могли выполнить этого дѣла, такъ какъ озабочены были многосложными и многотрудными монастырскими дѣлами, а еще и потому, что, какъ уже замѣчено выше, соединеніе въ лицѣ начальника двухъ обязанностей, настоятельства и старчества, въ наше время весьма неудобно и даже невозможно.

Въ жизнеописаніи покойнаго Оптинскаго настоятеля архимандрита Моисея, бывшаго въ описываемое

Преп. Моисей.
Художникъ іером. Гавріиль (Спасскій).
1855 г.

нами время игуменомъ, высокочтимый авторъ сдѣлалъ такую замѣтку: «Смѣемъ думать, что онъ (игумень Моисей) и много, и усердно молился о семь Богу», т. е. о посланіи въ возобновляемую имъ обитель духовно-опытнаго старца. Этому предположенію смѣло можно придать силу действительности. Ибо если принять во вниманіе, что духовные мужи и во всѣхъ случаяхъ жизни обращаются съ усердною молитвою ко Господу, то въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ введеніе старчества въ обители, нельзя и сомнѣваться, что о. игумень Моисей, – прибавимъ только къ сему, вмѣстѣ съ братомъ своимъ скитоначальникомъ іеромонахомъ Антоніемъ, горячо молились Богу объ исполненіи ихъ пламеннаго желанія. И тѣмъ болѣе должно такъ думать, что они, какъ исполнители Заповѣдей Евангельскихъ, имѣли для сего прямую заповѣдь Спасителя: *Молитесь убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву Свою* (Мѡ. 9, 38).

Кромѣ того, о. игумень Моисей съ оптинскими старцами, какъ выше упомянуто, и приглашали о. Леонида въ только что устроенный Скитъ на жительство. И вотъ наконецъ, водимый Промысломъ Божиимъ, Старець прибылъ и принять былъ оптинцами съ великою радостію, какъ особенный даръ небесный. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли и шесть учениковъ его: монахъ Макарій (Грузиновъ) изъ петербургскихъ купцовъ, послушники вышеупомянутый Діомидъ (Кондратьевъ), постриженный въ болѣзни келейно въ схиму площадскимъ строителемъ Маркеллиномъ и потому до 1840 г. ходившій въ рясофоръ, Александръ Михай-

ловъ Сапожниковъ изъ солигалическихъ посадскихъ, Георгій Васильевъ изъ московскихъ купеческихъ дѣтей, Иванъ Николаевъ изъ московскихъ мѣщанъ и Павелъ Петровъ Тамбовцевъ, бѣлгородскій купеческій сынъ. Вскорѣ за ними поступилъ въ Скитъ подъ руководство старца о. Леонида инженерный офицеръ, Димитрій Александровичъ Брянчаниновъ (впослѣдствіи епископъ Игнатій)³⁷. Впрочемъ, онъ прожилъ здѣсь недолго.

Ко времени прибытія Старца въ Оптину Пустынь находящейся при ней Скитъ, по замѣчанію оптинскаго старожила, іеросхимонаха Игнатія³⁸, не былъ еще окончательно отстроенъ. Въ немъ все было бѣдно. Простая маленькая деревянная церковь посреди Скита во имя св. Пророка и Предтечи Господня Іоанна, съ очень скромнымъ иконостасомъ; при церкви тоже деревянная колокольная съ четырьмя малыми колоколами. Вокругъ церкви нѣсколько небольшихъ деревянныхъ неоштукатуренныхъ домиковъ, крытыхъ тесомъ. Ограды вокругъ Скита еще не было, а обнесенъ онъ былъ плетнемъ, и то не весь. Зато густой боръ съ елями и соснами громадныхъ размѣровъ, притомъ съ густою зарослью, окружалъ его со всѣхъ сторонъ какъ бы сплошною недосигаемою оградой. Съ сѣверной стороны Скита было отдѣлено мѣсто для пасѣки, гдѣ и поставленъ былъ тоже небольшой домикъ, который и предназначался соб-

³⁷ Скончался на покой въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, Костромской губ., 30 апрѣля 1867 г.

³⁸ Іеросхимонахъ Игнатій поступилъ въ Скитъ въ 1830 г. и, переведенный въ монастырь, скончался въ 1897 г. на 95-мъ году отъ роду.

Оптина Пустынь. Пасѣка

ственно для старца о. Леонида. Въ этомъ домикѣ онъ и помѣстился. А прибывшіе съ нимъ ученики, – какіе остались тутъ же при немъ для послуженія, а какіе размѣщены были въ самомъ Скиту. Цѣль же отдѣльнаго помѣщенія Старца отъ прочихъ скитскихъ братій, по согласію его самого и настоятеля обители съ скитоначальникомъ, была та, чтобы всѣ, желавшіе пользоваться духовными старческими совѣтами и наставленіями, монашествующіе и міряне обоихъ половъ, могли приходить къ нему во всякое время невозбранно. Ибо по установленію положившаго основаніе скиту преосвященнаго Калужскаго Филарета (впослѣдствіи митрополита Кіевскаго) входъ въ Скитъ женскому полу былъ возбраненъ, да и прочимъ посѣтителямъ пола мужескаго былъ ограниченъ, а, кстати, чтобы и безмолвіе скитянъ не нарушалось.

Немедленно, по водвореніи въ Оптиной Пустыни старца о. Леонида, настоятель о. игумень Моисей поручилъ его руководству всѣхъ жительствовавшихъ въ обители братіи со всѣми вновь поступившими въ монашество. Да и самъ онъ подчинился вліянію Старца. Ибо, по словамъ оптинскаго старожила, о. игумена Марка³⁹, «старецъ о. Леонидъ, какъ имѣвшій даръ прозорливости, вникалъ во все. Въ то время назначеніе послушаній, келлій и т. п., все дѣлалось, большею частію, по указанію Старца. Старецъ же рѣшалъ вопросъ о томъ, гдѣ жить новонаначальному, – въ монастырѣ или въ Скиту. Духовное общеніе отъ этого между

³⁹ Скончался 18 марта 1909 г.

Видъ Скита Св. Іоанна Предтечи

настоятелемъ и Старцемъ не страдало. Старецъ заправлялъ не только внутреннюю, духовную, но и внѣшнюю стороною братства обители».

Вышеупомянутые чудодѣйственные случаи, виновникомъ коихъ былъ описываемый старецъ о. Леонидъ, смѣло могутъ ручаться за то, что онъ теперь достигъ высокой мѣры духовнаго возраста и во всеоружіи духовной силы вышелъ на новое великое служеніе человечеству, къ которому призванъ былъ Промысломъ Божиимъ на новомъ и послѣднемъ мѣстѣ своего земного пребыванія – въ Оптиной Пустыни.

Предлагая вниманію читателей разсказъ о важнѣйшихъ событіяхъ жизни сего великаго раба Божія, хотѣлось бы вмѣстѣ съ внѣшнюю его дѣятельностію изобразить хоть въ нѣкоторыхъ главныхъ чертахъ и внутреннюю его жизнь. Но жизнь внутренняя мужей духовныхъ всегда остается тайною, извѣстною Единому Сердцевѣдцу Богу, и ни одинъ изъ нихъ не могъ или, вѣрнѣе сказать, не хотѣлъ высказаться вполне и открыть сокровище своей души. А внутренняя жизнь о. Леонида была особенно неуловима и, хотя онъ проводилъ дни свои открыто въ толпѣ народной, осталась тайною даже для ближайшихъ наблюдателей и присныхъ его учениковъ. Поэтому и намъ теперь приходится сказать объ отличительныхъ внутреннихъ свойствахъ описываемаго Старца и его духовныхъ дарованіяхъ лишь очень немного – насколько они отразились въ его внѣшней дѣятельности.

По ученію св. Іоанна Лѣствичника, «молитва есть пребываніе и соединеніе человека съ Богомъ... источ-

никъ добродѣтелей, виновница дарованій»⁴⁰. Съ этой царицы добродѣтелей мы и начнемъ, при помощи Божіей, по возможности излагать свойства старца о. Леонида. Онъ былъ великій молитвенникъ. Обращаясь по внѣшности съ людьми, онъ внутренно непрестанно пребывалъ съ Богомъ. Зрѣлище великихъ чело-вѣческихъ страстей и бѣдствій, которыхъ онъ былъ всегдашнимъ слушателемъ и въ которыхъ принималъ искреннее христіанское участіе, извлекало у него глубокіе вздохи и слезы, потрясая всю его внутренность. И тогда обращенный ко Господу вздохъ или взоръ къ иконѣ Божіей Матери, предъ которой у него теплилась неугасимая лампада, – сіи простые знаки сердечнаго чувства были выраженіемъ его духовной любви къ ближнимъ, а вмѣстѣ и молитвеннаго настроенія его души. Когда же посѣтителей было очень мало, Старець нерѣдко такъ углублялся во внутреннюю молитву, что не замѣчалъ происходившаго около него. Одинъ изъ приближенныхъ учениковъ о. Леонида рассказывалъ, что когда приходилось ему быть при немъ безъ народа, Старець, погруженный въ молитву, совсѣмъ забывалъ о немъ, не слыхалъ его объясненій и нѣсколько разъ заставлялъ повторять одно и то же⁴¹. – Ученикамъ же

⁴⁰ Лѣствица. Слово 28 о молитвѣ, отд. I. С. 287.

⁴¹ Подобный примѣръ можно видѣть изъ разсказа о преподобномъ Іоаннѣ Коловѣ: «Однажды хозяинъ верблюдовъ пришелъ къ аввѣ Іоанну, чтобы взять его корзины и увезти ихъ, куда слѣдовало по назначенію. Авва вошелъ въ келлію, чтобы вынести ему корзины и, взявъ одну корзину, забылся, потому что умъ его былъ восхищенъ къ Богу. Хозяинъ верблюдовъ опять побеспокоилъ его, постучавшись въ двери. Авва вышелъ къ нему, но, возвратясь въ келлію, опять забылся. Хозяинъ верблюдовъ постучался въ третій разъ. Авва вышелъ къ нему и, возвращаясь

своимъ запрещалъ не только браться за высокую умную молитву, но даже и говорить объ ней изъ опасенія, чтобъ кто изъ нихъ не повредился умомъ⁴².

Затѣмъ обратимъ вниманіе на три богословскія добродѣтели. Старецъ о. Леонидъ имѣлъ живую вѣру въ Промыслъ Божій, соединенную съ крѣпкою надеждою и преданностію волѣ Божіей. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни онъ съ упованіемъ взиралъ на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса. Такъ писалъ онъ въ послѣдствіи (1831 г.) къ одному лицу: «Архипастырь нашъ по наговорамъ нами недоволенъ. Но Архіерей грядущихъ благъ, Господь Богъ нашъ, болѣе сего знаетъ и слѣдственно можетъ болѣе нами управлять. И такъ паки реку о семъ: буди воля Господня!» ... «Вспомните, прелюбезнѣйшій, – писалъ онъ въ другой разъ приближенному своему ученику, – вспомните нашего всеобщаго батюшку о. Ѳеодора, какъ онъ всегда предавался волѣ всемогущаго Попечителя и Промыслителя. Да и не погрѣшилъ въ своемъ послѣдованіи, но достигъ благонадежнаго пристанища. И насъ съ тобою поручилъ всемогущему Промыслу. Онъ намъ всегда совѣтовалъ и увѣщавалъ полагаться на промыслъ нашего Икупителя и нелестнаго Попечителя. Милосердый же Господь исполняетъ и обращаетъ все въ Свою волю и на пользу нашу, хотя по видимому и противными намъ

въ келлію, твердилъ: „корзины – верблюды, корзины – верблюды“. Твердилъ онъ это, чтобы снова не забыться». (Отечникъ. Епископа Игнатія Брянчанинова. О преп. Іоаннѣ Коловѣ, отд. 43.)

⁴² Точно такъ же говорилъ объ Іисусовой молитвѣ и старецъ іеросхимонахъ Амвросій. – Смотри жизнеописаніе его, составленное архимандритомъ Агапитомъ. Часть 2-я.

средствами и послѣдствіями. Мы, при помощи премилосердаго Господа Бога, потерпимъ, да и посмотримъ...» Даже и печаль о заблудшихъ умѣрялась въ Старцѣ вѣрою въ Промыслъ Божій. Когда, какъ увидимъ ниже, бываль онъ стѣсненъ въ приѣмѣ посѣтителей, ему пріятно было нѣсколько успокоиться отъ трудовъ своихъ. Впрочемъ, ни о покоѣ своемъ, ни о славѣ своей онъ никогда не заботился, а жалѣлъ только и душевно соболѣзновалъ о приходившихъ къ нему, что душевныя ихъ нужды оставались неудовлетворенными. Однако и въ этомъ случаѣ съ упованіемъ возлагался на волю Божию. – «Прошу васъ, – писалъ онъ духовному своему сыну, – не давать другимъ совѣта ко мнѣ приходить. Пусть сами какъ хотятъ, но безъ поощренія. Богъ силенъ помочь и безъ моего недостойнства».

Выраженіемъ же любви евангельской была вся жизнь старца о. Леонида, проходившая въ служеніи Богу и ближнимъ. Ради сихъ послѣднихъ онъ постоянно находился въ трудахъ и подвергался великимъ скорбямъ, даже превышавшимъ обыкновенныя силы человѣческія. Къ близкимъ своимъ послушникамъ и монахамъ относился съ нѣжною отеческою любовію, называя ихъ «дѣточками» и стараясь всегда помогать имъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. Самыхъ же приближенныхъ именовалъ привѣтливо: Яша, Саша и проч. Не пренебрегалъ Старецъ и тѣми изъ людей, коихъ всѣ презирали. «Одна женщина странница, – рассказывалъ іеромонахъ Антоній Бочковъ, – неотвязно была при старцѣ Леонидѣ во время пребыванія его, какъ о семъ сказано будетъ ниже, въ Тихоновой пустыни и всѣмъ намъ очень

надоѣла. Ея ласки, земные поклоны и разныя гримасы казались, особенно мнѣ, комедіею и обманомъ. Я осмѣлился сказать батюшкѣ, что не я одинъ, а всѣ наши братія досадуютъ на эту безотвязную, и что ее, по ея же словамъ, выгоняли отовсюду, изъ всякой обители, что никакой старецъ выносить ее не могъ. „Правду ты говоришь?“ – спросилъ Старецъ. – „Я это слышалъ отъ нея же“. – „А если я ее отгоню, – продолжалъ о. Леонидъ, – куда же она дѣнется? И въ ней душа, а душа человѣческая въ глубинѣ своей таитъ много добра. Надобно только его отыскать“».

При искреннемъ же расположеніи ко всѣмъ ближнимъ, Старецъ, однако, ни къ кому не прилѣплялся особенною исключительною любовію. Знакомымъ и незнакомымъ, роднымъ и не роднымъ – у него всѣмъ былъ одинаковый почетъ. Пришла однажды къ нему родная его сестра. Онъ принялъ ее наравнѣ съ другими странницами и оказалъ ей пособіе такое же, какое оказывалъ и прочимъ нуждавшимся, т. е. далъ ей пятиалтынный. По этому поводу Старецъ нѣкоторымъ говорилъ, что если монахъ родному противъ чужихъ дать лишній пятакъ, то этимъ покажетъ, что онъ еще не освободился отъ узъ плотского родства и не всѣхъ людей равно любить, а съ различіемъ.

Всегда Старецъ былъ отечески-снисходителенъ къ немощамъ своихъ духовныхъ дѣтей. Впрочемъ, эта его снисходительность растворялась и святою ревностію по благочестію и благоразумною строгостію. Часто онъ говорилъ: «Если спрашивать меня, такъ и слушать, а если не слушать, такъ и не ходить ко мнѣ». – Вотъ еще

какъ Старець писалъ одному иноку, принятому имъ при постриженіи отъ Евангелія, когда тотъ уклонился въ нѣ-которое самочиніе. «Смотри! Хотя не могу тебѣ прямо сказать, что отъ сонмища нашего отлученъ будешь, ибо связь Евангелія Святаго – союзъ ненарушимый, но отъ примѣра свв. Отцовъ, а особливо св. Исаіи Скитскаго, хотя и страшно, но къ облегченію моей совѣсти прилично тебѣ сказать: смотри! Ежели не будешь въ законномъ (повиновеніи) и къ назиданію души твоей слушать многогрѣшнаго мнимаго старца твоего Льва, то отступленіе твое накажетъ тя».

Описываемый старецъ обладалъ еще глубокимъ смиреніемъ, по коему не приписывалъ себѣ никакихъ достоинствъ. Такъ, напримѣръ, писалъ онъ своему духовному сыну: «Удивляюсь вашей неограниченной вѣрѣ къ моему ничтожеству. Неоспоримо, выключая мое недостоинство, это весьма похвально. Только, между прочимъ, вы изволите писать, чтобы я принялъ въ свое мнимое покровительство желающаго истиннымъ путемъ спастись собрата П. Но, о любезнѣйшій! Прошу васъ поразсмотрѣть: сіе, кажется, приличествуетъ не мнѣ. Вы и сами знаете, что я изъ низкихъ людей и незаслуживающій о Господѣ вниманія, хотя съ моей стороны ради заповѣди Божіей, елико можно, обязанъ требующимъ по вѣрѣ ихъ совѣтовать въ случающихся съ ними затрудненіяхъ, по свидѣтельству Отецъ святыхъ». Въ концѣ посылаемыхъ писемъ Старець иногда подписывался: «непотребнѣйшій іеромонахъ Леонидъ». При жизни своего старца о. Ѳеодора въ письмахъ къ разнымъ лицамъ о. Леонидъ всегда подписывался вдвоемъ

съ о. Теодоромъ; по смерти же его прилагаль къ своему имени имя своего духовнаго сына Антіоха, хотя послѣдній нисколько не участвовалъ въ его письмахъ. А когда при немъ не было и о. Антіоха, тогда обыкновенно подписывался такъ: «іеромонахъ Леонидъ съ приверженною братією». Чрезъ это Старецъ какъ бы желалъ всѣмъ показать, что онъ могъ преподавать духовные советы только при помощи и по молитвамъ сожителямъ съ нимъ отцовъ и братій.

Со смиреніемъ въ старцѣ о. Леонидѣ неразрывно соединялось и иное боголюбезное качество – кротость. Никто не видалъ его возмущеннымъ отъ страстнаго гнѣва и раздраженія. Въ самые тяжкіе дни его жизни никто не слыхалъ отъ него гласа нетерпѣнія и ропота, никто не видалъ его въ уныніи. Нельзя было не дивиться его всегдашней веселости. Спокойствіе, младенчество евангельское и христіанская радость никогда не оставляли чадолюбиваго отца.

Но, считая себя въ чувствѣ сердца непотребнѣйшимъ изъ людей, побѣдитель страсти гнѣва и нетерпѣнія, старецъ о. Леонидъ при твердости характера обладалъ мужествомъ души. Смѣлый и великодушный, онъ дѣйствовалъ всегда открыто и своею жизнію какъ бы вызывалъ на себя гоненія, которые, какъ неизбѣжный удѣлъ почти всѣхъ рабовъ Божіихъ, и слѣдовали за нимъ повсюду до самой его кончины. – «Что жъ? Берите, судите меня, если на то дана вамъ власть. Я живу и хожу предъ Богомъ моимъ, живу для ближнихъ моихъ, откинувъ всякое лицемѣріе и страхъ мірскаго суда; я не боюсь никого, кромѣ Бога. Когда совѣсть моя мирна,

сердце весело играетъ какъ у младенца; когда вся жизнь моя была однимъ днемъ служенія Богу, моему старцу и дѣтямъ моимъ о Христѣ, то чего мнѣ бояться?» – Такъ чувствовалъ, такъ мыслилъ великій мужъ! И потому старецъ Θεодоръ, когда жилъ вмѣстѣ съ о. Леонидомъ, имѣлъ обыкновеніе въ шутку называть его: «смиранный левъ».

Имѣя всегда въ виду лишь славу Божию и пользу ближнихъ и ввѣряя спасеніе всѣхъ Отцу Небесному, старецъ о. Леонидъ былъ чуждъ всякихъ человѣческихъ опасеній. Всѣ мелкія предосторожности онъ оставилъ, полагаясь на Господа своего Іисуса Христа и св. Ангела-хранителя человѣка. Ихъ незримому водительству ввѣрялъ онъ и себя, и вхожденіе, и исхожденіе своихъ посѣтителей, и какъ скала посреди обуревающихъ ее волнъ оставался непоколебимымъ отъ нападеній враговъ видимыхъ и невидимыхъ.

Когда онъ жилъ въ Оптиной Пустыни, случалось, что нѣкоторые изъ посѣтителей монастыря по какому-либо случаю знакомились съ тѣми изъ братій, которые были нерасположены къ Старцу. Видя это, ученики его, по немощи человѣческой, скорбѣли и боялись, что эти братія отвлекутъ посѣтителей и не допустятъ ихъ до Старца. Но самъ о. Леонидъ судилъ объ этомъ иначе. – «Э, не беспокойтесь! – говаривалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ своимъ ученикамъ, – свой своего всегда найдетъ». Старецъ этимъ хотѣлъ выразить, что если кто искренно и отъ всей души ищетъ спасенія, того Богъ и приведетъ къ истинному наставнику. А кто, желая спастись, вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ человѣческіе расчеты,

или увлекается двоедушіемъ, невѣріемъ, или само-мнѣніемъ и самооправданіемъ, тотъ къ такому совѣтнику и наставнику и попадетъ. Такимъ образомъ отвергнувъ всякое челоуѣкоугодіе, смиренномудрый Старець вовсе не домогался, чтобы посѣтители монастырскіе непремѣнно шли къ нему, и изъ приходившихъ никого не увѣрялъ въ своемъ къ нимъ расположеніи.

При всѣхъ сихъ боголюбезныхъ добродѣтеляхъ старецъ о. Леонидъ сподобленъ былъ отъ Господа высокихъ духовныхъ дарованій. Изучивъ подъ руководствомъ старца Ѳеодора писанія отцовъ-подвижниковъ о монашеской жизни и находясь въ продолженіе многихъ лѣтъ въ искреннемъ ему послушаніи и повиновеніи и подъ духовнымъ его окормленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бывши еще прежде истиннымъ послушникомъ, онъ послушаніемъ своимъ стяжалъ даръ духовнаго разсужденія или разума духовнаго, по коему ясно могъ распознавать духъ истинный и духъ лести, – дѣйствіе благодати Божіей и прелесть вражію, хотя бы тонкую и сокровенную. Во всякомъ случаѣ и во всякой вещи онъ въ точности постигалъ и другимъ указывалъ, что угодно или не угодно Богу, и вѣрно могъ судить о душевномъ устроеніи другихъ, даже и такихъ, которыхъ многіе почитали за людей духовныхъ, и, такимъ образомъ, вполне могъ быть старцемъ-наставникомъ⁴³. А это дается отъ Бога немногимъ.

⁴³ «Отчего въ настоящее время мало хорошихъ старцевъ?» – спросили однажды аѳонскаго духовника. – «Оттого, – отвѣчалъ онъ, – что теперь мало хорошихъ послушниковъ. Первые образуются изъ послѣднихъ».

Какъ примѣръ духовнаго разсужденія приводится слѣдующій рассказъ. Въ концѣ двадцатыхъ или въ началѣ тридцатыхъ годовъ старецъ о. Леонидъ посѣтилъ Софроніеву пустынь Курской губерніи Путивльскаго уѣзда. Въ то время тамъ жилъ въ саду въ затворѣ іеросхимонахъ Ѳеодосій, котораго многіе почитали духовнымъ мужемъ и прозорливцемъ, такъ какъ онъ предсказалъ въ свое время Отечественную войну 1812 г. и нѣкоторыя другія событія. О. Леониду его устроеніе показалось сомнительнымъ. Побесѣдовавъ съ затворникомъ, Старецъ спросилъ его, – какъ онъ узнаетъ и предсказываетъ будущее? Затворникъ отвѣчалъ, что ему возвѣщаетъ будущее Духъ Святой. А на вопросъ Старца, – какимъ образомъ возвѣщаетъ, – объяснилъ, что Духъ Святой является ему въ видѣ какого-то голубя и говоритъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ. Видя, что эта явная прелесть вражія, о. Леонидъ началъ предостерегать затворника, что подобнымъ вещамъ не слѣдуетъ довѣрять. Но тотъ оскорбился и съ негодованіемъ возразилъ Старцу: «Я думалъ, что ты, подобно другимъ, хочешь отъ меня попользоваться, а ты пришелъ меня учить!» Послѣ того старецъ о. Леонидъ удалился и, уѣзжая изъ обители, сказалъ настоятелю: «Берегите вашего святого затворника, какъ бы съ нимъ чего не случилось». Едва о. Леонидъ доѣхалъ до Орла, какъ узналъ тамъ, что несчастный Ѳеодосій удавился. – Изъ сего можно заключить, что хоть этотъ затворникъ находился въ обольщеніи вражіемъ, но милость Божія не совсѣмъ отъ него отступала. Когда же онъ отвергъ благожелательное предостереженіе мудраго и опытнаго Старца,

Господь за это оставилъ его, и онъ погибъ такую ужасною смертію.

Вмѣстѣ съ даромъ разума духовнаго старецъ о. Леонидъ, какъ мы уже отчасти и выше видѣли, имѣлъ отъ Господа и даръ прозорливости. По разсказамъ учениковъ его извѣстно, что онъ какъ бы читалъ въ душѣ каждаго изъ нихъ сердечныя тайны, что отъ проникающаго его взора не могли утаиться сокровенныя ихъ помыслы, которые онъ нерѣдко явно, въ присутствіи другихъ, приходившихъ къ нему, обличалъ ради ихъ душевной пользы. Особенно же Старецъ имѣлъ отъ Бога даръ открывать и напоминать искренно относившимся къ нему забытые ими грѣхи. Скитскій іеромонахъ о. Иларій (въ мірѣ Иванъ Ивановичъ Гурьяновъ), изъ козельскихъ купцовъ, многимъ разсказывалъ о себѣ слѣдующее: «Еще до поступленія моего въ число братій пришелъ я однажды изъ Козельска въ Оптину Пустынь, желая приобщиться Св. Таинъ. Но, исповѣдавшись у монастырскаго духовника, почувствовалъ въ душѣ какое-то безотчетное смущеніе и безпокойство и предъ самой Литургіей пошелъ объяснить объ этомъ старцу о. Леониду. Старецъ сказалъ мнѣ: „Смущеніе, вѣроятно, происходитъ въ тебѣ оттого, что ты не все открылъ духовнику на исповѣди, что слѣдовало бы“. И потомъ въ нѣсколько минутъ самъ искусно напомнилъ мнѣ о неисповѣданныхъ мною согрѣшеніяхъ, говоря такъ: „Можетъ быть, не сдѣлалъ ли того-то и того-то?“ — Когда я сознался, что дѣйствительно виновать въ томъ, на что намекалъ мнѣ Старецъ, смущеніе во мнѣ исчезло, я совершенно успокоился и, по совѣту же Старца,

открывши исповѣданные мною грѣхи духовнику, у котораго прежде исповѣдался, и получивъ отъ него разрѣшеніе, уже въ мирномъ душевномъ устроеніи приобщился Св. Христовыхъ Таинъ»⁴⁴.

Другой ученикъ старца Леонида, о. П., рассказывалъ, что, исповѣдуя ему свои помыслы, онъ, случилось, иное скрывалъ невольно, другое же и вольно, по страху или отъ стыда. Отецъ Леонидъ, выслушавъ исповѣдь, самъ высказывалъ все утаенное, прибавляя: «А этого-то что же не говоришь?» Тѣмъ Старецъ побуждалъ ученика къ чистосердечному исповѣданію всѣхъ смущающихъ помысловъ. При такихъ дарованіяхъ духовныхъ старецъ о. Леонидъ былъ мужъ учительный. Но подробно о семъ будетъ говорить далѣе въ слѣдующей главѣ.

Здѣсь же скажемъ еще о томъ, что Старецъ сей имѣлъ отъ Господа и дарованіе исцѣленій. Относившимся къ нему братіямъ и мірскимъ посѣтителямъ за духовными совѣтами онъ не отказывался подавать помощь и въ тѣлесныхъ болѣзняхъ, указывая нѣкоторымъ на испытанныя народныя средства. Преимущественно онъ употреблялъ для лѣченія такъ называемую горькую воду, которой у него выходило въ день иногда до полутора ушата. Горькую воду не переставали въ обители готовить и раздавать одержимымъ внутренними болѣзнями и послѣ кончины Старца, но вода эта послѣ него уже потеряла ту многоцѣлебную силу, чтобы

⁴⁴ Иеромонахъ Иларій скончался въ 1872 году и при жизни своей именно такъ передалъ описанный рассказъ лично составителю сего жизнеописанія.

помогать отъ всякихъ болѣзней, хотя отъ нѣкоторыхъ помогаетъ⁴⁵.

Нѣкоторыхъ изъ приходившихъ Старець посылалъ въ г. Воронежъ къ мощамъ въ то время новоявленного угодника Божія святителя Митрофана⁴⁶. И бывали примѣры, что больные, прошедши или проѣхавши сотни верстъ, исцѣлялись на пути и, подобно евангельскому самарянину, возвращались благодарить подавшего имъ совѣтъ Старца. Многимъ страдавшимъ отъ недуговъ тѣлесныхъ, часто соединенныхъ съ душевными и потому не всегда понятныхъ для людей обыкновенныхъ, старецъ о. Леонидъ преподавалъ благодатную помощь, помазывая ихъ елеемъ отъ неугасимой лампы, теплившейся въ его келліи предъ Владимирской иконою Божіей Матери, которая получена была имъ въ благословеніе отъ своего старца, схимонаха Θεодора. Этой иконою великій старецъ Паисій (Величковскій) напутствовалъ схимонаха Θεодора при выходѣ его изъ Молдавіи въ Россію, а о. Θεодоръ, отходя ко Господу, благословилъ ея о. Леонида какъ общника его скорбей и наслѣдника духовныхъ дарованій. Потому она и почиталась старцемъ Леонидомъ какъ особая святыня. Изображенная Царица Небесная видомъ Своимъ дыха-

⁴⁵ Какая-то богатая госпожа, излѣчившись въ свое время горькою водою отъ головной боли (употребляя оную черезъ день на ночь послѣ ужина по рюмкѣ), купила секретъ этой воды за десять тысячъ рублей ассигнаціями. — Вотъ ея составъ: три золотника нашатыря и три золотника сабура растворяются въ штофѣ кипящей воды, и, когда остынетъ, вливается туда три золотника крѣпкой водки. — Сверхъ того Старець приказывалъ вливать туда немного елея отъ своей келейной Владимирской иконы Божіей Матери.

⁴⁶ Открытіе мошей св. Митрофана было въ 1832 году, 6 августа.

еть въ души молящихся предъ Нею успокоеніе⁴⁷. Въ Ея святомъ ликѣ не видно изысканнаго умиленія и женственной красоты. Черты строгія, и очеркъ лица болѣе русскій, нежели греческій. Помазывая болящихъ елеемъ изъ лампады отъ этой иконы, Старецъ видимо возлагалъ всю свою надежду на милость и помощь Божію, на заступленіе Царицы Небесной и на молитвы своего духовнаго отца. По вѣрѣ старца о. Леонида и приходившихъ къ нему, помазываніе это оказывало великую благодатную силу. Черезъ него многіе получали утѣшеніе въ скорбяхъ, облегченіе въ душевныхъ браняхъ и исцѣленіе тѣлесныхъ болѣзней. Такъ о. игумень П-й рассказывалъ, что когда келейники старца о. Леонида жаловались на какую-либо болѣзнь, онъ помазывалъ ихъ елеемъ изъ лампады, и болѣзни проходили.

Приводили къ старцу о. Леониду и многихъ бесноватыхъ. Было также немало и такихъ, которые прежде сами не знали, что они одержимы бѣсомъ, и только въ присутствіи Старца по обличеніи имъ таившейся въ нихъ прелести начинали бѣсноваться. Такъ нерѣдко бывало съ тѣми изъ мірскихъ неразумныхъ подвижниковъ, которые, пришедши къ Старцу, сами открывались ему, что они носятъ вериги, а вмѣстѣ съ тѣмъ жаловались, что не обрѣтаютъ душевнаго мира. Оказывалось, что, проходя самопроизвольно суровые тѣлесные подвиги, они не переносили со смиреніемъ ни ниспосылаемыхъ

⁴⁷ Икона эта теперь находится въ Калужской Тихоновой пустыни, куда она перенесена была изъ Оптиной послѣ кончины старца Леонида ученикомъ его и сыномъ духовнымъ, монахомъ Іоанніемъ, въ схимѣ Леонидомъ.

отъ Бога скорбей, ни укоризненныхъ словъ отъ людей и, удручая тѣло свое веригами, въ душѣ питали вражду и злопамятность противъ оскорбителей, увлекаясь само-мнѣніемъ, и вообще нисколько не заботились объ очищеніи сердца отъ страстей, доходя иногда такимъ образомъ и до прелести. Съ такихъ безразсудныхъ подвижниковъ о. Леонидъ приказывалъ снимать вериги ⁴⁸, научая ихъ, что чрезмѣрные тѣлесные подвиги безъ смиренномудрія и духовнаго разсужденія не только не приносятъ пользы, но и вредятъ ревнующимъ о своемъ спасеніи, и что христіане прежде всего должны обращать вниманіе на необходимѣйшія и обязательныя для всѣхъ евангельскія заповѣди Господни, безъ соблюденія которыхъ спастись нельзя. Когда же по волѣ Старца вериги снимались, на нѣкоторыхъ изъ закованныхъ ими нападало бѣснованіе. На всѣхъ такихъ страдальцевъ Старецъ возлагалъ епитрахиль и читалъ надъ ними краткую заклиательную молитву изъ требника, а сверхъ того помазывалъ ихъ елеемъ изъ лампады или давалъ имъ оный пить. Вслѣдствіи сего было очень много поразительныхъ случаевъ исцѣленій. Нѣкоторые тогда говорили, а можетъ быть, скажутъ и теперь: «Да это не трудно; и всякій можетъ помазать елеемъ и прочитать заклинаніе». Въ отвѣтъ на такое ихъ возраженіе можно напомнить примѣръ сыновей іудея Скевы, которые начинали было, по примѣру св. апостола Павла, изгонять бѣсовъ именемъ Іисуса Христа: «*Іисуса знаю, —*

⁴⁸ У послушника, которому поручалось храненіе этихъ веригъ, послѣ кончины старца о. Леонида ихъ нашлось до 25 штукъ, вѣсомъ каждая отъ 25 фунтовъ и до пуда.

отвѣтилъ бѣсъ, – и Павла свѣтъ, вы же кто есте?» (Дѣян. 19, 15). – Побѣда надъ бѣсами одержана была о. Леонидомъ, конечно, послѣ побѣды надъ своими страстями.

Говариваль о. Леонидъ: «Въ наши времена Богъ не посылаетъ подвижникамъ такихъ испытаній, какъ древнимъ, – потому что не могли бы понести, – и не подаетъ древнихъ дарованій, чтобы не вознеслись безмѣрно». Такъ онъ говорилъ вообще о современныхъ ему монахахъ; но самъ по простотѣ христіанской и смиренію, по претерпѣннымъ имъ скорбямъ и по духовнымъ дарованіямъ, былъ яко единъ отъ древнихъ. Нѣкто изъ присныхъ учениковъ Старца, видя его однажды въ особенно веселомъ и откровенномъ разположеніи духа, спросилъ: «Батюшка! какъ вы захватили такія духовныя дарованія, какія мы въ васъ видимъ?» Старецъ отвѣчалъ: «живи попроще, – Богъ и тебя не оставитъ». Потомъ прибавилъ: «Леонидъ всегда былъ послѣднимъ въ обитѣляхъ; никогда ни отъ какого порученія настоятеля не отказывался. Въ навечеріе великихъ праздниковъ другіе, бывало, стремятся въ церковь, а Леонида посылаютъ на хуторъ за сѣномъ для лошадей пріѣзжихъ гостей, а потомъ усталаго и безъ ужина посылаютъ на клиросъ пѣть, и онъ безропотно повиновался. Старайся и ты такъ жить, и тебѣ Господь явитъ милость Свою». – Таковы были по внѣшнимъ дѣйствіямъ внутреннія свойства и качества описываемаго старца о. Леонида!

Прибавимъ къ сему еще нѣсколько словъ о его наружности. По описанію о. игумена Антонія Бочкова, Старецъ отъ природы былъ тучнаго тѣлосложенія.

Лицо его круглое, смугловатое, от подвиговъ блѣдное и благообразное⁴⁹, съ выраженіемъ строгости и мужества, обрамлено было небольшою бороδοю. Волосы на головѣ густые и длинные. Подъ старость они сдѣлались настоящею львиною гривой, желто-сѣдою, волнистою, и спускались гораздо ниже плечъ⁵⁰.

Глаза небольшіе, сѣроватые, смотрѣли прямо, не наблюдая за пришедшимъ и не догадываясь, что таится въ его душѣ. Съ одного взгляда Старецъ зналъ, что привлекло къ нему иного странника, прошедшаго тысячи верстъ. Руки были очень стройны и красивы, при полнотѣ и длиннотѣ живописныхъ перстовъ. Только одного указательнаго на лѣвой рукѣ у него не доставало, такъ какъ по нечаянности онъ былъ обрубленъ Старцемъ во время рубки дровъ въ Валаамскомъ скиту. Ростъ его былъ выше средняго. Походка красивая; мужественная и вмѣстѣ съ тѣмъ легкая, мѣрная поступь показывала, что онъ легко носилъ свое довольно тяжелое тѣло. Никакой сутуловатости и согбенности старческой не видно было въ этомъ утвердившемся въ битвахъ духовныхъ воинѣ Христовомъ.

⁴⁹ Нѣкоторые писатели писали и печатали, что старецъ Леонидъ удивительно похожъ былъ на льва (звѣря). Но портреты Старца говорятъ сему противное. Жившій при старцѣ Леонидъ упоминаемый въ семь жизнеописаніи о. игуменъ Антоній Бочковъ только и похожаго на льва находить, что въ длинныхъ и волнистыхъ волосахъ Старца. Но и это выраженіе употреблено было имъ болѣе для красоты рѣчи, такъ какъ схимническое имя его – Левъ.

⁵⁰ Подлинныя слова о. игумена Антонія (Бочкова). И далѣе, до окончанія главы, его же слова.

Глава V

**Келейная жизнь старца о. Леонида
и общій взглядъ на его старчествованіе,
или учительство, съ благими послѣдствіями**

зложивъ по возможности отличительныя свойства и высокія дарованія духовныя старца іеромонаха Леонида, вѣрнѣе же сказать – нѣкую часть ихъ, коснемся далѣе его келейной жизни и затѣмъ бросимъ общій взглядъ на его старчествованіе въ Оптиной Пустыни, или учительство, съ его благими послѣдствіями.

Жизнь старца о. Леонида текла правильно и безукоризненно, и если отличалась отъ обычной монастырской жизни, то развѣ чрезмѣрными трудами въ служеніи ближнимъ. Вотъ его келейная жизнь. Въ два часа пополуночи начиналось у Старца съ учениками утреннее правило. Читались утреннія молитвы, затѣмъ и вся полунощница, двѣнадцать избранныхъ псалмовъ, канонъ дневному святому, съ поученіемъ изъ Пролога, и первый часъ. – Дневной канонъ неизмѣнно читаль келейникъ Старца о. Макарій (Грузиновъ). Третій и шестой часы съ изобразительными читались отдѣльно во время ранней обѣдни. Вечернее правило, состоявшее

изъ девятого часа и двѣнадцати избранныхъ псалмовъ съ тремя канонами – Спасителю, Божіей Матери и св. Ангелу-хранителю, и однимъ по дню акаѳистомъ, – отправлялось въ тѣ же часы, что и въ монастырѣ вечерня. Старецъ выслушивалъ это правило у себя въ келліи. Наконецъ послѣ вечерней скитской трапезы прочитывались – повечеріе, вечернія молитвы, двѣ главы изъ Апостола и одна глава изъ Евангелія. – На отпустахъ своихъ келейныхъ молитвословій Старецъ всегда поминалъ и имя преп. Александра Свирскаго, въ обители котораго прожилъ около 12-ти лѣтъ и къ которому имѣлъ великое благоговѣніе. Въ келліи Старца имѣлась и большая икона сего угодника Божія, написанная на холстѣ въ ростъ, предъ которою и совершались келейныя правила. Подобная сей была въ келліи Старца и другая икона св. Ангела-хранителя; а между этими иконами стояла Владимирская икона Божіей Матери – благословеніе схимонаха Ѳеодора.

На послѣднее вечернее правило, предъ отхожденіемъ ко сну, а кстати и для откровенія помысловъ, собирались скитскіе братія въ келлію къ Старцу. Пришедшіе съ лѣтнихъ работъ, подкрѣпивши себя незатѣйливою вечернею трапезою, сидѣли на полу и отдыхали въ чаяніи пищи духовной. По наступленіи урочнаго часа съ благословенія Старца начиналось чтеніе. Чтецъ долженъ былъ читать не протяжно и не борзясь, безъ ложной чувствительности, не тщеславясь своимъ чтеніемъ. Причемъ Старецъ временемъ останавливалъ его своими замѣчаніями. Вслѣдствіе сего образовывались прекрасные чтецы. Среди молящихся было примѣрное

благочиніе. Охотники до чтенія должны были признаваться при всѣхъ, что желаютъ читать, поднимая руку кверху, чрезъ что научались сознанію своей немощи. Евангеліе читываль самъ Старецъ высокимъ голосомъ, по молдавскому способу, который заимствованъ изъ Великой Лавры старца Паисія⁵¹. Въ числѣ чтецовъ, преимущественно утреннихъ, былъ нѣкоторое время Алексѣй Поликарповичъ Бочковъ⁵². Вотъ какъ передаваль онъ о томъ, какого вниманія къ себѣ и усердія требоваль Старецъ отъ своихъ учениковъ: «Вставать ночью надобно было ранѣе 2-хъ часовъ за четверть часа. Однажды Старецъ, вставши на утреннее правило, не засталъ меня въ передней, а когда я пришелъ, хотя до начала правила, но только за одну минуту, онъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ: „Ты хвастаешься усердіемъ ко мнѣ; почему же Господу Богу не посвятить четверти часа до полунощницы? Въ это время ты бы могъ молитвою умною приготовиться и къ словесной, сирѣчь къ чтенію“».

Чрезъ каждыя двѣ недѣли Старецъ пріобщался Св. Христовыхъ Таинъ въ скитской церкви, куда онъ, будучи впослѣдствіи переведенъ въ монастырь, сначала

⁵¹ Въ прежнихъ изданіяхъ напечатано было: «Въ Лаврѣ св. Паисія». Но въ рукописи написано было «св. (святаго)» вмѣсто «ст. (старца)» по ошибкѣ переписчика и по недосмотру составителей. Немного выше сказано, что о. Леонидъ читываль Евангеліе по молдавскому способу. Это выраженіе, «по молдавскому способу», показываетъ, что упоминаемая Лавра св. Паисія должна бы находиться въ Молдавіи. А въ Молдавіи, кромѣ Великой Лавры старца Паисія Величковскаго, другой Лавры св. Паисія никогда не было и нѣтъ.

⁵² Впослѣдствіи игумень Антоній, настоятель Черемнецкаго монастыря, Петербургск. губ. Лужскаго уезда; петербургскій уроженецъ, получившій хорошее воспитаніе.

Скитъ Оптиной Пустыни. Храмъ Св. Іоанна Крестителя

ходилъ, а въ послѣдніе годы, по немощи и безсилію, ѣздилъ для сей цѣли. – «Однажды, какъ разсказывалъ близкій къ старцу о. Леониду ученикъ его, очевидецъ, упомянутый Алексѣй Поликарповичъ, когда Старецъ шель изъ монастыря скитскою дорожкой на приобщеніе, замѣтилъ я на глазахъ его блеснувшія слезы духовнаго умиленія. Но не желая быть замѣченнымъ, онъ удержалъ себя, и мгновенно спрятались эти капли сердечнаго чувства въ его очахъ».

Время молитвенныхъ правилъ было единственнымъ свободнымъ среди дня временемъ старца о. Леонида. Остальное же, – за исключеніемъ краткаго послѣобѣденнаго отдыха, и то не въ положенные часы дня, а когда случалось, – всегда посвящалось имъ на служеніе своимъ ближнимъ. Ночной легкій сонъ Старца, вмѣстѣ и съ дневнымъ отдохновеніемъ, въ продолженіе сутокъ длился не болѣе трехъ часовъ; но часто и самый ночной отдыхъ прерываемъ былъ приходившими къ нему по крайней нуждѣ братьями.

Пищу вкушалъ Старецъ дважды въ сутки, – что Богъ посылалъ. Выпивалъ иногда рюмку вина или стаканъ пива. Во время трапезованія шла у него съ учениками оживленная бесѣда. Допускались имъ скромныя и незлобивыя шутки и разказы, которые имѣли у него духовную цѣль. Старецъ иногда разсказывалъ анекдоты изъ римской исторіи, которую зналъ хорошо изъ старинныхъ переводовъ Тацита и другихъ писателей. Одного изъ своихъ учениковъ, вышеупомянутаго о. Антонія Бочкова, шутя называлъ послѣднимъ римляниномъ; можетъ быть потому, что этотъ ученикъ выра-

жалъ такое мнѣніе, что мы переживаемъ послѣднія времена монашества, падающаго, по его словамъ, отъ тѣхъ же причинъ, которыми доведена была до паденія и Римская имперія: отъ роскоши, изнѣженности и челоукоугодія. Но самъ Старецъ былъ точно неприступный для мірскаго духа островъ, мимо котораго текли рѣки міра сего, не колебля его нисколько. Напротивъ, разбитые мірскимъ волненіемъ спасались отъ душевнаго потопленія въ его келліи, какъ въ надежной пристани.

Одежду носилъ Старецъ самую простую, – мухояровый подрясникъ, рясу и мантию. А у себя въ келліи принималъ посѣтителей въ простомъ бѣломъ холщевомъ, иногда очень заношенномъ, балахонѣ.

При постоянномъ и многотрудномъ своемъ занятіи съ посѣтителями старецъ о. Леонидъ имѣлъ и посильное рукодѣліе: во время самага приѣма плелъ простые пояски, которые и раздавалъ нѣкоторымъ изъ нихъ на благословеніе. Когда же посѣтителей не было, онъ во время плетенія поясковъ имѣлъ обыкновеніе напѣвать – «Милость мира жертву хваленія», – извѣстную въ Оптинскомъ скиту подъ названіемъ «Молдавской», или же тихо нашептывалъ Иисусову молитву. Когда жилъ въ Скиту, послѣ обѣда для моціона рубилъ дрова и въ то же время принималъ братію и мірянъ, которые подходили къ нему поодиначкѣ и объясняли ему свои нужды.

Но какъ и чему обучалъ Старецъ-подвижникъ духовно относившихся къ нему и въ особенности ближайшихъ своихъ учениковъ? – Слѣдуя заповѣди апостола: *Настой благовременнѣе и безвременнѣе, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2),

о. Леонидъ училъ ихъ словомъ, какъ понимать Евангельское ученіе, какъ приводить его въ исполненіе и какъ врачевать имъ душевныя немощи; училъ и дѣломъ, что болѣе дѣйствуетъ на сердце человѣка и убѣждаетъ его; училъ и собственнымъ примѣромъ или своею жизнію; и, такимъ образомъ, для всѣхъ, относившихся къ нему за духовными совѣтами и наставленіями, былъ, такъ сказать, живою книгою.

О томъ, какихъ вообще правилъ держался Старецъ въ обращеніи съ духовными своими дѣтьми, можно видѣть изъ слѣдующаго его наставленія своему ученику, настоятелю Калужской Тихоновой пустыни, о. игумену Геронтію. «Вы, прелюбезнѣйшій нашъ Отецъ, – такъ писалъ ему Старецъ, – просите мою худость, дабы я, непотребнѣйшій изъ непотребныхъ, преподаль вашей любви благопотребный совѣтъ, какъ вамъ управлять и назидать врученныя вамъ отъ Бога словесныя овцы и распоряжаться по обители дѣлами. Хотя благопотребный вопросъ вашъ, съ вѣрою и благоговѣніемъ предлагаемый, всячески превосходитъ смыслъ мой и силы, но по мѣрѣ только вѣры вашей предложу вамъ возложить себя и васъ окружающихъ всемогущему Господу и всемилосердой Его волѣ; поелику Самимъ Спасителемъ сказано въ Св. Евангеліи: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). А потому мы должны внимать симъ Христовымъ словамъ при всякомъ начинаніи. Если призовемъ Его всещедрую помощь, то все благопоспѣшно устроится и невидимо благодатію Божію умиротворится. Также прошу васъ и молю, какъ и прежде вамъ совѣтоваль, не быть тонкимъ истязателемъ, но всячески

держаться умѣренности. Что потребуеть исправленія, — дѣйствія употреблять съ разсмотрѣніемъ и долготерпѣніемъ». — Таковъ былъ общій характеръ духовнаго окормленія старцемъ Леонидомъ своихъ духовныхъ чадъ, — усердная о нихъ молитва, разсмотрительность и долготерпѣніе.

Теперь скажемъ о приемахъ сего окормленія или старчества. О старцѣ о. Леонидѣ и его сотрудникѣ и преемникѣ по старчеству іеросхимонахѣ Макаріи епископъ Игнатій Брянчаниновъ въ своихъ «Аскетическихъ опытахъ»⁵³ говоритъ такъ: «Оба старца были напитаны чтеніемъ отеческихъ писаній о монашеской жизни; сами руководствовались этими писаніями, руководствовали сими и другихъ, обращающихъ къ нимъ за назидательнымъ совѣтомъ. Память ихъ была богато украшена мыслями святыми. Никогда они не давали совѣтовъ отъ себя, но всегда представляли въ совѣтъ изреченіе Св. Писанія или свв. Отцовъ. Это давало совѣтамъ ихъ силу: тѣ, которые хотѣли бы возразить на слово человѣческое, съ благоговѣніемъ выслушивали слово Божіе и находили справедливымъ покорить ему свое умствованіе». Но еще болѣе придавало силы совѣтамъ обоихъ старцевъ то, что они, какъ упомянуто выше о старцѣ Леонидѣ, не только въ книгахъ изучили, но и дѣятельно правильно проходили духовную жизнь.

Такимъ образомъ, обладая опытною духовною мудростію, старецъ о. Леонидъ изобильно преподавалъ свое ученіе другимъ и, не стѣснясь никакими чело-
вѣ-

⁵³ Часть I, с. 535–542, въ первомъ изданіи.

ческими соображеніями и опасеніями, во всякомъ случаѣ, гдѣ только требовалось, просто, прямо, открыто и искренно возвѣщалъ слово истины, не заботясь напередъ объ изысканной учтивости, смягченіи выраженій и о томъ – кому что сказать; а говорилъ и дѣйствовалъ безъ приготовленія, по духовному чувству или внушенію Божию, и почти со всѣми обращался на ты. Въ разговорѣ Старца замѣчалась какая-то рѣзкая особенность, только ему одному свойственная. Совокупляя духовную силу словъ Писанія съ краткословнымъ, но выразительнымъ русскимъ народнымъ нарѣчіемъ, онъ попеременно растворялъ одно другимъ, гдѣ находилъ это полезнымъ. Понижая и возвышая тонъ рѣчи, иногда же по мѣрѣ надобности измѣняя и самый голосъ, онъ сообщалъ слову своему особенную силу, такъ что оно падало прямо на сердце, производя въ каждомъ приличное дѣйствіе: одного утѣшало въ скорби, другого возбуждало отъ грѣховнаго оцѣпеннія, одушевляло безнадежнаго, разрѣшало отъ узъ самаго отчаянія, заставляло повиноваться и вѣровать невѣрующаго; кратко, – могло человѣка плотскаго обратить на путь духовной жизни, конечно, искренно ищущаго сего.

По временамъ Старецъ растворялъ простую рѣчь свою шутливостью, доходившею иногда даже какъ будто до полуюродства, которое вполнѣ описать и изобразить почти невозможно и во всякомъ случаѣ неудобно. Такъ что и близкіе къ Старцу люди, смотря на его по видимому неумѣстные поступки и слушая его какъ будто неприличныя рѣчи, увлекались иногда помыслами лукаваго врага и начинали имѣть о немъ невыгодное

мнѣніе. Одна изъ таковыхъ, преданная старцу о. Леониду дочь священника, каялась предъ нимъ, говоря: «Простите меня, батюшка, я иногда смотрю на васъ какъ на человѣка святого; а иногда помысль мнѣ говорить, что вы колдунъ». Нисколько этимъ не смутившись, Старецъ, улыбаясь, отвѣтилъ ей въ шутовомъ тонѣ: «Да, должно быть, того и другого есть понемножку».

Нѣкоторые полагали, что обстоятельства того времени – молва человѣческая, тайная зависть и, наконецъ, какъ увидимъ ниже, открытое преслѣдованіе и стѣсненіе – понуждали его нѣсколько придерживаться юродства. Но вѣрнѣе можно сказать, что Самъ Господь умудрилъ его подъ видомъ буйства Христа ради приносить душевную пользу ближнимъ. Поступая такъ, онъ укрывался отъ славы человѣческой, опасной и для великихъ подвижниковъ, отклонялъ праздное любопытство и невозбранно подавалъ духовную помощь всѣмъ нуждавшимся и искавшимъ ее.

Прикрывая мудрость свою простотою обращенія и соединенною съ шутовостию крайнею простотою слова, по видимому неумѣстной, но всегда оправдывавшеюся самымъ дѣломъ, Старецъ часто и среди собранія могъ прилагать духовныя врачевства къ тайнымъ душевнымъ ранамъ различно недуговавшихъ посѣтителей и посѣтительницъ; а сверхъ того всѣмъ доставлялъ свободный къ себѣ доступъ. Нѣкоторые ученики и ученицы старца о. Леонида сознавались, что предъ другими старцами, строгими на видъ и серьезными въ обращеніи, души ихъ невольно сжимались, и они не могли

свободно имъ исповѣдать сокровенныя душевныя свои немощи. Напротивъ, простое, открытое, свободное обращеніе старца о. Леонида развязывало ихъ души, и они передъ нимъ легко и свободно высказывали даже то, въ чемъ иногда и передъ собою имъ трудно было сознаться. Иногда же Старецъ, смотря, конечно, по проступкамъ и душевному устроению, вразумлялъ виновнаго въ присутствіи прочихъ, по заповѣди апостольской: *согрѣшающихъ же предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имуть* (1 Тим. 5, 20), не боясь этимъ огорчить его или соблазнить другихъ.

Наконецъ изложимъ, по возможности, и сущность ученія старца о. Леонида. Всѣмъ и каждому онъ внушалъ, что нелегко достается душевное спасеніе ищущимъ его. Нерѣдко Старецъ въ подтвержденіе сей истины повторялъ простую, сложенную имъ поговорку: «Душу спасти – не лапотъ сплести». – Въ самомъ дѣлѣ, приходитъ изъ міра человѣкъ гордый, тщеславный, самолюбивый, сластолюбивый, сребролюбивый, веществолюбивый. Сердце его – это море великое и пространное; тамо гады, имъ же нѣсть числа. Или – это нива, вся заросшая терніемъ. Нужно это терніе очистить, насадить сѣмена благія и озаботиться, чтобы они выросли и принесли добрые плоды, конечно, при помощи вседѣйствующей благодати Божіей. Сколько тутъ требуется трудовъ, и знанія, и умѣнія въ этомъ превышающемъ обыкновенныя силы человѣческія дѣлѣ! – Потому, когда одинъ изъ учениковъ старца о. Леонида задался такою мыслію, почему ему не случилось видѣть отъ своего Батюшки чудесъ, тогда какъ отъ другихъ братій онъ

часто о семь слышалъ, и когда онъ пришелъ къ Старцу съ намѣреніемъ открыть ему этотъ свой помысль, — Старецъ, преподавъ ему благословеніе, сказалъ: «А это развѣ не чудо, чтобы обтесать такой базарный пень (разумѣя пришедшаго брата), изъ котораго со временемъ выйдетъ что-нибудь хорошее и годное!» Имя брата сего было Александръ, въ послѣдствіи іеросхимонахъ Антоній, извѣстный своею благочестивою жизнію духовникъ Кіево-Печерской Лавры, скончавшійся 10-го октября 1880 г. Родомъ былъ изъ малоархангельскихъ мѣщанъ, по фамиліи Медвѣдевъ.

Главное свое вниманіе и заботу старецъ о. Леонидъ обращалъ на своихъ ближайшихъ учениковъ. Не увлекаясь стремленіемъ къ мнимому высокому жителству и не ища прежде времени великихъ Божіихъ дарованій, онъ какъ сперва самъ шелъ, такъ потомъ и духовныхъ своихъ дѣтей велъ безопаснымъ путемъ, указаннымъ въ писаніяхъ богомудрыхъ наставниковъ монашества, которые учатъ, что новонаначальному Христову подвижнику прежде всего должно заботиться о познаніи себя и объ укрощеніи своихъ страстей⁵⁴. Посему Старецъ особенно обращалъ зоркое вниманіе на душевныя страсти тѣхъ, кто къ нему относился, и научалъ всѣхъ слѣдить за оными, не дѣйствовать по внушенію и влеченію ихъ, а, призывая Божію помощь, противоборствовать имъ; прежде же всего не оправдывать ихъ и познавать свою душевную немощь; къ благимъ начинаніямъ не примѣшивать тщеславія, челоуѣкоугодія или другого какого-

⁵⁴ См. въ Приложеніи назидательное о семь предметѣ письмо старца Леониды № 14.

либо нечистаго побужденія, а искренно и съ чистымъ произволеніемъ, нелукавою простотою⁵⁵ и незлобіемъ служить Единому Господу, какъ самъ онъ писалъ въ одномъ письмѣ.

Не слишкомъ Старецъ остерегался, гдѣ нужно было, затронуть самолюбіе своихъ духовныхъ дѣтей. Напротивъ, все его обращеніе съ ними направлено было къ искорененію этого скрытаго, но губительнаго порока. Прикрывая свою духовную мудрость и смиряя себя, онъ въ то же время умѣлъ смирять и другихъ. Онъ хорошо зналъ, какъ и чѣмъ кого пристыдить и вразумить, чтобы наставленіе подѣйствовало на кого следовало и было для него чувствительно; но вмѣстѣ до тонкости понималъ, кто что можетъ понести, и какъ и чѣмъ кого утѣшить и успокоить. При видимой простотѣ, а иногда и какъ бы грубости, обращеніе его никого не оскорбляло и въ этомъ отношеніи представляло совершенную противоположность тому, что видимъ мы у людей, на которыхъ нерѣдко исполняется псаломское слово: *умякнуша словеса ихъ паче елѣя, и та суть стрѣлы*.⁵⁶ У старца о. Леонида, напротивъ, въ формахъ, по видимому иногда рѣзкихъ, высказывалась всегда святая истина и видна была незлобивая и любящая душа

⁵⁵ Простотѣ, или искренности и незлобію, противопоставляется лукавство, или лицемѣріе. Св. Іоаннъ Лѣтвичникъ говоритъ: «Какъ лукавый есть нѣчто двойственное, одинъ по наружности, а другой по сердечному расположенію (т. е. по наружности ласковъ, а въ сердцѣ таить злобу), такъ простой – не двойственъ, но есть нѣчто единое (т. е. и въ сердцѣ имѣетъ любовь ко всѣмъ ближнимъ, и по наружности привѣтливъ и почитателенъ)». (Сл. 4. Гл. 21).

⁵⁶ Пс. 54, 22.

и отеческая заботливость о спасеніи духовныхъ его дѣтей.

«Бывало, – такъ рассказывалъ одинъ ученикъ Старца, – Батюшка сдѣлаетъ мнѣ такой строгій и грозный выговоръ, что едва на ногахъ устою; но тутъ же и самъ смирится, какъ дитя, и такъ умиротворитъ и утѣшитъ, что на душѣ сдѣлается легко и отрадно; и уйдешь отъ него мирный и веселый, какъ будто Батюшка меня хвалилъ, а не укорялъ».

Старцу о. Леониду не нравились, какъ онъ въ одномъ письмѣ выразился, ученаго штиля политика и душевнаго человѣчества⁵⁷ художественное соображеніе. «Ребята! За что купишь, за то и продавай», – говаривалъ онъ своимъ ученикамъ, научая ихъ держаться простого, открытаго, непринужденнаго обращенія, въ которомъ бы не было ничего поддѣльнаго и затаеннаго. «Если бы ты былъ, яко апостоль, простосердечень, – сказалъ онъ однажды приближенному своему ученику, – если бы ты не скрывалъ своихъ человѣческихъ недостатковъ, не притворялъ бы себѣ особеннаго благоговѣнія, ходилъ бы не лицемѣрствуя, – то этотъ путь ближайшій ко спасенію и привлекающій благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души, – вотъ что пріятно смиренному сердцемъ Господу: *Аще не будете яко дѣти, не внидете въ Царство Божіе*»⁵⁸.

Потому учениками старца о. Леонида не могли быть люди лукавые или политики (лицемѣры). Они не выдерживали его взгляда и хотя прилѣплялись къ нему, но

⁵⁷ См. 1 Кор. 2, 14.

⁵⁸ Мѡ. 18, 3.

ненадолго. Скрѣпя сердце, они скоро отбѣгали отъ этого ученика Христова, увидѣвъ на дѣлѣ, что притворная мірская вѣжливость и лживая почтительность непригодны для келліи Старца, гдѣ воцарилась духовная простота и младенчество христіанское. Всѣ вѣровали, что обмануть о. Леонида невозможно ни изворотами ловкой лжи, ни притворнымъ смиреннословіемъ. Старець зналъ цѣну всякихъ наружныхъ изъясненій. Онъ не любилъ, если кто, придавая важность тому, въ чемъ нѣтъ особенной важности, хотя бы безъ лукавства и лицемѣрія, усиленно выражалъ въ словахъ и внѣшнихъ поступкахъ свое смиреніе, усердіе, благоговѣніе. Отець Леонидъ называлъ это химерою. Однажды кто-то спросилъ его, что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ. Старець отвѣчалъ: «Видалъ ли ты, какъ цвѣтутъ огурцы? Есть цвѣтъ настоящій и есть цвѣтъ безъ завязи, на которомъ не бываетъ огурца, т. е. пустоцвѣтъ. Это-то и есть химера». Старець желалъ, чтобы и духовное свое расположеніе къ нему ученики его доказывали не наружными изъясненіями, а болѣе исполненіемъ его наставленій. — «Ты на лету хочешь схватить мои слова, — сказалъ онъ одному духовному своему сыну, — хочешь мимоходомъ спастись, наскоро научиться. Потому у тебя и восторги, цѣлованіе батюшкина плеча или руки. А я при о. Ѳеодорѣ былъ къ нему безъ фанатизма (о. Леонидъ часто употреблялъ это слово); мысленно же готовъ былъ кланяться ему въ ноги съ сыновнимъ почтеніемъ».

Особенно же Старець увѣщевалъ учениковъ своихъ хранить между собою взаимную любовь, миръ и едино-

мысліе. Часто онъ повторялъ трогательныя слова Христовы: *О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35); и это были его любимыя слова къ близкимъ своимъ ученикамъ.

Хотя самъ старецъ о. Леонидъ былъ изъ простаго званія и не получилъ внѣшняго образованія, но умѣлъ цѣнить и отличать людей всякаго званія, отдавая должную справедливость и внѣшнимъ дарованіямъ при правильномъ и смиренномъ стремленіи къ духовной жизни.

Жалобы и доносы духовныхъ своихъ дѣтей на кого бы то ни было Старецъ всегда принималъ съ большою разсмотрительностію и осторожностію, многократно приводя въ примѣръ настоятеля Глинской пустыни о. Филарета, который былъ мужъ мудрый и духовный, но отъ излишней довѣрчивости къ своимъ духовнымъ чадамъ немало пострадалъ. Этотъ о. Филаретъ по порученію своего Курскаго преосвященнаго Евгенія въ 1821 г. составилъ уставъ для Борисовской женской пустыни и установилъ тамъ хорошій монастырскій порядокъ, много способствовавшій благоустройству обители, и потому имѣлъ въ ней много духовныхъ дочерей. Были въ той же пустыни духовныя дочери и старца о. Леонида. И хотя Леонидовыхъ ученицъ числомъ было несравненно меньше, но онѣ почему-то имѣли въ обители большее значеніе и преимущество предъ ученицами Филаретовыми, занимая высшія монастырскія должности. Ученицы же о. Филарета за это возревновали и начали приносить ему жалобы на ученицъ о. Леонида, будто бы онѣ по наставленію своего Старца держатся какого-то страннаго и неправильнаго ученія.

По довѣрію къ своимъ чадамъ духовнымъ, о. Филаретъ не провѣрялъ ихъ жалобъ, а безъ разсмотрѣнія передавалъ оныя своему Владыкѣ, который, наконецъ, поручилъ опытному протоіерею съ настоятелемъ сосѣдняго Хотмыжскаго монастыря произвести строгое дознаніе. Изслѣдованіе дѣла кончилось въ пользу ученицъ старца Леонида. Оказалось, что жалобы ученицъ о. Филарета были неосновательны и несправедливы. Тогда о. Филарету, установившему благоустроенный порядокъ въ Борисовской пустыни, Курскій преосвященный съ негодованіемъ сказалъ: «Послѣ этого чтобы и нога твоя не была въ этой обители!» Припоминая этотъ случай, старецъ о. Леонидъ нерѣдко повторялъ: «Повѣрь ревнивымъ дѣткамъ, – они тебѣ насажутъ».

Относительно поста и прочихъ тѣлесныхъ подвиговъ старецъ о. Леонидъ наставлялъ своихъ учениковъ по совѣсти исполнять все должное. И если кто самовольно нарушалъ положенныя правила, Старецъ строго обличалъ того, говоря, что небреженіе и въ маломъ душевредно и ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Но, съ другой стороны, не одобрялъ, если кто все совершенство духовное заключалъ въ соблюденіи однихъ внѣшнихъ правилъ монашескаго житія и всѣхъ, слабыхъ и крѣпкихъ тѣлесными силами, безъ разбора подводилъ подъ одно правило, или, оставивъ благоразумную умѣренность, вдавался въ чрезмѣрные тѣлесные подвиги (например, ношеніе веригъ), надѣясь спастись какъ будто ими одними.

Благодѣтельно стали отражаться богомудрыя наставленія старца о. Леонида на оптинскомъ братствѣ.

Весь внутренній строй монастырской жизни сталъ измѣняться. Ничего важнаго въ монастырь не предпринималось и не дѣлалось безъ благословенія Старца. Къ его келліи ежедневно, особенно въ вечерніе часы, стекались вмѣстѣ съ скитскими и монастырскіе братія съ душевными своими потребностями. Каждый спѣшилъ покаяться предъ Старцемъ, въ чемъ согрѣшилъ въ продолженіе дня дѣломъ, словомъ или помышленіемъ, просить его совѣта и разрѣшенія въ встрѣтившихся недоумѣніяхъ, утѣшенія въ постигшей скорби, помощи и подкрѣпленія во внутренней борьбѣ съ страстями и съ невидимыми врагами нашего спасенія. Старецъ всѣхъ приглашалъ съ отеческою любовію и всѣмъ преподавалъ слово опытнаго назиданія и утѣшенія. – И такимъ образомъ, оптинское братство мало-помалу начало совершенствоваться въ нравственномъ отношеніи.

Вотъ какъ описываетъ келлію о. Леонида очевидецъ, ученикъ его, вышеупомянутый о. Антоній (Бочковъ): «Келлія Старца, отъ ранняго утра до поздней ночи наполненная приходившими къ нему за духовною помощію, представляла картину, достойную кисти художника. Старецъ въ простой одеждѣ, въ короткой мантии, былъ видѣнъ изъ-за круга учениковъ своихъ, которые стояли предъ нимъ на колѣняхъ⁵⁹, и лица ихъ были одушевлены разными выраженіями чувствъ. Иной приносилъ покаяніе въ такомъ грѣхѣ, о которомъ и не помыслилъ бы не проходившій послушанія; другой со слезами и страхомъ признавался въ неумышленномъ оскорб-

⁵⁹ Исповѣданіе помысловъ на колѣняхъ въ знакъ смиренія – древній христіанскій обычай. (См. Лѣствицу. Сл. 4, отд. 62–34.)

леніи брата. На одномъ лицѣ горѣлъ стыдъ, что не можетъ одолѣть помысловъ, отъ которыхъ желалъ бы бѣжать на край свѣта; на другомъ выражалась хладнокровная улыбка недовѣрія ко всему видимому, – онъ пришелъ наряду съ другими явиться только къ Старцу и уйти неисцѣленнымъ; но и онъ, страшась пронизательнаго его взгляда и обличительнаго слова, потуплялъ очи и смягчалъ голосъ, какъ бы желая смягчить своего судію ложнымъ смиреніемъ. Здѣсь видно было истинное послушаніе, готовое лобызать ноги Старца; тамъ немощной, отринутый всѣмъ міромъ, болѣзненный юноша не отходилъ отъ колѣнъ о. Леонида, какъ отъ доилицы ея питомецъ⁶⁰. Между прочими видна была сѣдая голова воина⁶¹, служившаго нѣкогда въ отечественной брани и теперь ополчившагося подъ начальствомъ такого искуснаго вождя противъ враговъ невидимыхъ. Здѣсь бѣлѣлись и волосы Старца⁶², который, признавая свое неискусство въ монашествѣ, начиналъ азбуку духовную, когда міръ признавалъ его наставникомъ. – Такимъ-то разнообразнымъ обществомъ былъ окруженъ великій Старецъ и вождь духовный. Въ этой чудной келліи можно было видѣть зрѣлища столь же поучительныя, какъ и всѣ событія, напоминавшія лучшее время христіанства. „Собраніе смиренныхъ – яко собраніе серафимовъ“, – сказалъ св. Исаакъ Сиринъ⁶³».

⁶⁰ Послушникъ Димитрій Ш.

⁶¹ Алексѣя Ивановича Желябужскаго, болховскаго помѣщика.

⁶² Иеромонаха о. Макарія (Иванова), преемника по старчеству о. Леонида.

⁶³ Въ одномъ періодическомъ изданіи описанная картина вставлена была въ очеркъ жизни Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія. – Но

Въ частности же то, какъ благотворно отзывалось духовное руководство старца о. Леонида на скитскихъ братіяхъ, описываетъ вышеупомянутый оптинскій старожиль іеромонахъ Игнатій, поступившій въ Скитъ въ 1830 году: «Всѣ скитяне составляли тогда одну духовную семью. Миръ и любовь царствовали въ ней. Всѣ отличались глубокимъ смиреніемъ. Каждый старался превзойти другого въ этомъ отношеніи. Даже взглядомъ боялись другъ друга оскорбить, испрашивая прощеніе при малѣйшемъ оскорбленіи брата. Всѣ сохраняли безмолвіе. По келліямъ другъ къ другу не ходили. Нѣкоторые только выходили иногда для уединенныхъ прогулокъ въ Скиту въ ночное время. Новоначальныхъ наставляли не столько словами, сколько примѣромъ своей жизни. Благой примѣръ старшихъ братій благодѣтельно дѣйствовалъ на нихъ, располагая ихъ къ подражанію. На общія послушанія выходили всѣ обязательно (исключая нѣкоторыхъ почтенныхъ старцевъ). Дрова для топлива келлій собирали сами въ лѣсу. Чай пили только по субботамъ, воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, собираясь для сего у старца о. Леонида на пасѣкъ. Самоваровъ же по келліямъ братія не держали. Приготовление пищи по келліямъ и вообще держаніе

зачѣмъ же такъ? Оптинскіе старцы имѣли свои особенности. Старецъ Амвросій при жизни говорилъ: «У старца Льва (Леонида) было просто: и мужчины, и женщины, и монахи, и монахини нерѣдко вмѣстѣ окружали его и открывали свои помыслы». — У старца же Амвросія было иначе. Хотя и онъ преподавалъ общее благословеніе, но особо мужчинамъ и особо женщинамъ; для откровенія же помысловъ принималъ поодиночкѣ. — Скажутъ: тутъ нѣтъ особенной важности. Но все же лучше говорить правду.

сѣстныхъ припасовъ въ келліяхъ было воспрещено. О водкѣ и табакѣ⁶⁴ не было и помину. – Для откровенія помысловъ всѣ братія ходили ежедневно къ Старцу на пасѣку послѣ вечерней трапезы и у него же въ келліи выслушивали молитвы на сонъ грядущимъ. – Больше всего поучалъ Старецъ смиренію».

Мудрость Старца, свидѣтельствуемая любовію и почтеніемъ къ нему настоятеля и братіи, и искусное врачеваніе немощствующихъ душъ скоро сдѣлали о. Леонида извѣстнымъ и внѣ обители. Ради духовныхъ совѣтовъ начали приходить къ дверямъ его келліи изъ городовъ и селеній люди разнаго рода: дворяне, купцы, мѣщане и простой народъ обоого пола. Всѣ были принимаемы Старцемъ съ отеческою любовію, и никто изъ нихъ не выходилъ изъ его келліи, не бывъ утѣшенъ имъ духовно.

Понимавшіе хорошо духовную жизнь мужи, но подвизавшіеся въ затворѣ или безмолвіи⁶⁵, съ разныхъ сторонъ Россіи стали присылать въ Оптину Пустынь подъ руководство о. Леонида для обученія въ монашеской жизни всякаго сословія людей, искавшихъ для сего бо-

⁶⁴ Нѣкоторые думаютъ и даже съ увѣренностію говорятъ, что курить и нюхать табакъ не грѣшно. Но это недоумѣніе разрѣшается очень простымъ соображеніемъ: курить и нюхать не есть необходимая естественная потребность, а есть прихоть; прихоть же есть грѣхъ. Еще: св. апостоль сказалъ: *плоти угодія не творите въ похоти*. По-русски: *попеченія о плоти не превращайте въ похоти* (Рим. 13, 14). Куреніе же и нюханіе что иное, какъ не удовлетвореніе своего хотѣнія или похоти? Слѣдовательно, курящіе и нюхающіе табакъ суть преступники апостольской заповѣди.

⁶⁵ Таковы, напримѣръ, Георгій, затворникъ Задонскій, Иларіонъ Троекуровскій и др.

лѣе надежнаго пристанища. Отовсюду начали стекаться и монашествующіе братія, ревнующіе о своемъ душевномъ спасеніи, какъ пчелы въ улей, дабы напоевать сердца свои потоками сладости божественной, истекавшими изъ медоточивыхъ устъ Старца.

Съ каждымъ годомъ стеченіе народа въ Оптиной Пустыни значительно умножалось, чрезъ что она и внѣшне начала понемногу благоустроиться.

Но что въ особенности привлекало къ старцу о. Леониду сердца всѣхъ, монашествующихъ и мірянъ? – Это даръ благодати Божіей, почивавшей на немъ. Вслѣдствіе чего всѣ съ вѣрою относившіеся къ нему единогласно свидѣтельствовали, что въ его присутствіи они ощущали внутренній миръ, успокоеніе сердечное и духовную радость. Часто приходили къ нему съ великимъ горемъ, а вошедши въ его келлію, забывали, зачѣмъ приходили и что за горе тревожило ихъ, – оно оставляло ихъ на порогѣ. Помыслы, казавшіеся страшными и неодолимыми, въ присутствіи Старца исчезали, какъ будто ихъ никогда не было; но они опять появлялись, когда относившіеся къ Старцу лѣнились приходить къ нему. – Благодатною силою наставленій старца о. Леониды многія семейства умиротворены, проводившіе порочную жизнь наставлены на путь истины, многіе раскольники обращены къ Православной Церкви.

«Случилось мнѣ однажды, – писалъ Левъ Александровичъ Кавелинъ ⁶⁶, – проѣзжать изъ Козельска въ

⁶⁶ Впослѣдствіи архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры, скончавшійся въ началѣ девяностыхъ годовъ XIX столѣтія.

Смоленскую губернію. По дорогѣ въ уединенныхъ дере-
вешкахъ поселяне, узнавъ, что я ѣду изъ Козельска,
наперерывъ спѣшили узнать что-нибудь объ о. Леонидѣ.
На вопросъ, – почему вы его знаете, – они отвѣчали:
„Помилуй, кормилецъ, какъ намъ не знать о. Леонида?
Да онъ для насъ, бѣдныхъ, неразумныхъ, पुще отца
роднаго. Мы безъ него были, почитай, сироты круг-
лые“. – Вотъ памятникъ, который вѣковѣчнѣ многихъ
мраморовъ и гранитовъ!»

Кромѣ обычныхъ своихъ занятій съ монашествую-
щими и мірскими посѣтителями Старець получалъ
множество писемъ отъ разныхъ лицъ, просившихъ у
него разрѣшенія въ недоумѣніяхъ. По любви къ ближ-
нимъ онъ и ихъ не оставлялъ безъ вниманія, но или
самъ писалъ, или диктовалъ отвѣты, приличные каж-
дому къ укрѣпленію и утѣшенію въ скорбяхъ, или же
наконецъ чаще всего поручалъ отвѣчать сожительство-
вавшему съ нимъ іеромонаху, впоследствии старцу,
о. Макарію.

Глава VI

Недоброжелательство, а затѣмъ и явное возстаніе нѣкоторыхъ непонимавшихъ жизни духовной оптинскихъ монаховъ и мірянъ противъ старца о. Леонида, хотя безъ особенно худыхъ послѣдствій. Соприкосновенный сему разсказъ новоначальнаго брата Александра (впослѣдствіи іеросхимонаха Антонія кіево-печерскаго), въ описываемое время принятаго Старцемъ въ Скитъ на жительство

е напрасно говорятъ свв. Отцы, что кто совершитъ дѣло, угодное Богу, того непременно постигнетъ искушеніе, и что всякому доброму дѣлу искушеніе или предшествуетъ, или послѣдуетъ. Слова печерскаго лѣтописца, что иноческія обители воздвигаются молитвеннымъ потомъ и слезами, могутъ быть отнесены и къ введенію въ Оптиной Пустыни старчества – основы иноческаго житія. Оно введено и упрочено здѣсь со многими трудами и скорбями.

Согласно удостовѣряютъ свв. Отцы, что врагъ рода человѣческаго не любитъ не только самаго откровенія помысловъ, но даже и шума словъ сего откровенія; ибо знаеть, что чрезъ это разрушаются всѣ его козни и

коварства. Посему неудивительно, что онъ не замедлилъ противъ этого, въ особенности ненавистнаго ему, иноческаго пути употребить разныя свои козни и за великое дѣло введенія въ обители старчества воздвигъ сильное гоненіе противъ старца о. Леонида. И тѣмъ удобнѣе врагъ-искуситель могъ злокозньствовать противъ Старца и старчества, что не всякій могъ правильно судить о семъ, какъ и самъ Старецъ въ послѣдствіи писалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, когда въ 1836 г. противъ него уже сильно стали распространяться разные толки и хульныя порицанія. «О жизни высокой, – такъ писалъ онъ, – монашеской или схимонашеской не всякъ можетъ здраво судить, а особенно неочищенно имущій душевное око. Прочтите о семъ у св. Симеона Новаго Богослова главы 70, 71, 72, изъ коихъ увидите о правості суда людскаго...»⁶⁷

⁶⁷ Вотъ главы, указанныя старцемъ: Гл. 70. «Притворяющихся добродѣтельными и иными являющихся по внѣшнему виду, иными же бывающихъ по внутреннему челоуѣку, – исполненныхъ иной разъ всякой неправды, полныхъ зависти, рвенія и зловонія сластей чувственныхъ, – многіе почитаютъ, какъ безстрастныхъ и святыхъ, имѣя неочищеннымъ око души (чтобъ познать ихъ прямо) и не въ состояніи будучи познать ихъ по плодамъ ихъ; а тѣхъ, которые живутъ въ благоговѣнствѣ, добродѣтели и простотѣ сердца и суть воистину святы, не отличаютъ отъ прочихъ людей, мимоходятъ ихъ съ небреженіемъ и вмѣняють ни во что». – Гл. 71. «Говоруна и показливаго такіе почитаютъ болѣе учительнымъ и духовнымъ, а молчаливаго и блюдушася отъ празднословія почитаютъ дикаремъ, необразованнымъ и безгласнымъ». – Гл. 72. «Отъ того, кто говоритъ въ Духъ Святомъ, высокоумные и недугующіе діавольскою гордынею отвращаются, какъ отъ высокоумнаго и горделиваго, будучи словами его паче поражаемы, чѣмъ приводимы въ умиленіе и сокрушеніе; а того, кто мелеть, какъ жерновъ, и говоритъ отъ чрева своего или по наукѣ, – хвалятъ и принимаютъ, хотя онъ о дѣлѣ спасенія все лживо толкуеть. Такимъ образомъ, между такими нѣтъ никого, кто бы могъ добръ и

Согласно съ св. Симеономъ Новымъ Богословомъ и иные свв. Отцы учать, что люди обыкновенные, не имѣющіе духовнаго разсужденія, не могутъ правильно судить о душевномъ устроении людей духовныхъ, какъ и св. апостолъ говорить: *духовный (человѣкъ) судить о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ* (1 Кор. 2, 15).

Съ другой стороны, и почва для врага невидимаго была весьма благопріятная. Въ числѣ прежнихъ оптинскихъ братій были благоговѣйные, добрые иноки, но каждый изъ нихъ жилъ по своимъ понятіямъ и подвизался, какъ самъ умѣлъ. Главное же ихъ вниманіе обращалось на внѣшніе труды и на дѣятельныя добродѣтели, какъ-то: постъ, неопустительное хожденіе къ службамъ церковнымъ и подобное. О старческомъ же пути они не имѣли никакого понятія. Потому, когда поселился въ обители старецъ о. Леонидъ съ своими учениками, когда заговорили о старчествѣ и духовномъ окормленіи, объ очищеніи совѣсти и откровеніи помысловъ, объ отсѣченіи своихъ хотѣній и разсужденій, о внутреннемъ дѣланіи, – все это многимъ показалось какимъ-то новымъ непонятнымъ ученіемъ, которое нѣкоторые даже прямо стали называть новою ересью.

Еще упомянуто выше, что въ обращеніи съ людьми разнаго рода Старецъ придерживался шутливости, доходившей иногда какъ бы до полуюродства. И такъ какъ онъ всегда дѣйствовалъ открыто, нисколько не

какъ есть на самомъ дѣлѣ распознать и видѣть (людей и дѣло спасенія)». – Указанный старцемъ Леонидомъ по славянскому Добротолюбію слова св. Симеона Нового Богослова приведены здѣсь въ русскомъ переводѣ по Добротолюбію епископа Теофана, гдѣ они означены 79, 80 и 81 гл.

стѣсняясь и не заботясь о томъ, что люди будутъ говорить о немъ, то нѣкоторые, не имѣвшіе понятія о духовной жизни, стали соблазняться имъ. Одни, напримѣръ, соблазнялись тѣмъ, что схимникъ, который, по мірскимъ понятіямъ, долженъ бы проводить время исключительно въ молитвенныхъ трудахъ и затворѣ, былъ постоянно окруженъ толпою народною. Они не понимали того, что старецъ о. Леонидъ оставилъ дорогое свое безмолвіе не ради какихъ-либо корыстныхъ цѣлей или гнилого тщеславія, а единственно движимый духовною любовію къ страждущимъ и немощнымъ братіямъ, по слову Спасителя: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Ин. 15, 13); и что такая жизнь Старца, по замѣчанію св. Іоанна Лѣствичника, есть величайшій подвигъ⁶⁸. Иные же соблазнялись простою и шутливою рѣчью и обращеніемъ Старца, а иные тучностію его тѣлосложенія, тогда какъ тучность эта происходила отъ болѣзни. Ибо Старецъ въ послѣдніе годы своей жизни почти не могъ пріискать пищи по своему желудку и во все время своей монашеской жизни принималъ ее въ самомъ умѣренномъ количествѣ.

Былъ еще поводъ къ соблазну. Сказано прежде, что Старецъ цѣлилъ болящихъ помазаніемъ елея изъ неугасимо теплившейся лампы въ его келліи предъ Владимирскою иконою Божіей Матери. Но такъ какъ онъ помазывалъ у страждущихъ женщинъ крестообразно не только чело, уста и ланиты, но иногда также кресто-

⁶⁸ Слово къ пастырю. Гл. 9.

образно гортань и перси, то за сіе онъ терпѣль большое нареканіе отъ соблазнявшихся. Нѣкоторые, даже и изъ учениковъ его, просили его оставить такой способъ цѣленія, но никакъ не могли въ этомъ убѣдить его. Конечно, силу и значеніе такого помазанія Старецъ зналъ лучше ихъ, когда употреблялъ оное до самой предсмертной своей болѣзни, и всегда благотворно. Ближайшій ученикъ Старца вышеупомянутый Алексѣй Поликарповичъ Бочковъ, благовоспитанный столичный уроженецъ, безпредѣльно любилъ старца о. Леонида и всѣ его простыя и вмѣстѣ мудрыя слова слагалъ въ сердцѣ своемъ, но какъ только увидить очень свободное и открытое его обращеніе съ посѣтителями и посѣтительницами, изъ себя, бывало, выходитъ: «Ну что это, батюшка?.. Ему то и то неприлично». А Старецъ только, бывало, скажетъ: «Это правда, что неприлично, – но что будешь дѣлать?..»

Слѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ было то, что прежніе монашествующіе братія, которымъ по лѣтамъ ихъ трудно было измѣнить понятія, въ коихъ провели большую часть своей жизни, явно возстали противъ нововведеній старца о. Леонида и какъ на него самого, такъ и на его учениковъ стали смотрѣть недовѣрчиво и непріязненно. По наставленію Старца ученики его по возможности смирялись предъ почтенными старичками и съ своей стороны соблюдали все, чтобы не нарушать миръ обители. Самъ же Старецъ при удобныхъ случаяхъ умѣлъ и вразумлять безчинныхъ.

Такой былъ случай. Нѣкоторые нерасположенные къ старцу о. Леониду іеромонахи изъ такъ называемыхъ

ученыхъ – вдовыхъ священниковъ, въ монастырѣ частенько собирались вмѣстѣ для собесѣдованія. Въ одно изъ такихъ собраній между ними зашелъ вопросъ о какомъ-то текстѣ изъ Апокалипсиса. И вотъ одинъ изъ собесѣдниковъ, о. И-й, вызвался, между прочимъ, озадачить этимъ вопросомъ старца Леонида. Всѣ одобрили это. Немедленно отправился о. И-й на скитскую пасѣку. Старецъ въ это время былъ свободенъ, принялъ посѣтителя ласково и попросилъ садиться. – «Да нѣтъ, – сказалъ о. И-й, – вѣдь я пришелъ къ тебѣ за важнымъ дѣломъ. Что значить въ Апокалипсисѣ вотъ такой-то текстъ? А! – растолкуй-ка». – «О, отче, – смиренно отвѣтилъ Старецъ, – я за такія мудрости не берусь». – «Такъ я тебѣ растолкую», – продолжалъ о. И-й. – «Ну, такъ теперь уже, отче, садись. Дѣло-то немаленькое; да чѣмъ же бы тебя угостить? не угодно ли чайку?» – «Хорошо». – Вскорѣ поданъ былъ чай и потребное къ чаю. Когда же посѣтитель довольно поугостился, тогда Старецъ воочию показаль ему, что людямъ сластолюбивымъ, имъ же богъ чрево, браться толковать и объяснять высокія апокалипсическія сказанія, быть зрителемъ коихъ сподобленъ былъ великій апостоль св. Іоаннъ Богословъ, наперсникъ и другъ Христовъ, есть великая дерзость. Этимъ очень пристыжены были какъ совопросникъ, такъ и всѣ его сообщники.

Еще обстоятельство. Въ г. Козельскѣ жилъ въ то время извѣстный почетный гражданинъ, милліонеръ Димитрій Васильевичъ Брюзгинъ. По его важному значенію и потому, что онъ принималъ участіе въ устройствѣ Оптинскаго скита, настоятель Оптиной Пустыни

о. игумень Моисей оказывалъ ему большое почтеніе. Взаимно и Брюзгинъ любилъ о. игумена Моисея и, вслѣдствіе хорошаго отзыва сего послѣдняго о старцѣ Леонидѣ, приглашалъ его изъ Свирскаго монастыря въ Оптинскій скитъ, общая и келлію для него устроить. Въ проѣздъ Старца изъ Свирскаго монастыря въ Кіевъ Брюзгинъ имѣлъ случай лично видѣться съ Старцемъ и ознакомиться, и просилъ его на возвратномъ пути изъ Кіева пожаловать прямо въ Скитъ, гдѣ для него келлія уже будетъ готова. Келлія дѣйствительно была приготовлена, но, вѣроятно, по той причинѣ, что старецъ о. Леонидъ остался было на жительство въ Площанской пустыни, досталась другому, – іеромонаху Іову. Но это, впрочемъ, такъ, къ слову. Для Старца же собственно приготовлена была келлія, какъ упомянуто выше, на скитской пасѣкѣ, гдѣ онъ и водворился въ свое время. Поначалу Старецъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Брюзгину, но только до перваго Великаго поста, когда Брюзгинъ обратился къ Старцу для исповѣди. Старецъ замѣтилъ, что пришедшій къ нему на исповѣдь молился раскольническимъ перстосложеніемъ, и тутъ же объяснилъ ему, что истинный сынъ Православной Церкви долженъ безусловно повиноваться всѣмъ ея правиламъ и постановленіямъ, и потому совѣтовалъ ему перемѣнить перстосложеніе на православное. Такому важному человѣку, бывшему у всѣхъ въ почетѣ, въ домѣ котораго всегда имѣли квартиру и архіереи, и губернаторы, и которому еще никто не осмѣливался дѣлать замѣчаній касательно его перстосложенія, замѣчаніе старца-пришельца было очень чувствительно. Онъ отвергъ

старческое предложеніе, а Старець отказался быть его духовнымъ отцомъ. Съ тѣхъ поръ Брюзгинъ перешель на сторону противниковъ Старца и въ такомъ отношеніи къ нему оставался уже до самой своей кончины.

По твердости характера и непреклонности воли Старець, одушевляемый святою ревностію о славѣ Божіей, не могъ дѣйствовать иначе; между тѣмъ какъ таковыя его дѣйствія не только не смягчали людей, проводившихъ всю свою жизнь въ излюбленныхъ ими понятіяхъ, но болѣе ожесточали. Пошли на Старца доносы къ епархіальному начальству. Дѣло, конечно, описывалось по видимому справедливо; но оно представлялось такъ, какъ его понимали противники Старца и старчества. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только появился въ Оптиной какой-то старецъ-пришлецъ, настоятель тотчасъ же поручилъ его духовному окормленію все братство, даже и самъ подчинился его вліянію такъ, что безъ совѣта Старца не предпринималъ никакихъ важныхъ дѣлъ по обители. Не обида ли это для монаховъ-старожиловъ? И вотъ наконецъ дѣло доведено было до того, что изъ Калужской Духовной Консисторіи полученъ былъ указъ, чтобы изъ старшей братіи четыре іеромонаха, вмѣстѣ съ настоятелемъ и казначеемъ, участвовали въ совѣщаніяхъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ Пустыни, и безъ общаго ихъ согласія ничего относившагося къ благоустройству обители не предпринимать и не приводить въ дѣйствіе. Это было въ 1830 г., только годъ спустя по водвореніи старца о. Леонида въ Оптиной Пустыни.

Впрочемъ, ожиданія противной стороны не вполне оправдались. Тогдашній Калужскій архипастырь

еп. Гавріиль (Городковъ)⁶⁹ взглянулъ на дѣло иными глазами. При посѣщеніи Оптиной Пустыни онъ въ присутствіи всего братства оказалъ настоятелю о. Моисею милостивое вниманіе, а недовольнымъ сдѣлалъ замѣчаніе и велѣлъ исправить себя.

Хотя и послѣ этого волненіе въ обители не совсѣмъ утихло, но о. игумень Моисей и старецъ о. Леонидъ, многолѣтнимъ опытомъ утвердившіеся въ терпѣніи, превозмогали неблагоприятныя обстоятельства, питая себя благою надеждою, что при помощи Божіей дѣла обители по времени будутъ благоустроены. Такъ писалъ старецъ Леонидъ къ плещанскому іеромонаху Макарію (Иванову), съ которымъ, какъ мы видѣли выше, сблизился во время своего кратковременнаго пребыванія въ Плещанской пустыни: «Премилостивый Богъ мира силенъ есть и всемогущъ попущенную бурю, и волненіе, и искушеніе въ благооттишіе превратить и миръ водворить; и да будетъ Имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка; и якоже всесвѣтой волю Его угодно, тако да управляетъ нами – созданіемъ Своимъ». Надежда старцевъ на всеблагій Промыслъ Божій не обманула ихъ. По времени смущеніе въ обители дѣйствительно нѣсколько улеглось.

Но чрезъ недолгій промежутокъ времени неожиданно и совершенно случайно для Старца послѣдовало новое искушеніе, и теперь уже со стороны мірскихъ людей. Невидимый врагъ рода человѣческаго вездѣ ловить благочестно живущихъ рабовъ Божіихъ. Предложимъ

⁶⁹ Епископствовалъ въ Калугѣ съ 20 мая 1828 г. по 26 августа 1831 г. Скончался на покоѣ въ Рязанскомъ Ольгинѣ монастырѣ 7 апрѣля 1862 г.

здѣсь читателямъ разскажъ со словъ упомянутаго выше кіево-печерскаго духовника іеросхимонаха Антонія, бывшаго въ то время еще молодымъ міряниномъ Александромъ.

«Въ первый разъ, – говоритъ онъ, – я услышалъ святое имя Отець Леонидъ отъ благочестиваго нашего уѣзднаго малоархангельскаго стряпчаго, Николая Іоакимовича Баркова, съ которымъ Старецъ свелъ знакомство въ Площанской пустыни въ 1828 г. на возвратномъ своемъ пути изъ Кіева. Потомъ Батюшка, проѣзжая чрезъ г. Карачевъ, былъ въ домѣ у Баркова съ (вышеупомянутымъ) Димитріемъ Александровичемъ Брянчаниновымъ, бывшимъ въ то время еще міряниномъ, но уже въ послушнической одеждѣ. Онъ отправлялъ при Старцѣ должность кучера. Такое глубокое смиреніе Брянчанинова удивило Николая Іоакимовича и еще болѣе расположило душу его къ мудрости и святости великаго Старца. Сему-то боголюбцу я обязанъ ознакомленіемъ съ Батюшкой, котораго еще лично не видѣлъ. Когда отправился я въ 1833 г. для богомолья въ Соловецкій монастырь, по пути былъ и въ Оптиной Пустыни, съ письмомъ къ Батюшкѣ отъ Баркова. Прежде всѣхъ мнѣ пришлось встрѣтиться въ Козельскѣ съ о. Георгіемъ, бывшимъ въ то время у Старца келейникомъ (впослѣдствіи Геронтіемъ, игуменомъ Калужской Тихоновой пустыни). Но Батюшка былъ въ это время въ Воронежѣ для поклоненія нетлѣннымъ мощамъ святаго Митрофана. Узнавъ о моемъ намѣреніи поступить въ монастырь и благорасположеніи къ Батюшкѣ, о. Георгій ознакомилъ меня съ благомыслящими и

единомудренными скитскими братьями, въ числѣ которыхъ былъ и Михаилъ Ивановичъ Антимоновъ⁷⁰, которому благословилъ меня Богъ въ свое время и глаза закрыть».

«Былъ я и у болѣзненнаго іеромонаха о. Антонія, бывшаго тогда начальникомъ Скита, весьма тяжело больного. Это было въ двадцатыхъ числахъ іюля. А въ декабрѣ около 15-го числа, когда я такъ горячо стремился видѣться съ Батюшкой, нашелъ учениковъ его въ сильномъ горѣ. Ибо учитель ихъ и наставникъ былъ въ это время формально вытребованъ епархіальнымъ преосвященнымъ Никаноромъ⁷¹ въ Калугу, вслѣдствіе донесенія начальника жандармовъ Жемчужникова, Высочайше уполномоченнаго для водворенія порядка между орловскими гражданами. Донесеніе состояло въ слѣдующемъ. Когда Батюшкѣ, проѣздомъ въ Воронежъ и обратно чрезъ Орель, приходилось видѣться въ Орлѣ съ благорасположенными къ нему лицами, эти послѣднія, отъ простыхъ до аристократокъ, при встрѣчѣ съ нимъ публично становились предъ нимъ на колѣни и кланялись ему въ ноги. Жемчужниковымъ это было за подозрѣно. По должности своей онъ донесъ Калужскому преосвященному, что онъ замѣтилъ необыкновенное явленіе: простому іеромонаху воздають богоподобную

⁷⁰ Сынъ почетнаго потомственнаго гражданина г. Курска, милліонера Ивана Васильевича Антимонova, впослѣдствіи о. Мелетій – архимандритъ еkkлecіapхъ Кіeво-Печepcкoй Лавpы, cкoнчaлcя въ 1865 г. нa 72 гoдy oтъ poдy.

⁷¹ Никаноръ (Клементьевскій) управлялъ калужскою паствою съ 9 сентября 1831 г. по 5 сентября 1834 г., докторъ богословія; скончался митрополитомъ С.-Петербургскимъ 17 сентября 1856 г.

честь. Сообщая объ этомъ, онъ и выражалъ свое подозрѣніе, – не кроется ли тутъ какая-либо секта».

«Впослѣдствіи самъ Батюшка, – продолжаетъ разсказчикъ, – сообщалъ мнѣ слѣдующее: „Явился я къ преосвященному, принялъ отъ него благословеніе и объяснился – кто я. – „Подожди, о. Леонидъ, – сказалъ Владыка, – сейчасъ кончу одно дѣло и займусь съ тобой“. – Окончивши дѣло, прочиталъ мнѣ донесеніе Жемчужникова и спрашиваетъ: „Что ты скажешь на это, о. Леонидъ?“ – Отвѣчаю: „Справедливо оно, но что же мнѣ дѣлать съ безтолковыми бабами? Кланяются, какъ истукану; а что я не принадлежу ни къ сектѣ, ни къ расколу, а чисто-православный сынъ Христовой Церкви, въ этомъ не сомнѣвайтесь“. – „Объясни же мнѣ, какъ ты вѣруешь“. – „Извольте, преосвященнѣйшій Владыко, но какъ благословите объяснить, – просто или по-кіевски?“ Удивленный вопросомъ Владыка сказалъ: „Ну, хоть по-кіевски“. Маленько откашлянувшись, я началъ читать Символь православной вѣры съ возможно-низкой ноты, постепенно, съ каждымъ членомъ повышая тонъ, а къ „аминь“ свелъ въ самую высокую ноту, – какъ это исполняется въ Кіево-Печерской Лаврѣ на Божественной литургіи, прибавивъ къ сему: „Тако вѣрую и исповѣдую Св. Троицу, и анаѳематствую всякаго, кто иначе о Ней мудрствуетъ и глаголетъ!..“

– „Теперь все доказано, – сказалъ преосвященный. – Я счастливъ, что имѣю случай съ вами заняться“. – Взявши меня за руку, ведетъ въ кабинетъ и спальню и приказываетъ мнѣ расположиться по-домашнему. Самъ снимаетъ съ меня камилавку и рясу, и самъ же указалъ

на всѣ удобства для старика. Этого дня былъ обѣдъ у Владыки весьма скромный, вѣроятно, всегдашній для него одного; а въ слѣдующіе дни, болѣе недѣли, ужъ чѣмъ-чѣмъ онъ меня ни угощалъ. Но прежде спросилъ: „Что вы, о. Леонидъ, кушаете то и то?“ – Отвѣчаю: „Ваше преосвященство, я человѣкъ ядца и винопійца“.

– „О, это, значитъ, нашъ братъ!“ – Келейнику: „По-давай все“ (конечно рыбное). – Самъ мнѣ накладываетъ и наливаетъ. – Говорю: „Помилуйте, ваше преосвященство, вѣдь это много“. – Владыка: „Вы мнѣ ненадолго достались; вотъ отправитесь въ Скитъ, тамъ поститесь себѣ, какъ угодно, а теперь пусть ваша косточка наливается мозжечкомъ“. – И такъ я пробылъ въ архіерейскихъ покаяхъ болѣе недѣли. Въ это время Владыка до того ко мнѣ благорасположился, что, отпуская меня и благословляя въ обратный путь, прощался со слезами.

Старца Леонида сопровождалъ въ это время въ Калугу одинъ изъ близкихъ его учениковъ, о. Павелъ (Тамбовцевъ). Когда Старецъ задержанъ былъ Владыкою въ своихъ покаяхъ, Тамбовцевъ жилъ на гостиницѣ и ежедневно съ возрастающимъ страхомъ и недоумѣніемъ спрашивалъ о Старцѣ, и только получалъ отвѣтъ, что Старецъ находится въ архіерейскихъ покаяхъ, какъ рѣдкій гость. – По возвращеніи Батюшки въ Скитъ всѣ его приверженцы были въ великой радости. Самъ же Старецъ сутокъ двое по пріѣздѣ ничего не ѣлъ, отговариваясь тѣмъ, что сытъ отъ архіерейскаго угощенія».

«На второй день его пріѣзда, – продолжаетъ іеросхимонахъ о. Антоній, – я въ первый разъ имѣлъ счастье за всю мою прошедшую жизнь быть имъ принятымъ и

отечески обласканнымъ, бывъ утомленъ какъ странникъ полугодичнымъ путешествіемъ по разнымъ монастырямъ. Потомъ Старець приказаль мнѣ побыть въ Скиту, гдѣ я готовился къ принятію Св. Христовыхъ Тайнъ и сподобился быть его духовнымъ сыномъ. На первый разъ я стѣснялся рассказать ему, что могъ слышать въ Валаамской гостиницѣ отъ двухъ странниковъ изъ Оптиной Пустыни о Скитѣ и о Батюшкѣ, а въ другое и третье свиданіе онъ самъ высказаль мнѣ все слѣдующимъ порядкомъ: „Ну что же ты въ странствіи полезнаго для себя приобрѣлъ?“ – такъ началъ онъ. „Полезнаго? – говорить сталъ я ему въ отвѣтъ, – былъ я, батюшка, во многихъ монастыряхъ и совершенно убѣдился, что въ міръ мнѣ уже не возвращаться“. – „А гдѣ же тебѣ болѣе нравится?“ – „На Валаамѣ мнѣ очень нравилось“.

– „Я и самъ тамъ жилъ, да вотъ сюда и попалъ и, какъ Филиппъ, тутъ и прилипъ. А вотъ говорятъ странники и пройдохи, что я толстъ. Это правда. Посмотрика, какой я пузанъ!“ – Думаю: „Это какъ разъ, правда, какъ мнѣ странники говорили“. – „А деньги-то – продолжалъ Старець, – какъ ихъ не любить? Съ ними и святымъ нашего времени хорошо. А вотъ тебѣ-то теперь безъ нихъ приходится плохо, какъ остался въ карманѣ кукишъ. Да и дома-то что тебя ждетъ? Это теперь у тебя съ ума нейдетъ. Впрочемъ, не бойся; все будетъ хорошо, только возвращайся скорѣй. Къ намъ ты возвратишься съ годовымъ паспортомъ, и объ этомъ не заботься, – это дѣло Баркова. Вотъ и богатыхъ какъ не любить? Вѣдь и они люди, да еще какіе изъ нихъ бываютъ! Охъ, братъ, тебѣ ли о семъ разсуждать? Подумай-ка

лучше о себѣ. Ты вотъ и много о себѣ говорить хотѣлъ, да вотъ и онѣмѣлъ“.

Пораженъ я былъ старческимъ обличеніемъ во многомъ, что знала только душа моя да Богъ. Ибо я никому о семъ не говорилъ, но вдругъ вижу зрителя таинъ души моей. Что это такое? Отколѣ взялся мгновенно потъ по всему моему тѣлу! – „Небойсь, небойсь, Саша-Алексаха (такъ впослѣдствіи называлъ меня Старецъ, особенно когда вѣра моя къ нему колебалась), небойсь, – я вѣдь не волшебникъ, и не знахарь, и не обманщикъ, какъ ты наслушался. Собирайся-ка домой къ такому-то дню (назначилъ день). Тутъ есть купчикъ-голубчикъ (бѣлгородскій Богатыревъ); прожилъ съ полгода съ нами, простаками, да и соскучился. Вотъ съ нимъ и отправишься до самаго твоего дома. А то ты подумываешь, какъ бы до дома доползть, а силишки-то изнемогли, да и деньжонокъ-то ни гроша, а онъ чело-вѣкъ съ достаткомъ, еще радъ тебѣ будетъ“.

И такъ я возвратился въ домъ свой съ Богатыревымъ, котораго на слѣдующій же день, 24 декабря, по его желанію отправилъ въ Коренную пустынь (Курской губернии) съ благонадежнымъ извозчикомъ. – А меня матушка съ прочими родными встрѣтили, какъ сшедшаго съ небесъ. Разспросамъ конца не видѣлось. Но меня все это не занимало, и я озабоченъ былъ тѣмъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ дому. Положено было: отговѣвши на первой недѣлѣ Великаго поста, на второй въ понедѣльникъ (т. е. 11 марта 1834 г.) отправиться въ Оптину пѣшкомъ. Пришелъ 17-го марта прямо къ вечернѣ. Тутъ увидѣлъ меня о. Діомидъ и, несмотря на мои

отговорки, взявъ меня за руки и тотчасъ же пошелъ со мною къ Батюшкѣ. Лишь только показался я изъ двери, батюшка возгласилъ: „Вотъ къ намъ пришелъ Саша-Алексаша!“ – Случилось такъ, что въ это время былъ у Старца настоятель обители о. Моисей. Тогда Батюшка сказалъ мнѣ: „Кланяйся (о. настоятелю) и просись въ Скитъ на жительство“. – Кланяюсь и прошусь, по слову старца. – Отецъ Моисей: „Да вотъ, братъ, сегодня прѣхало пять человѣкъ ливенскихъ, помѣщать негдѣ, – келлій нѣтъ“. – Батюшка: „Какая ему келлія? Онъ завтра будетъ здѣсь дрова пилить. Изъ новыхъ-то пришлите-ка одного ему въ товарищи, – пусть пилать, а другой нуженъ въ кухню“. – Отецъ Моисей: „Ну Богъ благословить, – оставайся по благословенію Старца“. – А самъ распростился съ Батюшкой и отправился въ монастырь.

Тутъ въ извѣстный часъ, послѣ второй вечерней трапезы, собрались къ Старцу братія на правило. Изъ нихъ я замѣтилъ двухъ, которыхъ прежде не видѣлъ. Это были: батюшка о. Макарій (Ивановъ), прибывшій послѣ меня изъ Площанской пустыни, и монахъ Іоанникій, прибывшій изъ Невской Лавры, давній ученикъ Батюшки. – По окончаніи правила Батюшка кликнулъ: „Мишутка!“⁷² – Подходитъ упомянутый Михаилъ Ивановичъ Антимоновъ: – „Благословите, Батюшка“. – Указывая на меня, Старецъ сказалъ: „Вотъ возьми съ собой этого львенка, – тамъ въ передней уложите его,

⁷² Точно так же, какъ увидимъ ниже, Старецъ назвалъ и младшего родного брата Михаила Ивановича, Ивана Ивановича Антимонова, въ первый разъ въ жизни пришедшаго къ Старцу для объясненія ему нѣкоторыхъ своихъ обстоятельствъ.

а ты, Аникій-невеликій, помягче постели ему, да къ утреннему правилу его не будите, – пусть отдыхаетъ, а то онъ летѣлъ изъ Малоархангельска безъ оглядки, подбирай только пятки“. – Съ этого времени я жилъ въ Скиту до самаго назначенія меня Батюшкою въ Калужскую Тихонову пустынь 14 ноября 1837 г., и въ этотъ промежутокъ времени постепенно все болѣе и болѣе прилѣплялся къ Батюшкѣ всею моею душою и разумомъ».

Изъ приведеннаго разсказа ясно можно видѣть и простое шутивное обращеніе старца о. Леонида съ своими учениками, и его отеческую любовь, и искреннее участіе ко вновь пришедшему въ Скитъ брату, а также и то, какая невыгодная молва о немъ вездѣ распространялась. Его называли и волшебникомъ или просто колдуномъ, и знахаремъ, и обманщикомъ, подозрѣвали даже принадлежавшимъ къ какой-либо сектѣ. Но все это было только начало болѣзней или, по простонародному выраженію, это были только цвѣты, а ягоды ожидали Старца впереди.

Глава VII

**Переходъ іеромонаха о. Макарія (Иванова)
изъ Площанской пустыни въ Оптинскій скитъ
ради сожительства съ старцемъ о. Леонидомъ.
Ихъ взаимныя отношенія; единомысліе
и единомудренность обоихъ старцевъ
въ отношеніи къ ихъ духовнымъ дѣтямъ.
Вліяніе старца о. Леонида на постороннія
обитатели мужскія и женскія**

ейчасъ мы встрѣтились съ именемъ только что прибывшаго изъ Площанской пустыни въ Оптинскій скитъ на жительство іеромонаха о. Макарія (Иванова). О немъ по ходу времени и скажемъ нѣсколько словъ.

Отецъ Макарій, какъ упомянуто выше, монахъ-подвижникъ, давно уже былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ старцемъ о. Леонидомъ, проводшимъ полугодичное время въ Площанской пустыни, продолжая духовное общеніе съ нимъ и по отбытіи его въ Скитъ, посредствомъ переписки. И хотя о. Макарій очень любилъ Площанскую пустынь и, можетъ быть, никогда бы не разстался съ нею, но его пламенная любовь къ старцу о. Леониду, мужу облагодатствованному,

съ высокимъ даромъ духовнаго разсужденія, а кромѣ сего еще и непріятныя, несродныя его духу обстоятельства побуждали его рѣшиться навсегда проститься съ своимъ роднымъ гнѣздомъ, гдѣ онъ провелъ много лѣтъ и возродился духовно.

Извѣстно, что о. Макарій при своей склонности къ жизни подвижнической не имѣлъ способности и влеченія къ дѣламъ хозяйственнымъ. Между тѣмъ въ 1831 году по распоряженію епархіальнаго начальства онъ одновременно назначенъ былъ членомъ двухъ комитетовъ, – по перестройкѣ Сѣвскаго училищнаго корпуса и по построенію вокругъ Сѣвскаго женскаго монастыря каменной ограды. Заскучаль онъ этимъ несроднымъ его духу занятіемъ, выражаясь въ письмѣ къ старцу о. Леониду такъ: «Завязался комитетами».

Мало того, – въ октябрѣ того же года Орловскій преосвященный Никодимъ, отправляясь на чреду въ Св. Синодъ, неожиданно для о. Макарія вызвалъ его въ Орель и взялъ съ собою въ С.-Петербургъ въ должности казначея и эконома, въ каковой онъ и пробылъ почти цѣлый годъ, до 21-го октября 1832 г.

По пути изъ Орла въ С.-Петербургъ о. Макарій имѣлъ утѣшеніе заѣхать въ Оптину Пустынь (находившуюся въ полуверстѣ отъ большого Кіевскаго тракта) повидаться и проститься, а кстати и посовѣтоваться съ своимъ духовнымъ наставникомъ и другомъ, старцемъ о. Леонидомъ. По прибытіи же въ столицу онъ вскорости со скорбію писалъ къ Старцу: «Вижу себя весьма неспособнымъ къ распоряженію по части экономической, а паче когда все еще неустроено. И что будетъ

дальѣ со мною, не знаю; но буди воля Божія!» Въ дальнѣйшихъ же своихъ письмахъ изъ Петербурга къ старцу о. Леониду о. Макарій постоянно выражалъ скорбь души своей о лишеніи пустыннаго жительства и о тяжести постоянного пребыванія въ молвѣ и попеченіяхъ града, столь несогласныхъ съ его душевнымъ устроеніемъ.

Наконецъ на возвратномъ пути изъ Петербурга, захавъ опять въ Оптину Пустынь, о. Макарій уже испросилъ дозволеніе у старца своего о. Леонида и согласіе о. настоятеля Моисея на перемѣщеніе его въ Оптинскій скитъ. Онъ подалъ прошеніе о семъ Оптинскому о. настоятелю, прося его дать оному ходъ, когда найдетъ сіе удобнымъ; а самъ возвратился въ Площанскую пустынь и, предавшись въ волю Божию, спокойно ожидалъ, — что речетъ о немъ Господь. Между тѣмъ онъ былъ представленъ въ числѣ трехъ кандидатовъ къ занятію должности строителя Площанской пустыни, такъ какъ настоятель ея о. Маркеллинъ давно уже былъ безнадежно боленъ. Но о. Макарій, испытавъ всю тяжесть должностныхъ скорбей, не желалъ этого назначенія; ибо въ мысляхъ своихъ уже рѣшился жить и подвизаться вмѣстѣ съ своимъ старцемъ и наставникомъ духовнымъ о. Леонидомъ, и во всемъ подчиняться его волѣ и руководству.

Дѣло о переводѣ іеромонаха о. Макарія изъ Площанской въ Оптину Пустынь тянулось почти цѣлый годъ, и только въ 1834 г. 14 апрѣля получилъ онъ указъ изъ духовной консисторіи, которымъ исполнялось его давнее желаніе. Слезно простился онъ съ обителемъ, подѣльемъ которой прожилъ болѣе 23 лѣтъ, и, воздавъ благо-

дареніе Царицѣ Небесной, покрову Которой вручалъ себя въ этомъ дѣлѣ, поспѣшилъ въ Оптинской скитъ на соединеніе съ любвеобильнымъ своимъ старцемъ о. Леонидомъ.

Такимъ образомъ, кромѣ двухъ вышепоименованныхъ мужей высокой духовной жизни и опытности настоятеля обители о. Моисея и скитона начальника о. Антонія, появились въ Оптиной Пустыни еще два богоугодныхъ и богомудрыхъ мужа, старцы-іеромонахи о. Леонидъ и о. Макарій. Это были четыре духовныхъ столпа, на которыхъ главнымъ образомъ созидалась и упрочивалась духовная жизнь оптинскаго братства. И замѣчательно, что всѣ эти поистинѣ святые мужи были совершенно различныхъ характеровъ. Но несмотря на эту разнохарактерность, они жили въ такомъ союзѣ мира и искреннѣйшей любви христіанской, что каждый изъ нихъ готовъ былъ за другого и душу положить. Да они и на самомъ дѣлѣ полагали души свои другъ за друга своимъ благимъ изволеніемъ и готовностію терпѣливо переносить разныя бѣды и напасти, когда того требовало одного изъ нихъ или общее ихъ благо.

Съ самаго поступленія въ Оптинской скитъ о. Макарій помогалъ старцу о. Леониду въ обширной его перепискѣ съ лицами, просившими у него духовныхъ совѣтовъ и назиданія; а также былъ помощникомъ Старца въ духовномъ окормленіи братіи и посѣтителей, особенно съ 1836 г., когда былъ опредѣленъ духовникомъ обители.

Поучительны и назидательны были отношенія между старцами о. Леонидомъ и о. Макаріемъ. Этотъ

Преп. Антоній.
Художникъ іером. Гавріил (Спасскій).
1854 г.

послѣдній уже болѣе семи лѣтъ былъ духовникомъ Сѣвскаго дѣвичьяго монастыря, и многіе имѣли его своимъ наставникомъ, пользуясь его духовными совѣтами. Несмотря на то, онъ, смиряясь и вмѣняя себя ни во что, бѣгалъ славы человѣческой, помогаясь, какъ особой чести и отличія, быть при ногу другого старца. Исполненный вѣры и любви къ своему духовному отцу, о. Макарій, будучи главнымъ указнымъ монастырскимъ духовникомъ и скитоначальникомъ, ничего не дѣлалъ, не вопросивъ о. Леонида, и по смиренію весь успѣхъ своихъ начинаній приписывалъ тайно и явно молитвамъ, совѣтамъ и благословенію своего отца и до самой блаженной кончины о. Леонида пребылъ однимъ изъ усерднѣйшихъ учениковъ его.

Такое же смиреніе являлъ съ своей стороны въ отношеніи къ о. Макарію и старецъ о. Леонидъ. Съ начала своей монашеской жизни онъ и самъ всегда шель тѣмъ же путемъ послушанія. Находясь почти двадцать лѣтъ подъ духовнымъ руководствомъ старца Θεодора, о. Леонидъ такъ возлюбилъ во всемъ подчиняться совѣту своего наставника, что и по кончинѣ его ничего не дѣлалъ отъ одного своего лица, какъ сейчасъ увидимъ ниже.

Встрѣтившись въ Площанской пустыни съ о. Макаріемъ, старецъ о. Леонидъ, какъ замѣчено выше, радъ былъ сблизиться съ столь даровитымъ и искуснымъ инокомъ и по переходѣ его въ Оптинскій скитъ смотрѣлъ на него не какъ на ученика, а какъ на своего сотрудника и духовнаго друга. Въ этомъ онъ подражалъ примѣру своего смиренномудраго старца о. Θεодора,

который, будучи его наставникомъ и руководителемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ его своимъ духовнымъ отцомъ и часто совѣщался съ нимъ, какъ съ своимъ другомъ и братомъ о Христѣ.

Больше всего старецъ о. Леонидъ обнаруживалъ свое смиренномудріе и свое уваженіе и любовь къ о. Макарію въ томъ, что приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ помощникомъ, раздѣляя съ нимъ трудъ духовнаго окормленія братіи и посѣтителей. Въ послѣдніе пять лѣтъ своей жизни старецъ о. Леонидъ желавшимъ пользоваться его руководствомъ большею частію благословлялъ обращаться вмѣстѣ съ тѣмъ и къ о. Макарію и открывать ему все, что открывали самому о. Леониду. Съ своей стороны и о. Макарій, когда узнавалъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей что-нибудь, касающееся до нихъ, важное, всегда спрашивалъ, объясняли ли объ этомъ Старцу; и если не объясняли, то отсылалъ къ нему для объясненія. Такимъ образомъ, душа каждого изъ относившихся къ нимъ была равно открыта предъ обоими старцами, и оба они одинаково знали всѣ обстоятельства духовныхъ своихъ дѣтей. Если кто, исповѣдавшись у о. Макарія, приходилъ принять благословеніе у старца о. Леонида, то Старецъ, имѣвшій, какъ замѣчено выше, дарованіе открывать и напоминать забытые грѣхи, спрашивалъ, – говорили ли то или другое о. Макарію; и если не говорили по забвенію или по какой-либо другой причинѣ, то посылалъ опять къ нему для объясненія невысказаннаго. Когда спрашивали о чемъ-либо о. Макарія, онъ безъ Старца не давалъ никакого рѣшенія. Также и Старецъ безъ о. Макарія ничего

Преп. Макарий. Оптиная Пустынь.
Художникъ іером. Гавріиль (Спасскій).
1854 г.

не рѣшалъ, а въ подобныхъ случаяхъ говаривалъ: «Подождемъ, придетъ о. Макарій, вмѣстѣ поговоримъ».

Умилительно было видѣть такое единокровіе и взаимную любовь двухъ старцевъ. – «Бывало, – рассказывала духовная дочь о. Леониды и о. Макарія, бывшая впослѣдствіи настоятельницей Бѣлевскаго женскаго монастыря, игуменія Павлина ⁷³, – бывало, говоришь съ о. Леонидомъ, входитъ о. Макарій. Отецъ Леонидъ говоритъ ему: „Батюшка! Поговори-ка съ ней; ей нужно тебѣ кое-что объяснить“. Или, сидятъ они, какъ Ангелы Божіи, рядомъ, а мы стоимъ предъ ними на колѣняхъ и двумъ открываемъ свои души какъ бы одному, и никогда не раздѣляли ихъ и не дѣлали между ними никакого различія. Поистинѣ въ нихъ *бѣ сердце и душа едина*... ⁷⁴ Потому, – прибавляла рассказчица, – когда скончался о. Леонидъ, хотя мы и скорбѣли о немъ, но скорбь наша была умеренная, такъ какъ мы лишились одной половины, а другая осталась при насъ».

Такъ старцы, одушевленные единомудріемъ и связанные взаимною духовною любовію и единокровіемъ, поучали духовныхъ своихъ чадъ этимъ главнѣйшимъ христіанскимъ добродѣтелямъ не словомъ только, но болѣе всего собственнымъ примѣромъ, и не допускали, чтобы между ними возникало какое-либо раздѣленіе, къ чему ученики, по немощи человѣческой, нерѣдко бывають склонны, какъ еще апостоль Павелъ обличалъ за такое раздѣленіе коринѳянь, глаголя: *Возвѣстися бо ми о васъ, братіе моя... яко рвенія въ васъ суть. Глаголю же*

⁷³ Скончалась 20 іюня 1877 г.

⁷⁴ Дѣян. 4, 32.

се, яко кійждо васъ глаголетъ: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Аполлосовъ, азъ же Кифинъ, азъ же Христовъ. Еда раздѣлися Христосъ? (1 Кор. 1, 11–13). Между духовными дѣтьми о. Леонида и о. Макарія никакихъ подобныхъ раздѣленій или партій не было. Единодушіе и единомысліе старцевъ отражалось и на ихъ дѣтяхъ духовныхъ. Такимъ образомъ, въ одной обители было два старца, но не было раздвоенія, и не терялось единство старческаго окормленія.

Впрочемъ, несмотря на такое единодушіе и взаимную любовь, и уваженіе обоихъ старцевъ, о. Леонидъ съ самаго поступленія въ Скитъ о. Макарія, уступая его нелицемѣрному прошенію, смиренію и постоянству, рѣшился обращаться съ нимъ какъ съ возлюбленнымъ о Господѣ сыномъ и ученикомъ и, слѣдуя наставленію св. Іоанна Лѣствичника, не упускалъ случаевъ доставлять искусному подвижнику вѣнцы чрезъ испытаніе его терпѣнія. Съ этою цѣлію старецъ о. Леонидъ подвергалъ его выговорамъ и замѣчаніямъ нерѣдко и при другихъ, чтобы и ихъ воспользовать его смиреніемъ. Вотъ одинъ изъ многихъ тому примѣровъ.

Настоятель о. Моисей, позвавъ къ себѣ о. Макарія (послѣ его назначенія духовникомъ обители), просилъ его принять отъ мантии готовившихся къ постриженію братій. Отецъ Макарій, вмѣняя просьбу начальника въ приказаніе, отвѣчалъ на оную смиреннымъ поклоненіемъ. Придя затѣмъ къ Старцу и заставъ его по обычаю окруженнымъ множествомъ вопрошавшихъ о своихъ духовныхъ нуждахъ и недоумѣніяхъ, о. Макарій кратко повѣдалъ ему, зачѣмъ призывалъ его настоятель.

Отець Леонидъ съ видомъ строгости спросилъ у о. Макарія: «Что жъ, ты и согласился?» – «Да, почти согласился или, лучше сказать, не смѣлъ отказаться», – отвѣчалъ о. Макарій. – «Да, это свойственно твоей гордости...» – сказалъ Старецъ, возвысивъ голосъ и, принявъ видъ гнѣвающагося, началъ укорять о. Макарія. А тотъ стоялъ съ поникшею головою, смиренно кланяясь и повторяя по временамъ: «Виноватъ, простите Бога ради, Батюшка!» Всѣ присутствовавшіе, привыкши уважать о. Макарія наравнѣ съ старцемъ о. Леонидомъ, смотрѣли на это, – одни съ недоумѣніемъ, другіе съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Когда же Старецъ умолкъ, о. Макарій, поклонившись ему въ ноги, кротко спросилъ: «Простите, Батюшка! Благословите отказаться?» – «Какъ отказаться? Самъ напросился, да и отказаться? Нѣтъ, теперь ужъ нельзя отказываться, дѣло сдѣлано», – сказалъ о. Леонидъ, вовсе не имѣвшій въ виду лишать духовной пользы тѣхъ, которые ввѣрялись духовному руководству опытнаго наставника. Цѣль выговора была иная: искусить смиреніе преуспѣвающаго въ ономъ старца-ученика и воспользовать чрезъ то другихъ, – и она была достигнута вполнѣ.

Поступая такъ, старецъ о. Леонидъ между тѣмъ не только отечески глубоко любилъ, но и сердечно уважалъ о. Макарія, какъ своего духовнаго друга и сотаинника и, когда находилъ то полезнымъ, выказывалъ эти чувства въ такой мѣрѣ, что изумлялъ слышавшихъ. Нѣкоторые однажды спросили о. Леонида о душевномъ устроеніи настоятеля обители о. Моисея, брата его – скитоначальника о. Антонія и упоминаемаго здѣсь

іеромонаха о. Макарія. Старець кратко отвѣчалъ: «Отець Моисей и о. Антоній – великіе люди, а Макарій – свяť». Слышавшіе послѣ объясняли себѣ слова Старца словами св. Іоанна Лѣствичника: «Великихъ людей есть свойство переносить мужественно и съ радостію досады; святыхъ же и преподобныхъ – принимать похвалу безъ вреда»⁷⁵.

Духовная дѣятельность старца о. Леонида не ограничивалась одною Оптиною Пустынью и многочисленными ея посѣтителями. Въ 1837 г. одинъ изъ учениковъ о. Леонида, прибывшій съ нимъ въ Оптину Пустынь изъ Александро-Свирскаго монастыря, іеромонахъ Геронтій, былъ назначенъ настоятелемъ Калужской Тихоновой пустыни. Съ нимъ отпущены были изъ Оптиной до пяти человекъ единомудренныхъ братій. А по времени и еще нѣкоторые перешли къ нему по благословенію Старца. Съ того времени самъ Старець ежегодно посѣщаль Тихонову пустынь и проживалъ тамъ по нѣскольку времени, заботясь о духовномъ окормленіи и утвржденіи братій ея. Кромѣ того, чрезъ приверженныхъ ему лицъ и въ вещественномъ отношеніи благотѣльствовалъ этой бѣдной обители, которая съ той поры стала мало-помалу благоустроиться. Но о семъ подробнѣе сказано будетъ ниже.

Въ 1839 же г. скитоначальникъ іеромонахъ Антоній былъ назначенъ игуменомъ Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря (Калужской епархіи), куда съ нимъ также перешли нѣкоторые изъ учениковъ старца

⁷⁵ Лѣствица. Степ. 22. Гл. 12.

о. Леонида. Живя въ Малоярославцѣ, они продолжали пользоваться его наставленіями.

Такимъ образомъ, духовное вліяніе старца о. Леонида простиралось кромѣ Оптиной Пустыни еще на двѣ обители въ предѣлахъ Калужской епархіи, въ которыхъ въ свое время также введено было имъ старчество.

Наконецъ, и изъ нѣкоторыхъ женскихъ обителей другихъ епархій многія инокини пользовались духовнымъ руководствомъ старца о. Леонида, особенно изъ Сѣвскаго Троицкаго монастыря Орловской епархіи, Борисовской Тихвинской пустыни Курской епархіи и Бѣлевскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Тульской епархіи. Въ каждомъ изъ этихъ монастырей о. Леонидъ имѣлъ нѣкоторыхъ преданныхъ ему ученицъ, преуспѣвшихъ болѣе другихъ въ духовной жизни, которыя и при жизни, и по кончинѣ его были старицами и наставницами многихъ относившихся къ нимъ сестеръ.

Такъ духовное сѣмя старца о. Леонида произрастало и распространялось далеко и за предѣлами Калужской епархіи.

Глава VIII

**Подробности старчества, или учительства,
старца іеромонаха Леонида въ разсказахъ
жившихъ при немъ учениковъ его**

ыше изложенъ былъ общій взглядъ на старчество, или учительство, перваго Оптинскаго старца іеромонаха о. Леонида. Теперь постараемся представить нѣкоторыя подробности, частію въ письменныхъ разсказахъ духовныхъ его дѣтей, частію же въ устныхъ разсказахъ оставшихся въ живыхъ старожиловъ-монаховъ.

Такъ какъ самолюбіе и самооправданіе суть главные корни всѣхъ золъ и нестроений въ родѣ человѣческомъ, то противъ нихъ, главнымъ образомъ, и направлены были всѣ наставленія старца о. Леонида и всѣ его пріемы. Предыдущая глава уже показала, какъ онъ смирялъ ближайшаго и возлюбленнаго своего ученика, старца-подвижника и сотрудника іеромонаха Макарія. Подобнымъ образомъ онъ обращался и съ другими Оптинскими старцами, изъ которыхъ не исключался даже и начальникъ Скита іеромонахъ Антоній. Сдѣлать строгій выговоръ или пристыдить чѣмъ-либо кого-нибудь изъ старшихъ монаховъ и вообще, кто попадетсѣ

подъ случай – было обычнымъ дѣломъ старца-наставника. – Такъ пришелъ къ нему однажды вышеупомянутый прежде іеромонахъ, а затѣмъ настоятель Валаамскаго монастыря, доживавшій при старцѣ Леонидѣ въкъ свой въ Оптинскомъ скиту, игумень Варлаамъ. Замѣтить должно, что человѣкъ сей былъ строгій подвижникъ, молитвенникъ и полный нестяжатель, ничего въ своей келліи не имѣвшій и потому никогда ее не запиравшій. На этотъ разъ захотѣлось ему лимона, котораго, конечно, у него не было. Старецъ о. Леонидъ по обычаю въ келліи своей окруженъ былъ посѣтителеми. Вошедшій къ нему о. игумень, по немощи человѣческой, постѣснялся просить у него лимонъ при людяхъ, а потому и сказалъ потихоньку: «Мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ». – У Старца въ келліи стояла небольшая ширмочка, за которую онъ и бралъ нѣкоторыхъ для секретныхъ разговоровъ. Немедленно о. Леонидъ всталъ, взявъ за руку о. Варлаама, ведетъ его за ширмочку, а самъ, слегка подталкивая сзади ногой, приговариваетъ: «Ну, иди, иди! Ты-таки игумень, а я что?..» Заведши за ширмочку, Старецъ спросилъ: «Ну, что скажешь?» Отецъ игумень потихоньку: «Нѣтъ ли у тебя лимончика?» Старецъ во всеуслышаніе: «Ишь секретъ какой! Нѣтъ ли лимончика?» Шумить келейнику: «Яша, дай ему лимонъ».

О новоначальныхъ послушникахъ, по преимуществу склонныхъ къ тщеславію, Старецъ имѣлъ обыкновеніе говорить такъ: «У кого голосокъ да волосокъ, у того лишній бѣсокъ» (бѣсъ тщеславія). И еще: «Новоначальный и въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ все тщесла-

вится». – Нѣкоторые изъ послушниковъ, желая уклониться отъ трудовъ послушанія, въ оправданіе себѣ говорили Старцу, что во время дѣла ихъ борють помыслы тщеславія. Таковымъ Старецъ отвѣчалъ: «Ну что жъ? Хоть тщеславьтесь, да работайте».

Замѣтимъ здѣсь, что упомянутыя выше неожиданности въ обращеніи о. Леонида съ старыми монахами, иногда же и выговоры, и укоризны, всегда принимались ими благодушно, а, можетъ быть, даже и съ радостію, и благодареніемъ; ибо искусившіеся въ жизни духовной старички понимали благую цѣль старцевыхъ выговоровъ и укоризнъ, – дабы утверждать и усовершенствовать въ терпѣніи и смиреніи. Другое дѣло было съ новоначальными, еще неопытными въ жизни духовной. Эти послѣдніе и высказаться-то съ пользою душевною не умѣли и подпадали или сильному смущенію и недоумѣнію, или равнодушничали, укоряя другихъ и во всемъ себя только оправдывая. Всѣхъ ихъ старецъ о. Леонидъ наставлялъ и вразумлялъ, какъ выше было замѣчено, съ долготерпѣніемъ и отеческою снисходительностію. – Прочитаемъ самые рассказы.

**Разсказъ послушника Оптинскаго скита
брата Александра Медвѣдева, въ послѣдствіи
кіево-печерскаго іеросхимонаха Антонія**

«Въ наше сожительство съ батюшкой (о. Леонидомъ) не видѣлось такого случая, чтобы онъ выказалъ кому-либо уступчивость, если замѣчалъ въ пришедшемъ къ нему склонность къ гордости, тщеславію или еще къ какому-либо пороку, прикрываемому личиною

добродѣтели. Онъ бывалъ въ это время непреклоненъ и неумолимъ. Но зато, когда достигнетъ своей цѣли, т. е. увидитъ наклонность къ сознанію своей виновности и смиренію, тогда превращается въ самую нѣжную чадолубивую мать. А это наиболѣе испытывали опрометчивыя натуры. Напримѣръ, покостричишься съ кѣмъ-нибудь и увѣришься, что я съ своей стороны невиновенъ. Но совѣсть все-таки побуждаетъ объясниться предъ Батюшкой. Идешь и объясняешься. Батюшка выслушиваетъ, иногда и поддакиваетъ. Тогда уже безъ стѣсненія свободнѣе себя оправдываешь. – „Ну, хорошо, – скажетъ наконецъ Старецъ, – значить, ты правъ, а тотъ виноватъ; значить, мы съ тобой квиты, ты теперь праведный, и тебѣ теперь до меня нѣтъ никакого дѣла; иди-ка съ Богомъ, ты теперь спасенъ. А меня оставь, ибо мое дѣло употреблять трудъ и время для грѣшниковъ. Иди-ка, иди съ своею праведностію, а намъ грѣшнымъ не мѣшай“. Чтобы поправить дѣло и возвратить къ себѣ благоволеніе Старца, начнешь еще говорить что-либо къ своему оправданію: „Да нѣтъ, Батюшка, вѣдь это дѣло-то вотъ такъ и такъ было“. – „Значить, ты еще правѣе, – замѣтитъ Старецъ, – иди-ка, иди, – вѣдь за дверями грѣшники ждутъ, а ты имъ мѣшаешь“. Выходишь отъ Старца какъ бы связанный по рукамъ и ногамъ. Идешь въ келлію, чтобы успокоить себя. Но нѣтъ, – въ келліи проведенный одинъ часъ кажется за годъ. Идешь опять къ Старцу объяснить и это, по видимому, невинное страданіе, и этимъ еще болѣе себя спутаешь. – И Старецъ съ своей стороны подтверждаетъ эту невинность, которая ведетъ по той же дорогѣ – изъ

келліи вонъ. Такъ повторяется до тѣхъ поръ, пока водворится въ душѣ искреннее сознаніе своей виновности. Придешь къ Старцу и не смѣешь повернуться. Тогда и Батюшка изъ непреклоннаго судіи превращается въ нѣжную мать. – Таковыя выдержки случались нѣскольکو разъ со мною грѣшнымъ. Но это дѣло неважное, ибо моя неотесанная натура требовала сего. Подобныя же операціи приходилось выдерживать и батюшкѣ о. Макарію, и о. Іоанну (іеросхимонаху) нерѣдко. Видѣлъ я, какъ о. Антоній, будучи начальникомъ Скита, подчинялся старцу о. Леониду наравнѣ съ другими. Но послѣ сихъ случаевъ между Старцемъ и его учениками и взаимно между послѣдними не только не было раздора, а, напротивъ, болѣе возрастало единеніе духа.

Былъ еще со мною такой случай. Стоялъ одинъ братъ на вечернемъ правилѣ, которое, какъ упомянуто выше, отправлялось всегда въ келліи Старца. Мнѣ пришлось неумышленно стать впереди этого брата. Онъ дернулъ меня за балахонъ и съ негодованіемъ сказалъ: „Куда ты лѣзешь, новоначальный, мимо старшей братіи? Мужикъ такой!“ Я хотъ и кивнулъ ему головой съ произнесеніемъ: „Прости Бога ради“, а самого забрало до лихорадки. – Послѣ правила по обычаю я остался объяснить Старцу свою неумышленную дерзость, которою могъ оскорбить брата, и его укоризною самъ оскорбиться до бѣшенства. А какъ я былъ человѣкъ должностной, поваръ, то Батюшка позволялъ иногда такимъ объясняться прежде старшихъ. Такъ было теперь и со мной. Послѣ моего объясненія Батюшка, возвысивъ голосъ, позвалъ того брата по фамиліи. – „Благо-

словите?“ – откликнулся братъ. – Батюшка: „Вотъ что хочу я тебѣ сказать: этотъ голубчикъ, – указывая на меня, – похожъ на мокрую ворону, да вотъ оскорбилъ онъ тебя на правилѣ?“ – „Да, Батюшка, онъ какъ нарочно все лѣзетъ впередъ“. – Старецъ обращается ко мнѣ: „Слышишь, лупоглазый?“ – И строго повелѣваетъ: „Проси у него прощенія, кланяйся ему въ ноги“. – Кланяюсь. А Старецъ велитъ въ это время повторять за нимъ слова: „Прости меня, будущій годовъ черезъ десять Отецъ, меня новоначального, послѣ тебя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поступившаго въ Скитъ“. – Тотъ братъ понялъ, что Старецъ этимъ оправдывалъ меня, палъ предъ нимъ на колѣни и сталъ защищать свою якобы правоту. – „Что жъ? – сказалъ Старецъ, – вѣдь братъ, какъ виновный, просилъ у тебя прощенія, а ты и такъ остаешься какъ невинная душа“. – „Да онъ, Батюшка, – продолжалъ братъ, – не такъ вамъ объяснилъ“. – Между тѣмъ я уже отправился въ поварню. – „Поди, позови его сюда, – сказалъ Старецъ, – и самъ приходи, – вотъ увидишь, какъ я съ нимъ раздѣлаюсь“. Пришелъ и зоветъ: „Братъ Александръ! Батюшка зоветъ тебя“. Идемъ, а онъ дорогою говоритъ мнѣ: „Какъ тебѣ не грѣхъ? Наябедничалъ ты Батюшкѣ на меня. За это Батюшка разсердился, – вотъ теперь и мучься“. Пришли, и Батюшка приказываетъ мнѣ повторить объясненіе. Я повторилъ. – „Ну что? – обращается къ брату Старецъ, – такъ было дѣло?“ – „Да, такъ“, – отвѣчаетъ братъ. – „Ну, иди же, – продолжаетъ Старецъ, – да спроси у своей совѣсти, – кто изъ васъ правъ и кто виноватъ. Да ты это долженъ знать, признавшій себя

старожиломъ. А онъ – новоначальный, – съ него теперь взятки гладки“».

Сокращая рассказ сей, прибавимъ только, что разладъ этихъ двухъ братьевъ нѣсколько затянулся. И Старецъ не спѣшилъ насильно примирять ихъ, такъ какъ зналъ, что только чрезъ искреннее сознаніе своей виновности и самоукореніе человѣкъ можетъ пріобрѣсти прочный миръ душевный, какъ говорить преп. авва Дорофей⁷⁶. И дѣйствительно, проведши нѣсколько времени въ сильномъ смущеніи и душевно вдоволь настрадавшись, оба они, по молитвамъ Старца, смирились, примирились и навсегда остались искренними друзьями.

Разсказъ монаха Тихоновой пустыни Калужской епархіи С.

Монахъ С., бывшій ученикъ старца о. Леонида, разсказывалъ о себѣ слѣдующее: «Когда жилъ я дома, многіе изъ нашего села приходили въ Оптину Пустынь и, сподобившись слышать отъ батюшки о. Леонида мудрыя христіанскія наставленія, славили его въ разговорахъ другъ съ другомъ. Захотѣлось и мнѣ видѣть Батюшку, а ежели примутъ въ обитель, то и остаться при немъ. Нашелъ я себѣ товарища нашей же деревни, человѣка, который зналъ немного грамоту, но много о себѣ думалъ. Идучи съ нимъ дорогою, я часто ему напоминалъ объ о. Леонидѣ, говоря: „Что-то посовѣтуешь ли намъ Старецъ: идти въ монастырь, или нѣтъ?“ На что мой

⁷⁶ Поученіе 7-е. О самоукореніи.

товарищъ отвѣчалъ гордо: „Что его совѣтъ? Я самъ умѣю „вграмоти“. – Наконецъ, приходимъ мы къ о. Леониду, который шуточно и ласково насъ привѣтствовалъ. Проживши нѣсколько дней, мы стали просить у Батюшки благословенія, чтобы намъ остаться въ монастырѣ. Но Старецъ мнѣ благословилъ остаться, а моему товарищу велѣлъ сказать, чтобы онъ шелъ въ деревню. „Я ему не совѣтую, – сказалъ онъ, – идти въ монастырь“. Оскорбленный симъ, мой спутникъ началъ роптать на Старца, говоря: „Какой это старецъ! Я и тебѣ не совѣтую, братъ, слушать его“. – Но я, несмотря на его горделивые совѣты, по батюшкину благословенію, остался въ монастырѣ, а мой товарищъ отправился въ деревню и, не послушавъ совѣта Старца, пошелъ все-таки въ монастырь. Пожилъ въ одной обители немного, увидѣлъ свою немощь, какъ страсти воюютъ и нападаютъ на одинокаго борца, не имѣющаго помощи отъ духовныхъ совѣтовъ опытнаго старца; перешелъ въ другой монастырь, – надѣялся тамъ найти себѣ лучшее. Но наши страсти вездѣ съ нами. Наконецъ вышелъ онъ изъ монастыря, потерявши усердіе къ иноческой жизни. Послѣ я слышалъ, что онъ женился. Вотъ до чего довела его глупая гордость: „Что старецъ? Я и самъ „вграмоти“ знаю“».

«Теперь буду говорить о себѣ. – Я каждый день ходилъ къ Старцу, говорилъ о своихъ худыхъ помыслахъ и о страстяхъ; но вскорѣ эту бдительность о своей душѣ потерялъ. Сперва началъ утаивать отъ Старца самые маловажные, по моему мнѣнію, помыслы, потомъ потерялъ вѣру къ Старцу и усердіе жить въ святой обители, началъ думать о сельской жизни и о женитьбѣ.

Наконецъ прихожу къ Старцу съ лицемѣрною преданностію и прошусь на малое время побывать домой. Но не укрылось мое лицемѣріе отъ прозорливаго Старца. Онъ съ ослабленнымъ лицомъ и грозя пальцемъ, говоритъ: „Смотри, братъ, ты не обманываешь ли меня?“ — Я сталъ себя оправдывать: „Нѣтъ, Батюшка, я только повидаюсь съ братомъ и немедленно возвращусь“. — Наконецъ, Старецъ сказалъ: „Ступай, братъ, съ Богомъ; прибѣжишь сюда бѣгомъ, когда не хочешь теперь оставаться“. — Съ радостію ушелъ я изъ Оптиной Пустыни съ такимъ намѣреніемъ, что уже никогда не возвращусь. Такъ мнѣ наскучило первоначальное нудничество о спасеніи своей души. Но случилось противное моей мысли, по предсказанію Старца. Прихожу я домой въ свое село, началъ заниматься обыкновенными сельскими работами. Въ это время въ нашемъ селѣ у одного крестьянина пропала лошадь. Онъ началъ подозрѣвать мужичка, замѣченнаго уже прежде въ конокрадствѣ, и не ошибался въ своей догадкѣ, но явныхъ уликъ не было, — лошадь была перепродана изъ рукъ въ руки. Такъ съ виноватымъ онъ и не могъ ничего сдѣлать. — Однажды крестьянинъ этотъ ѣхалъ изъ другаго села съ праздника, порядочно подвыпивши; встрѣтилъ нечаянно похитителя своей лошади на перелѣскѣ и въ порывѣ гнѣва бросился на него, началъ бить жестоко и убилъ несчастнаго. Въ эту ночь случилось мнѣ караулить лошадей на полѣ. На другой день поселяне извѣстили станового пристава, что нашего села крестьянинъ лежитъ на дорогѣ, убитый неизвѣстно кѣмъ. Становой пріѣхалъ. Начались допросы: кто гдѣ въ это время былъ.

На меня и показала одна женщина, что я въ это время ночью пасъ лошадей въ полѣ. Меня начали допрашивать. Я одни слова говорилъ, что знать не знаю. Но крестьяне наши просили станового запереть меня и морить голодомъ. Заперли меня въ чуланъ и не давали ни пить ни ѣсть ничего трое сутокъ. Какъ я въ эти трое сутокъ раскаявался, что не послушалъ добраго совѣта прозорливаго Старца, и отъ всего сердца молилъ Господа, чтобы за молитвы Старца, мною обманутаго, избавилъ меня отъ бѣды! Наконецъ утомленнаго голодомъ, меня вывели на новые допросы. Мужики наши предлагали становому еще жесточайшую первой пытку – раскалить сковороду и поставить меня на нее, и увѣряли станового: „Повинится-де, ежели вы такъ сдѣлаете“. Я не надѣялся этой жестокости вытерпѣть и рѣшился было на себя клеветать ложно. Но за молитвы Старца избавилъ меня Господь. Письмоводитель говорить приставу: „Вы за это будете отвѣчать, если такъ поступите, – это совсѣмъ противъ государственныхъ законовъ“. – Меня оставили. Начали допрашивать другихъ. Дошли до виноватаго, который перепутался въ словахъ и въ скоромъ времени признался въ своемъ преступленіи. Я, обрадовавшись своему избавленію, немедленно поспѣшилъ отправиться въ Оптину Пустынь. Какъ скоро увидалъ меня батюшка о. Леонидъ, то съ любовною улыбкою благословилъ и сказалъ: „А, арясина ⁷⁷, пришелъ! Каково гостилъ? Сказывай намъ“. –

⁷⁷ Корень сего слова, по нашему мнѣнію, есть «аръ», которое, по словарю Даля, означаетъ: слѣдъ звѣря по порошѣ. Слѣдовательно, слово «арясина» соотвѣтствуетъ слову «звѣрина» или «звѣрище».

Я все рассказал Батюшкѣ: и прежнія умышленія не жить въ монастырѣ, и случившуюся дома за преступленіе напасть. Съ этихъ поръ боялся я малѣйшаго помысла утаить предъ Старцемъ».

«Когда я пожилъ нѣсколько въ монастырѣ, сталъ меня Старецъ посылать въ свое село: „Ступай, – говорить, – сходи домой на короткое время, и опять сюда возвратишься“. Мнѣ идти не хотѣлось, и я просилъ Батюшку, чтобы не посылалъ. Но Батюшка непременно велѣлъ идти. Пришелъ я на свою родину, нашелъ брата своего помѣшавшимся въ разсудкѣ отъ излишняго употребленія вина. А крестьяне нашего села только хотѣли на другой день моего прихода послать за мною въ монастырь, чтобы я пришелъ и управлялъ хозяйствомъ вмѣсто брата. Какая скорбь! Не хочется мнѣ оставаться въ міру. Не знаю, что дѣлать. Наконецъ, пришла мнѣ мысль съѣздить съ братомъ къ святителю Митрофану Воронежскому. Мужички наши этому не попрепятствовали. Приѣхали мы въ Воронежъ и отпѣли молебень угоднику Божию. Брату стало полегче. На другой день опять просили отслужить молебень; и послѣ молебна братъ совершенно поправился разсудкомъ. Привезъ я его домой совершенно здоровымъ. Всѣ удивились этой перемѣнѣ. Удивился и я тогда прозрѣнію Батюшки, какъ онъ впередъ провидѣлъ и предсказалъ оба мои похода на родину. Послѣ сего оставилъ я брата жить въ міру, а самъ поспѣшилъ возвратиться къ Старцу и уже шелъ къ нему съ вѣрою и сыновнею преданностію.

Еще замѣчалъ надъ собою, живши въ монастырѣ: иногда нападала на меня тоска, уныніе, и жестоко

бороли помыслы. Пойдешь, бывало, къ Батюшкѣ утѣшиться въ своихъ скорбяхъ, и при вступленіи въ его келлію вмигъ все исчезнетъ, и въ сердцѣ вдругъ почувствуешь тишину и радость. Батюшка спроситъ: „Зачѣмъ пришелъ?“ – А ты и говорить не знаешь что. Возьметъ Батюшка масломъ помажетъ изъ лампады да благословитъ; и пойдешь изъ его келліи съ сердечною радостію и душевнымъ миромъ».

«Потомъ батюшка о. Леонидъ велѣлъ мнѣ перейти въ Тихонову пустынь. Мнѣ не хотѣлось разстаться съ Батюшкой, но не смѣлъ его послушаться. Здѣсь мнѣ стало жить тяжелѣе. Трудовъ много, а утѣшить некому. Старецъ пріѣзжалъ сюда рѣдко. Наконецъ я рѣшился возвратиться опять въ Оптину Пустынь. Въ это время пріѣхалъ сюда батюшка о. Леонидъ. Я ему рассказалъ свое намѣреніе. Батюшка призвалъ меня въ келлію о. Мелетія. Тутъ былъ и о. Алексій⁷⁸. Онъ велѣлъ имъ положить свои руки на мою голову и самъ положилъ и, прочитавъ Трисвятое, сказалъ: „Живи здѣсь и никуда не ходи отсюда“. Съ тѣхъ поръ не стало у меня и мыслей о выходѣ изъ сей обители».

Разсказъ Оптиной Пустыни послушника Алексѣя Иванова Васильева, какъ пользовалъ его покойный старецъ о. Леонидъ

«Однажды, – говорилъ онъ, – я чувствовалъ въ себѣ холодность съ тонкимъ смущеніемъ и разсуждалъ въ се-

⁷⁸ Вышеупомянутые оптинскіе послушники: Михаилъ Ивановичъ Антимоновъ, въ монашествѣ Мелетій, и Алексій Поликарповичъ Бочковъ, по благословенію Старца перешедшіе въ Тихонову пустынь.

бѣ, что это есть слѣдствіе разсѣянiя и самочинiя. Вотъ уже прошло три дня, какъ я не былъ у своего Старца, и не повѣрялъ моихъ дѣлъ, и не открывалъ помысловъ. Одна мысль говорила мнѣ, что идти къ нему незачѣмъ, потому что въ теченіе сего времени тобою противъ совѣсти ничего не сдѣлано. Другая же, напротивъ, убѣждала меня получить отъ него хотя благословеніе, могущее укрѣпить противу козней діавола. А съ тѣмъ вмѣстѣ разсуждалъ въ себѣ, что по благодати Своей Господь, можетъ быть, возвѣститъ Старцу о моихъ скрытыхъ немощахъ, коихъ я по дебелости своей не примѣчаю; и если получу въ оныхъ обличеніе съ отеческимъ наставленіемъ, то можетъ ко мнѣ возвратиться и прежнее душевное спокойствіе. Повинуясь сему внушенію, понудилъ я себя идти къ моему наставнику. Когда же я вошелъ къ нему въ комнату, Старецъ занятъ былъ гостями. Увидѣвъ меня вошедшаго, спросилъ: „Что тебѣ надобно?“ – Я, подошедъ къ нему и ставъ на колѣни, сказалъ, что пришелъ испросить благословенiя и святыхъ молитвъ. Благословивъ меня, онъ сказалъ: „Спасибо тебѣ“. Сталъ спрашивать, какъ я провожу время, – занимаюсь ли даннымъ мнѣ отъ начальника послушаніемъ, – пишу ли въ живописной порученныя мнѣ иконы? – На сіе я отвѣчалъ: „За молитвами вашими, Батюшка, занимаюсь“. – Помолчавъ, Старецъ сказалъ: „Хорошо, но я слышалъ, что ты и портреты пишешь“. Эти слова совершенно меня привели въ замѣшательство, потому что въ прошлый вечеръ намалевалъ я съ одного брата портретъ самочинно. Испросить должнаго прощенiя, какъ новоначальный, я не нашелся, а

въ извиненіе свое сказалъ, что я „шалилъ“, думая тѣмъ оправдаться. Старець, взглянувъ на гостей, повторялъ сіе слово нѣсколько разъ: „Онъ шалилъ!“ Взявъ меня за голову и обративъ къ посѣтителямъ лицомъ, сказалъ: „Вотъ, господа, этотъ человѣкъ слишкомъ 30-ти лѣтъ и уже имѣетъ большую бороду; бывши въ мірскомъ званіи, управлялъ тысячами людей⁷⁹, – сюда же въ монастырь пришелъ „шалить“. Вѣдь будетъ прокъ въ этомъ человѣкѣ! – и, вздохнувъ, прибавилъ: – Ну, братъ Алексѣй, чтобы ты былъ впередъ аккуратнѣе, положи нѣсколько поклоновъ“. Во время оныхъ приказывалъ мнѣ говорить за нимъ слова сіи: „Хотя я и гордый человѣкъ, а смириться долженъ. Святой апостоль Павелъ говоритъ: настой, обличи и проч.“⁸⁰. – Посемъ съ веселымъ духомъ и ласковостію благословилъ меня и сказалъ: „Ну, мое дѣточко, теперь будешь мирень; ступай съ Богомъ!“»

«Однажды пошелъ я узнать различіе молитвъ, коихъ рязряды видѣть можно въ Добротолюбіи. Особенно мнѣ хотѣлось читать главы Каллиста Катаѳигіота, но сомнѣвался, что Старець дозволить читать мнѣ оныя еще въ новоначаліи бывшему. Посему я началъ у него просить книгу при многихъ посѣтителяхъ, полагая, что онъ, бывъ занятъ знатными лицами, не войдетъ со мною въ подробный разспросъ о чтеніи. Сверхъ моего ожиданія батюшка о. Леонидъ, оставивъ разговоръ съ гостями, съ особеннымъ участіемъ сталъ спрашивать, для чего мнѣ

⁷⁹ Былъ нѣсколько времени управляющимъ имѣніемъ у какого-то господина.

⁸⁰ Ср.: 2 Тим. 4, 2.

понадобилось Добротолюбіе, и какія мѣста я желаю читать. Когда же я ему объявилъ, то онъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: „Какъ ты осмѣливаешься за такіе высокіе предметы браться? Шишка!⁸¹ Тебѣ не Каллиста Катаѳигіота читать, а полезнѣе навозъ чистить! Помни Симона волхва, какъ онъ, высоко поднявшись, опустился низко; такъ и ты, буде не смиришься, то погибнешь“. Въ это время я стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ, какъ громомъ пораженный. Посемъ Старецъ сказалъ мнѣ: „Поддай сюда щеки“. И давъ мнѣ нѣсколько легкихъ пощечинъ, сказалъ: „Ступай съ Богомъ!“»

«Случилось мнѣ пригласить къ себѣ одного брата напиться чаю. Ставя посуду на столъ, я нечаянно разбилъ чайную чашку. Пришелъ къ Старцу объяснить и нашелъ его спящимъ на кровати. Батюшка отъ шороха проснулся и, увидѣвъ меня, сказалъ: „Что тебѣ надо? Денегъ?“ – Я отвѣчалъ: „Я разбилъ чайную чашку“. – Онъ тотчасъ позвалъ келейника и сказалъ ему: „Поздравь Алексѣя Ивановича, – онъ взялъ городъ“. – Я не понималъ, къ чему было такое поздравленіе. Старецъ сказалъ мнѣ: „Скажи, пожалуй, когда ты исправишься? Какого отъ тебя добра ждать? Въ міру ты былъ негодяй и теперь живешь безъ исправленія. Если бы ты имѣлъ страхъ Божій, то ты смирилъ бы себя, и подобнаго съ тобою не случилось бы. Видно, ты съ разсѣяніемъ, не помня себя, занимался угощеніемъ, и оттого разбилъ. А хуже того еще, что съ гордымъ духомъ пришелъ къ Старцу хвастаться: я разбилъ чашку. Если бы ты былъ

⁸¹ У этого брата была на лбу шишка.

путный человекъ, то бы пришелъ со смиреніемъ, сказавъ: Батюшка, простите Бога ради, я нечаянно разбилъ чашку; какъ благословите? – А то, какъ городъ взялъ, хвастаешься. Ступай вонъ!“ – Когда же я приблизился къ двери, онъ, вздохнувъ, нѣжнымъ тономъ милостиво сказалъ: „Алексѣй Ивановичъ! Воротись, надѣюсь, что ты положишь начало къ исправленію и будешь впредь смиреннѣе“. И приказалъ келейнику дать мнѣ рубль»⁸².

Этотъ же братъ увѣрялъ, что никогда ему не случилось отъ Старца выходить смущеннымъ, но всегда укрѣпленнымъ и утѣшеннымъ. Когда же онъ являлся удрученнымъ какою-либо скорбію, то о. Леонидъ, замѣтя вошедшаго, встрѣчалъ его съ неизъяснимой отеческою любовію и, по выслушаніи дѣлъ и помысловъ, возлагалъ на него руки, а иногда, съ шуткою взявъ за голову, прижималъ къ себѣ во время произносимой имъ молитвы и тѣмъ водворялъ въ душу страждущаго спокойствіе и утѣшеніе.

Разсказъ Александра Смирнова

«Въ первый годъ моего вступленія въ монастырь, пришелъ я однажды съ смущеннымъ духомъ къ духовному моему отцу старцу о. Леониду и плача говорилъ ему, что пріѣздъ моей матери и сестры смущаетъ меня. Батюшка же, думая, что я побѣждаюсь слабостію любви плотской къ родительницѣ своей и уже жалѣю о

⁸² Относившіеся къ Старцу братія, если кто имѣлъ сколько-нибудь денегъ, не держали ихъ у себя, а дѣньги эти хранились всегда у Старца. и если кому нужно было купить какую-либо вещь, всегда покупалась она съ благословенія и разрѣшенія Старца.

разлукѣ съ нею, пришелъ отъ того въ такую ревность по Бозѣ и досаду, что, сильно ударивъ меня по щекѣ, сказалъ: „Любовь ли къ матери предпочелъ любви къ Богу? И симъ ли платишь Ему за изведеніе свое изъ міра, слабодушный?!“ Я хотя и не сознавалъ въ себѣ пристрастія къ роднымъ, однако возрадовался духомъ, видя изъ поступка отца моего духовнаго истиннаго вождя къ Богу, Котораго онъ, видимо, возлюбилъ паче всего, къ Которому, конечно, и меня незаблудно училъ шествовать.

Потомъ, спустя нѣкоторое время, стоялъ я у Батюшки въ передней и долго не могъ быть допущенъ къ нему за множествомъ странниковъ, пришедшихъ изъ дальнихъ мѣстъ, съ которыми онъ и занимался. Не имѣя же терпѣнія, какъ новоначальный и неопытный, я сталъ скучать, а наконецъ и роптать на Старца своего. Когда же вошелъ ко мнѣ его келейникъ, не затворивъ за собою двери, тогда я съ досадою сказалъ, такъ что и Старецъ могъ слышать оскорбительнѣйшія для него слова, а именно: „Батюшка чуждыхъ овецъ пасеть, а свои у него алчутъ“. Отъ сихъ словъ моихъ келейный его пришелъ въ гнѣвъ и выговаривалъ мнѣ за дерзость мою и нетерпѣніе. Батюшка же, напротивъ, кротко и ласково сказалъ мнѣ: „Ахъ, Саша, Саша! Ты смутился? Яша, дай ему чаю“. Потомъ, обратясь ко мнѣ, продолжалъ: „Ну что, Александръ, успокоился ли ты? Ну какъ же тебѣ не стыдно беспокоиться о томъ, что я принимаю и другихъ. Вѣдь ты хочешь получить отъ меня душевной пищи, а другіе развѣ того же не желаютъ? Ты всегда при мнѣ, а сіи, тебѣ досадившіе, пришли изъ дальнихъ

странъ, чтобы видѣть меня, открыть мнѣ свои нужды и получить отъ меня утѣшеніе, и ихъ ли не допустить мнѣ къ себѣ? Да и хорошо ли намъ любить самихъ себя только? Напротивъ, Богъ хочетъ, чтобы мы любили и другихъ и всѣмъ, какъ Онъ, желали спастися“. – Таковая истина его словъ и кротость смягчили мое сердце, и я со слезами просилъ у него прощенья и чувствовалъ вполнѣ незлобіе его какъ при семъ случаѣ, такъ и во время моего съ нимъ пребыванія.

Сравнивая сей поступокъ его съ первымъ, я еще лучше сталъ разумѣть о моемъ Старцѣ; ибо онъ за сдѣланное ему личное оскорбленіе не показалъ и слѣда неудовольствія ни лицомъ, ни словомъ, за предпочтеніе же мірской любви духовной, или любви къ Богу, онъ пришелъ въ гнѣвъ и не могъ оставить меня за сіе безъ наказанія».

Разсказы прочихъ оптинскихъ братій

«Бывши еще послушникомъ, – разсказывалъ іеросхимонахъ Ѳеодотъ⁸³, – однажды, стоя съ другими на колѣняхъ предъ старцемъ о. Леонидомъ, я увлекся помыслами и сталъ размышлять, что вотъ такой-то монахъ, который хорошо понималъ экономическую часть, годился бы въ настоятели. Только что я это подумалъ, какъ вдругъ Старецъ довольно сильно ударилъ меня по щекѣ съ словами: „Не въ свое дѣло лѣзешь! Ты не знаешь, что это за человѣкъ“. Нужно замѣтить, что монахъ, о которомъ такъ подумалъ о. Ѳеодотъ, впоследствии

⁸³ Скончался въ семидесятихъ годахъ XIX столѣтія.

вышелъ изъ Оптиной Пустыни, перемѣнилъ много монастырей, а въ настоятели все-таки не попалъ».

«Вошелъ однажды къ старцу о. Леониду молодой послушникъ Іоаннъ, поклонился ему въ ноги и сталъ предъ нимъ въ очень смиренномъ положеніи. Старецъ, посмотрѣвъ на него и грозясь пальцемъ, промолвилъ: „Охъ, Ванюшка, не передъ добромъ ты смиряешься“. Слова эти, заключая въ себѣ предвѣстіе, въ то же время могли послужить предостереженіемъ для Іоанна, если бы онъ захотѣлъ вразумиться ими. Но какъ онъ оставилъ слова Старца безъ вниманія, то на другой же день и впалъ въ неприличнѣйшій монашескому званію проступокъ».

«Новоначальный братъ оскорбилъ стараго монаха, и оба пришли жаловаться къ о. Леониду. Для всѣхъ очевидно было, что новоначальный былъ кругомъ виновать. Но не такъ разсудилъ Старецъ. „Не стыдно ли тебѣ равняться съ новоначальнымъ? – строго сказалъ онъ старому монаху, – онъ только что пришелъ изъ міра, у него волосы еще не успѣли отрасти, съ него и взыскивать-то строго нельзя, коли онъ недолжное скажетъ. А ты сколько лѣтъ въ монастырѣ живешь и не научился внимать себѣ!“ Такъ они и ушли. Новоначальный торжествовалъ, считая себя совершенно оправданнымъ. Но вскорѣ послѣ сего братъ этотъ пришелъ одинъ къ о. Леониду. Старецъ взялъ его за руку и сказалъ: „Что же это ты, братъ, дѣлаешь? Только что пришелъ изъ міра, волосы у тебя не успѣли отрасти, а ты уже старыхъ монаховъ оскорбляешь!“ Неожиданное вразумленіе сильно подѣйствовало на брата, и онъ сталъ просить

прошенія. – „Богъ простить, – сказали Старець, – только смотри, братъ, исправляйся, а то плохо дѣло твое будетъ“».

«Въ первое время по вступленіи моемъ въ обитель, – рассказывалъ монахъ Н., – у меня была чрезмѣрная ревность къ иноческимъ подвигамъ. Бывало, послѣ утрени другіе идутъ отдыхать, а я въ это время займусь чѣмъ-нибудь по своему послушанію и потомъ уже утомленный прилягу для краткаго отдыха, мысленно заботаюсь о томъ, какъ бы мнѣ не проспать, а поспѣть къ самому началу ранней обѣдни. Вотъ кто-то сталъ будить меня. При первомъ ударѣ въ колоколь кто-то будто творилъ молитву у моей двери. Встаю, смотрю, – никого нѣтъ. На другой день опять. Только что заблаговѣстили къ обѣднѣ, чей-то голосъ какъ будто читаетъ молитву. Я подумалъ на нашего монаха о. І. Выхожу, – никого нѣтъ. Я все это объяснилъ старцу о. Леониду. – „Что же ты думаешь, – спросилъ онъ меня, – кто это тебя будить?“ – „Думаю, Батюшка, – отвѣчалъ я, – уже не Ангель ли?“ – „Съ рожками, – возразилъ Старець, – посмотримъ, что дальше будетъ“. – На слѣдующій день никто не будилъ меня, и я проспалъ службу. На другой день и на третій опять проспалъ. Такъ и постыдились оба мы, – и неизвѣстный мой будильщикъ, и я, довѣрчивый ревнитель».

«Пришелъ однажды къ о. Леониду приверженный къ нему сынъ его духовный и, просидѣвъ въ его келліи цѣлый вечеръ, послѣ спросилъ Старца: „Вотъ я видѣлъ, какъ приходили къ вамъ братія, и какъ вы ихъ принимали. Одинъ братъ пришелъ прежде всѣхъ, но всѣхъ

переждалъ и подошелъ къ вамъ послѣднимъ. Другіе, пришедши, немного ждали, потомъ подходили къ вамъ и объясняли, что имъ нужно было. Нѣкоторые же нисколько не хотѣли подождать, а какъ только приходили, сейчасъ же лѣзли впередъ, помогаясь, чтобы вы ихъ немедленно приняли. Есть ли въ этомъ какое различіе?“ – Старецъ отвѣчалъ: „Есть различіе, и большое различіе. Кто, пришедши ко мнѣ, нисколько не хочетъ дожидаться и лѣзетъ впередъ всѣхъ, у того не можетъ долго держаться въ памяти то, что я ему говорю. Въ другой разъ спрашиваетъ и опять забывается. А кто, пришедши для объясненія своихъ нуждъ, съ терпѣніемъ и смиреніемъ переживаетъ другихъ и предпочитаетъ ихъ себѣ, у того каждое слышанное имъ слово твердо напечатлѣется въ сердцѣ, и онъ цѣлую жизнь будетъ помнить то, о чемъ ему однажды было сказано“».

Разсказъ скитскаго рясофорнаго монаха Петра (Иванова)⁸⁴

«Былъ во дни старца о. Леонида одинъ братъ, который часто изъявлялъ ему сильное желаніе мученичества. Старецъ неоднократно увѣщавалъ его, чтобы онъ оставилъ этотъ помыслъ, что небезопасно вдаваться самопроизвольно въ великія искушенія. Но когда увидѣлъ въ братѣ непреклонность, поступилъ такъ: въ глухую зимнюю бурную ночь призываетъ къ себѣ желавшаго мученичества брата и посылаетъ его сходить за какимъ-то дѣломъ, кажется, изъ Скита въ монастырь.

⁸⁴ Скончался 12 декабря 1867 г. 73 лѣтъ.

Но такъ какъ монастырь и Скитъ расположены среди густого огромнаго лѣса, то братъ начинаетъ отказываться тѣмъ, что страшно идти лѣсомъ въ такую ужасную непогоду, да еще ночью. — „Несчастный! — проговорилъ Старецъ, — ты желалъ мученичества, и тебѣ можетъ быть уже готовился отъ Господа мученическій вѣнецъ, потому что, по волѣ Божіей, въ отвѣтъ на твое желаніе, могли волки растерзать твое тѣло. И вѣрь, что это вмѣнилось бы тебѣ въ мученичество, потому что ты пошелъ бы въ монастырь за святое послушаніе“. Стыдно и горько стало оному брату, который съ тѣхъ поръ уже никогда не осмѣливался напоминать Старцу о своемъ желаніи мученичества».

Разсказъ бывшаго оптинскаго іеромонаха о. Моисея⁸⁵

«Былъ въ Оптиной одинъ братъ, который часто докучалъ старцу о. Леониду, чтобы дозволилъ ему носить вериги. Старецъ, который самъ съ очень многихъ вериги снималъ, долгое время никакъ не соглашался съ желаніемъ брата, всегда объясняя ему, что не въ веригахъ спасеніе. Наконецъ, желая проучить брата самымъ дѣломъ, призвалъ монастырскаго кузнеца и сказалъ ему такъ: „Когда придетъ къ тебѣ такой-то братъ и будетъ просить тебя сдѣлать ему вериги, дай ему хорошую пощечину“. — Чрезъ недолгое время, на неотвязчивое прошеніе брата Старецъ сказалъ: „Ну поди, поди къ кузнецу, попроси его сдѣлать тебѣ вериги“. Братъ съ

⁸⁵ Впослѣдствіи архимандрита Тихоновой пустыни, скончавшагося осенью 1895 г.

радостію прибѣгаетъ въ кузню, называетъ кузнеца по имени и говорить: «Батюшка благословилъ тебѣ сдѣлать для меня вериги». – Занятый въ это время дѣломъ, кузнецъ, проговоривъ наскоро, – какія тебѣ вериги? – какъ дать ему пощечину. Нестерпѣвшій братъ съ своей стороны отвѣтилъ ему также пощечиной, и тотчасъ оба отправились на судъ къ Старцу. Кузнецу, конечно, ничего не было. А брату, желавшему носить вериги, была отъ Старца хорошая нотація, вродѣ того: „Куда же ты лѣзешь носить вериги, когда и одной пощечины не могъ потерпѣть!“»

**Три разсказа Оптинскаго старца
іеросхимонаха Амвросія и вмѣстѣ другихъ
монаховъ-старожиловъ**

«Жилъ въ Скиту вышеупомянутый ученикъ старца о. Леонида схимникъ о. Діомидъ. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вель строгую монашескую жизнь и, какъ передавали старожилы-монахи, имѣлъ охоту поучать людей, но не имѣлъ опытности духовной и старческаго искусства; вслѣдствіе чего съ его стороны въ обращеніи съ посѣтителями бывали большіе промахи. Придетъ, напримѣръ, къ нему, какъ къ старцу, отягченный грѣхами посѣтитель съ тѣмъ, чтобы открыть ему свою жизнь и получить отъ него добрый совѣтъ къ исправленію ея. Но о. Діомидъ, выслушавъ откровеніе, съ ужасомъ начнетъ говорить ему въ такомъ тонѣ и родѣ: „О! Да какъ же ты смѣлъ дѣлать то и то? Да тебѣ и спасенія нѣтъ. Ты попадешь въ тартарары на вѣчныя мученія, и выпуску тебѣ оттуда никогда не будетъ“.

Чрезъ это посѣтителъ приходилъ въ такое смущеніе, что впадалъ въ совершенное отчаяніе. Но вотъ кто-либо изъ монаховъ направить его къ старцу о. Леониду. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Старець начнетъ его увѣщавать, чтобы отнюдь не отчаявался, что Господь сходилъ на землю не ради праведныхъ, а чтобы призвать грѣшниковъ къ покаянію, что милосердію Его предѣла нѣтъ и проч. Такъ, бывало, съ мѣсяць убѣждаетъ и уговариваетъ Старець впадшаго въ отчаяніе, пока, при помощи Божіей, возбудить въ немъ надежду спасенія. Подобные случаи повторялись неоднократно. Надоѣль Старцу о. Діомидъ. Надо было его проучить. – Упомянуто было выше, что въ Скиту, при старцѣ Леонидѣ, братія самоваровъ по келліямъ не имѣли и чай пить собирались всѣ къ Старцу только по субботамъ и воскреснымъ днямъ, и по двенадесатымъ праздникамъ. Случилось, въ одинъ великій праздникъ, въ зимнее время, и собрались скитяне въ келлію Старца для чаепитія. Видя, что о. Діомидъ не пришелъ, Старець приказалъ его позвать. Посланный, возвратившись сказалъ, что о. Діомидъ отказался придти по нездоровью. Тогда Старець, зная, что о. Діомидъ не пришелъ просто по нежеланію, такъ какъ не имѣлъ къ чаю привычки, и желая понудить его къ покорности и послушанію, а кстати и наказать за выше-сказанныя неразумныя дѣйствія, возвысилъ свой голосъ: „Діомидка!.. Сходите за нимъ опять и принесите его на рукахъ, если не пойдетъ. А когда понесете, – прибавилъ Старець, – бросьте его въ сугробъ“. Отправились двое и просятъ отъ имени Старца: „Пожалуйте, Батюшка, если вы слабы, мы васъ на рукахъ снесемъ“.

Не подозрѣвая опасности, о. Діомидъ согласился: „Ну, пожалуй, несите“. Взявши старичка на руки, носильщики понесли, но выбравши самый большой сугробъ, какъ бросять его туда. Старичокъ въ снѣгу-то копыхъ-копыхъ, кое-какъ выбрался и со всѣхъ ногъ самъ прибѣжалъ къ Старцу съ жалобою, что его обидѣли. Понятно, что изъ этой жалобы ничего не вышло, а только чаемъ о. Діомидѣ напоили да въ келлію и проводили»⁸⁶.

«Жиль въ Скиту братъ-старичокъ, который и въ обитель пришелъ въ преклонныхъ лѣтахъ. И какъ онъ въ міру имѣлъ обыкновеніе во время богослуженій ставить къ св. иконамъ свѣчи, такъ и въ Скиту поступалъ. Обратился какъ-то къ нему съ замѣчаніемъ скитскій же монахъ N.: „Ну что ты все свѣчи ставишь? Въ монастырѣ монахи не ставятъ свѣчей. Самъ будь предъ Богомъ свѣчай“. Смутился старикъ, подумавъ: „Цѣлый вѣкъ я ставилъ свѣчи, что считается добрымъ дѣломъ, а тутъ вдругъ не велятъ ставить свѣчей“. – Пошелъ къ старцу о. Леониду и повѣдалъ ему свое смущеніе. Зная простоту смутившагося старичка, о. Леонидъ тотчасъ и начинаетъ ободрять его: „Ну, слушай ты его! Онъ тебѣ наговорить. Станови свѣчи, какъ прежде становилъ!“ – и прибавилъ къ сему: „Старого учить, что мертвого лѣчить“. – Успокоенный такимъ отвѣтомъ, старичокъ идетъ къ себѣ въ келлію и, встрѣтившись послѣ съ о. N., говоритъ съ самодовольствіемъ: „Вотъ

⁸⁶ Должно замѣтить, что старецъ Леонидъ, какъ человѣкъ благодатствованный, дѣйствовалъ такъ по внушенію Божію. Для другихъ же обыкновенныхъ старцевъ описанный фактъ не можетъ служить примѣромъ.

ты говорилъ мнѣ, – не ставь свѣчей, а Батюшка велѣлъ ставить. Онъ мнѣ сказалъ: „Стараго учить – что мертваго лѣчить“».

«Поступилъ въ Скитъ какой-то господинъ, кажется, изъ мелкихъ помѣщиковъ или что-то въ родѣ этого съ сознаниемъ своего предъ другими преимущества. По обычаю сталъ ходить вмѣстѣ съ прочими скитянами къ Старцу на вечернее правило. Извѣстно, что Старецъ самъ чтецовъ у себя не назначалъ, а кто изъ братій желалъ читать, долженъ былъ поднять свою руку, давая тѣмъ знать Старцу о своемъ желаніи читать. Новому брату хотѣлось читать, но поднять при всѣхъ руку ему казалось очень конфузно. И каждый разъ по окончаніи правила, уходя вмѣстѣ съ братіями отъ Старца, выражалъ свое недовольство на заведенный Старцемъ порядокъ: „Ну что это такое? Руку поднимать, къ чему это? Вовсе это ни съ чѣмъ не сообразно“. Такъ кропотался-кропотался, терпѣль-терпѣль, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія, поднялъ руку, хотя съ самопонуженіемъ и не очень высоко. Увидѣвъ это, Старецъ сказалъ: „А! И ты захотѣлъ читать? Ну, поди-поди, почитай. Послушаемъ, какъ ты читаешь“. Вотъ онъ и началъ читать по-своему, – съ чувствомъ и съ толкомъ. Окончилъ. А Старецъ замѣтилъ: „Ну, братъ, плохо читаешь, ступай“. – Такъ Старецъ при всякомъ удобномъ случаѣ имѣлъ обыкновеніе смирять вознесенную гордыню жившихъ при немъ братій».

**Разсказывалъ кіево-печерскій іеросхимонахъ
Антоній**

«Монахъ нашъ (Кіево-Печерской Лавры) о. Никодимъ, бывшій оптинскій послушникъ, ученикъ старца о. Леонида, долгое время проходя въ Лаврѣ послушаніе просфорника, не отставалъ въ этомъ тяжеломъ послушаніи отъ послѣдняго новоначальнаго брата, и весь этотъ долготнѣйшій свой подвигъ приписывалъ силѣ молитвы своего любимаго Старца. Никогда онъ не могъ говорить про него равнодушно. Батюшка всегда его называлъ по фамиліи – Титовъ. Часто заставлялъ его говорить подъ свою диктовку обличительныя слова тѣмъ, которыхъ находилъ нужнымъ обличить, и обличаемые послѣ сознавались въ своихъ неисправностяхъ. Чрезъ это о. Никодимъ ясно видѣлъ и вѣровалъ, что старецъ о. Леонидъ получилъ отъ Господа даръ прозорливости. Вотъ дословный о семъ рассказъ самого о. Никодима: „Когда я съ паспортомъ отправился изъ своего г. Бѣлгорода Курской губерніи для поступленія въ Оптину Пустынь, въ міру оставался на мою долю домъ. Была у меня и сестра-дѣвица, но она вполне обезпечена была къ замужеству. Дядя же мой родной, который (вѣроятно, какъ опекунъ) долженъ былъ выдать замужъ мою сестру, положилъ въ намѣреніи присвоить мой домъ, на который у него и покупатели уже имѣлись въ виду. Проживая временно въ Оптиной Пустыни, я началъ думать, какъ бы мнѣ взять увольненіе отъ общества. Для расхода на этотъ предметъ у моего дяди было подъ сохраненіемъ моихъ трудовых денегъ сто рублей. Вотъ я пришелъ однажды къ Батюшкѣ и говорю: „Батюшка,

благословите мнѣ отправиться за увольненіемъ“. – Старець сказалъ: „Богъ благословить идти“. – Но, когда я возвратился въ свою келлію, мнѣ что-то скучно стало, и у меня отпала охота идти за увольненіемъ, потому я и оставилъ это дѣло до будущаго времени. На слѣдующій день говорю Батюшкѣ, что я раздумалъ идти за увольненіемъ, а Старець на это отрывисто сказалъ: „Ну, какъ хочешь“. – Прошло нѣсколько времени, забота объ увольненіи у меня удвоилась, – идти да идти. Говорю объ этомъ Батюшкѣ, а онъ мнѣ возразилъ: „Отчего же ты тогда не шель?“ – Я понялъ свою ошибку, – такъ какъ посамочинничалъ, – заплакалъ, поклонился Старцу въ ноги, сталъ предъ нимъ на колѣни, зарыдалъ и говорю: „Простите Бога ради, Батюшка, – виновать!“ – Старець: „Ну-ну, вставай, да собирайся, тебѣ теперь лучше будетъ“.

Итакъ, я прибылъ въ Бѣлгородъ и прежде всего зашелъ повидаться съ сестрою. Изъ разговора съ нею я узналъ, что дядя при выдачѣ ея замужъ не истратилъ и того обезпеченія, которое оставлено было для этой цѣли. Затѣмъ я повидался съ дядею и наконецъ обратился въ магистратъ за увольненіемъ. Тамъ потребовали отъ меня денегъ и сказали, что увольненіе можно бы выдать хоть сейчасъ. Я поспѣшилъ къ дядюшкѣ за собственными деньгами. Какъ онъ закричитъ на меня: „Какія тебѣ деньги? Ты еще расплатись со мною. Я твою сестру выдалъ замужъ. Дай-ка мнѣ вексель, а иначе я не выпущу тебя отсюда“. – Я сразу потерялся и говорю: „Дѣлай, что хочешь, только не удерживай здѣсь меня“. – „Ну, – говоритъ, – пойдѣмъ къ маклеру“. –

Пришли. Дядя ухитрился такъ устроить, что написалъ было вексель въ 500 рублей. Оставалось мнѣ только подписать его и въ книгѣ расписаться. Но въ ту же минуту стали одинъ по одному подходить люди, которыхъ и набралось человѣкъ до десятка и которые заняли маклера. Мы ждали-ждали своей очереди и, какъ увидѣли, что маклеръ не скоро будетъ свободенъ, то и согласились отложить свое дѣло до другого времени. Дядя пошелъ домой, а я къ сестрѣ и зятю, и рассказалъ имъ, что дядюшка намѣренъ со мною сдѣлать. Тогда всѣмъ намъ вполне открылась его злоумышленность. Между прочимъ, дядѣ въ это время нужно было по своимъ дѣламъ отлучиться изъ города, а меня въ тотъ же день, когда мы съ нимъ ходили къ маклеру, отыскивали покупатели на домъ. Такимъ образомъ, домъ вскорѣ мною былъ проданъ за наличныя деньги, а дня черезъ два они и купчую получили. Съ деньгами я поспѣшилъ въ магистратъ и немедленно получилъ увольненіе, но все-таки пошелъ съ дядюшкою проститься. „Куда же ты?“ – спросилъ дядя. „Да опять въ Оптину“, – отвѣчалъ я. – „Какъ въ Оптину? А вексель?“ – Тутъ я рассказалъ ему все, т. е. какъ я продалъ домъ и получилъ увольненіе. Онъ началъ меня бранить, проклинать и волосы на себѣ съ досады рвать, а я тотчасъ за дверь. Потомъ распростился съ своею сестрою и зятемъ, да и обратно въ Оптину къ моему святому и прозорливому Старцу, который встрѣтилъ меня такими словами: „Во! Нашъ Титовъ уже слеталъ, да браво отхваталъ“. – Съ тѣхъ поръ я не могъ иначе смотрѣть на своего Старца, какъ на великаго угодника Божія».

**Разсказывалъ о себѣ Калужской Тихоновой
пустыни духовникъ іеросхимонахъ Ефремъ⁸⁷**

«Поступилъ я сначала въ молодыхъ лѣтахъ въ число братства Оптиной Пустыни, въ Скитъ, подъ руководство старца іеромонаха Леонида. Объятый ревностію къ иноческимъ подвигамъ, я положилъ себѣ въ мысли ничего не дѣлать безъ благословенія моего Старца, даже (кромѣ полуденной и вечерней трапезы, когда вмѣстѣ съ пищей предлагается братіямъ и квасъ для питья) ничего не пить, а терпѣть жажду до тѣхъ поръ, пока самъ прозорливый Старецъ велитъ и благословитъ напиться. Такъ и шло нѣсколько времени. Но вотъ настало покосное время, когда всѣ свободные братія монастырскіе и скитскіе обязаны были выходить съ граблями грести сѣно. Вышелъ и я. День былъ очень жаркій, и я сильно отъ работы утомился. Жажда мучила меня, но я терпѣлъ – ничего не пилъ. Пришелъ въ Скитъ къ Старцу, сѣлъ на лавку и сижу въ большомъ уныніи и разслабленіи. Старецъ понялъ, въ чемъ дѣло. Отвернувшись на минутку въ свою келлію, онъ выноситъ кусокъ соленой селедки, подаетъ мнѣ и говоритъ: „Ѣшь“. – Я какъ заплачу! – „Неразумный! – такъ началъ говорить мнѣ Старецъ. – Развѣ можно по своему произволу налагать на себя такой обѣтъ, чтобы не пить до тѣхъ поръ, пока я самъ тебѣ напомню? Можно было бы еще допустить это, если бы мы жили съ тобой вдвоемъ въ уединеніи, да и то по моему совѣту и благословенію. А теперь, видишь, меня окружаютъ сотни людей. Гдѣ же мнѣ вхо-

⁸⁷ Скончался въ восьмидесятихъ годахъ XIX столѣтія.

дѣть во всѣ такія тонкости всѣхъ моихъ духовныхъ дѣтей? А ты, если захотѣлъ напиться, перекрестись съ молитвой, да и напейся“. Тутъ онъ подаль мнѣ квасу, и я съ жадностію сталъ глотать его. Смотря на меня, Старець не преминулъ замѣтить: „У! Что ты, что ты такъ заспѣшилъ? Должно пить со страхомъ Божиимъ и съ благодареніемъ за поданный тебѣ отъ Бога даръ“».

Послѣдній въ этой главѣ рассказъ покажетъ, какую отеческую попечительность имѣлъ старецъ Леонидъ о присныхъ своихъ ученикахъ

«Лѣтомъ 1833 г. пришелъ въ Оптину двадцатилѣтній юноша Павелъ Труновъ съ меньшимъ братомъ своимъ Симеономъ. Родомъ они были изъ дворянъ Курской губ. Щигровскаго уѣзда. Получивъ воспитаніе въ домѣ своихъ благочестивыхъ родителей въ духѣ строгаго благочестія, они очень стали тяготиться мірскою жизнію. Бывъ опредѣлены родителями на службу въ Курскую казенную палату, они рѣшились тайно отъ родителей уйти въ монастырь. Не разъ посему Павелъ просилъ себѣ отставку, но его отъ службы не увольняли. Наконецъ онъ обратился къ Богу съ усердною молитвою, чтобы Господь послалъ ему болѣзнь. Молитва была услышана. У Павла заболѣлъ глазъ, и послѣ того его уже не стали удерживать въ палатѣ. Такимъ образомъ онъ и получилъ возможность вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ немедленно отправиться къ завѣтной цѣли. По уходѣ же ихъ въ монастырь родители ихъ сначала погоревали о нихъ, поплакали, даже и сильно поскорбѣли за ихъ самовольную отлучку, но, узнавъ, что

они поступили въ святую обитель на молитвенный подвигъ, простили имъ эту вину. Между тѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени любовь родительская побудила отца ихъ Θεодота Саввича написать въ Оптину къ дѣтямъ письмо, въ которомъ онъ убѣдительно просилъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пріѣхалъ повидаться съ родителями. По благословенію Старца, рѣшено было ѣхать Павлу. Немедленно онъ и отправился. – Замѣтимъ здѣсь, что Θεодотъ Саввичъ, какъ человѣкъ благочестивый, любилъ въ часы досуга читать Четвы-Минеи св. Димитрія Ростовскаго. Какъ разъ передъ пріѣздомъ Павла пришлось ему читать житіе св. Николая, Мирликійскаго Чудотворца, положенное въ 6-мъ числѣ декабря, гдѣ, между прочимъ, рассказывается, какъ молодой юноша, сынъ Африкана, взятый въ плѣнъ персами и служившій въ покояхъ ихъ князя, по молитвамъ своихъ родителей внезапно невидимою силою восхищенъ былъ изъ плѣна и представленъ къ родителямъ въ персидской одеждѣ и съ чашею въ рукѣ, наполненною виномъ, такъ, какъ онъ прислуживалъ князю. Въ глубокомъ раздумьи остановился Θεодотъ Саввичъ надъ этимъ сказаніемъ и началъ разсуждать: „Какъ это трогательно! Если бы со мною подобное случилось, я не перенесъ бы сего“. – Но вдругъ отворяется дверь, и входитъ Павелъ въ монашеской одеждѣ, котораго Θεодотъ Саввичъ, долго не выдавши, не узналъ. Помолившись на свв. иконы, незнакомецъ поклонился Θεодоту Саввичу въ ноги и сказалъ: „Здравствуйте, батюшка, – я сынъ вашъ Павелъ“. Θεодотъ Саввичъ какъ сидѣлъ, такъ и обомлѣлъ, и книга выпала изъ рукъ его; едва могъ

придти въ себя отъ радости, что видить предъ собою сына, съ которымъ, думалось ему, уже и не придется видѣться въ сей временной жизни. Погостивши нѣскольکو времени въ домѣ своихъ родителей, о. Павелъ возвратился въ Оптину.

Ознакомившись теперь, хотя заочно, съ Оптиною Пустынью, родной братъ Ѳеодота Саввича Ермилъ Саввичъ, сынъ котораго Гермогенъ прежде своихъ двоюродныхъ братьевъ поступилъ въ число братства Оптиной Пустыни, – и самъ пожелалъ посѣтить эту обитель. А послѣ посѣщенія съ какимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ вспоминалъ онъ о старцѣ о. Леонидѣ и вообще объ Оптиной Пустыни! Нерѣдко говорилъ со слезами: „Ахъ, вотъ Старецъ-то! Какой же онъ прозорливецъ! Все, бывшее въ моей жизни, подробно пересказалъ мнѣ, какъ будто самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ всѣхъ моихъ обстоятельствъ“. – Съ того времени онъ сдѣлался особенно благотворителемъ и нищелюбивъ, всѣ долги своимъ должникамъ простилъ, пересталъ употреблять мясную пищу и до самой своей кончины чрезъ каждыя шесть недѣль пріобщался Св. Христовыхъ Таинъ.

Переведемъ теперь рѣчь опять на о. Павла. Съ самаго начала поступленія въ монастырь онъ всецѣло предалъ себя въ послушаніе и руководство старцу о. Леониду, которому и открывалъ всегда тревожившіе его помыслы. По отношенію къ братіямъ монастырскимъ онъ такъ былъ кротокъ и незлобивъ, что ни одинъ изъ нихъ никогда не слыхалъ отъ него оскорбительнаго слова, или обиднаго спора, или ропота на кого-либо и за

что-либо. Во все время краткаго своего пребыванія въ обители, несмотря на свою болѣзненность, нелѣнностно проходилъ монастырскія послушанія. Случалось, что нѣкоторые изъ братій роптали на него и озлобляли его за неуспѣшность въ дѣлахъ, называя его лѣнливимъ, тогда какъ неуспѣшность эта происходила отъ его болѣзненности и малосилія, а Павелъ, какъ Агнецъ незлобивый, или молчалъ, или только, бывало, скажетъ: „Виновать! Прости Бога ради, я немощень“. – Между тѣмъ напрасныя укоризны болѣзненно отзывались въ его сердцѣ. Часто онъ со слезами на глазахъ приходилъ къ своему духовному отцу и наставнику старцу о. Леониду и предъ нимъ изливаль скорбь души своей. А тотъ говорилъ ему въ утѣшеніе: „Терпи, Павелъ! Ибо сказано въ Св. Писаніи: *многими скорбѣми подобаетъ намъ внити во Царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). – И время сіе таково: *обидѣй да обидитъ еще, и скверный да осквернится еще: и праведный правду да творитъ еще, и святой да святится еще* (Откр. 22, 11). Итакъ, *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1). И Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжете души ваша* (Лк. 21, 19)“. И другими словами изъ Св. Писанія Старець умиротворялъ смущенную душу Павла, доводя его до неизглаголанной радости, давая ему знать, что все дѣлается съ нимъ по волѣ Господней для испытанія его усердія, что всѣ скорбные случаи должно принимать какъ неизреченныя милости Божіи, и что самая болѣзнь дана ему отъ Бога, да прославить онъ Имя Его святое. Старець доводилъ его такимъ образомъ до крайняго самоукоренія.

Давно чувствуемая Павломъ болѣзненность была преддверіемъ чахотки. Тѣломъ онъ постепенно таялъ какъ свѣча, а умъ его погруженъ былъ во всегдашнюю молитву. Замѣчательно, что онъ зналъ наизусть всю Псалтирь. Почти за годъ до смерти онъ всегда говорилъ: „Ахъ! умру скоро; помолитесь за меня, отцы и братія“. – Наступилъ 1836-й годъ. Чахотка у Павла обнаружилась во всей силѣ. Старецъ Леонидъ говорилъ приближеннымъ братіямъ: „Павель на святой недѣлѣ возьмется отъ насъ“. – Всю зиму Павель едва бродилъ, а на пятой недѣлѣ Великаго поста уже не вставалъ съ постели и только молился. Почасту призывалъ своего отца духовнаго старца Леонида и тогда только бывалъ покоенъ, когда бесѣдовалъ съ нимъ. – Съ сего времени онъ часто исповѣдывался. Въ Лазарево воскресенье былъ облеченъ о. строителемъ во святой малый образъ монашества и неоднократно сообщался Св. Христовыхъ Таинъ. 2-го апрѣля, въ четвертокъ Свѣтлой недѣли, во время утрени былъ особорованъ, а послѣ обѣдни снова былъ сообщенъ Св. Христовыхъ Таинъ. Послѣ сего старецъ о. Леонидъ сказалъ ему: „Ну, Павель, ты скоро выздоровѣешь“. – „Знаю, Батюшка, – отвѣчалъ страдалецъ, – только не въ здѣшней жизни“. – Приближался вечеръ Свѣтлаго четвертка. Одрѣ умирающаго окружили нѣкоторые изъ его приближенныхъ. Въ седьмомъ часу пополудни онъ закрылъ глаза и заговорилъ про себя что-то непонятное. Въ это время старецъ о. Леонидъ самъ прочиталъ ему отходную, а Павель взглянулъ на него съ удивленіемъ и потомъ благодарилъ его за прочтеніе. Старецъ спросилъ: „Желаешь ли,

чтобы я еще къ тебѣ пришелъ?“ – Тотъ отвѣтилъ: „Я такъ желаю, чтобы и до самой смерти былъ при мнѣ!“ – Сказаль онъ это ясно и громко и съ этой минуты совершенно измѣнился. Затѣмъ, вставши, сидѣлъ до самой блаженной кончины своей и былъ въ полной памяти. Потомъ попросилъ находившагося при немъ своего двоюроднаго брата Гермогена положить его на подушку, но едва тотъ наклонилъ Павла, онъ вздохнулъ и испустилъ духъ. Это было въ девять часовъ вечера. Трикратный ударъ колокола возвѣстилъ монастырской братіи о переселеніи въ вѣчность души Павловой. Братія толпой ринулась къ келліи новопреставленнаго, и старецъ о. Леонидъ опять самъ совершилъ надъ нимъ „Послѣдованіе по исходѣ души отъ тѣла“. Лицо и все тѣло покойника побѣлѣло и было мягко, какъ у живого. – На другой день о. строитель Моисей соборнѣ, въ присутствіи всей братіи, отпѣваль тѣло вновь усопшаго. Тихо текли у нѣкоторыхъ слезы о разлукѣ съ незабвеннымъ братомъ, но всякій благодарилъ Бога, что сподобилъ усопшаго такой мирной христіанской кончины и внутренно желалъ, чтобы и ему Господь дароваль такую же кончину. Послѣ двоюродный братъ почившаго просилъ старца о. Леонида повѣдать ему о добродѣтеляхъ Павла, но Старецъ сказаль ему только одно: „Великъ Павелъ у Бога, и Господь прославить его“».

Глава IX

**Духовное окормленіе старцемъ
іеромонахомъ Леонидомъ двухъ изъ ближайшихъ
къ нему учениковъ, о. Павла (Тамбовцева)
и Алексѣя Поликарповича Бочкова,
въ отвѣтахъ Старца на ихъ вопросы**

Нѣсколько словъ объ о. Павлѣ (Тамбовцеве)

редставляемые при семъ вопросы ученика и отвѣты Старца суть келейныя записки одного изъ учениковъ старца о. Леонида, Павла Петровича Тамбовцева. Онъ былъ уроженецъ Курской губерніи г. Бѣлгорода, сынъ богатаго купца. Образованіе получилъ весьма недостаточное по своимъ природнымъ способностямъ, но образовалъ самъ себя прилежнымъ чтеніемъ Св. Писанія и отеческихъ книгъ, а болѣе всего совѣтами и наставленіями старца о. Леонида, занимаясь при немъ перепискою твореній свв. Отцовъ-подвижниковъ и по временамъ под диктовку Старца записывая отвѣты къ многочисленнымъ его духовнымъ дѣтямъ. На всѣ свои недоумѣнія испрашивалъ онъ рѣшенія у Старца, и о. Леонидъ отвѣчалъ съ ясностію и опытностію, отличавшими его предъ всѣми прочими братіями. А сія опытность была плодомъ

безчисленныхъ скорбей, имъ претерпѣнныхъ, наблюдательности и чрезвычайной памяти, сохранявшей все читанное и слышанное, какъ о семъ было сказано выше. Приходившихъ Старецъ не изгонялъ вонъ, по словеси Христову; а ученикамъ своимъ объяснялъ сокровенныя тайны премудрости Божіей. Отецъ Павелъ (Тамбовцевъ) былъ одинъ изъ пламенныхъ и ревностныхъ воспитанниковъ его, ловившій капли благодати изъ устъ Старца, сохранявшій ихъ въ горячемъ своемъ сердцѣ и передавшій ихъ своимъ языкомъ нѣсколько восторженно; но иначе объясняться онъ не могъ, по восторженному настроенію своего ума.

Коротка была жизнь сего юноши, которую окончилъ онъ на 26-мъ году (4 августа 1835 г.) если не въ побѣдѣ надъ всѣми страстями, то, по крайней мѣрѣ, въ борьбѣ съ ними, низложенный на смертный одръ величайшею для него скорбію. Отецъ его, котораго онъ чрезмѣрно любилъ и уважалъ, сдѣлался самоубійцею. Для вѣрующаго христіанина что могло быть страшнѣе мысли, что погибла навсегда душа, ближайшая къ нему? Эта мысль, повсюду преслѣдуя юнаго страдальца, была выше его силъ. Сначала онъ впалъ въ меланхолію отъ боренія духа, потомъ огонь душевный воспламенилъ внутренность, и горячка прервала дни его.

Въ скиту Оптиной Пустыни, по чиноположенію, денно-нощно отправляется чтеніе Псалтири въ помино-веніе усопшихъ и о здравіи благодетелей. Павелъ читалъ однажды въ Предтеченской церкви полунощную чреду и, когда началъ поминать усопшихъ и творить обычные поклоны, увидѣлъ въ концѣ праваго кли-

роса собственное свое подобіе. Онъ долго смотрѣль на это явленіе; наконецъ рѣшился подойти къ клиросу. Но лишь только дошелъ до него, видѣніе исчезло, а его объялъ страхъ. Павелъ тотчасъ вышелъ изъ церкви, заперъ дверь и пошелъ къ Старцу; затѣмъ, разбудивъ его, передалъ ему видѣнное. Отецъ Леонидъ успокоилъ его и послалъ дочитывать свою чреду. Это, между прочимъ, было какъ бы предвѣстіемъ его близкой кончины.

Отецъ Павелъ скончался въ полной памяти во время совершенія надъ нимъ Таинства елеосвященія. Внимательно смотрѣль онъ вверхъ и, обращая взоръ свой по сторонамъ на воздухъ, закрывалъ глаза, содрогался и опять со вниманіемъ смотрѣль на предметъ, котораго никто не видѣль. Только всѣмъ замѣтно было, что онъ видѣль враговъ своей души, которые возмущали ее въ страшный часъ исхода. Потомъ смежилъ очи, перекрестился, вздохнулъ, и жизнь его угасла. Въ сей день онъ исповѣдался и пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ. — Вѣчная память доблестному Старцу и послушному ученику!

Отвѣты старца о. Леонида на вопросы о. Павла (Тамбовцева)

Теперь представимъ вниманію читателей вопросы сего послушнаго ученика и богомудрые отвѣты Старца. Каковыя отвѣты, замѣтимъ, полезны и всякому, ревнующему о спасеніи души.

1. Какимъ образомъ поступать, когда я, находясь въ кругу братіи, не могу воздержаться отъ словъ и, когда говорю, то кого-либо обижаю словами?

– Должно помнить произносимый Св. Церковію къ Богу гласъ сей: Положи, Господи, храненіе устомъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ моихъ. Притомъ надобно воображать, что тѣ, которые говорятъ, дѣлаютъ сіе въ разумъ духовномъ. Они сего достойны, а ты считай себя недостойнымъ разговора съ ними; и когда спросятъ тебя, отвѣчай съ благоговѣніемъ.

Когда же увлечешься сему противнымъ, кайся и старайся неотложно исправиться. – Должно еще вести себя такъ, чтобы братія не замѣтили въ тебѣ твоей отличности въ исправленіи.

2. Какъ поступать, когда я вижу въ другихъ вольное выраженіе мыслей и соблазняюсь; равно какъ и въ тебѣ, отче, иногда, не видя старческой кротости въ обращеніи съ другими, также оскорбляюсь?

– Это тебѣ кажется такъ отъ невнимательности и неразсужденія твоего. Не должно никого осуждать; ибо ты не знаешь, съ какою они цѣлю сіе дѣлаютъ, и съ какою цѣлю съ кѣмъ-либо я поступаю. Таковыми поступками скорѣе обнаруживается внутренній людской характеръ, и для дышащихъ презорствомъ это нужно.

Итакъ, ты несправедливъ. Старайся болѣе внимать себѣ, не разбирать дѣла, обращеніе и поступки другихъ. Ты пришелъ въ училище самоотверженія исполнять повелѣнное тебѣ, но не имѣть права судить гдѣ, когда и какъ съ кѣмъ поступать.

3. Я не вижу въ братіи любви и для изслѣдованія какого-либо предмета изъ Св. Писанія не нахожу собесѣдниковъ.

– Не можетъ быть, чтобы у нихъ не было любви, – такъ должно думать и по справедливости заключать. Если же ты не видишь въ нихъ любви, то это потому, что ты самъ въ себѣ любви не имѣешь. Покажи прежде самъ истинныя черты любви, и тогда увидишь, что любовь у нихъ обитаетъ и къ тебѣ хранится обильно. При томъ мы имѣемъ заповѣдь Божию любить чистосердечно ближнихъ, а искать отъ нихъ любви – о томъ нигдѣ не сказано. А что они не могутъ или, лучше сказать, не дерзаютъ бесѣдовать съ тобою отъ Писанія, то ты не долженъ искать сего съ ревностію. Гдѣ смиреніе у нихъ, тамъ и простота, а сія божественная отрасль не испытываетъ судьбъ Божиихъ; она только вѣрою повинуетъ и до времени довольствуется только тѣми понятіями, которыя ей открываетъ вѣра. Не будетъ Богъ о томъ послушника испытывать, почему онъ не богословствовалъ, но почему не внималъ себѣ. Богъ не оставитъ ихъ относительно спасенія. Если Ему благоугодно будетъ, то и откроетъ имъ тайны Своего смотрѣнія. А разумъ, просвѣщенный свѣтомъ Божиимъ по мѣрѣ вѣры, выше всякаго ученія, ибо, естественно, разумъ изобрѣлъ ученіе, а не ученіе разумъ.

4. Почему въ теченіе пятилѣтняго жительства въ пустынной здѣшней обители, стараясь сколько-нибудь о собственномъ назиданіи, я чувствую, напротивъ, что дѣйствительно сдѣлался хуже, о чемъ свидѣлствуютъ неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и недостатокъ великодушія?

– Весьма рѣдкіе въ столь короткое время возлетали крилами вѣры и добродѣтелей на духовное Небо,

ощущали въ себѣ нелестные залого упованій, обрученіе будущей славы. Весьма немногіе послѣ непродолжительныхъ трудовъ ощущали таинственно утѣшительную награду или цвѣты искренней дѣятельности о Господѣ, обѣщающіе собраніе плодовъ въ вышнемъ вертоградѣ Іисуса Христа. А иные и во всю жизнь свою на землѣ не ощущали того и не ощутятъ, по смотрѣнію Небеснаго Покровителя-Бога, Который всегда лучше о насъ промышляетъ. Ибо мы какъ бы младенцы въ разсужденіи судебъ Міроправителя нерѣдко у Него просимъ такихъ орудій, кои по достоинству своему и силѣ спасительны, но по нашему неискусству могутъ быть употреблены нами въ совершенный вредъ. Почему любвеобильный Отецъ свѣтовъ скрываетъ отъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ дары, которые однимъ спасительны, а другихъ приближаютъ къ гибели. Что бы было, если бы Богъ-Всевѣдецъ совершенно исполнялъ всѣ наши желанія? – Я думаю, хотя и не утверждаю, что всѣ бы земнородные погибли. Богъ хотя и не презираетъ молитвы избраннѣйшихъ Своихъ, но желаній ихъ иногда не исполняетъ, и единственно для того, чтобы, по Божественному Своему намѣренію, устроить все лучше.

При семъ можно замѣтить, что живущіе безъ вниманія къ самимъ себѣ никогда не удостоятся посѣщенія благодати; а если по единственной благодти Божіей и удаиваются, то уже предъ кончиною. Но видѣть себя внѣ преспѣянія не есть еще совершенное непреспѣяніе. Таковыя чувства могутъ насаждать въ сердцѣ искреннее смиреніе. А когда ты подлинно имѣешь

сознаніе, что лишенъ плодовъ духовныхъ, то старайся неослабно усиливать стремленіе къ Богу. Когда мы находимъ себя лишенными добродѣтелей и потому не имѣемъ о себѣ мнѣнія, то сіе самое можетъ привлекать Божественное призрѣніе, которое укрѣпитъ насъ надеждою противу смертнаго духа отчаянія. Когда мы не успѣли въ добродѣтеляхъ, то нѣтъ ближайшаго средства ко спасенію какъ смиренномудріе. Высокомѣріе и при добродѣтеляхъ богопротивно; но кроткая мысль предъ Богомъ забвенна не будетъ.

5. Отчего это возникло, что я къ совѣтамъ вашимъ потерялъ вѣру и благоговѣніе, что назиданія ваши перестали дѣйствовать на мое сердце, и что все кажется для исполненія неудобнымъ?

– Вѣра потеряна отъ подозрительности, благоговѣніе отъ дерзости, а недѣйствіе назиданій на сердце бываетъ оттого, что ты слушаешь съ нѣкоторымъ любопытствомъ, считаешь, что я дѣлаю сильные переходы отъ предмета къ предмету и что рѣшаю твои вопросы простыми выраженіями.

Оставь любопытство, храни умѣренность въ дерзновеніи, вѣруй, что Богъ тобою руководствуетъ въ лицѣ другихъ, не высокоумдрствуй; держись съ простою послушанія и будешь тогда ощущать совсѣмъ другое въ душѣ твоей. Если же ты благоразумной простоты не имѣешь, пріобрѣтай оную не довѣріемъ къ себѣ, а памятію твоего намѣренія, – зачѣмъ пришелъ въ обитель; вспоминай тотъ жаръ, тѣ расположенія души, которыя ты ощущалъ въ самомъ началѣ посѣщенія твоего сердца Богомъ, священную измѣну десницы

Вышняго. – Для истиннаго послушника, при Божіей помощи, нѣтъ ничего неудобоисполнимаго. Истинное самоотверженіе всегда будетъ чувствовать спасительное иго легкимъ. Если искушенія не превышаютъ даровъ Божіихъ, то желающій спастися все можетъ силою имени всѣхъ укрѣпляющаго Господа Іисуса. И это столь священная истина, что всякій, имѣющій сколько-нибудь живой вѣры, никогда не усумнится. Для мало-вѣрія и пылинки кажется горою; равно какъ для вѣрующаго переставлять горы искушенія весьма удобно и легко.

6. Какимъ образомъ поступать тогда, когда бываю въ кругу первѣйшихъ обители нашей старцевъ, которые иногда между собою въ разговорахъ помѣщаютъ такія происшествія, что, слыша оныя, трудно одержать побѣду надъ смѣхомъ?

– О словахъ ихъ должно думать такъ: я не понимаю, по скудоумію моему, на какой конецъ они говорятъ это, а не зная ихъ цѣли, не должно смѣяться. Если же нечаянно и невольно усмѣхнешься, обвиняя самого себя, помня истинныя свидѣтельства свв. Отець, что ничто такъ не разрываетъ цѣпь добродѣтелей и любви евангельской, какъ смѣхъ и смѣхотворство. Какъ обращеніе скверныхъ мыслей во внутренн-ихъ чувствахъ лишаетъ присутствія благодати, такъ упражненіе въ смѣхѣ и склонность къ нему удаляетъ Ангела-хранителя; добродѣтели бываютъ тщетными, будучи сопряжены – каждая съ душевными какими-либо пороками, и ограда преспѣянія разрушается. И Спаситель міра назначилъ вѣчную горестъ углуб-

ляющимъ въ смѣхотвореніа: *горе вамъ смѣющимся нынѣ* ⁸⁸.

7. Какъ избавиться отъ необыкновенно сильныхъ ощущеній сладострастія не только въ собраніи съ женскимъ поломъ, но и при одномъ воображеніи о немъ?

– При видѣ ихъ должно хранить умъ и чувства, особенно ничего не говорить безъ осмотрительности, стараясь скорѣе удалиться, а при воображеніи удерживать мысли. Полезно воздержаніе, а еще вѣрнѣе – благоразумная умѣренность. Но первѣе всего должно умолять Господа Всемогущаго о избавленіи отъ нападеній лютѣйшей сей страсти, ибо человѣкъ самъ собою никогда ее не искоренить. Но при нашемъ произволеніи Богъ Премилосердый угащаетъ порывы сего пламени.

8. Когда мой умъ насильно влекутъ за собою помыслы сладострастія, какъ избавиться отъ нападенія ихъ?

– Пойди умою твоимъ во адъ, и чрезъ зеркало Священнаго Писанія посмотри на плотоугодниковъ. Ужели и ты пожелаешь за временную грѣха сладость вѣчной гибели? Помни, что ты смертный. Смиренно проси Бога, яко побѣдителя страстей, да отразитъ мысленныя оныя стрѣлы плоти, – сего врага, неукротимо бунтующаго противъ закона ума и духа; ибо безъ Вышняго сдѣлать блага не можемъ ни малѣйшаго.

9. Какое средство употреблять противъ помысловъ, сильно влекущихъ меня къ осужденію ближняго и особенно того, который меня чувствительно оскорбляетъ, котораго поступки кажутся несообразными званію о

⁸⁸ Лк. 6, 25.

Христѣ и дерзкими и который также очевидно другихъ братій оскорбляетъ, на что взирая и пріемля участіе въ ихъ неудовольствіи, болѣе раздражаюсь, не въ состояніи быть мирнымъ; а не быть покойнымъ въ духѣ значитъ носить душевредную тяжесть?

– При появленіи помысловъ, побуждающихъ тебя къ осужденію ближняго за нанесенную имъ тебѣ обиду, когда разсвирѣпѣвшая буря мысли устремится ко взаимному отмщенію, сообрази состояніе скорби твоей съ бывшимъ состояніемъ скорби Спасителя міра. Сей великаго совѣта Ангель, Сынъ Божій, будучи безъ грѣха, терпѣлъ великодушно величайшія скорби. Не тѣмъ ли болѣе должны терпѣть горестные случаи мы, люди грѣшные, достойные наказаній? Мы должны также болѣе и обвинять себя. Въ семъ случаѣ оружіемъ самоосужденія мы будемъ сражаться съ возмутителемъ духа нашего невидимымъ филистимляниномъ, окрадывающимъ богообразный кивоть души нашей. Того, напротивъ, который наноситъ намъ оскорбленія, мы должны почитать благодѣтелемъ нашимъ: онъ не другое что, какъ орудіе, коимъ Богъ устраиваетъ наше спасеніе.

Такимъ образомъ, мы будемъ почитать обижающихъ насъ благодѣтелями. И когда начнемъ пріучать себя къ самообвиненію, тогда непримѣтно успѣемъ во внутреннемъ обвиненіи (себя); тогда сердце наше, съ помощію Вышняго, можетъ сдѣлаться въ духовномъ смыслѣ мягкимъ, кроткимъ. Человѣкъ содѣлается вмѣстилищемъ благодати и мира духовнаго. Тогда душа почувствуетъ такой миръ, котораго мы въ состояніи горести ощущать или, лучше сказать, вкушать не можемъ. Сей-то миръ

будетъ просвѣщать разумъ подвижника. Заря кротости духовной простретъ свои лучи на умъ, слово, умное чувство. Тогда онъ удобнѣ можетъ отразить зло, покорить и посвятить сердце всему тому, что только спасительно. Неудовольствія будутъ уже казаться радостными и пріятными.

10. Когда никакая святая мысль и представленіе не дѣйствуютъ на сердце раздраженное или предавшееся нечувствію, что должно дѣлать, дабы умягчить себя?

— Должно уединяться, принудить себя къ молитвѣ, къ изліянію души предъ Богомъ. Когда нѣсколько ослабѣютъ волны нечувствія, тогда изыскивай причину такой хладности. Если возникло отъ какой-либо страсти, удали оную отъ себя. А когда сіе толь горестное ожесточеніе водворилось отъ непроницаемыхъ причинъ, то болѣе проси Вездѣсущаго, да отразитъ благодатію Своею всѣ причины невѣрія — злыя порожденія нечувствія.

11. Какимъ образомъ согрѣвается охладѣвшая душа?

— Словомъ Божіимъ, молитвою, смиреннымъ благодарнымъ чувствованіемъ сердца къ Богу во всѣхъ измѣненіяхъ, не только наружнаго состоянія, но и внутренняго.

12. Ощущая въ себѣ не только склонность, но и самыя дѣйствія тщеславія, и желая онаго избавиться, какимъ образомъ можно успѣть въ томъ?

— Если ты будешь продолжать послушаніе съ откровенностью, если не будешь ни въ чемъ настоятельно склонять старшихъ къ соглашенію съ твоей волей и выискивать ихъ благоволеніе къ себѣ, если совершенно повергнешь свое ничтожество передъ Богомъ, то

всемогущею благодатию Его можешь со временемъ избавиться отъ тщеславія. Сія страсть отъ юности до преклонныхъ лѣтъ и до самаго гроба нерѣдко простирается. Она не только страстныхъ, преуспѣвающихъ, но иногда и совершенныхъ преслѣдуетъ, почему и требуетъ немалой осмотрительности. Безстрастный Творецъ лишь можетъ искоренить ее. О! коль трудно избѣгнуть сего яда, убивающаго плоды и самыхъ зрѣлыхъ добродѣтелей.

13. Когда я читаю книги Священнаго Писанія, то назидательнѣйшія изреченія отмѣчаю. Должно ли такъ дѣлать и полезно ли?

– Старецъ мой⁸⁹, которому, съ помощію Всемогущаго, повиновался я болѣе 20-ти лѣтъ, мнѣ это запрещалъ. Назначенныя тобою замѣтки непримѣтнымъ образомъ рождаютъ въ сердцѣ слѣды высокоумія, черты пагубнѣйшей гордости. Это познано изъ опыта. Когда Богъ мира озаритъ истиннымъ свѣтомъ память твою, тогда и безъ замѣчаній будешь помнить, гдѣ о чемъ писано и на какой конецъ. Разумъ, просвѣщенный благодатию, укажетъ тебѣ въ Св. Писаніи все, что нужно для твоего спасенія. Ибо Писаніе, хотя вообще дано намъ отъ Бога какъ бы нѣкоторое руководство къ преспѣянію, однако имѣетъ свои раздѣленія. Напримѣръ: что особенно относится къ властямъ, что къ подчиненнымъ, что къ преклоннымъ въ лѣтахъ, что къ среднему и малому возрастамъ, что къ инокамъ, мірскимъ лицамъ, супругамъ, дѣвамъ и проч. Но ты читай книги просто; проси

⁸⁹ Схимонахъ Феодоръ, о которомъ говорено было выше.

Всепремудраго, чтобы Онъ начерталь волю Свою святую въ душѣ твоей. А когда ты оную исполнишь со смиреніемъ, тогда будешь богомудръ и остропамятенъ о Господѣ.

14. Видя новоначальнаго брата въ нѣкоторыхъ поступкахъ неосмотрительнымъ или дѣлающимъ что-либо неблагопристойно, должно ли поправить его?

— Если ты обязанъ болѣе внимать себѣ, если ты не имѣешь на то благословенія отъ начальника и признаешь себя подверженнымъ страстямъ, то не входи никакъ въ тѣ предметы и случаи, кои до тебя не касаются. Молчи. Всякъ своему Господеви стоитъ или падаетъ.

Старайся всемѣрно самъ не быть соблазнителемъ ближнихъ. *Врачу, изцѣлися самъ!*⁹⁰

15. На субботу должно ли исполнять келейное правило?

— Должно, исключая праздниковъ и тѣхъ дней, въ которые бываютъ бдѣнія. Поклоны должны быть поясные.

16. Если я по случаю отлучки или какого послушанія не могу имѣть другого времени для келейнаго правила, какъ самое позднее, какъ поступать?

— Если ты, бывъ въ отлучкѣ, изнемогъ, то успокойся, — правило оставь, смиряясь и не смущаясь о томъ. А когда послушаніе будетъ умѣренное, постарайся совершить твое правило, и получишь отъ того немалую пользу. Такъ, однакоже, дѣлай до 10 часовъ. А когда сіе время протечетъ, то, прочитавай со вниманіемъ вечернія

⁹⁰ Лк. 4, 23.

молитвы, успокойся, творя молитву Іисусову, доколѣ уснешь, дабы готовѣе быть къ утренѣ и къ продолженію послушанія на слѣдующій день, если угодно будетъ Богу благополучно тебя возставить. Но это должно относиться только къ послушникамъ.

17. Я весьма желаю исправить себя, но все увлекаюсь стремленіемъ страстей. Что должно дѣлать для преодоленія ихъ?

— Желай, и Богъ всемогущій дастъ тебѣ по сердцу твоему; ибо начало добродѣтелей и источникъ есть расположение, желаніе добра о Господѣ. Страсти побѣдить самъ собою человекъ не можетъ. Это дѣло десницы Вышняго, дѣйствіе силы Божеской. Съ нашей стороны должно только непосредственно хранить данное намъ отъ Бога святое произволеніе и по оному прилагать стараніе достигнуть въ страну безстрастія. И Вышній, безъ сомнѣнія, совершитъ подвигъ желающаго. Итакъ, если желаешь воскреснуть отъ гроба страстей, то имѣй о томъ всегда внимательную мысль, попеченіе, неуклонную дѣятельность, ревность. Уповай на Бога, могущаго показать силу Свою въ немощахъ нашихъ благодатію Своею, и спасешься.

18. Какимъ образомъ избавиться отъ разсѣянія мыслей и въ самой молитвѣ?

— Моляся устами, молися и умомъ, т. е. заключаи умъ въ силу словъ молитвы⁹¹.

Если увлечешься размышленіемъ о какомъ-либо предметѣ, то, ощутивъ свою неосмотрительность въ

⁹¹ Просто сказать: молись со вниманіемъ, вникая въ каждое слово молитвы.

томъ, углуби свое вниманіе въ молитву. Всегда поступай такъ, и ощутишь пользу.

Постоянство ума привлекаетъ особенныя дѣйствія благодати.

19. Сильно одолеваетъ меня лѣность. Какъ избавиться отъ нея?

— Если ты нерѣшительно будешь сражаться съ лѣнностію, то никогда не побѣдишь оной. А коль скоро возстанешь противъ нея съ твердымъ намѣреніемъ, хотя не безъ внутренней болѣзни, то съ помощію Божіею можешь одержать побѣду. Отражать, хотя и быть гониму, есть знакъ вѣрнаго и добраго воина; но обращать всегда хребетъ прилично одному лѣнивому оруженосцу. Человѣкъ до гроба долженъ наблюдать за собою относительно сего порока, дабы не услышать въ послѣдній день ужаснѣйшаго опредѣленія Сердцевѣдца: лукавый рабе и лѣливый!..

Въ Писаніи сказано: «побѣждающему», а не побѣдившему; потому что мы безъ помощи Вышняго не можемъ одолѣть врага совершенно, не можемъ никогда пріобрѣсти надъ нимъ никакого перевѣса. Только побѣждающему дается вѣнецъ, и только тому, кто выходитъ на борьбу съ твердымъ намѣреніемъ вести брань до послѣдняго издыханія и никогда не оставляетъ оружія въ минуту самыхъ ужасныхъ опасностей; будучи даже въ невольномъ плѣнѣ, не предаетъ сердца своего врагу. Таковой, хотя и бываетъ иногда разбитъ, никогда не послабляетъ своего священнаго рвенія, жертвуетъ собою неуклонно съ духомъ надежды и потому успѣваетъ, и за одно свое

намѣреніе вѣнчается, какъ храбрый и достойный небесныхъ почестей.

20. Какъ избавиться отъ угнетенія духа унынія?

– Вѣроятно, ты увлекаешься къ нему собственною волею. Если оставишь самораспоряженіе и будешь начинать всякое дѣло съ благословеніемъ Божиимъ, то съ благословеніемъ пожнешь миръ душевный и прочіе плоды Св. Духа. Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать тягостнаго мрака унынія. Свирѣпѣйшія волны страстей утихнутъ. На ихъ мѣстѣ возникнутъ: ясность мыслей, тишина помысловъ, кротость духа, нелестный миръ, которые пріосѣнятъ тебя и водворятся въ душѣ твоей. Если ты сохранишь непрерывное вниманіе и самонаблюденіе, то уподобишься мудрымъ дѣвамъ и внидешь въ чертогъ безсмертнаго Жениха. Женихъ грядетъ въ полунощи. Блюда же, да не отягчишь сердце твое уныніемъ. Дажь славу Господеви Богу твоему, прежде даже не смеркнется. Гряди во имя Господне путемъ самоотверженія, если желаешь истинно спастись. Уныніе преслѣдуетъ всѣхъ; даже въ великихъ людяхъ уничтожаетъ спасительные плоды трезвенія. Но въ простомъ и истинномъ послушникѣ оно не должно имѣть мѣста. Кто себя отвергся съ упованіемъ на Бога, – о чемъ когда будетъ унывать? – Въ таковомъ *врагу оскудѣша оружія въ конецъ*⁹².

21. Услышалъ я о представленіи къ монашеству нѣкоторыхъ братій, особенно тѣхъ, кои вступили въ сію обитель послѣ меня. Я, равно желая принять ангельскій

⁹² Пс. 9, 7.

образъ и не имѣя на сіе благословенія начальника, весьма о томъ безпокоюсь и сѣтую, не достигая цѣли. Какимъ образомъ водворить въ себѣ потерянное чрезъ то спокойствіе духа?

— Во-первыхъ, ты долженъ смиренно и безъ дальняго разсужденія покориться волѣ Божіей. Рѣшеніе начальника есть воля Правителя всяческихъ. Посему кто не повинуется начальнику, тотъ не повинуется волѣ Божіей, всѣмъ управляющей. А кто не повинуется хотѣнію Божескому, тотъ горестно подвергаетъ себя удаленію благодати, тлетворной печали духа, нестроенію, бѣдствію и всѣмъ безрасуднымъ предпріятіямъ. Тѣ, которые прежде тебя представлены къ монашеству, вѣроятно и должны почитаться достойнѣе. Желая получить внѣшній образъ ангельскаго обрученія, потщись прежде сдѣлаться внутреннимъ Ангеломъ. Безъ внутренняго монашества одно наружное не спасетъ тебя. По намѣренію твоему и званію, подражай по силѣ жительству древнихъ свв. Отцовъ, и вѣруй, что всѣми нами управляетъ всемогущій Богъ. Начальника почитай исполнителемъ святой и прозорливой воли Его, ибо онъ таинственно носитъ образъ Іисуса Христа. Такъ вѣруя, конечно, не будешь безрасудно приступать къ начальнику. Да и смѣемъ ли мы на Господа Іисуса Христа имѣть возмущенный духъ, когда и съ ненавидящими мира мы обязаны быть мирными, кроткими, благопокорливыми? Но о семъ я болѣе говорить не стану. Если Богъ взираетъ на сердце и произволеніе и призираетъ на дѣла каждаго, если Онъ видитъ всѣ будущія дѣйствія наши и самую кончину жизни, то должно ли сомнѣваться, что

Онъ, яко Всеблагій, устраиваетъ о насъ все лучшее? Богъ только восхощетъ, естество уже и теряетъ свой порядокъ; ибо благодать Его сама собою есть, безъ сомнѣнія, превыше всякой мудрости и силъ міра сего. Что Богъ предположилъ, того никакой совѣтъ человѣческій разрушить не можетъ. Конечно, Богу не угодно, чтобы ты былъ воспринять въ ангельскій чинъ. Если ты сдѣлаешься его достойнымъ, то будь увѣренъ, что или предъ кончиною удостоишься онаго, или, по разрѣшеніи отъ тѣла, отъ ангеловъ будешь представленъ ко Господу въ чинъ иноческаго. Это истинно. И если ты имѣешь въ душѣ сколько-нибудь вѣры, превышающей разумъ, то можешь сіе принять. Но если ты такой вѣры не имѣешь, потщися вѣровать и со св. апостоломъ Петромъ взывай: Господи, *приложи ми вѣру*⁹³.

Богъ зрѣтъ на произволеніе.

Возьми въ примѣръ блаженную Таисію, которая, бывши непотребною женщиною, мгновенно, посредствомъ одного рѣшительнаго самоотверженія, сдѣлалась совершенною инокинею. Когда она возымѣла произволеніе быть единственно рабою Бога и съ непоколебимостію предала сердце свое водительству Іисуса Христа, и когда въ такой рѣшительности постигла ее на пути чувственная смерть, тогда спутникъ ея преподобный Іоаннъ, обратившій ее помощію Вышняго отъ стезей разврата на спасительный путь покаянія, къ величайшему удивленію увидѣлъ чистою душою, какъ Ангелы восхитили въ неприступный свѣтъ примирен-

⁹³ Ср.: Лк. 17, 5.

ную съ Богомъ душу Таисіи. Она еще не достигла пустыни, не знала, въ чемъ состоитъ жизнь иноческая, не была облечена въ вожделѣнный ей образъ оный, но, посредствомъ обращенія къ Богу и презрѣнія самой себя, мгновенно удостоилась премилосердаго суда Господня и переселенія въ нерукотворенныя Божія обители. Не совершенною ли она посему содѣлалась инокинею? Тайной волѣ всевысочайшаго милосердія угодно было прекратить дни ея въ минуту рѣшительнаго произволенія; и вотъ одинъ благой помысль ея вѣнчается наравнѣ съ самымъ дѣломъ. Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не унижитъ. Если ты желаешь имѣть на сіе еще яснѣйшее доказательство, то посмотри очами смиренія и вѣры на того послушника, который за благое произволеніе и достойную жизнь тотчасъ по погребеніи облеченъ былъ Ангелами въ схиму, что мы видимъ въ исторіи Печерскихъ свв. Отцовъ. Но увы тому схимнику, съ котораго судъ Божій опредѣлилъ снять нынѣшній образъ, въ доказательство внутренняго его безплодія!

Если и ты облечешь себя о Христѣ во образъ внутренняго инока, то не безпокойся много о внѣшнемъ образѣ, хотя и непогрѣшительно желать сего. Сердцевѣдецъ, всегда лучшее о насъ строящій, по мѣрѣ твоей вѣры и дѣлъ, Ему угодныхъ, устроить о тебѣ. Вспомни о преподобномъ Пименѣ Многоболѣзненномъ. Множество окажется монаховъ единственно по произволенію, хотя они въ здѣшнемъ мірѣ не могли, по судьбамъ Міроправителя, быть постриженными отъ рукъ смертныхъ. Преподобная Пелагія лишь только получила просвѣщеніе, познала истинную вѣру, какъ пожелала

принести плоды, достойные покаянія. Крѣпостію не-описанныхъ подвиговъ содѣлалась она преподобною, хотя и не была облечена въ мантию отъ чловѣковъ. Мантия означаетъ тѣсноту, обѣщаніе вольной нищеты, чистоты, послушанія и смиренія монашескаго житія; но мантия внутренняго облаченія, предопредѣленная отъ Вышняго въ награду вѣчную на Небесахъ, есть священнѣйшее возложеніе одежды Св. Духа.

22. Должно ли вѣрить снамъ, которые (по видимому) живо представляютъ будущность?

— Не должно, хотя бы они въ своемъ родѣ и дѣйствительны были; ибо чрезъ вѣроятіе сновъ многіе прельстились. Любомудрый старецъ Θεостирикть, сочинившій Параклисъ Пресвятой Богородицѣ, ввѣрившись снамъ, наконецъ такъ прельстился, что погибъ. Посему тотъ весьма искусень, кто не вѣритъ и живѣйшимъ представленіямъ.

23. Что же знаменуетъ слѣдующій видѣнный мною сонъ, и включаетъ ли онъ въ себѣ что-либо, достойное вѣроятія? Можетъ быть, онъ не заслуживаетъ вниманія, но я обязанъ открыть его Старцу.

Вижу я внезапно свѣтъ, столь лучезарный, что онъ много превышалъ свѣтъ солнечный. Изъ этого лучезарнаго сіянія выходилъ голосъ громкій и нѣжный, приказывавшій какъ бы подчиненнымъ существамъ: «Возьмите его (т. е. меня) на крестъ». Съ сими словами (не знаю, кто) меня взяли и, снявъ одежды, повлекли какъ бы умственно на крестъ, который мнѣ живо представлялся и, казалось мнѣ, былъ сдѣланъ изъ пріятнаго желтаго строевого дерева, достаточный, чтобы меня на

ономъ крестообразно распростереть. Но кто со мною такъ поступаль? Смотри на всѣ стороны, ничего другого я не могъ примѣтить, какъ только шумъ и самую скорую дѣятельность. Когда меня подняли на крестъ, то дѣйствующіе говорили тихо, но внятно: «Подавайте гвозди». Предложены были четыре гвоздя, каждый не менѣе какъ въ четверть аршина; и тогда начали мнѣ прибивать однимъ изъ нихъ правую руку ко кресту. Здѣсь я ощущалъ величайшую боль, хотя и желалъ въ душѣ своей быть распятымъ. Имѣя такія желанія сердца, отъ боли я, однако, поколебался въ духѣ, и едва не выразилъ голосомъ ощущаемаго страданія, но съ помощію Божіею, не знаю какъ-то, удержался. Когда же мнѣ вонзенъ былъ гвоздь, то спустя нѣсколько минутъ я почувствовалъ облегченіе боли, и потомъ уже почти не ощущалъ ее. Затѣмъ подали другой гвоздь, подобный первому, и начали вбивать его въ лѣвую мою руку. Здѣсь хотя я и ощущалъ боль, только несравненно легчайшую первой. Подали третій гвоздь, которымъ назначено было прибить ко кресту правую мою ногу. Видя, какъ этотъ гвоздь былъ устремленъ на меня, я поколебался въ духѣ и хотѣлъ воскликнуть: «Помилуйте!» Но, будучи удержанъ изнеможеніемъ собственнаго духа, ощутивъ свой недостатокъ въ терпѣніи, за коимъ, однакожь, слѣдовало въ сердцѣ большее перваго желаніе претерпѣть, я обратился умомъ своимъ ко Всемогущему Богу, имѣя въ душѣ неизъяснимую увѣренность въ томъ, что Онъ мнѣ поможетъ. Съ такою надеждою я мысленно просилъ Бога объ укрѣпленіи; трепеталъ, желалъ претерпѣть и боялся неустойки, сообразной слабости

непостояннаго моего духа. Дѣйствительно, милосердый Господь хотя и далъ мнѣ ощутить ужасную боль во всемъ моемъ составѣ, но по милосердію Своему удивительно укрѣпилъ меня. Вонзили гвоздь. Въ духѣ я весьма ослабѣлъ, однако жъ, невольно вынеся боль, я скоро началъ чувствовать облегченіе, потому умѣренную болѣзнь или лучше – одну слабость. Подали четвертый гвоздь и съ необыкновеннымъ стремленіемъ вонзили мнѣ въ лѣвую ногу, такъ что я не успѣлъ ни вообразить, ни подумать что-либо. Полагаю, что отъ ощущаемой слабости. Но боль въ то время была средняя, такъ что, казалось, можно бы стерпѣть. Нѣсколько времени спустя, вторично возгремѣлъ отъ превыспренняго свѣта громкій голосъ, гораздо яснѣе перваго, но все сопровождаемый духомъ любви, нѣжности и благоволенія: «Вонзите ему (какъ бы указуя на меня духовнымъ перстомъ) въ самое сердце гвоздь!» Услышавъ такое опредѣленіе и зная свою слабость, я крайне возмутился. Рѣшительность моя поколебалась; тучи страшныхъ мыслей отяготѣли надо мною. Мое сердце то горѣло желаніемъ, то приходило отъ страха въ оцѣпенѣніе. Наконецъ рѣшительность посвятить себя на терпѣніе взяла перевѣсъ. Всѣ смутныя мысли разсѣялись, и умъ мой воспарилъ къ Богу съ молитвою о помощи. Послѣ сего, какъ бы ощутивъ въ своемъ сердцѣ обѣщаніе отъ Господа подать мнѣ помощь, съ нѣкоторымъ трепетомъ, но вмѣстѣ съ любовію и признательностію къ сильному имени Сердцевѣдца, Который болѣе есть сердца и вѣсть вся, приготовился выдержать дѣйствіе страшнаго приговора, излетѣвшаго изъ нѣдръ невидимаго гласа. (Все

это дѣлалось такъ скоро, что нужно болѣе времени не только описать, но и пересказать словами). Подали пятый гвоздь, который прямо приближался противъ моего сердца. Судя по величинѣ, онъ могъ насквозь пронзить меня, и, кажется, еще осталось бы съ обѣихъ сторонъ болѣе полуаршина. Пока гвоздь еще приближался къ моей груди, я находился готовымъ въ надеждѣ на Силу Божию. А какъ только совершенно приблизился, то я вдругъ измѣнилъ свое намѣреніе и хотѣлъ было воскликнуть: „Помилуйте! За что это?“ Мнѣ казалось, что какъ только исполнится опредѣленіе, я лишусь жизни отъ безмѣрной болѣзни. Начали забивать гвоздь противъ самаго сердца какъ будто молотами. Я почувствовалъ необыкновенную, столь нестерпимую боль, что духъ мой былъ сраженъ совершенно. Душа, какъ будто собравъ въ себя пораженные слабыя силы, оставила меня безъ чувствъ на крестѣ и, излетѣвъ изъ тѣла, держама была нѣсколько минутъ какимъ-то невидимымъ и неизъяснимымъ существомъ. Глаза мои и омертвѣли, и закатились. Голова склонилась, не упомяну на какую сторону.

Ужасное было зрѣлище! Душа была во мнѣ, но, казалось, внѣ тѣла. Вскорѣ, впрочемъ, начало и мнѣ казаться, что я только чрезмѣрно изнемогъ, но душа моя во мнѣ. Болѣзнь стала умѣряться, и вдругъ не стало слышно и слѣдовъ ея.

Мгновенно открылись глаза мои; но я ничего болѣе не ощущалъ кромѣ того, что я на крестѣ. Сердце мое бѣдное восхищено было и преисполнено толикою сладостію, что того неизобразимаго веселія ни тысяща

великихъ умовъ, ни самъ я испытавшій выразить не въ состояніи. Сладость эта, думаю, есть чаша предложенія сладостей премірныхъ отъ пресладкаго Міроправителя, Господа нашего Іисуса Христа. Ему только свойственно имѣть такого рода стамну манны, и по непостижимой тайнѣ милосердія Его даровать смертнымъ. Но что я начинаю говорить, безумный, о томъ, что выразить всей жизни моей недостаточно! Простите! Возвеселилось сердце мое неизреченно, и тогда пламенѣющіе въ мирномъ духѣ глаза мои опустились внизъ. Я видѣлъ себя всего въ крови, пригвожденнаго на крестѣ. Сладость восхитила мой духъ, въ сердцѣ остались слѣды какого-то изумленія, которое меня и пробудило отъ сна.

Теперь первый часъ послѣ полуночи. Вотъ я пришла немедленно къ вамъ. Удивляюсь, недоумѣваю, радуюсь и ужасаюсь. Трепещетъ сердце мое безъ боязни отъ слѣдовъ сладости и удивленія. Скажите мнѣ, что значить этотъ необыкновенный сонъ?

– Преподобный Варсонофій Великій пишетъ, что Самого Іисуса Христа Господа, Ангела и другое лицо бѣсы могутъ представить не только во снѣ, но и наяву: обыче бо *сатана* преображати *во ангела свѣтла*⁹⁴. Но Креста Господня, на силу котораго, – какъ поетъ св. Церковь, – «діаволь не смѣетъ взирати, – трепещетъ бо и трясется, не могій взирати на силу его», – онъ представить не можетъ. Итакъ крестъ, видѣнный тобою во снѣ, предзнаменуетъ величайшую какую-либо скорбь, а сладость – заступленіе. Чѣмъ ты готовѣе

⁹⁴ Ср.: 2 Кор. 11, 14.

будешь, тѣмъ и легче можешь переносить, яко уготовихся и не смутихся, – восклицаетъ св. Давидъ. Если же ты поколебался въ скорби, держись правила: *смятохся и не глаголахъ*⁹⁵. Если же скорбь твоя чрезмѣрна, помни слѣдующее: *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми*⁹⁶. Убо воля Господня да будетъ! Иди, не безпокойся. Вѣренъ Богъ!

Спустя нѣсколько послѣ видѣннаго мною сна, извѣстясь о несчастной насильственной кончинѣ отца моего, я спросилъ Старца:

Я чувствую, что сонъ мой былъ предвѣстникъ настоящей, неизгладимой скорби, хотя относить его къ сему предмету не смѣю. Несчастливая кончина моего родителя есть для меня тяжкій крестъ, видѣнный мною. Да, я нахожусь теперь на крестѣ, котораго болѣзни пойдутъ со мною въ гробъ. Воображая объ ужасной для грѣшниковъ вѣчности, въ которой нѣтъ уже покаянія, я мучаюсь представлениемъ вѣчныхъ мученій, которыя ожидаютъ моего родителя, безъ покаянія умершаго. Скажи, отче, чѣмъ я могу утѣшить себя въ настоящей горести?

– Вручай какъ себя, такъ и участь родителя волѣ Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышняго судьбы. Тщися смиренномудріемъ укрѣплять себя въ предѣлахъ умѣренной печали. Молись преблагому Создателю, исполняя тѣмъ долгъ любви и обязанности сыновней.

⁹⁵ Пс. 76, 4.

⁹⁶ Пс. 39, 2.

Но какимъ образомъ молиться о такихъ?

– По духу добродѣтельныхъ и мудрыхъ такъ: «Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего; аще возможно есть, помилуй. Неизслѣдимы судьбы Твои. Не постави мнѣ во грѣхъ сей молитвы моей. Но да будетъ святая воля Твоя»⁹⁷.

– Молись же просто, безъ испытанія, предавая сердце свое въ десницу Вышняго. Конечно, не было воли Божіей на столь горестную кончину родителя твоего. Но нынѣ онъ совершенно въ волѣ Могущаго и душу, и тѣло ввергнуть въ печь огненную, Который смиряетъ и высить, мертвить и живить, низводитъ во адъ и возводитъ. Притомъ Онъ столь милосердъ, всемогущъ и любвеобиленъ, что благія качества всѣхъ земнородныхъ предъ Его высочайшею благодію – ничто. Для сего ты не долженъ чрезмѣрно печалиться. Ты скажешь: Я люблю моего родителя, почему и скорблю неутѣшно. – Справедливо. Но Богъ безъ сравненія болѣе, чѣмъ ты, любилъ и любить его. Значить, тебѣ остается предоставить вѣчную участь родителя твоего благодіи и милосердію Бога, Который если соблаговолитъ помиловать, то кто можетъ противиться ему?

⁹⁷ Эту молитву предлагалъ въ свое время и старецъ іеросхимонахъ Амвросій, кромѣ подобныхъ описанному случаю, тѣмъ православнымъ христіанамъ, которые спрашивали его: можно ли и какъ молиться за умершихъ католиковъ и протестантовъ, какъ близкихъ почему-либо къ нимъ лицъ.

**Отвѣты старца о. Леонида на вопросы
Алексѣя Поликарповича Бочкова, въ послѣдствіи
Антонія, игумена Черемнецкаго монастыря**

1. Что такое осужденіе, и почему отцы примѣняютъ осуждающаго къ антихристу?

– Осужденіе есть, когда ты, видя или зная грѣхъ или порокъ брата твоего, говоришь отъ сердца: «Онъ по моему мнѣнію достоинъ или муки, или казни, или болѣзни». Тогда ты становишься якобы судія ближняго и хочешь возсѣсть на Престолъ Единаго Судіи-Христа; потому за гордое безуміе твое ты и примѣняешься ко антихристу. Иное есть злорѣчіе и оглаголаніе, но это еще не осужденіе. Ино есть соблазнъ, когда невольно, по естественному чувству, душа соблазняется на постыдное дѣло или слово. Молчаніе отцовъ, занимавшихся внутреннимъ дѣланіемъ, не знало грѣховъ ближняго, а видѣло только одно свое паденіе.

2. Могу ли я на исповѣди говорить о согрѣшившемъ со мною въ словѣ или въ дѣлѣ?

– Развѣ ты хочешь каяться за него? Если онъ не хочетъ сознаться въ своемъ грѣхѣ, говори только о своемъ: согрѣшихъ злословіемъ, или страстными разглагольствіями, или чѣмъ-либо отъ таковыхъ.

3. Могу ли я предложить брату принести покаяніе старцу въ содѣланномъ вмѣстѣ словесномъ грѣхѣ?

(Старецъ улыбнулся). – Слишкомъ велико твое раченіе о спасеніи брата твоего. Думаю, что помолиться лучше, чтобы Господь Самъ то ему внушилъ.

4. Отцы говорятъ, что подробное изъясненіе блудныхъ помысловъ и дѣлъ напрасно, что довольно

объяснить ихъ краткимъ общимъ словомъ, что воспоминаніе о нихъ сквернить уста и помыслы. Такъ ли это?

– Это такъ. Отцы были опытнѣе насъ въ душевныхъ дѣлахъ. Но каждому человѣку различное правило. Иной старецъ можетъ безстрастно и безвредно выслушать твое исповѣданіе. Да и ты, положимъ, можешь не очень страстно и съ сокрушеніемъ исповѣдываться подробно и, ко смиренію твоему, посрамить себя, потому и подробное исповѣданіе (хотя и рѣдко) бываетъ на пользу. Но видно старцы знали великое милосердіе Божіе, не желающее крайняго пристыжденія нашего, потому и заблагоразсудили исповѣданіе худыхъ помысловъ сократить. Иногда тебѣ діаволь внушить ихъ, и ты будешь являть не свои помыслы, а его навѣваніе, и онъ поругается тебѣ во благомъ. Иногда и старецъ, не очень твердый, не вывѣетъ помыслы твои изъ уха своего сердечнаго.

5. Поэтому злые и хульные помыслы на старца, на его жизнь и слабости лучше умалчивать?

– Каковъ старецъ. Лучше умалчивать о подробностяхъ помысловъ, а сказать только вообще, что были хульные помыслы на васъ. Діаволь иногда хочетъ поругать и похулить твоими устами старца; а ты потѣшишь діавола, ставши его передатчикомъ. Если же старецъ опытенъ, то онъ, не злобясь, тебѣ это разъяснить; а если малосиленъ, то возмутится, особливо, если такая брань твоя будетъ продолжительна. Старецъ можетъ отринуть тебя за твою и свою неопытность. Обличеніе старца рѣдко Господь попускаетъ сдѣлать младшему, хотя мы должны возлюбить обличающихъ насъ.

6. Какъ же узнать: какіе помыслы собственно наши и какіе отъ противнаго?

– Мнѣ сказывалъ одинъ коневскій пустынникъ, что, занимаясь немалое время умнымъ вниманіемъ, онъ не могъ отличить свои помыслы отъ вражескихъ. Врагъ, увлекая мысль твою на что-либо, не говоритъ тебѣ: «Иди, сдѣлай то и то», а какъ будто думаетъ за тебя, и говоритъ тебѣ мыслию твоею: «Мнѣ хочется сдѣлать то и то; я полагаю, что это полезно, а это вредно; я рѣшился на то и то». И все это частенько не твои, а вражескіе помыслы, прикрытые твоимъ или его я. Ты полагаешь, что это твои мысли. Нѣтъ, ты только слушаешь вражескія внушенія⁹⁸.

7. Нѣкоторые священники-богословы требуютъ тончайшаго исповѣданія для очищенія души.

– Оставимъ ихъ, – это ихъ дѣло. А могутъ ли они свои правила выполнить, напримѣръ, если исповѣдниковъ у иного 500 въ три часа?

8. Всѣмъ ли дается умная молитва?

– Кого посѣтитъ Господь тяжкимъ испытаніемъ, скорбію, лишеніемъ возлюбленнаго изъ ближнихъ, тотъ и невольно помолится всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ, всѣмъ умомъ своимъ. Слѣдственно, источникъ молитвы у всякаго есть; но отверзается онъ или постепеннымъ углубленіемъ въ себя, по ученію отцовъ, или мгновенно Божіимъ сверломъ.

⁹⁸ Внимающимъ своему спасенію наставленіе это особенно должно помнить.

9. Нѣкоторые знаемые мною отцы имѣють великую любовь къ Матери Божіей и хвалятся тѣмъ. Мнѣ сомнительно въ нихъ такое усердіе.

– Да! Кто выставляетъ на видъ свое ублаженіе, въ тѣхъ сомнительно. Иногда мы хвалимся и нашими моленіями, а между тѣмъ далеки отъ Царицы Небесной. Матерь Божию восхвалимъ Ея добродѣтелями, – чистотою, смиреніемъ, а не нашимъ велехваленіемъ.

10. Какія книги свв. Отцовъ лучше читать: Лѣствника, Исаака Сирина, или аввы Варсонофія?

– Слова святыхъ дѣяньми читай.

11. Что скажете объ акаѣстахъ, которыми иные переполняютъ свои правила?

– Слова акаѣста кто понимаетъ такъ, какъ ихъ пѣснописецъ, и вникаетъ въ каждое ихъ слово, тотъ и въ акаѣстѣ молить или хвалить не безъ ума. Только бы онъ не приписалъ себѣ и своему уму чужіе труды и чужія слова, псалмы или гимны – мы только ихъ чтецы. Еще не всѣ прочетшіе Псалтирь – Давиды, и не всѣ прочетшіе каноны – Дамаскины.

Лучше простое, всѣмъ намъ близкое мытарево моленіе.

12. Какъ легче спастись? Какимъ путемъ? Я о себѣ только спрашиваю.

– Вообрази, что Господь Иисусъ Христосъ ходитъ по землѣ со всею Своею простотою человѣческою и евангельскою. Ходя при Немъ, былъ ли бы ты лучше, нежели теперь?

– Подумавши, я отвѣчалъ Старцу: полагаю, что остался бы по-прежнему, безъ особенной благодати

Божіей. Мало ли было послѣдовавшихъ Христу и отпавшихъ?

Вопросъ Старца: А чѣмъ наипаче привлекается благодать Божія?

Ученикъ: Не вѣдаю, Батюшка.

Старець: Если бы ты былъ яко апостолы просто-сердечень, то не скрывалъ бы своихъ человѣческихъ недостатковъ, не притворялъ бы себѣ особеннаго благоговѣнія, ходилъ бы не лицемѣрствуя, – этотъ путь, хотя какъ будто легкій, но не всѣмъ дается, не всѣмъ понятенъ. А этотъ путь ближайшій ко спасенію и привлекаетъ благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души, – вотъ что пріятно смиренному сердцемъ Господу. Аще не будете яко дѣти, не внидите въ Царствіе Божіе.

13. Отчего я досажую на приходящихъ къ вамъ, на ихъ глупости, на ихъ невѣжество, хоть и знаю, что многіе пользуются вами?

– Оттого, что сердце твое не сокрушенно. Кто бо-литъ любовію къ ближнему, тотъ мало замѣчаетъ ихъ глупости, а молить Господа со страхомъ, да внушится, что сказать ближнему на пользу, и дѣло совѣта исполняетъ благоговѣйно, яко дѣло Божіе. Иногда и послѣ молитвы не находишь отвѣта полезнаго. Тутъ устыждаешься и окаяваешь самого себя. При такомъ чувствѣ собственнаго недостойнства не до глупостей человѣческихъ. Готовъ всякому сказать: помолися обо мнѣ, рабе Божій.

14. Отчего я васъ иногда такъ люблю, какъ вотъ теперь (при этомъ у меня были слезы на глазахъ и голосъ

дрожалъ), а иногда на васъ досадую за множество къ вамъ приходящихъ и служающихъ вамъ?

– Поймешь ли ты меня? – Оттого, что ты еще не монахъ, а мимоходящій, еще не оторвался отъ міра. Ты на лету хочешь схватить мои слова, мимоходомъ спастись, наскоро научиться. Потому у тебя и восторги, цѣлованье батюшкина плеча или руки. А я при о. Ѳеодорѣ былъ къ нему безъ фанатизма⁹⁹, мысленно же готовъ былъ кланяться ему въ ноги съ сыновнимъ почтеніемъ. Посмотри на игуменью Анатолію и м. Аркадію¹⁰⁰. Онѣ не завидуютъ приходящимъ ко мнѣ, готовы уступить всякому свое время и мѣсто, а между тѣмъ любятъ меня болѣе твоего, потому что слова мои исполняютъ дѣломъ. Когда-то Господь и тебя совсѣмъ освободитъ отъ міра? Можетъ быть и ты возлюбишь ближняго своего, яко самъ себя. Не желаю тебѣ и послѣ того Тавиѳина устроенія.

Объясненіе послѣднихъ словъ старца о. Леонида

Упоминаемая м. Тавиѳа жила въ Борисовской дѣвичьей пустыни Курской губ. и была не только строгая по жизни монахиня, но и бойкая старица, принимала участіе въ другихъ и многихъ наставляла. Но сама была восторженнаго настроенія духа и искала высокаго въ

⁹⁹ Часто употреблявшееся Старцемъ слово.

¹⁰⁰ Анатолія – настоятельница Борисовской пустыни, необыкновенной доброты и теплаго сердца женщина. Аркадія – настоятельница Сѣвскаго монастыря, которую и по виду и по достоинству Старецъ какъ бы шутя называлъ царицею.

духовной жизни, не презрѣвши еще вполнѣ человѣческой славы и не очистивши себя и отъ другихъ страстей; недостатки же другихъ судила строго, вѣроятно, по недостатку собственнаго смиренія. Хотя и много была вразумляема старцами, но не оставляла неправильнаго своего стремленія и восторженнаго настроенія; чрезъ что и впала въ прелесть вражію и скончалась въ помѣшательствѣ ума или въ полупомѣшательствѣ.

Слова же Старца о. Антонію, что, можетъ быть, и онъ возлюбилъ ближняго своего, яко самъ себя, сбылись болѣе 30-ти лѣтъ спустя послѣ кончины о. Леонида. Отецъ игуменъ Антоній (Бочковъ), отказавшись отъ настоятельства въ Черемнецкомъ монастырѣ, въ 1871 г. помѣстился въ скиту Николо-Угрѣшскаго монастыря, близъ Москвы. Въ этомъ году въ Москвѣ стала усиливаться холера, и потому просили Угрѣшскаго настоятеля прислать въ Москву іеромонаховъ въ помощь московскимъ священникамъ для напутствованія больныхъ и умирающихъ и для отпѣванія умершихъ. Тогда о. Антоній самъ изъявилъ желаніе посвятить себя этому дѣлу челоуѣколюбія и въ началѣ 1872 г. перешелъ въ московскую больницу чернорабочихъ, гдѣ для него была устроена особая келлія. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ семидесятилѣтній старецъ-игуменъ ежедневно исповѣдывалъ многихъ больныхъ и пріобщалъ Св. Христовыхъ Таинъ, и самъ каждый день пріобщался; также соборовалъ челоуѣка по три въ день и, случалось, челоуѣкъ по шести въ день отпѣвалъ умершихъ, въ зимнее время въ холодной часовнѣ. Исполняя все это, о. Антоній говорилъ о себѣ, что во всю свою жизнь никогда

не пользовался такимъ здоровьемъ и не былъ такъ покоенъ духомъ, какъ въ это время. Наконецъ 17-го марта, въ день бывшаго своего тезоименитства, на память Алексія челоуѣка Божія, самъ заболѣлъ тифомъ и 5-го апрѣля скончался. Похороненъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ.

Глава X

**Гоненіе на старца о. Леонида 1835–1836 гг.
Переводъ его изъ Скита въ монастырь.
Посѣщеніе Оптиной Пустыни Кіевскимъ
митрополитомъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ)
съ благими послѣдствіями какъ для Старца,
такъ и вообще для обители. Неоднократныя
запрещенія и разрѣшенія Старцу принимать
посѣтителей. Важныя причины сихъ пріемовъ**

акъ проводилъ богомудрый старецъ Леонидъ дни среди присныхъ своихъ учениковъ, различными способами вразумляя и наставляя ихъ на путь спасенія. Упомянутое же выше въ обители смущеніе, какъ сказано, поуспокоилось. Нѣкоторые изъ недовольныхъ братій выходили изъ обители; между тѣмъ какъ новыхъ учениковъ Старца все болѣе и болѣе прибывало, и вліяніе его въ Оптиной Пустыни, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе укрѣплялось.

Но все еще оставалась въ монастырѣ часть монаховъ, которые таили въ сердцахъ своихъ недовольство противъ Старца и не могли смотрѣть на дѣло его спокойными глазами. Одинъ изъ такихъ недовольныхъ

быль скитскій схимникъ о. Вассіанъ. По происхожденію онъ былъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ нѣкоей помѣщицы по фамиліи Филатьева, въ имѣніи которой былъ старостою, но по времени вдовымъ отпущенъ съ дочерью на волю; а затѣмъ монахъ и схимонахъ, скитскій старожиль. Былъ онъ человѣкъ малограмотный, читать Псалтирь могъ, а писать не умѣлъ. Въ отношеніи же жизни духовной его иначе нельзя обрисовать, какъ назвавъ, по монастырскому выраженію, монахомъ внѣшнимъ. Въ Скиту онъ проводилъ самую суровую жизнь. Въ пищу употреблялъ (можетъ быть, не всегда) пареную траву – снить, которая, простоявши у него нѣсколько дней въ горшкѣ, протухала, обратившись въ совершенный навозъ. Вспоминалъ о семъ одинъ монастырскій монахъ, современникъ о. Вассіана хлѣбникъ о. Иванъ: «Приду, бывало, навѣстить о. Вассіана, а онъ и начнетъ угощать меня протухлой сниткой. Вынетъ изъ горшка травинку и скажетъ: „Ну-ка, рабе Божій, на-ка покушай“. – Я возьму въ ротъ, пожую, пожую, но проглотить никакъ не могу, такъ и выплюну. – „Плохъ же ты, рабе Божій“, – замѣтитъ о. Вассіанъ. Самъ же онъ, бывало, свободно ее кушаетъ». – Кромѣ сего ежегодно онъ первую и послѣднюю седмицу Великаго поста проводилъ совсѣмъ безъ пищи. А два раза въ жизни поревновалъ провести безъ пищи по 40 дней. Спаль, гдѣ придется, иногда на голой землѣ. Конечно, все это хорошо, но только должно замѣтить, что подвиги эти – внѣшніе; а есть еще внутренніе, несравненно болѣе важные иноческіе подвиги, именно: заботливость объ очищеніи сердца отъ страстей безчестія, скрытой гор-

дости, тонкаго тщеславія, гнѣва, памятозлобія, осужденія ближнихъ и проч... Насколько о. Вассіанъ преуспѣвалъ въ нихъ, мы судить не можемъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что старецъ Леонидъ не одобрялъ его подвижничества. Такъ онъ въ 1836 г. писалъ о немъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: «А объ В-нѣ пусть думаютъ, какъ кому угодно, и ублажаютъ его высокое жителство; но мы ко оному вѣры не имамы и не желаемъ, дабы кто слѣдовалъ таковой его высотѣ, не приносящей плода. Отъ плодъ бо ихъ, сказано, познаете ихъ. А плодъ духовный есть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣра, кротость, воздержаніе и прочее. Сожалѣя объ немъ, желаемъ ему придти въ познаніе истины».

Что о. Вассіанъ полагалъ дѣло спасенія болѣе во внѣшности, могутъ подтверждать еще такіе случаи. Придавалъ онъ своей схимѣ или, вѣрнѣе сказать, схимническому облаченію, такое важное значеніе, что, обращаясь къ кому-либо изъ близко знакомыхъ монаховъ и указывая на свою схиму, имѣлъ обыкновеніе такъ говорить: «Трепещутъ схимы бѣсы, трепещутъ рабе Божій». – Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялъ былъ мыслію, что будто онъ основалъ Скитъ, такъ какъ онъ по лѣтамъ и по поступленію въ обитель былъ старше другихъ, полагавшихъ начало Скиту, и вмѣстѣ съ ними много трудился при очисткѣ мѣста для Скита отъ вѣковыхъ деревьевъ, вырѣзая ихъ и вырывая корни собственными руками. Должно еще принять во вниманіе то, что о. Вассіанъ коротко былъ извѣстенъ митрополиту Кіевскому Филарету (Амфитеатрову) и пользовался его

Митрополитъ Кіевскій Филаретъ (Амфитеатровъ)

благосклонностію. Это потому, что когда митрополить Филаретъ былъ епископомъ въ Калугѣ, то ежегодно прѣзжалъ на нѣсколько дней въ Оптинскій скить, который и основанъ по его мысли и указанію. Всегдашнее святое свойство сего Владыки было попривѣтствовать простого человѣка-старожила (каковъ и былъ едва ли въ то время не единственный въ Скиту о. Вассіанъ) и выслушать отъ него событія изъ простого быта людей. — Владыка сей самъ и въ схиму его постригъ.

Пока въ Калугѣ епископствовалъ расположенный къ старцу Леониду преосвященный Никаноръ, братія въ Оптиной Пустыни жили довольно спокойно. Но скоро по распоряженію высшаго начальства послѣдовала перемѣна, Никаноръ переведенъ былъ изъ Калуги въ другую епархію, а на мѣсто его прибылъ преосвященный Николай, и дѣла въ обители приняли иной оборотъ.

Отцу Вассіану, какъ было извѣстно, очень не нравилось то, что къ старцу о. Леониду приходило много народа не только изъ монашествующихъ обоего пола, но и изъ мірскихъ лицъ также обоего пола. Прибытіе Старца съ учениками въ Скить представлялось о. Вассіану наплывомъ нечистой силы, а старца Леонида и его учениковъ онъ не иначе называлъ, какъ по имени «лянидовщина». Въ сильномъ разстройствѣ духа онъ такъ иногда жаловался окружающимъ его: «Я вотъ и Скить заводилъ, а меня-то и знать никто не хочетъ, а у него-то ишь сколько народу-то! Да вишь это... колдовство. Я эту арынь¹⁰¹ „лянидовшину“ разгоню». — Такъ, думается,

¹⁰¹ Корень сего слова, какъ и слова арыина, есть арь. Для соображенія см. примѣчаніе № 77 въ VIII главѣ.

Епископъ Николай (Соколовъ)

говорилъ о. Вассіанъ, надѣясь въ семь дѣлѣ болѣе на помощь Кіевскаго митрополита Филарета. Притихшіе было на время нерасположенные къ Старцу, а вмѣстѣ и къ о. настоятелю Моисею братія воспользовались этою слабою стороною и простоватостію о. Вассіана и рѣшились имѣть его въ своихъ рукахъ какъ орудіе для выполненія своихъ тайныхъ замысловъ. Въ числѣ этихъ нерасположенныхъ были вышеупомянутый г. Брюзгинъ и нѣкоторые подначальные священнослужители, присылавшіеся консисторіею въ Оптину Пустынь для исправленія. Они всячески возбуждали недовольнаго схимника жаловаться на старца Леонида новому Владыкѣ и съ его согласія, и отъ его имени неоднократно писали къ преосвященному доношенія, въ которыхъ выставлялась, конечно, ложь. Многолюдное стеченіе народа къ Старцу представлялось ими зазорнымъ и нарушающимъ скитское безмолвіе несмотря на то, что посѣтителі приходили не прямо въ Скитъ, а на пасѣку, которая отдѣлена была отъ Скита, какъ и теперь, высокою стѣною, гдѣ и находилась келлія старца о. Леонида, куда и входъ снаружи былъ совершенно отдѣльный, и, слѣдовательно, никому изъ скитянъ помѣхи отъ сего не было. Замѣчательно, что почти всѣ возстававшіе противъ Старца братія въ послѣдствіи не могли найти покоя въ Оптиной Пустыни и разбрелись по разнымъ монастырямъ, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже тяжкую кончину.

Поначалу преосвященный Николай письменныя доношенія отъ имени о. Вассіана оставлялъ безъ особеннаго вниманія. Но, Богу попускающе, а исконному

врагу діаволу дѣйствующу, зло пошло далѣе. Противники старца о. Леонида составили на него и на о. Моисея ложный доносъ и подослали его преосвященному отъ неизвѣстнаго лица. Въ то же время и въ народѣ разсѣивались несправедливые слухи объ о. Леонидѣ, большею частію такими людьми, кои сами его вовсе не знали и не видали, или такими, которые, слыша восторженные отзывы о Старцѣ отъ людей, получившихъ отъ него духовную пользу, и не имѣя ихъ вѣры, приходили уже съ предубѣжденіемъ и пытливостію, говоря съ презорствомъ: «Пойдемъ, посмотримъ, что тамъ за святой такой». Весьма естественно, что такіе вмѣсто назиданія соблазнялись и разносили на Старца укоризны за то, чѣмъ другіе пользовались. Наконецъ, были и такія лица, которыя смѣшивали таинство исповѣди съ духовнымъ окормленіемъ и потому съ негодованіемъ смотрѣли на то, что народъ во множествѣ стекался къ Старцу-иноку за духовными совѣтами, каждый толкуя о семъ по-своему. Это было тогда не только въ Оптиной Пустыни, но и во всей Калужской епархіи, а можетъ быть, и въ цѣлой Россіи, какъ выше упомянуто, еще новостію. А того, что въ древности было въ Церкви Христовой, многіе не знали, т. е., что во всѣ времена христіанства преуспѣвшіе въ духовной жизни иноки-старцы не отказывались быть духовными руководителями прибѣгавшихъ къ нимъ съ вѣрою ¹⁰². Люди, которые забыли это, а

¹⁰² Изъ числа великихъ пустынножителей и преподобныхъ отцовъ немногіе по примѣру Арсенія Великаго и преп. Ѳеодора Фермейскаго до конца своей жизни по возможности избѣгали обязанности учить другихъ и уклонялись (впрочемъ, только отчасти, а не совершенно) отъ тѣхъ, кои

вѣрнѣе, не знали этого, и вообще многіе, не понимавшіе духовной дѣятельности Старца, всюду разсѣивали невыгодныя о немъ мнѣнія.

Преосвященный, желая утолить молву, а можетъ быть, и опасаясь, какъ бы не получить какой-либо непріятности отъ усилившихся неблагопріятныхъ слуховъ, приказаль перевести старца о. Леонида съ скитской пасѣйки въ монастырь и запретить входъ къ нему мірскимъ людямъ обоего пола. Исполняя волю архипастыря, по неимѣнію въ монастырѣ свободной и удобной келліи перевели Старца въ ноябрѣ 1835 года въ одну изъ келлій, находящихся внутри Скита. Но скоро

обращались къ нимъ за духовными совѣтами. Большая же часть преподобныхъ отцовъ слѣдовала примѣру основателя монашества Антонія Великаго, который, проведши 35 лѣтъ въ подвижническихъ трудахъ и безмолвіи, потомъ сдѣлался, по выраженію св. Аѳанасія Великаго, благимъ врачомъ для всего Египта, т. е. духовнымъ руководителемъ и наставникомъ всѣхъ прибѣгавшихъ къ нему иноковъ и мірянъ. Даже святые столпники, послѣ долгаго удаленія отъ міра и послѣ подвижничества въ уединеніи, конецъ своей жизни посвящали на служеніе страждущему человѣчеству, не отвергая никого, кто къ нимъ обращался за духовнымъ врачеваніемъ.

Въ монастыряхъ египетскихъ принимались не только приходящіе монахи и клирики, но и міряне, и женщины, для пріема коихъ устроены были особыя помѣщенія. По уставу Пахомія Великаго, основателя иноческаго общежитія, предписывалось имѣть особое попеченіе о женщинахъ, какъ болѣе немощныхъ и болѣе нуждающихся въ духовномъ окормленіи. Кромѣ того, Пахомій Великій въ недалекомъ разстояніи отъ Тавенскаго монастыря устроилъ женскій монастырь, который управлялся его сестрою, но вмѣстѣ съ тѣмъ находился подъ собственнымъ его духовнымъ руководствомъ. То же дѣлалъ и св. Василій Великій.

Преп. Исидоръ Пелусіотъ, ревнуя о благосостояніи всей Православной Церкви и о душевной пользѣ всѣхъ христіанъ, писалъ поучительныя письма (по словамъ Никифора Каллиста числомъ до 10 000) къ лицамъ всѣхъ состояній и сословій, — отъ императора до простого воина, отъ патріарха и епископовъ до чтецовъ и простыхъ иноковъ.

послѣдовало настоятельное предписаніе, невзирая ни на что, перемѣстить о. Леонида въ монастырь. Это было 2-го февраля 1836 г. Значить, Старецъ пробылъ по переходѣ изъ прежней своей келліи на пасѣкѣ въ новую, внутри Скита, только мѣсяца три.

Перемѣщеніе это, какъ и послѣдующія, о которыхъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ, Старецъ принималъ очень великодушно, нисколько не тревожась ими. Бывало, когда объявлять ему повелѣніе начальства перевести его въ другое помѣщеніе, онъ возьметъ на руки извѣстную Владимирскую икону Божіей Матери – благословеніе своего дорогого и незабвеннаго отца, схимонаха Ѳеодора, громко запоетъ: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу», – и пойдетъ въ указанную ему келлію. Поставивъ св. икону на приличномъ мѣстѣ и помолившись предъ нею, тутъ же сядетъ, ни о чемъ не заботясь, и какъ будто ничего съ нимъ не было, и продолжаетъ свое дѣло, – плететъ пояски и принимаетъ братію. Между тѣмъ близкіе къ нему ученики вслѣдъ за своимъ Старцемъ понесутъ – кто книги, кто другія его незатейливыя вещи. Такъ онъ просто водворялся въ новомъ своемъ жилищѣ. Онъ даже и не считалъ себя въ такихъ случаяхъ притѣсняемымъ. «Вы, по своей неограниченной благорасположенности, – писалъ онъ одному духовному сыну, – возмалодушествовали о моемъ положеніи и ошибкою сочли, яко притѣсняемаго; но я почитаю себя спокойнымъ отъ сихъ мнимыхъ непріятностей... Я въ томъ увѣренъ, что ничего не можетъ со мною послѣдовать, чего не попуститъ Богъ: а когда что угодно послать Ему за грѣхи мои, долженъ принимать

съ покорностію, ибо отъ руки Его никуда не избѣжимъ»... «Ежели бы всѣ говорили обо мнѣ съ похвалою, – писалъ Старець къ другому лицу, – то горе бы мнѣ было, по словамъ Самого Спасителя: *Горе, егда добръ рекуть вамъ вси человецы...*¹⁰³ Истинно Господь творить вся къ пользѣ нашей; а безъ Него и власъ главы нашей не погибнуть. Что же касается до усердствующихъ къ моей худости и по вѣрѣ ихъ пользующихся, не скуденъ Господь и нынѣ даровать, всякому достойному и ищущему, утѣшенія, какъ чрезъ пастырей, поставленныхъ Духомъ Святымъ, такъ и особенно сокровенными рабы Своими. Только дабы ищущіе пользы и утѣшенія въ своихъ скорбяхъ и недоумѣніяхъ были предуготованы вѣрою и расположеніемъ къ исполненію заповѣдей Господнихъ и постановленій церковныхъ и со смиреніемъ искали бы и принимали совѣты въ простотѣ сердца. Я съ своей стороны благодарю Господа, чувствую въ совѣсти моей спокойствіе и нимало переходомъ моимъ не отягощаюсь».

Такъ благодушевствовалъ Старець при переводахъ его изъ келліи въ келлію и, въ частности теперь, при переводѣ его изъ Скита въ монастырь. Но не таково было настроеніе душъ приближенныхъ къ Старцу скитскихъ братій. Съ сѣтованіемъ и со слезами проводили они его изъ Скита въ монастырь, какъ единоклубная семья, у которой отнимали родного отца и руководителя. – Не менѣе прискорбно было приводить въ исполненіе эти мѣры и настоятелю обители о. Моисею

¹⁰³ Лк. 6, 26.

Оптина Пустынь.
Внутренний вид монастыря

и брату его скитоначальнику о. Антонію, которые, какъ говорится, поставлены были между двухъ огней: должны были покориться волѣ преосвященнаго и между тѣмъ понимали, какая отъ этого должна была послѣдовать нравственная утрата, зная притомъ невинность Старца и его равноангельное житіе. – Что же сказать о многочисленныхъ посѣтителяхъ и духовныхъ дѣтяхъ Старца, – о тѣхъ мірянахъ, которые имѣли въ немъ скорого разрѣшителя недоумѣній и сомнѣній, подпору въ нуждахъ, опытнаго наставника въ духовныхъ браняхъ и обстояніяхъ и скорого утѣшителя въ скорбяхъ, которымъ теперь доступъ къ Старцу былъ воспрещенъ? Ихъ печаль была неизобразима.

Такъ какъ по многочисленности въ монастырѣ братій всѣ удобныя келліи были заняты, то пришлось помѣстить Старца въ мезонинъ одного корпуса съ очень крутою для восхода лѣстницею, весьма неудобною для дряхлаго Старца. «Когда я однажды (сказывалъ кіевопечерскій іеросхимонахъ Антоній, бывший въ то время скитскій послушникъ и ученикъ Старца братъ Александръ) – когда я однажды замѣтилъ, было, Батюшкѣ это неудобство, онъ съ веселымъ духомъ и видомъ сказалъ: „Экой ты чудакъ, Саша-Алексаша! Ты посмотри-ка, тепло-то какъ! Просто покатывайся съ боку на бокъ. А ты говоришь – неудобно. Да по мнѣ хоть бы на колючую помѣстили, только бы тепло было“». – Такъ всегда благодушествовалъ Старецъ. Вмѣстѣ съ Старцемъ въ это время перешли изъ Скита въ монастырь – монахъ Макарій (Грузиновъ) и послушникъ Григорій Лавровъ, близкій къ Старцу.

Этимъ искушеніе для о. Леонида все-таки еще не окончилось. Кромѣ вышеупомянутыхъ ложныхъ доношеній, Калужскій Преосвященный получилъ еще чрезъ московскую тайную полицію безымянный доносъ, въ которомъ повторялись разныя обвиненія на Старца, а вмѣстѣ и на оптинскаго настоятеля. Въ доносѣ этомъ, между прочимъ, говорилось, что настоятель несправедливо оказываетъ скитскимъ Старцамъ предпочтеніе предъ живущими въ монастырѣ, что Скитъ причиняетъ монастырю во всемъ большой подрывъ; и если онъ не уничтожится, то древняя обитель чрезъ него придетъ въ упадокъ и разореніе и т. п. Вслѣдствіе этого доноса отъ оптинскаго настоятеля потребовались объясненія. А старцу о. Леониду, такъ какъ онъ постриженъ былъ въ схиму келейно, безъ консисторскаго указа, преосвященнымъ калужскимъ запрещено было открыто носить схиму и вмѣстѣ съ тѣмъ строго подтверждено было запрещеніе принимать мірскихъ посѣтителей. – По словамъ упомянутаго іеросхимонаха Антонія, владыка Николай даже открыто готовилъ Старцу дорогу въ Соловецкій монастырь, если бы не заступился за него давно расположенный къ нему Кіевскій митрополитъ Филаретъ (Амфитеатровъ), бывший въ то время членомъ Св. Синода.

Дивны дѣла всеблагого Промысла Божія, всегда готоваго избавлять отъ напастей вѣрныхъ рабовъ Своихъ! Какъ разъ къ тому самому времени, когда Старецъ находился въ стѣсненномъ положеніи, устроилось посѣщеніе Оптиной Пустыни Высокопреосвященнѣйшимъ Кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Объ этомъ во

многихъ отношеніяхъ интересномъ случаѣ передадимъ болѣе подробный разсказъ со словъ іеросхимонаха Антонія. – Въ 1837 г. (т. е. на другой годъ послѣ перевода старца о. Леонида изъ Скита въ монастырь) разнесся слухъ, что на мѣсто умершаго Кіевскаго митрополита Евгенія назначенъ Казанскій въ то время архіепископъ Филаретъ, бывшій нѣкогда Калужскимъ епископомъ, которому Оптиная Пустынь обязана своимъ возстановленіемъ. Къ довершенію сего, въ своемъ родѣ утѣшительнаго для Оптиной Пустыни событія, о. настоятель получилъ извѣстіе, что митрополитъ Филаретъ проездомъ изъ С.-Петербурга на кіевскую паству непременно будетъ въ Оптиной. Подтвердилъ эту правду лично и г. Брюзгинъ, увѣряя, что и онъ готовится принять въ свой домъ въ г. Козельскѣ великаго, достойно всѣми почитаемаго іерарха. – Схимникъ о. Вассіанъ тоже ожидалъ пріѣзда Владыки митрополита, но съ своею особенною цѣлью. Ему хотѣлось повѣдать митрополиту о всѣхъ, по его мнѣнію, безпорядкахъ и нововведеніяхъ въ обители, чтобы достигнуть своей завѣтной цѣли – разогнать «лянидовшину». Подстрекаемый къ тому своими сообщниками, противниками Старца и старчества, онъ въ самый день пріѣзда митрополита отправился для встрѣчи его на перевозъ чрезъ р. Жиздру, подъ с. Прыски¹⁰⁴. Время было вечернее. Вотъ находившіеся по ту сторону рѣки экипажи подъѣхали къ перевозу. Митрополитъ и сопровождавшій его Калужскій епископъ Николай вышли изъ своихъ экипажей

¹⁰⁴ Въ то время, къ которому относится разсказъ, перевозъ чрезъ р. Жиздру былъ не подъ монастыремъ, какъ теперь, а подъ с. Прысками.

и вмѣстѣ съ прочими сопровождавшими высокаго гостя вошли на паромъ, который тотчасъ и потянулся на монастырскую сторону и скоро переплылъ неширокую рѣчку. Но вотъ съ монастырскаго берега раздается голосъ: «Владыка, благослови!» – Митрополитъ: «Кто это?» – Получается отвѣтъ: «Схимникъ Вассіанъ, старый твой знакомый. Помнишь?» – «Помню, помню. Зачѣмъ же ты здѣсь?» – «Тебя встрѣтить, Владыка, и дорогою побесѣдовать съ тобой». – «А что жъ, и всѣ братія здѣсь?» – «Нѣтъ, Владыка, я одинъ». – «А что же ты съ благословенія своего настоятеля дѣлаешь мнѣ исключительную встрѣчу?» – «А что мнѣ у него благословляться, – онъ ишшо молать». – «Ахъ ты самочинникъ! Ты, какъ схимникъ, долженъ быть въ своей келліи и тамъ меня встрѣтить, если буду, а не буду, – долженъ съ благословенія настоятеля со мною видѣться». Такъ при первой встрѣчѣ съ митрополитомъ о. Вассіанъ потерпѣлъ неудачу. Вышедши на берегъ, оба владыки сѣли въ экипажи и поѣхали въ монастырь.

Стемнѣло. Съ монастырской колокольной раздался сначала звонъ въ одинъ колоколъ, а затѣмъ и трезвонъ, когда святители подъѣзжали къ монастырю. Всѣ братія собрались у подъѣзда Святыхъ воротъ, и торжественно сопровождали въ Казанскую церковь двухъ іерарховъ, – своего епархіальнаго и высокаго посѣтителя, который въ это время преимуществовалъ и всѣхъ отъ перваго до послѣдняго благословлялъ въ храмъ Божіемъ съ радостною улыбкою, повторяя нѣсколько разъ: «Монаховъ множество... монаховъ множество». Весьма пріятно было его монахолюбивому

сердцу видѣть многочисленный соборъ иноковъ. Ибо, отъѣзжая изъ Калужской епархіи, онъ оставилъ Оптину съ малочисленнымъ братствомъ. Въ ней было монашествующихъ около четырехъ десятковъ, а теперь предъ его глазами было въ пять разъ больше.

Оканчивая благословеніе, митрополитъ обратился къ о. настоятелю Моисею и спросилъ: «А гдѣ же старецъ о. Леонидъ? Я его не вижу». – «Да онъ принялъ ваше благословеніе, – отвѣтилъ о. Моисей, – и отправился въ свою келлію». – «О, нѣтъ! Попросите его ко мнѣ! Я сейчасъ хочу съ нимъ видѣться». – Между тѣмъ, преподавши всѣмъ благословеніе, Владыка митрополитъ вышелъ изъ церкви и лишь только подошелъ къ крыльцу настоятельскихъ келлій, какъ о. Моисей представилъ ему Старца: «Ваше Высокопреосвященство! – старецъ о. Леонидъ!» – «Ахъ, о. Леонидъ! – такъ мило-стиво-любовно началъ рѣчь свою милостивый Филаретъ, – вотъ гдѣ Господь благословилъ намъ въ жизни сей видѣться. Слава Богу! Я счастливъ, что вижу васъ». – Старецъ хотѣлъ, было, поклониться ему въ ноги, но митрополитъ не допустилъ, съ пріятною улыбкою сказавъ: «Куда намъ съ тобою кланяться? Теперь не до поклоновъ, – прошло то цвѣтущее время». – И такъ они вошли въ настоятельскіе келліи. Отецъ Леонидъ уклонился, было, въ толпу стоявшихъ здѣсь братій, но высокій гость, поздоровавшись со всѣми передовыми, опять обращается: «Отецъ Леонидъ! Гдѣ же вы?» – взялъ его за руку, посадилъ съ собою на диванъ и не отпуская отъ себя во все время чаепитія и ужина, ведя

съ нимъ оживленный разговоръ. Болѣе тридцати лѣтъ (1804–1837 гг.) прошло съ того времени, какъ они были и жили въ дружескихъ отношеніяхъ; было о чемъ вспомнить и поговорить.

Между прочимъ замѣтивъ, что на о. Леонидъ не было ничего изъ схимническаго одѣянія, митрополить спросилъ: «Что вы, о. Леонидъ, не въ схимѣ?» – Старець шутливо отвѣтилъ: «Да я носилъ, да струсилъ». – Сидѣвшій тутъ же преосвященный Николай возразилъ: «Его постриженіе было келейное, такъ, вѣроятно, о. Леонидъ въ келліи носить же схиму». – При семъ Старець тотчасъ же показаль подъ рясою своею принадлежащій схимнику великій параманъ. – «Да, это все хорошо», – продолжалъ митрополить и тутъ же, обратившись къ преосвященному Николаю, прибавилъ: «Пусть о. Леонидъ съ вашего благословенія носить схиму и, какъ должно по указу, открыто». – Съ тѣхъ поръ Старець уже до конца жизни своей невозбранно носилъ, какъ и прежде, по обычаю молдавскихъ монастырей, схимническій великій параманъ нитяный (нѣкоторыми неправильно называемый аналавомъ). – Въ это время митрополить отлучился на нѣсколько минутъ въ другую комнату. Воспользовавшись этимъ случаемъ, преосвященный Николай подошелъ къ сидѣвшему на диванѣ Старцу. Старець всталъ. Владыка начинаетъ его журить: «Ишь ты, усѣлся тутъ и разговорился! Великій челоуѣкъ! Приличія не знаешь». – «Да что же мнѣ дѣлать-то? – отвѣчалъ Старець, – я сейчасъ уйду». – Владыка: «Не смѣй». – Но митрополить возвратился, и все стихло.

Въ слѣдующее утро митрополить выслушалъ Божественную литургію въ Скиту и потомъ побывалъ во всѣхъ келліяхъ, посѣщая, какъ отецъ чадъ своихъ, начиная отъ начальника, до послѣдняго послушника, и каждаго изъ нихъ привѣтствовалъ нѣсколькими словами. Былъ и въ той келліи, гдѣ жилъ прежде старецъ о. Леонидъ. Зашелъ и къ схимнику о. Вассіану. «Ну, вотъ я въ твоей келліи», – промолвилъ митрополить. Отецъ Вассіанъ только началъ было выражать свои жалобы: «Моисей... Лянидь...» Но митрополить не сталъ и слушать, а только сказалъ: «Живи спокойно, да благодари Бога». Съ тѣмъ и удалился отъ него. Опять схимника постигла неудача.

На послѣдней дорожкѣ къ Святымъ воротамъ митрополить въ послѣдній разъ обернулся къ церкви, окинулъ взоромъ весь Скитъ, помолился на храмъ Божій и сказалъ сопровождавшимъ его скитянамъ: «Ну, простите, братія». – Всѣ они поклонились ему до земли. – «Пропойте же, – прибавилъ онъ, – „Кто Тебе не ублажить, Пресвятая Дѣво“». – Съ умиленіемъ сердечнымъ пропѣли они сей догматикъ и тѣмъ завершили прощаніе съ своимъ дорогимъ отцомъ и великимъ благодѣтелемъ, также и въ монастырѣ митрополить прощался со всѣми братіями и въ особенности съ старцемъ о. Леонидомъ, прощался навсегда, оказывая ему предъ всѣми великую отеческую любовь. Впослѣдствіи Старецъ такъ писалъ одному своему духовному сыну: «Высоко-преосвященнѣйшій осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ нашу Пустынь и подкрѣпилъ особеннымъ своимъ благословеніемъ души наши. А благодѣтели наши, видя сіе,

весьма были обезоружены и теперь стали, кажется, мало-помалу приучаться къ нѣкоторому смирению. А какъ высокопреосвященнѣйшій, видѣвши Оптиную Пустынь, остался доволенъ, это, кажется, и описать трудно».

Изъ Оптиной митрополитъ Филаретъ отправился въ г. Козельскъ. Его сопровождалъ до города по обычаю преосвященный Николай, который на ночлегъ возвратился въ монастырь. На слѣдующій день послѣ Литургіи также торжественно провожали братія и своего епархіальнаго Владыку, который въ это время не благословлялъ всѣхъ поодиначкѣ, а только всѣхъ осѣнилъ общимъ архіерейскимъ благословеніемъ.

Посѣщеніе Оптиной Пустыни Кіевскимъ митрополитомъ и вниманіе, оказанное имъ оптинскому настоятелю и Старцу, имѣли для обители благотворныя послѣдствія, такъ какъ преосвященный Николай сталъ нѣсколько менѣе довѣрять толкамъ старцевыхъ недоброжелателей. Однако въ этотъ разъ онъ сурово отнесся къ о. Леониду. Когда Старецъ подошелъ къ Владыкѣ принять благословеніе, онъ проговорилъ: «А ты, дерзкій старичишка, такъ осмѣлился занять митрополита!» – «Да что же мнѣ было дѣлать? – отвѣтилъ Старецъ; – вѣдь онъ самъ для сего меня вызвалъ. Это всѣ видѣли. Да и Вы, святой Владыко, сами видѣли это». – «Видѣлъ! Ну видѣлъ; а ты не хотѣлъ видѣть, что здѣсь вашъ епархіальный архіерей, и при всѣхъ кощунничаешь». – «Будьте милостивы, преосвященнѣйшій Владыко! Здѣсь не было ни мѣста, ни времени для кощунства. Да притомъ же я хорошо знаю, что это великій грѣхъ». –

«Замолчи, а то я тебя упрячу»... – «Ваша власть», – отвѣтил Старець. Противники торжествовали, а почему, и сами того не знали. Для учениковъ же старцевыхъ въ то время были горькія минуты. Но самъ великодушный Старець въ спокойномъ духѣ возвратился въ свою келлію и ихъ же долженъ былъ утѣшать, смущенныхъ такимъ поступкомъ архипастыря.

Несмотря, однако, на такое грозное замѣчаніе Владыки, по времени стѣснительное положеніе Старца, по видимому, стало нѣсколько улучшаться. Для успокоенія его еще лѣтомъ 1836 г., проживавшій въ монастырѣ благочестивый помѣщикъ Алексѣй Ивановичъ Желябужскій выстроилъ особый деревянный корпусъ, въ которомъ опредѣлили для себя и для Старца помѣщенія, каждое въ четыре комнаты. Этотъ незабвенный благотворитель Оптиной Пустыни былъ духовно приверженъ къ о. Леониду и имъ любимъ взаимно. Они всегда вмѣстѣ читывали Божественное Писаніе и отправляли молитвенныя правила съ помощію келейниковъ Старца и нѣкоторыхъ другихъ братій, приходившихъ къ нему для вопрошенія о своихъ помыслахъ. – Въ этотъ новоустроенный со всѣми удобствами корпусъ Старець и перешелъ въ свое время. Запрещеніе же принимать народъ все еще тяготѣло надъ нимъ.

Замѣтимъ здѣсь, что корпусъ, о которомъ сейчасъ говорено было, стоитъ около восточныхъ монастырскихъ воротъ, ведущихъ въ Скитъ. Сзади его, противъ оконъ, дровяникъ, гдѣ о. Леонидъ, будучи свободенъ отъ пріема посѣтителей, по временамъ рубилъ мелкія дрова легонькимъ топоромъ. Подъ корпусомъ

выходъ ¹⁰⁵, а къ ведущимъ въ Скитъ воротамъ заборикъ съ створчатою калиткою, которую на время запрещенія наглухо забивали. — Однажды во время такого запрещенія было большое стеченіе разнаго народа, такъ что наполнены были посѣтителями обѣ гостиницы; и всѣ ждали удобнаго случая видѣться съ Старцемъ, цѣлыми толпами толпясь у забитой калитки.

Среди этого разнороднаго люда была здѣсь одна послушница Сѣвскаго монастыря, родомъ Смоленская помѣщица. Просидѣвъ нѣсколько дней безнадежно у калитки старцева корпуса, она заглянула потомъ въ наружное окно выхода, изъ котораго былъ проходъ на дворикъ къ самому заднему крыльцу. Окна и двери здѣсь еще не были приготовлены. Она смекнула, что можно чрезъ окно спуститься въ выходъ, — стоило только сдѣлать маленькій прыжокъ, — и далѣе чрезъ дверь выйти на дворикъ. Не долго думая, она въ виду всѣхъ удачно это исполнила и очутилась со слезами у ногъ Старца, бывшаго въ то время на дворикѣ. По ея примѣру и стояшіе тутъ посѣтителіи одинъ за другимъ стали прыгать въ окно. Мгновенно разнеслась вѣсть, что къ Старцу открылся доступъ. Народъ широкою волною приливалъ къ калиткѣ съ гостиницъ и изъ церкви отъ поздней Литургіи. Не успѣлъ еще Старецъ хорошо разспросить сѣвскую послушницу объ ея обстоятельствахъ, какъ уже келлія Старца и дворикъ переполнились народомъ до тѣсноты. Началась давка. Каждый сквозь толпу старался пробраться къ старцевымъ ногамъ. Старецъ

¹⁰⁵ Подваль.

зоветь келейныхъ: «Яша! Гриша! Кто отворилъ калитку?» Но калитка оставалась забитою. Узнавъ объ этомъ настоятель о. Моисей, и самъ поспѣшилъ къ старцевой келліи. Видить, что въ этой суматохѣ возстановить порядокъ невозможно никоимъ образомъ, и потому приказалъ отворить калитку, дабы избавить народъ отъ тѣсноты и давки. Но за это же самое неблаговольтельно и даже насмѣшливо отнесся къ нему преосвященный Николай, когда узналъ о семъ.

Самъ Старецъ по своей любви къ страждущему челоѣчеству не могъ отказывать приходившимъ къ нему посѣтителямъ, какимъ бы образомъ ни случилось это посѣщеніе. Но когда начальство запрещало ему пріемъ, онъ не только не смущался и не скорбѣлъ о семъ, но даже и радъ былъ нѣсколько успокоиться отъ своихъ трудовъ. Ему было тогда уже 68 лѣтъ, и слабость тѣлесная очень давала ему себя чувствовать. Такъ онъ писалъ въ 1836 году одному своему знакомому: «О себѣ и о своихъ обстоятельствахъ честь вашу увѣдомляю, что я, слава премилосердому Господу Богу, поколь грѣхамъ моимъ долготерпящему, нахожусь еще въ живыхъ и въ той же келліи, но сношеніе съ пріѣзжающими на гостиную мнѣ прекращено. И ежели откровенно вамъ сказать, хотя бы и было позволено, но слабость и дряхлость моя, кажется, не имѣетъ силъ, чтобы жаждущихъ удовлетворить, поелику тѣлесныя мои силы истощились. Соображая таковое наше положеніе, покорнѣйше васъ прошу: святую обитель не отрѣвай, а о моемъ положеніи объяснить, чтобы не надѣялись въ мнимомъ своемъ довѣріи отъ меня окаяннаго каковую пользу

получить. Даже во вчерашній день вотъ какое событіе случилось: одна благонамѣренная особа, знакомая настоятелю и мнѣ недостойному, упросила настоятеля, дабы въ его келліяхъ свиданіе со мною возымѣть и о чемъ нужно переговорить. Но я расслабленъ былъ. Хотя и боролся съ силами послушаніе исполнить и оную особу удовлетворить, но никакъ не могъ пойти, — осталась безъ удовольствія». — Иногда Старецъ, желая во исполненіе воли преосвященнаго уклониться отъ посѣтителей, даже уѣзжалъ на время изъ Оптиной Пустыни въ Тихонову. «Обстоятельства и значительный приходъ людей усердствующихъ, — писалъ онъ въ другой разъ тому же лицу, — едва ли позволятъ мнѣ остаться, но должно хотъ на время выѣхать. Аще Господь восхощетъ, и живъ буду, намѣреваюсь. Но теперь только, слава премилосердому Господу Богу, начальствующими взяты строгія мѣры: ворота позаперты и калитки позабиты. Только надолго ли сей покой продлится мой?» — Впрочемъ, въ Тихонову пустынь Старецъ ѣздилъ и по другимъ причинамъ, о коихъ сказано будетъ дальше.

Какъ Старецъ писалъ, такъ дѣйствительно и выходило. При всемъ своемъ желаніи исполнить волю начальства, онъ ненадолго могъ уклоняться отъ пріема посѣтителей, ибо вскорѣ являлись лица, которыя, пріѣхавъ въ обитель для совѣщанія съ о. Леонидомъ и не бывъ къ нему допущены, обращались къ настоятелю, объясняли ему свои душевныя нужды, ради которыхъ желали видѣть Старца, и убѣдительно просили не лишать ихъ духовной помощи. Настоятель, какъ мужъ духовный, не могъ отказывать такимъ посѣтителямъ въ ихъ крайнихъ

нуждахъ, и самъ иногда приводилъ ихъ къ Старцу. А когда онъ на это не рѣшался, то случалось посѣтителѣ эти обращались къ самому преосвященному, который, будучи убѣжденъ ихъ слезными моленіями, наконецъ разрѣшалъ о. Леониду принять ихъ. Но Старець, принявъ присланныхъ отъ владыки или тѣхъ, коихъ приводилъ къ нему настоятель, каждый разъ послѣ сего отворялъ двери для всѣхъ, говоря: «Если не принимать, такъ никого не принимать, а если принимать, такъ ужъ всѣхъ принимать».

Такимъ образомъ, запрещеніе принимать народъ предписывалось старцу о. Леониду неоднократно, и каждый разъ, повинувся волѣ Владыки, онъ прекращалъ пріемъ, но при удобномъ случаѣ опять начиналъ принимать. За такой образъ дѣйствій Старець подвергался многимъ нареканіямъ со стороны противниковъ. Даже нѣкоторые духовныя высокопоставленныя особы, знавшія его, видѣли въ немъ самочиніе и желаніе учить ¹⁰⁶. Но о. Леонидъ, какъ истинный дѣлатель

¹⁰⁶ Гоненіе, воздвигнутое на старца Леонида ради его служенія страждущему человѣчеству, напоминаетъ древнее житіе преп. Авраамія Смоленскаго, о которомъ св. Димитрій Ростовскій такъ повѣствуетъ: «Многіе не только изъ иноковъ, но и изъ мірянъ, нарочно изъ разныхъ мѣстъ приходили къ нему, чтобы слышать изъ устъ его душеполезныя наставленія. Ненавидящій же добро діаволь, не терпя видѣть бываемую пользу отъ угодника Божія, воздвигнулъ на него гоненіе, возбудивъ въ нѣкоторыхъ черноризцахъ зависть и ненависть къ нему. Но незлобивый рабъ Господень все то съ кротостію и смиреніемъ терпѣлъ; онъ своего же дѣла не переставалъ, а продолжалъ приходящихъ къ нему учить и утѣшать благодатію Христовою. Игумень, подстрекаемый отчасти черноризцами, отчасти же невидимымъ врагомъ, запрещалъ блаженному учить, говоря: „Вотъ ты привлекъ къ себѣ весь народъ, и гордишься, и тщеславишься, что ты книженъ и учителень, и лучше насъ; но перестань

заповѣдей Христовыхъ, не обращалъ вниманія на препятствія человѣческія. Думаемъ, что присмотрѣвшись ближе къ его дѣятельности, и порицатели его стали бы иначе судить о немъ. Припомнимъ, съ чего началось валаамское гоненіе на него и на старца его схимонаха о. Ѳеодора. Оно началось съ того, что о. Евдокимъ, бывшій ученикъ Валаамскаго настоятеля, томимый тоскою и отчаяніемъ и помышлявшій уже о самоубійствѣ, обратился за духовною помощію къ этимъ старцамъ. Могли ли они изъ-за какихъ-либо человѣческихъ опасеній отказать ему въ помощи, когда онъ находился въ такой страшной бѣдѣ? Но подобныхъ случаевъ бывало очень много. Порицателямъ же старца Леонида, безъ

учить; я за тебя буду отвѣчать Богу“. Такъ игумень, запрещая Авраамію съ гнѣвомъ, отгонялъ приходящихъ къ нему пользы ради, и много оскорблялъ раба Господня, заграждая источникъ благодати, истекающій изъ устъ его, и наконецъ съ безчестіемъ выгналъ изъ монастыря. Тогда рабъ Христовъ Авраамій перешелъ въ Смоленскъ и началъ жить въ другомъ монастырѣ, но и тамъ не оставлялъ своего дѣла, ибо и туда еще болѣе начали приходять къ нему люди для духовнаго назиданія».

Также и въ жизнеописаніи преп. Серафима Саровскаго читаемъ, что однажды о. игумень Нифонтъ, ублажая старца за его подвиги, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ему, что братія по строгости своего подвижничества не одобряли о. Серафима, что онъ принималъ къ себѣ людей всякаго пола и рода, хотя и для спасительнаго назиданія. Говорилъ же такъ о. игумень Нифонтъ единственно потому, что братія соблазнялись, а самъ онъ глубоко любилъ и уважалъ старца Серафима. Выслушавъ слова о. игумена, старецъ упалъ ему въ ноги и далъ мудрый и спасительный отвѣтъ: не предаваться на будущее время ложнымъ внушеніямъ и не принимать отъ братій всякаго слова на ближняго безъ разсужденія. «Ты пастырь, – говорилъ онъ, – не позволяй же всѣмъ напрасно говорить, безпокоить себя и путниковъ, идущихъ къ вѣчности. Ибо слово твое сильно, и посохъ, какъ бичъ, для всѣхъ страшень». Отецъ игумень убѣдился этими словами старца и далъ свое согласіе на то, чтобы о. Серафимъ не измѣнялъ образа своей жизни и по-прежнему продолжалъ всѣхъ принимать къ себѣ ради ихъ душевной пользы.

сомнѣнія, и на мысль не приходило, какія были душевныя нужды прибѣгавшихъ къ нему за совѣтами.

Такъ, однажды о. игумень Моисей, проходя по монастырю, увидѣлъ огромную толпу народа предъ келліей Старца, между тѣмъ какъ недавно послѣдовало изъ Калуги повелѣніе никого не пускать къ нему. Отецъ игумень вошелъ къ Старцу въ келлію и сказалъ: «Отецъ Леонидъ! Какъ же вы принимаете народъ? Вѣдь Владыка запретилъ принимать». — Въмѣсто отвѣта Старецъ отпустилъ тѣхъ, съ кѣмъ занимался, и велѣлъ келейникамъ своимъ внести къ себѣ калѣку, который въ это время лежалъ у дверей его келліи. Они принесли его и положили предъ нимъ. Отецъ игумень съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на это. — «Вотъ, — началъ Старецъ свою рѣчь, — посмотрите на этого человѣка. Видите, какъ у него всѣ члены тѣлесные поражены. Господь наказалъ его за нераскаянные грѣхи. Онъ сдѣлалъ то и то, и за все это онъ теперь страдаетъ, — онъ живой въ аду. Но ему можно помочь. Господь привелъ его ко мнѣ для искренняго раскаянія, чтобы я его обличилъ и поставилъ. Могу ли я его не принять? Что вы на это скажете?» — Слушая о. Леонида и смотря на лежавшаго предъ нимъ страдальца, о. игумень содрогнулся. — «Но преосвященный, — промолвилъ онъ, — грозитъ послать васъ подъ начальъ». — «Ну такъ что жъ? — отвѣтилъ Старецъ, — хоть въ Сибирь меня пошлите, хоть костеръ разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тотъ же Леонидъ! Я къ себѣ никого не зову, а кто ко мнѣ приходитъ, тѣхъ гнать отъ себя не могу. Особенно въ просто-народіи многіе погибають отъ неразумія и нуждаются

въ духовной помощи. Какъ могу презрѣть ихъ вопіющія душевныя нужды?»

Отець игумень Моисей ничего не могъ на это возразить и молча удалился, представляя Старцу жить и дѣйствовать, какъ укажетъ ему Самъ Богъ.

Глава XI

Общеніе старца о. Леонида съ Скитомъ по переходѣ его въ монастырь. Назначеніе одного изъ его учениковъ о. Геронтія настоятелемъ Калужской Тихоновой пустыни. Посѣщенія сей обители старцемъ о. Леонидомъ и его бесѣда съ раскольниками. Скорби Старца въ Тихоновой пустыни

о переходѣ старца о. Леонида изъ Скита въ монастырь духовная его связь съ скитянами не была порвана. Старецъ не переставалъ являть свою любовь къ Скиту и скитскимъ братіямъ. По субботамъ и воскреснымъ днямъ онъ всегда приходилъ, а въ послѣдніе годы, когда по болѣзни не могъ приходить, пріѣзжалъ къ скитской церковной службѣ. Послѣ обѣдни заходилъ въ келлію скитоначальника, – сначала о. Антонія, а потомъ о. Макарія. Туда же собирались и прочіе скитскіе отцы для духовной бесѣды съ своимъ духовнымъ наставникомъ. А иногда и бывшіе у обѣдни мірскія лица изъ дворянъ и купцовъ, зайдя на чашку чая къ начальнику Скита и поставъ у него духовную бесѣду, становились слушателями и участниками оной, къ душевной своей пользѣ. –

Съ своей стороны и скитяне часто ходили къ Старцу въ монастырь. Отецъ Макарій посѣщаль его ежедневно: то приходилъ за совѣтами по должности духовника, то приносилъ къ подписи Старца приготовленныя по его приказанію письма, на коихъ онъ обыкновенно подписывался вмѣстѣ съ нимъ. Также часто навѣщаль о. Леонида (до 1839 г.) скитоначальникъ о. Антоній, который всегда былъ съ нимъ въ искреннихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ и нерѣдко пользовался откровенною бесѣдою Старца. И всѣ прочіе скитскіе братія оставались къ нему приверженными съ сыновнею любовію, какъ къ своему духовному наставнику, и не переставали ходить къ нему для уврачеванія душевныхъ немощей и разрѣшенія недоумѣній.

Замѣтимъ при семъ, что откровеніе помысловъ старцамъ, или въ женскихъ монастыряхъ старицамъ, приносить великую душевную пользу открывающимся, но только подъ условіемъ, если оно будетъ совершаться должнымъ порядкомъ. О семъ довольно ясно сказано было выше, въ III главѣ, о старчествѣ, гдѣ показано, что требуется отъ относящихся къ старцу, и что отъ самого старца. — Вотъ примѣръ несмиреннаго откровенія ученика, а вмѣстѣ и достодожднаго вразумленія старца Леонида.

«Когда Батюшку перевели въ монастырь, — такъ рассказываетъ о себѣ скитскій братъ Александръ (впослѣдствіи кіево-печерскій іеросхимонахъ Антоній), — и жилъ онъ въ старомъ корпусѣ въ мезонинѣ, я ужъ былъ въ Скиту главнымъ поваромъ. Помощникомъ же у меня былъ отецъ І., равныхъ со мною лѣтъ, и такъ какъ онъ

быль мнѣ нѣсколько сродни, то Батюшка въ шутку называль его „сватомъ“. Грамотѣ онѣ не умѣль и просиль у Старца благословенія, чтобы я училь его грамотѣ, хотя и самъ-то я былъ грамотѣй-самоучка. Значить, на моей сторонѣ были всѣ преимущества. Я воображалъ, что онѣ и по послушанію мнѣ подчиненный, да и во многомъ обязанъ мнѣ по снисхожденію къ нему съ моей стороны. При всемъ томъ онѣ нанесъ мнѣ какое-то обыденное оскорбленіе, и это меня сильно забрало. Кончивши свое дневное послушаніе, пошелъ я въ монастырь къ Старцу открыть свои помыслы. Кстати, въ видѣ жалобы, съ сознаниемъ своей невинности, объяснилъ ему и нанесенную мнѣ помощникомъ моимъ обиду. Батюшка въ это время плель поясокъ и, какъ будто углубленный въ свою работу, молчалъ, а наконецъ проговориль: „Ну, кончилъ“. Я повториль свою жалобу. На это Батюшка отвѣтилъ мнѣ только: „Ну, хорошо, убирайся“, – и благословиль меня на прощанье. Лишь только отвориль я дверь, дабы уйти отъ Старца, смотрю, – и помощникъ мой тутъ же у двери дожидаетъ моего выхода. Я тотчасъ обращаюсь къ Старцу: „Батюшка! Вотъ и свать пришелъ“. – Старець: „Э, братъ, что вы тамъ?“ – Тотъ палъ предъ Старцемъ на колѣни и сталъ просить прощеніе. – Старець: „А скажи-ка ты, въ чемъ прощеніе просишь?“ – Онѣ началъ въ своемъ проступкѣ сознаваться, а я ему подсказываю и обличаю его предъ Старцемъ въ несправедливости и притомъ говорю: „Вотъ какъ чистосердечно должно исповѣдывать свои помыслы предъ Старцемъ, какъ св. Симеонъ Новый Богословъ пишетъ“. – Смотря на насъ, какъ на двухъ не-

дорослей, – одного совсѣмъ безграмотнаго, а другого плохого грамотѣя, Старецъ сказалъ: „Ну, ребята, оба вы хороши. Однако убирайтесь отъ меня. Кстати, въ мою келлію и лѣстница-то крутая. Я и самъ по ней едва поднимаюсь. Да, пожалуй, и вовсе не ходите ко мнѣ. У васъ своего ума много, что хуже всякаго безумія. Убирайтесь!“ – Сколько оба мы ни упрашивали Батюшку простить насъ и тутъ-же передъ нимъ между собою примирились, – не тутъ-то было. Старецъ сказалъ только: „Это миръ скороспѣлый, – къ завтраму онъ и протухнетъ; одно – идите, а тамъ посмотримъ“».

Неизвѣстно, насколько оправдывался при откровеніи помощникъ повара, хотя, вѣроятно, было не безъ того, однако, такъ какъ онъ все-таки раскаивался и просилъ у Старца прощеніе, и съ поваромъ, по возможности, примирился, потому, должно быть, и покойнѣе былъ въ совѣсти. А повару досталось потерпѣть за его несмирненное откровеніе и самооправданіе, отъ котораго никоимъ образомъ не можетъ быть успокоенія совѣсти и мира душевнаго.

«Возвратившись въ свою келлію, – продолжаетъ свой рассказъ братъ Александръ, – я одумался, насколько я забылся предъ Старцемъ, и какъ много еще во мнѣ базарной площадной удали; и потому отъ помысловъ смущенія и недоумѣнія наставшая ночь протянулась для меня въ цѣлый годъ. Утро и обѣдъ мнѣ, по послушанію повара, необходимо было быть на своемъ мѣстѣ. Дождавшись же вечера, я стремглавъ побѣжалъ въ монастырь къ Старцу, который встрѣтилъ меня словами: „Ну что, Саша-Алексаша?“ – Говорю: „Да вотъ,

Батюшка, не покоень я. Простите Бога ради. Вѣдь это дѣло то вотъ такъ и такъ было“. – Старецъ: „Вотъ спасибо, что сказалъ; а я сдуру-то и не понялъ. Теперь буду знать; а ты иди-ка отсюда. А то завтра еще правило проспишь“. – Сколько тутъ слезъ пролито было мною! – такъ какъ отъ Старца не слышно было ни привѣта, ни отвѣта. Но Батюшка въ своихъ дѣйствіяхъ оставался непоколебимъ. Завтра кончилось тѣмъ же, т. е. – иди да убирайся. И такъ продолжалось около недѣли. Отъ смущенія и смятенія душевнаго я началъ изнемогать и наконецъ говорю Старцу: „Вы, Батюшка, совсѣмъ меня отъ себя отгоняете“. – Старецъ: „Нѣтъ-нѣтъ; съ чего это ты взялъ?“ – „Да вотъ, Батюшка, силы мои изнемогли, я все непокоень“. – „А почему же ты непокоень?“ – „Ишь, вы мнѣ ничего не разъясните, а между тѣмъ все провожаете изъ келліи, отъ чего возрастаетъ во мнѣ душевная удава, и начинаетъ ослабѣвать во мнѣ къ вамъ довѣріе; а это угрожаетъ мнѣ ужаснымъ послѣдствіемъ“. – Старецъ: „Это я знаю, потому что эту азбуку самъ училъ“. – „Такъ что же вы мнѣ, Батюшка, не скажете ничего, даже и въ такомъ случаѣ, когда я смертельно изнемогаю?“ – „А что же ты меня не спросишь? А, напротивъ, еще представляешь свое мудрованіе, – только слушай. Что жъ такому навязывать вразумленія, которыя онъ и съ жадностію схватить, но не для назиданія своей души, а къ приращенію только своего голаго знанія, при чемъ наиболѣе увеличивается въ человѣкѣ надменность и презрѣніе къ людямъ простымъ и незнающимъ; при случаѣ же появляется и желаніе лишнимъ словечкомъ показать изъ себя выскочку

или употребить оное въ кошуны. Что не дорого досталось, того и не слишкомъ жаль“. – „Да какъ же это, Батюшка? Неужели вообще наука надмеваетъ челоуѣка до такой степени поврежденія? А я такъ уважаю науку, что не нахожу въ моемъ воображеніи лучшаго предмета сравнить съ оною; и подчасъ скорблю, что состою невѣждою“. – „Это что хорошо, то хорошо; и навсегда оставайся при такомъ убѣжденіи. А вмѣсто того, чтобы скорбѣть о своемъ невѣжествѣ, учись доброй жизни самымъ дѣломъ. Это отъ тебя еще не ушло“. – „Да вотъ, Батюшка, вы запрещаете мнѣ читать „Добротолюбіе“. – „Будетъ на это свое время и потребность. А ты схватилъ нѣсколько словъ изъ Симеона Новаго Богослова, да и кудахчешь какъ курица съ яйцомъ. А какъ вотъ эти дни помяли твои нравственные ребра, такъ теперь ты мягче будешь“. – Таковыя, и другія подобныя имъ, милостивыя слова любимаго Старца тутъ же вливали въ мою изстрадавшуюся душу живительную силу, обучая вмѣстѣ съ тѣмъ и опытности въ жизни духовной».

Затѣмъ братъ Александръ рассказываетъ, какъ онъ, отставленный отъ поварского послушанія, жилъ на пасѣкѣ, въ томъ самомъ корпусѣ, гдѣ и старецъ о. Леонидъ жилъ, и притомъ въ той келліи, гдѣ помѣщалась старцева библіотека, состоявшая, какъ можно думать, по большей части изъ рукописныхъ святоотеческихъ книгъ, отъ которой Старецъ велѣлъ и ключъ ему отдать. При всемъ томъ ключарь не имѣлъ права брать и читать книги по своему усмотрѣнію, а только по указанію и благословенію старцевъ Леонида и Макарія. Такъ онъ читаль преп. Варсанофія и Іоанна Руководство къ духовной

жизни. А книги св. Исаака Сирина и преп. Феодора Студита Огласительныя слова о. Макарій далъ ему списывать полууставомъ ¹⁰⁷. Кромѣ того, ему назначено было послушаніе, по случаю лѣтняго времени, ежедневно ходить въ монастырь вмѣстѣ съ другими шпаклевать Введенскій храмъ подѣ живопись. Вслѣдствіе сего онъ имѣлъ возможность каждый день ходить къ старцу о. Леониду чай пить, а иногда и за келейника самоваръ ставить, — что составляло для него великое удовольствіе. Вечеромъ же, по окончаніи въ храмѣ работы, онъ опять заходилъ къ Старцу для откровенія помысловъ и, тутъ же выслушавъ вечернее правило, возвращался въ свою скитскую келлію, гдѣ съ жадностію занимался чтеніемъ твореній свв. Отцовъ. А старецъ о. Леонидъ при личномъ свиданіи многое ему разъяснялъ, преподавалъ уроки благочестія, а вмѣстѣ и рассказывалъ кое-что изъ своего быта; также и о. Макарій — изъ своей жизни. Это время братъ Александръ называлъ единственными во всей его жизни золотыми днями.

Но, какъ извѣстно, все земное, временное — ненадежно, непрочно, непостоянно. Скоро и для брата Александра прекратились золотые дни. Потому, можетъ быть, Старецъ и утѣшалъ его частыми съ нимъ собесѣдованіями, что предвидѣлъ скорую съ нимъ разлуку и имѣвшія постигнуть его скорби.

Давно уже оптинскій о. настоятель Моисей занятъ былъ, для расширенія главнаго въ монастырѣ Введен-

¹⁰⁷ Въ то время всѣ эти книги еще не были въ печати.

скаго храма, пристройкою къ нему двухъ придѣловъ съ сѣверной и южной стороны. Къ осени 1837 г. оба эти придѣлы доканчивались. Освятить придѣлъ съ южной стороны во имя святителя и чудотворца Николая Преосвященный Калужскій Николай самъ изъявилъ свое желаніе, что и совершилъ 5 сентября того же года, посвятивъ при этомъ строителя о. Моисея въ санъ игумена. Въ это же время по указанію о. настоятеля Владыка назначилъ строителемъ въ Калужскую Тихонову пустынь, пришедшую въ совершенный упадокъ, одного изъ учениковъ старца Леонида о. Геронтія. Сколько онъ предъ Владыкою ни отказывался отъ настоятельства, представляя свое безсиліе, болѣзненность и другія причины неспособности, однако чрезъ нѣсколько времени въ силу полученнаго указа о. Моисей, будучи въ это время благочиннымъ калужскихъ монастырей, долженъ былъ лично сдать новому о. настоятелю пришедшую въ упадокъ обитель, и о. Геронтій невольно долженъ былъ разстаться съ Оптиной. Но хотя новый настоятель и принялъ въ свое управленіе монастырь, и хотя поневолѣ остался тамъ на жительство, однако вздумалъ во что бы то ни было упорствовать. Часто онъ являлся къ преосвященному и просилъ уволить его отъ настоятельской должности. Такъ прошла остальная часть сентября и весь октябрь. Наконецъ въ началѣ ноября о. Геронтій получилъ письмо отъ настоятеля Сергіевской пустыни Петербургской губ. архимандрита Игнатія (бывшаго Димитрія Александровича Брянчанинова), которому хорошо были извѣстны какъ старецъ о. Леонидъ, такъ и всѣ его обстоятельства. Таковъ

быль смыслъ этого письма: «Если о. Геронтій будетъ далѣе упорствовать, то вся вина за это обрушится на его старца о. Леонида. Тогда и Владыка въ этомъ не погрѣшитъ». Несмотря на это предостереженіе, о. Геронтій еще обратился къ преосвященному съ своею докучливою просьбою, но тотчасъ же и получилъ отъ него подтвержденіе написаннаго къ нему о. архимандритомъ Игнатіемъ. Владыка выразился такъ: «Вотъ чему васъ учить знаменитый вашъ Старець! Не покоряться власти отъ Бога же учиненной. Противъ сего я вынужденъ буду принять мѣры». Услышалъ тутъ же о. Геронтій и еще много такого, чего и не хотѣлъ бы слышать о своемъ Старцѣ, которому, нужно замѣтить, преданъ былъ всею душою. Тогда уже онъ, сознавши свою вину, вполне расположился на волю архипастыря, который, будучи удовлетворенъ его послушаніемъ, промолвилъ: «Ну, давно бы такъ-то». — Здѣсь же о. Геронтій просилъ у Владыки помощи и содѣйствія касательно возможнаго улучшенія ввѣренной ему бѣдной обители.

Изъ Калуги новый о. строитель направился въ Оптину, гдѣ тоже по его дѣлу и съ такимъ же предостереженіемъ получено было письмо отъ о. архимандрита Игнатія и отъ Алексѣя Поликарповича Бочкова, находившагося въ то время въ Петроградѣ. Имѣть должно въ виду, что о. Геронтій дѣйствительно былъ человѣкъ больной и притомъ весьма вспыльчивый и опрометчивый. И потому, когда онъ явился въ Оптину съ цѣлію взять съ собою въ Тихонову пустынь кого-либо изъ оптинскихъ братій, то всѣ стали отъ него отклоняться,

такъ какъ по своему характеру онъ былъ очень тяжелъ для сожительствовавшихъ съ нимъ. И только одинъ рясофорный монахъ о. Александръ (упомянутый выше іеросхимонахъ Антоній) единственно по христiанской любви къ страждущимъ изъяслялъ усердіе послужить всѣмъ требованіямъ больного о. строителя. Потому всѣ его собратія заговорили, что онъ будетъ въ Тихоновой пустыни по настоятель первымъ лицомъ или казначеемъ. А одинъ изъ нихъ сказалъ: «Удивляюсь тебѣ, о. Александръ, зачѣмъ ты хочешь переходить къ о. Геронтію?» – Тотъ увѣрилъ его, что, кромѣ послуженія больному, ничего болѣе въ виду не имѣетъ. Самъ же о. Геронтій не рѣшался предложить о. Александру сопутствовать ему въ Тихонову, а обратился къ Старцу о. Леониду за благословеніемъ и содѣйствіемъ, чтобы удѣлили ему на первый разъ изъ Оптиной Пустыни кого-либо изъ братій, необходимо нужныхъ для пришедшей въ упадокъ Тихоновой обители. Съ этимъ согласенъ былъ и оптинскій настоятель о. Моисей и готовъ былъ отпустить особенно тѣхъ изъ братій, кто самъ пожелаетъ оставить Оптину Пустынь. Замѣтимъ здѣсь, что въ числѣ перешедшихъ по благословенію старца о. Леонида изъ Оптиной въ Тихонову пустынь были вышеупомянутые о. Михайль (Антимоновъ) и Алексѣй Поликарповичъ Бочковъ; но только они перешли туда нѣсколько позднѣе.

Будемъ далѣе продолжать рассказъ отъ лица самого о. Александра. – «По приказанію Батюшки пришелъ я къ нему; онъ и говоритъ мнѣ: „Ну, Саша-Алексаха, о. Геронтій набралъ пять человѣкъ, согласныхъ съ нимъ

поѣхать ¹⁰⁸, а тебѣ сдѣлать предложеніе онъ поопасался, такъ какъ не достигъ бы чрезъ это своего желанія. А я тебя самъ къ нему назначаю“. – Вдругъ я весь обратился въ слезы. – Старецъ: „Что жъ, не хочешь?“ – Говорю: „Батюшка! Вы знаете, что я предъ вами не имѣю своего хотѣнія, кромѣ этихъ слезъ, которымъ не возбраняйте литься; и имъ теперь только начало. Я знаю себя и характеръ о. Геронтія. Подъ его управленіемъ я уже не улыбнусь“. – „Потому-то, – сказалъ Старецъ, – я и назначаю тебя къ нему“.

Итакъ, помянутые братія, забравши свои пожитки, въ видѣ обоза отправились въ путь. А я упросилъ Батюшку, чтобы дозволено было мнѣ съ о. Геронтіемъ остаться въ Оптиной еще дня на два, въ которые я уже почти не отходилъ отъ Старца. Когда же мы съ о. Геронтіемъ пришли къ нему принять послѣднее благословеніе, онъ въ это время былъ въ короткой мантии и епитрахили – такъ, какъ и всегда отпускалъ какое-либо отъѣзжавшее семейство. Обратившись къ намъ, онъ проговорилъ: „Ну, братцы, совѣмъ?“ Взялъ крестъ и началъ читать извѣстную напутственную молитву: „Боже, Боже нашъ, путешествовавый со слугою своимъ Іосифомъ, спутешествуй, Владыко, и рабомъ Твоимъ, строителю іеромонаху Геронтію и келейнику его, монаху Александру“ и проч. – По окончаніи молитвы

¹⁰⁸ То были скитскіе послушники: Николай, изъ карачевскихъ мѣщанъ, Алексѣй Черновъ, изъ курскихъ, и рясофорный монахъ Іоаннъ (впослѣдствіи старецъ іеросхимонахъ Ефремъ), да изъ монастыря послушникъ Сергій Колошинъ, изъ дворянъ. Пятаго же брата имя неизвѣстно.

мы поцѣловали крестъ и поклонились Старцу въ ноги для принятія послѣдняго его благословенія, какъ обыкновенно, со щедрыми слезами, которыя лились у меня безотчетно. Высоко поднялъ Старецъ свою благословляющую десницу и, благословляя о. Геронтія, произнесъ слѣдующія слова: „Ну, о. строитель, берегись ты яростной части, а то ты повредишь себя неисцѣльно“. Меня же потомъ благословляя, сказалъ: „А ты, брате, идешь не на покой и радость, а на трудъ, на скорбь, на крестъ“. – Не знаю, какое впечатлѣніе произвели эти слова Старца на сердце о. строителя, а у меня они во всю мою жизнь звучали и звучали въ моемъ сердцѣ, особенно когда бывалъ я въ самыхъ горькихъ испытаніяхъ. Но лишь только приводилъ я себѣ на память эти грозныя отеческія пророческія слова, какъ тотчасъ же задавался такимъ вопросомъ: „Да гдѣ же тотъ обѣщанный мнѣ Старцемъ крестъ? Ибо онъ въ этомъ горькомъ обстоятельствѣ вовсе не видится“. Такъ живое воспоминаніе сказаннаго Старцемъ, наводившее всегда меня на благое размышленіе, успокаивало мою смущенную душу».

«Но хотя въ постигавшихъ меня тѣсныхъ обстоятельствахъ я, по молитвамъ Батюшки, нѣсколько и успокаивалъ себя помянутымъ способомъ; однако долженъ сознаться, что пророческія слова великаго Старца начали осуществляться на мнѣ съ перваго же дня нашего отбытія отъ него. Недовольство на меня о. строителя, при множествѣ къ тому случаевъ, время отъ времени все болѣе и болѣе возрастало, выражаясь часто въ яростныхъ порывахъ. У меня же постепенно возрастало чувство

огорченія, какъ будто клубочекъ наматывался тонкою нитью. А въ продолженіе восьми лѣтъ моего сожительства съ о. Геронтіемъ этотъ клубочекъ увеличился до неудобноносимыхъ размѣровъ. Четыре года прошло до кончины батюшки о. Леонида съ тѣхъ поръ, какъ мы его оставили, удалившись въ Тихонову пустынь. И каждый годъ по одному разу онъ посѣщалъ насъ на новомъ мѣстѣ нашего жительства, и все это въ тонкости видѣлъ; да и будущее наше все предвидѣлъ. Не думаю, впрочемъ, что было это вслѣдствіе пророческаго въ немъ дара, а просто по безпристрастному взгляду на наши обстоятельства. Да что много говорить? Наше устроеніе предъ нимъ раскрыто было, какъ живая книга».

«Начну говорить о томъ, какъ Батюшка въ первый разъ посѣтилъ нашу обитель. – Незначительна была убыль для Оптиной Пустыни, изъ которой перешло насъ въ Тихонову, считая съ настоятелемъ, только семь человѣкъ. Время отъ 15 ноября 1837 г. до слѣдующаго лѣта проведено было нами вообще пополамъ съ горемъ. Одна была въ виду отрада, что преосвященный Николай благоволилъ къ о. Геронтію болѣе, нежели къ оптинскому настоятелю, – на что были особыя причины. Потому общее наше желаніе было попросить Владыку, чтобы дозволилъ старцу о. Леониду, если конечно онъ самъ не откажется, погостить въ Тихоновой пустыни. Просьба эта имѣла успѣхъ. Владыка съ удовольствіемъ согласился исполнить желаніе тихоновцевъ, но въ сущности, по рассказамъ г. Брюзгина, съ насмѣшкою сказавъ: „Ну, пусть-пустъ вашъ святой освятитъ вашу голую обитель. Посмотримъ на его святость. Пусть сна-

чала и у меня побываетъ“. – Съ своей стороны и Старець преклонился на наши вопіющія нужды. Когда же о. Геронтій съ Батюшкою явились къ преосвященному, Владыка, обращаясь къ Старцу, сказалъ: „Вотъ, о. Леонидъ, тихоновцы-то безъ тебя соскучились; поѣзжай, утѣшь ихъ“. – „Благословите, ваше преосвященство, постараюсь“, – отвѣтилъ Старець. – „Да, кстати, постарайся обращать раскольниковъ въ Скаковскомъ и Дворцѣ“, – прибавилъ Владыка. (Скаковское и Дворецъ – это двѣ большія деревни, наполненныя одними раскольниками, неподалеку отъ Тихоновой пустыни.) Старець не былъ подготовленъ къ состязаніямъ съ раскольниками и потому сказалъ: „Ваше преосвященство! Готовъ безпрекословно принять ваше архипастырское приказаніе; но благословите объяснить вамъ ошутительное къ тому неудобство“. – Владыка: „Какое можетъ быть неудобство для святого?“ – Старець: „И святые не всѣми удобствами владѣли, а я къ этому дѣлу вовсе не подготовленъ“. – Владыка: „А благодать-то! А святость-то! Вотъ тебѣ и приготовленіе!“ – Старець: „Но какъ же благословите, ваше преосвященство, мнѣ приступить-то къ сему? Извольте письменно преподать мнѣ на это право“. – Владыка: „Нѣтъ, не нужно. А ты просто явись въ ихъ моленную и отъ моего имени скажи, чтобы собрались ихъ передовые начетчики. Тогда ты имъ и передай ораторски, что нужно для ихъ обращенія. А на обратномъ пути передашь мнѣ свой успѣхъ“. – Принявъ отъ Владыки на словахъ такое порученіе, Старець, наконецъ, прибылъ въ Тихонову пустынь къ нашей общей неописанной радости.

Отець Геронтій, какъ личный свидѣтель владычняго порученія, прежде всѣхъ насъ понималъ силу насмѣшливыхъ рѣчей архипастыря, отъ коихъ по своей пылкой горячности едва не слегъ въ постель; но Батюшка зналъ, какъ успокоить его. – Затѣмъ Старець началъ требовать, чтобы немедленно исполнить волю преосвященнаго. По этому поводу о. Геронтій предварительно переговорилъ съ нѣкоторыми изъ раскольниковъ и получилъ отъ нихъ такой отвѣтъ: „Знаете ли, о. Геронтій, – говорили они, – намъ не разъ приходилось такихъ проповѣдниковъ провожать въ колья, или съ дубьемъ и съ гиканьемъ отъ всей деревни, особенно когда эти проповѣдники не соблюдали умѣренности въ словахъ и поступкахъ, но о. Леонида мы примемъ какъ человѣка благонамѣреннаго. Ничего такого не опасайтесь. Мы по слухамъ знаемъ этого Старца съ хорошей стороны».

Не безъ страха, однако, о. Геронтій съ Батюшкой отправились въ деревню Дворецъ, гдѣ ихъ моленная часовня и гдѣ уже собралось раскольниковъ чело-вѣкъ 20 с лишкомъ, которые и встрѣтили Батюшку. Вошедши въ часовню, Старець по обычаю христіанскому помолился иконамъ, поздоровался съ предстоящими, объявилъ имъ объ архипастырскомъ порученіи и наконецъ предложилъ свое сердечное желаніе возвратиться въ материнскія объятія Св. Божіей Церкви. Получился со стороны раскольниковъ такой отвѣтъ: „Спасибо, отецъ, за твое желаніе. А мы и сами принадлежимъ къ церкви и повинuemся ея чистотѣ и святости. Но вотъ главное, – гдѣ эта чистота и святость-то? Мы сытари и рождены вотъ, какъ видишь, христіанами. Но дѣло въ

томъ, что управление Церковью-то свихнулось, и потому предки наши отвергли нововведение въ Церкви людьми недостойными, положившими соблазнъ своимъ поведѣніемъ, – что и до сего времени продолжается. Мы и сами не меньше другихъ знаемъ, какому должно быть совершителю Таинствъ церковныхъ. Потому, отецъ, не трудись насъ уговаривать, – мы не приѣмлемъ (не признаемъ) власти. Не разъ потому мірскіе власти-тели разоряли насъ и этимъ насиліемъ еще больше отталкивали и отталкиваютъ насъ отъ уваженія къ правителямъ слова истины“. – Старець: „Но преосвященнѣйшій спроситъ же меня про васъ, – что сказать ему? “ (Помню, – ихъ главнаго уставщика звали Савкой, – онъ и отвѣчалъ болѣе за всѣхъ). – „Скажи, кормилецъ, своему преосвященному, – пусть и не пытается насъ обращаться, а пусть лучше учить свое... духовенство, которое недостойно совершаетъ священные требы на соблазнъ міру. Вотъ кого нужно обращаться! А если бы в глаза, мы не то бы ему сказали. Итъ ему-то и самому нужно о себѣ подумать, у него и самого много того, чего не подобаетъ“. – Послѣ такого съ раскольниками разговора Батюшка съ ними распростился и возвратился къ намъ въ Тихонову.

Не для отдыха, впрочемъ, приѣхалъ Старець къ намъ въ Тихонову пустынь. Ибо какой могъ быть для его сострадательнаго сердца отдыхъ здѣсь, куда мы выдвинуты были какъ будто на безжизненный пустырь, назначенный уже къ закрытію, гдѣ все было приведено къ разрушенію? – Батюшка хорошо зналъ всѣхъ насъ и наше юное устроеніе. Мнѣ, какъ ближайшему лицу при

настоятельскихъ келліяхъ, гдѣ и Старець помѣщался, когда пріѣзжалъ въ Тихонову пустынь, Батюшка въ присутствіи настоятеля вмѣнилъ въ обязанность напоминать ему и содѣйствовать во всемъ, что мною будетъ усмотрѣно требующее исправленія, о чемъ и самъ о. Геронтій просилъ Батюшку, чтобы я не отказывался. – Кромѣ того, я имѣлъ единственное въ жизни моей счастье во время переѣздовъ Батюшки быть у него кучеромъ. Первый мой выѣздъ съ Батюшкой былъ на рѣку Угру, гдѣ нами купленъ былъ лѣсъ въ плотяхъ для будущей постройки, такъ же и дровяникъ, и кряжи, назначенные для распилки. Отецъ Геронтій уже назначилъ меня ѣхать въ Медынскій уѣздъ нанимать пильщиковъ. Но это совсѣмъ было дѣло несбыточное, такъ какъ время было пропущено, и пильщиковъ ни за какія деньги нанять было нельзя. Дорогою я объяснилъ объ этомъ Батюшкѣ, зная напередъ, что будетъ стоять мое противорѣчіе для вспыльчивости о. настоятеля и для моего скуднаго терпѣнія. – „Погоди, Саша, – сказалъ Старець, – я это устрою такъ, ажъ ты удивишься“. – И такъ, пріѣхали мы съ Батюшкой восвояси. Въ свое время собрались къ чаю. Я сталъ разливать, а о. Геронтій сталъ мнѣ приказъ отдавать, какія имѣтъ условія съ пильщиками: „Да ты праведность-то твою отложи, а то ты дюже щедръ“. – Батюшка, какъ будто ничего не зная и вслушиваясь въ нашъ разговоръ, спросилъ: „Что это такое?“ – „Да вотъ завтра, – отвѣчалъ о. Геронтій, – пусть ѣдетъ въ Медынскій уѣздъ нанимать пильщиковъ“. – „Ну, ужъ хорошъ нанимальный, – возразилъ Старець, – соберетъ домокъ въ же-

лудевую чашечку. Гдѣ ему? Я самъ поѣду, а онъ пусть будетъ кучеромъ“.

Въ слѣдующій день утромъ я все приготовилъ къ дорогѣ, а послѣ обѣда мы съ Старцемъ выѣхали въ настоятельской кибиткѣ, запряженной парой лошадей, имѣя въ намѣреніи ночевать въ Полотняномъ заводѣ, въ домѣ арендатора монастырской мельницы, который, нелишне замѣтить, былъ закоренѣлый раскольникъ безпоповщинской секты. У него былъ весьма исправный постоянный дворъ. Когда мы съ Батюшкой туда въѣхали, хозяйка вся разсыпалась въ привѣтствіяхъ. Для насъ приготовлена была особая комната со всѣми удобствами; ибо хотя хозяйка была и раскольница, но она знала, кто былъ о. Леонидъ. Несмотря на это Старецъ, да и я съ нимъ, отказались отъ этихъ удобствъ, а ночевали на дворѣ въ повозкѣ. На возвратномъ же пути мы не имѣли надобности останавливаться тутъ. Проводивши ночь, мы поѣхали дальше. Дорогою Батюшка и говорить мнѣ: „А какъ ты думаешь объ этой женщинѣ и о дочери ея?“ (дѣвка лѣтъ 25-ти). – Отвѣчаю: „Да она ласкова для насъ, безъ сомнѣнія потому, что мужъ ея имѣетъ дѣло съ нашимъ монастыремъ; а дѣвка работаетъ человекъ за двухъ дюжихъ дворниковъ“. – „Это такъ, правда, – сказалъ Старецъ, – а вотъ что я тебѣ скажу: страхъ здѣсь чувствуется, – она душегубица съ дѣвкой, – это ихъ промыслъ. Ахъ! Это страшное семейство. Сколько тутъ улеглось невинныхъ душъ!“ – Но что я дальше при разговорѣ съ Старцемъ могъ слышать отъ него, то скрылъ въ сердцѣ моемъ. – По нѣкоторому времени нашъ монастырь отказалъ этому арендатору въ содержаніи

мельницы, что не обошлось безъ порядочнаго судопроизводства. Человѣкъ этотъ содержалъ на Мещовской дорогѣ постоялый дворъ, гдѣ сынъ его съ женой жилъ постоянно, а отецъ, какъ хозяинъ, находился по потребности то при сынѣ, а то при женѣ своей въ своемъ домѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ дошелъ до насъ слухъ, что Петра Ивановича (имя нашего арендатора) и сына его Ваньку наказали кнутомъ и сослали на вѣчную каторжную работу за извѣстныя страшныя дѣла, о которыхъ въ свое время Батюшка такъ просто и обыкновенно говорилъ мнѣ, какъ будто объ открытомъ событіи. Тогда я вспомнилъ про описанный съ Батюшкой разговоръ и удивился, и послѣ всегда удивлялся его прозорливости».

«Въ Бобыляхъ мы остановились тоже на постояломъ дворѣ. Пока я управлялся съ лошадьми, Батюшка въ сопровожденіи мальчика отправился въ контору, гдѣ управляющій объяснилъ ему то же, что и я предполагалъ, т. е. что время нанимать пильщиковъ пропущено. Потому Батюшка просилъ управляющаго записать въ конторѣ имѣвшуюся въ виду работу. Между прочимъ, нѣкоторые Батюшку въ конторѣ узнали, коихъ онъ въ свое время воспользовалъ, и отнеслись къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Когда же Старецъ возвратился ко мнѣ, я говорю: „Благословите, Батюшка, самоварчикъ подать“. — „А на что онъ тебѣ?“ — сказалъ Старецъ. — Говорю: „Чаю напиться“. — Возраженіе: „Да развѣ ты не можешь обойтись безъ чая?“ — Отвѣчаю: „Я для васъ“. — „Для меня, — сказалъ Старецъ, — не надо“. — „А для меня, — говорю, — и совсѣмъ не нужно“. — Батюшка продолжалъ: „Очень странно, что наши братія, старый и

малый, безъ чайку ни дыхнуть, особенно если кто еще дома имѣль къ нему привычку“. – „Батюшка! – сказалъ я ему, – вы хорошо знаете, что я только по вашей милости не лишенъ этого, какъ говорятъ, утѣшенія, а до монастыря я его вовсе и не зналъ“. – „Какой же ты чудакъ! – продолжалъ Старець рѣчь свою, – посмотри-ка, какъ слабости усиливаются въ монашествѣ. Да и въ міру уже той простоты не стало, что была прежде. А въ наше время и народъ-то мірской былъ покрѣпче“. И такъ во всѣхъ переѣздахъ Батюшка разговаривалъ со мною и передавалъ нѣкоторые рассказы. Когда же возвратились мы въ Тихонову, Батюшка самъ говорилъ о. настоятелю о томъ, что время нанимать пильщиковъ пропущено. И хотъ это дѣло обошлось до времени безъ штурма со стороны о. Геронтія, но все я не избѣгъ его подозрѣнія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ батюшкины слова сходились съ моими предположеніями».

«Шесть недѣль, въ первый годъ своего посѣщенія Тихоновой пустыни, прожилъ въ ней Старець. Настало, наконецъ, время и въ Оптину возвратиться. По личному приказанію преосвященнаго Николая Батюшка на возвратномъ пути обязанъ былъ заѣхать въ Калугу и отдать отчетъ Владыкѣ касательно обращенія раскольниковъ. Когда же онъ явился къ преосвященному, со стороны послѣдняго былъ первый вопросъ: „Ну что, – много раскольниковъ обратилъ?“ – Старець: „Ни одного, ваше преосвященство“. – Владыка: „Ни одного! Это худо. Значить, ты плохой проповѣдникъ“. – Старець: „Я вамъ, преосвященнѣйшій Владыко, напередъ это говорилъ“. – Владыка: „Знаю. А я думалъ, что вотъ ты

повернешь по-своему (и при этомъ засмѣялся); вотъ такъ-то надѣйся на васъ. Ну, а что же они говорить?“ – Старецъ: „Владыко святой! Этого я сказать вамъ не могу“. – Владыка: „Почему же? Видно, ты съ ними въ одной стачкѣ?“ – Старецъ: „Нѣтъ, ваше преосвященство, этого быть не могло, да и ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ“. – Владыка: „Ну почему же ты сказать-то не можешь?“ – Старецъ: „Непріятно будетъ вамъ слышать касающееся вашей архипастырской особы“. – Владыка: „Говори-небось, я приказываю, – для меня все равно“. – И Батюшка, не обинуясь, рассказалъ все подробно, что говорилъ Савка съ своимъ соборомъ. Выслушавъ все, Владыка произнесъ: „Ну-ну, ай да проповѣдникъ!“ – И за такой безыскусственный, искренній и откровенный рассказъ, несмотря на свое неблаговоленіе къ Старцу, расцѣловаль его и съ миромъ отпустилъ въ Оптину Пустынь.

Рано утромъ въ слѣдующій день мы выѣхали изъ Калуги; въ Перемышлѣ дали лошадямъ отдохнуть, около семи часовъ вечера, или при отходѣ вечерни, прибыли въ Оптину. Мгновенно разнесся слухъ о пріѣздѣ Старца, и тотчасъ келлія его стала наполняться братіями и ожидавшими его посѣтителеми, здоровыми и недужными. Я отправился съ лошадьми въ Скитъ, поручилъ ихъ тамъ кому слѣдовало, а самъ возвратился къ Батюшкѣ въ келлію, которая въ это время уже была биткомъ набита всякаго рода людьми. Тутъ и всѣ скитскіе братія были. Но Батюшка сказалъ: „Освободите меня теперь; вотъ я, Богъ дастъ, отдохну, а ужъ завтра вались комаръ и муха“. – При входѣ же въ

батюшкину келлію, у самого крыльца, сошелся я съ батюшкой о. Макаріємъ. Принимая его благословеніе, я услышалъ отъ него слѣдующія произнесенныя имъ съ огорченіемъ слова: „Вы съ своимъ старцемъ (о. Геронтіємъ) готовы тамъ Батюшку присвоить“. Съ тугою сердечною отвѣтилъ я ему: „Батюшка! Не желалъ бы я отъ васъ слышать такую несправедливость. Это по вашему съ батюшкой (о. Леонидомъ) назначенію я подчиненъ подъ старчествованіе о. Геронтія“... – и не могъ болѣе говорить. Слезы потокомъ полились изъ глазъ моихъ, особенно послѣ того, какъ вспомнились мнѣ при семъ отечески ласковые батюшкины дорожныя со мною разговоры. Такъ мы оба вошли въ батюшкину келлію. Отецъ Макарій поклонился Батюшкѣ въ ноги. Поздоровались. – „А ты, братъ, тутъ костришься?“ – какъ бы съ неудовольствіемъ сказалъ батюшка о. Леонидъ о. Макарію. – Отецъ Макарій: „Простите, Батюшка, это правда. Но что же мнѣ дѣлать? Меня одного оставили на такое продолжительное время“. – Старецъ съ укоромъ: „Да, ты правъ, какъ немощной; а эти люди (указывая на меня) съ запасомъ, ихъ по-твоему можно бы и совсѣмъ оставить. Эхъ, какое самолюбіе!“ – „Да простите, Батюшка, – повторилъ о. Макарій, – потому такъ я и говорю, что сознаю свою немощь“. – При этихъ словахъ вошли къ Батюшкѣ въ келлію о. игумень Моисей и о. Антоній на своихъ больныхъ ногахъ, которому предстоялъ подвигъ начальствованія въ Малоярославецкомъ Николаевскомъ монастырѣ; но, повидавшись съ Старцемъ, вскорѣ всѣ и разошлись».

«Оставшись съ Батюшкой наединѣ, я разсказаль ему про свою встрѣчу съ о. Макаріемъ. — „Ахъ ты, витія! — сказалъ Батюшка, — о. Макарій — великій человѣкъ. Я знаю, — ему трудно, такъ какъ онъ не располагался жить безъ меня, а вѣдь придется“. — Съ тѣхъ поръ Старецъ вмѣсто Саши-Алексаши сталъ называть меня „витія“. — Затѣмъ я говорю: „Батюшка! Я чувствую отягощеніе совѣсти, такъ какъ очень прямо и рѣзко говорилъ о. Макарію; потому благословите испросить у него прощеніе“. — „Да, надо, пришедши въ Скитъ“, — замѣтилъ Старецъ. Когда же я пришелъ въ Скитъ, тамъ только что окончилось вечернее правило. Вошелъ въ келлію о. Макарія, а онъ мнѣ и говоритъ: „Ну, спасибо тебѣ, братъ, что пришелъ; а то бы мнѣ во всю ночь не уснуть отъ того, что я наговорилъ тебѣ сгоряча, или бы я пришелъ къ тебѣ мириться“. Сейчасъ же мы съ нимъ и примирились. — „Ну что же у васъ тамъ?“ — спросилъ о. Макарій. — „Да вы вѣдь, Батюшка, знаете“, — сказалъ я. — „Да, знаю по здѣшнему, — проговорилъ онъ, — но вы тамъ — дѣло другое“. — Продолжаю: „Охъ, Батюшка, едва ли наше устроеніе когда-либо утѣшитъ насъ. Для меня прискорбно слышать, что нѣкоторые изъ братій считаютъ меня наперсникомъ о. Геронтія“. — „Да, и я такъ думаю“, — сказалъ о. Макарій. — Залившись слезами, я бросился къ ногамъ его и говорю: „Безотчетно они ошибаются. Я за порокъ сочту быть его наперсникомъ, ибо семимѣсячный опытъ показаль развитіе его тяжелаго характера, а необходимость требуетъ имѣть его духовнымъ отцомъ; онъ же требуетъ, чтобы открывать ему помыслы, какъ Старцу. Но эта откровенность

успѣла уже превратиться въ средство къ доступной расправѣ“. – Тутъ я разсказалъ ему про одинъ непріятный случай и прибавилъ: „Вотъ какъ мы въ Тихоновой проживаемъ“. – Слушая мои разсказы, батюшка о. Макарій вздыхалъ и плакалъ и наконецъ спросилъ: „А что же батюшка о. Леонидъ – знаетъ это?“ – „Мало того, что знаетъ, – отвѣчалъ я, – но на самомъ дѣлѣ видѣлъ и всего наслушался“».

Не лишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что, по словамъ почившаго Оптинскаго старца Амвросія, и о. Геронтій, въ свою очередь, оправдывался, говоря такъ: «Придетъ кто-либо изъ братій для откровенія своихъ помысловъ, избранить-избранить тебя всячески, – и это у него откровеніе». Поэтому нельзя тутъ не повторить вышесказаннаго, что тогда только откровеніе помысловъ можетъ приносить пользу душевную, когда будетъ совершаться должнымъ порядкомъ.

Но продолжимъ разсказъ. «Четыре года прошло до кончины старца о. Леонида съ тѣхъ поръ, какъ о. Геронтій назначенъ былъ настоятелемъ въ Тихонову пустынь; и ежегодно пооднажды Старецъ посѣщалъ ее. Въ первый разъ, какъ выше сказано, онъ пробылъ тамъ шесть недѣль, въ слѣдующіе за тѣмъ два года по четыре недѣли, и въ послѣдній, наконецъ, четвертый годъ, только три недѣли. Во все это время Старецъ видѣлъ, какъ бѣдная обитель съ внѣшней стороны постепенно благоустраивалась, что, впрочемъ, было плодомъ его же отеческой благопопечительности. Ибо кто бы, напри-
мѣръ, принудилъ о. Алексѣя Поликарповича Бочкова жить сколько-нибудь въ Тихоновой, или о. Михаила

Антимонова перейти изъ Оптинскаго скита, благоустроеннаго, какъ рай земной, въ бѣдную и еще не-устроенную тогда обитель, въ сосѣдствѣ съ селомъ и ка-бакомъ! Но всѣ эти и подобныя имъ великія и малыя личности пламенно преданы были Старцу, переходили въ Тихонову за послушаніе, и довѣріе ихъ къ нему вполнѣ оправдалось. – Несмотря, однако, на внѣшнюю благоустроенность возобновляемой по милости Старца обители, онъ не имѣлъ въ стѣнахъ ея утѣшенія. Извѣстно, что настоятель ея о. Геронтій всею душою былъ привязанъ къ старцу о. Леониду, искренно любилъ и уважалъ его, но съ характеромъ своимъ никакъ не могъ справиться, не могъ воздерживаться отъ разныхъ неприличныхъ выходокъ по отношенію къ подчиненнымъ ему братіямъ даже въ присутствіи самого Старца, чѣмъ и наносилъ великую скорбь его любящей душѣ¹⁰⁹. При всемъ томъ Старецъ не переставалъ утѣшать оскорбленныхъ настоятелемъ братій, склоняя ихъ къ терпѣнію и говоря такъ: „Ужъ если для меня, старика, нужна такая щеточка, тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ много ржавчины“. Внушалъ имъ, что постигающіе ихъ непріятные случаи нужны для обработки доброй нрав-

¹⁰⁹ Кіево-печерскій іеромонахъ Антоній (бывшій въ то время о. Александръ) замѣчаетъ, что, при всей услужливости о. Геронтія, Старецъ не называлъ его по имени. Когда о. Геронтій былъ еще рясофорнымъ и именовался Георгіємъ, Старецъ называлъ его «герой», а когда при постригѣ въ мантию получилъ имя Геронтія, Старецъ называлъ его «горлантій», а иногда «горланъ». Когда же о. Геронтій опредѣленъ былъ строителемъ въ Тихонову пустынь, тогда Старецъ почтительно называлъ его «Отецъ строитель», но все же не по имени. И только однажды назвалъ его по имени, когда читалъ напутственную молитву при отправленіи о. Геронтія на настоятельство.

ственности каждого изъ нихъ. – Въмѣстѣ съ тѣмъ Старецъ видѣлъ, что и все внутри обители идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало идти по предполагавшейся имъ мысли. Потому въ послѣдній свой прїѣздъ онъ провелъ въ Тихоновой пустыни трехнедѣльное время съ стѣсненной душой и, выѣзжая, прощался съ нею уже навсегда, съ огорченіемъ сказавъ: „Если паче чаянія живъ буду, то въ слѣдующій годъ уже въ Тихонову не поѣду“».

Въ прежнемъ жизнеописаніи старца о. Леонида сказано, что вслѣдствіе сидячей его жизни въ Тихоновой болѣзни его увеличивались. Но, кажется, вѣрнѣе можно полагать, что болѣзненность его усиливалась тамъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе скорбей, отъ душевнаго разстройства, а можетъ быть, отъ того и другого вмѣстѣ.

Выѣзжая каждый разъ изъ Тихоновой пустыни обратно въ Оптину въ сопровожденіи о. строителя и прочихъ присныхъ своихъ учениковъ, Старецъ останавливался въ виду монастыря на бугоркѣ. И въ это время на прощанье о. Геронтій всѣмъ провожавшимъ Старца подавалъ по стакану пива. Этотъ простой напитокъ буквально смѣшивался тутъ со слезами учениковъ старцевыхъ, такъ какъ, находясь въ Тихоновой пустыни въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, они, кромѣ Бога, только въ немъ одномъ, въ жизни сей временной, и находили для себя утѣшеніе.

Продолжая свой рассказъ, о. Александръ говоритъ: «При послѣднемъ отъѣздѣ Батюшки изъ Тихоновой я просилъ его снять съ меня тяжелое бремя – напоминать о. Геронтію о полезныхъ предметахъ и отмѣнить лѣни-

вое съ моей стороны откровение. — „Оставь, дѣточка, это назначеніе, — сказалъ онъ, — теперь о. строитель самъ сталъ умнѣ насъ съ тобой; а помыслы — видно пришло время — самому управлять; а отъ его духовничества хоть и имѣешь право себя избавить, но это потребуетъ твоего терпѣнія, — значить, не дешево для тебя достанется“. — Послѣ сего, какъ получившій старческое разрѣшеніе, я уже свободнѣе уклонялся отъ предложеній со своей стороны; а приказанія настоятельскія, имѣющія смыслъ общежительной необходимости, я исполнялъ какъ святое послушаніе».

«Въ этотъ послѣдній разъ мнѣ по обстоятельствамъ не пришлось сопутствовать Батюшкѣ въ Оптину: но вскорѣ послѣ его отъѣзда я посланъ былъ туда нарочно о. строителемъ. Вошелъ къ нему въ келлію, когда нѣкоторые изъ братій находились у него по своимъ нуждамъ. Я прижался въ уголокъ, чтобы переждать всѣхъ. Увидѣвъ меня, одинъ простодушный братъ проговорилъ: „Вотъ, Батюшка, пріѣхалъ о. Александръ съ каторжной работы“. — Батюшка тотчасъ приказалъ всѣмъ братіямъ остановиться и въ присутствіи всѣхъ объявилъ, что эта работа вовсе не каторжная, для которой у каждого достанетъ силы. — „Напримѣръ, — говорилъ онъ, обратившись къ брату, сказавшему помянутыя слова, — ты можешь поднять десять фунтовъ?“ — „Могу“, — отвѣтилъ тотъ. — „Также и перенести на другое мѣсто можешь?“ — „Могу“. — „Вотъ и вся работа, которую ты называешь каторжною“, — заключилъ Старецъ. — Здѣсь Батюшка такъ ясно доказалъ нелѣпость такого мнѣнія, что всѣ воспользовались, сознавая въ

себѣ всѣ тѣ недостатки, на которые имѣ Батюшка указаль».

«Остался я съ Батюшкой наединѣ, и, уже не упомню, за что-то Батюшка такъ меня пробралъ, что мнѣ пришлось (какъ у насъ говорилось) Старцу омыть ноги слезами. Но мнѣ нужно было сейчасъ же ѣхать въ Козельскъ разжиться паклею для конопатки строенія. Спасибо купцу Червячкову, приказаль отпустить 15 пудовъ бесплатно. Воротился я къ Батюшкѣ, когда уже онъ послѣ обѣда отдыхалъ, и потому я прошелъ въ его садикъ и расположился тамъ на травкѣ, гдѣ почувствовалъ дѣйствіе во мнѣ холерины. Отдохнувши, Батюшка вышелъ въ садикъ и услышалъ, какъ рвота и поносъ тянуть мою внутренность и корчатъ жилы, такъ что я говорить почти не могъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и говорить: „Эге-ге! Нашъ витія-то жидокъ на расправу, — забылъ даже и сказать мнѣ, что хотѣлъ“. — Говорю: „А что же я хотѣлъ сказать? Не помню“. — Старецъ: „Ты хотѣлъ получить благословеніе на постриженіе въ мантию“. — „Ахъ, да-да!“ — воскликнулъ я, опомнившись. — Тутъ Батюшка приказаль поднять меня и вести въ свою келлію. Затѣмъ изъ лампы отъ иконы Божіей Матери далъ мнѣ выпить чайную ложечку маслица и по обычаю своему помазалъ мнѣ чело и грудь и, какъ всегда, лѣвый сосецъ противъ сердца крестообразно съ словами: „Ишь, слабенькое да необтесанное сердчишко! А все ершится“. И наконецъ приказаль положить меня въ сосѣднюю келлію на Яшину кровать. — „Ахъ, Батюшка, — сказалъ я, — не могу; опять поднимается рвота; видно, конецъ моей жизни“. — Старецъ:

„Погоди, не спѣши“. – И далъ мнѣ рюмочку элексиру, сказавъ: „Да засни немножко“. – Въ ту же минуту я почувствовалъ себя легче и заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Меня разбудили уже послѣ вечерни, и я всталъ, какъ будто со мною ничего не бывало. Подумалъ я послѣ того, что это явное со мною чудо совершилось по молитвамъ Батюшки; а онъ, ударивъ меня слегка ладонью, сказалъ: „Я тебѣ, лупоглазый, лобъ разобью; ишь, еще мудрствовать вздумалъ; не изъ тучи громъ гремѣть“. – Послѣ того я спросилъ Батюшку: „Кто же будетъ воспріемникомъ моимъ отъ мантии?“ – „Да дѣлать нечего, – отвѣтилъ онъ, – видно самъ о. строитель; а иначе ни ты, ни онъ не понесете, – ты, кажется, хорошо это знаешь“».

Тѣмъ окончилось свиданіе о. Александра съ Старцемъ, послѣ чего онъ, распростившись съ своимъ Батюшкой, отправился обратно въ Тихонову пустынь.

Старцу о. Леониду Господь не судилъ дожить до слѣдующаго года. Но сѣмя, посѣянное имъ въ Тихоновой пустыни, по времени принесло благіе плоды. Послѣ начальствованія о. Геронтія опредѣленъ былъ настоятелемъ въ Тихонову обитель оптинскій іеромонахъ Моисей, который управлялъ ею очень долго, – лѣтъ сорокъ. Кромѣ сего, тамъ оставался одинъ изъ ближайшихъ учениковъ старца о. Леонида, іеросхимонахъ Ефремъ, который тоже долго тамъ старчествовалъ и о которомъ уже упомянуто нами нѣсколько выше. Имя его отъ крещенія было Іоаннъ. Поначалу, когда жилъ онъ въ Оптиной при старцѣ о. Леонидѣ молодымъ послушникомъ, отличался такою кротостію и благонравіемъ, что всѣ братія

обзывали его вродѣ клички «Іоаннъ благоговѣйный». И при этихъ-то усердныхъ дѣателяхъ, – настоятелѣ Моисеѣ и старцѣ Ефремѣ, по молитвамъ уже почившаго старца о. Леонида, Тихонова пустынь достигла, наконецъ, цвѣтущаго состоянія.

Глава XIII

**Пользованіе старцемъ Леонидомъ
относившихся къ нему постороннихъ посѣтителей,
монашествующихъ и мірянъ. – Его предсказанія,
наставленія, исцѣленія, обличенія, совѣты,
между коими – общій совѣтъ желающимъ
вступить въ бракъ и прочее, въ разсказахъ**

коло пяти лѣтъ (со 2 февраля 1837 г. по 11 октября 1841 г.) прожилъ старецъ о. Леонидъ въ монастырѣ по переходѣ своемъ изъ Скита. И во все это время, несмотря на препятствія со стороны епархіальной власти и нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ лицъ, и невзирая на слабость своего здоровья, при удобной возможности, не переставалъ онъ, помимо своихъ оптинскихъ братій, принимать и постороннихъ посѣтителей, памятуя слово Спасителя: *грядущаго ко Мнѣ не изжenu vonъ* (Ин. 6, 37); и еще: *туне пріяте, туне дадите* (Мѳ. 10, 8); и до самой блаженной своей кончины являлъ неутомимую ревность служенія Богу въ лицѣ страждущаго человѣчества. По данной ему отъ Господа прозорливости, онъ нѣкоторымъ предсказывалъ ихъ будущее и утѣшалъ, нѣкоторыхъ вразумлялъ, обличалъ, подавалъ полезные совѣты

и проч. Особенно же онъ расположенъ былъ къ принятію простого народа. Ибо нужды бѣдныхъ требовали неотложной помощи, а скорби смертельныя скорого утѣшенія. Многіе жили въ гостиницѣ по недѣлямъ, ожидая лицезрѣнія Старца. Нѣкоторые, приходя къ нему, отъ болѣзни сердца едва могли сказать слово и только стонами выражали ее. Другіе, одержимые бѣсами, были влачimy въ келлію Старца сострадательными родными или близкими. Иные несли дѣтей для принятія отъ него благословенія. Старецъ уподоблялся въ то время великому древу, покрытому обильными плодами, къ которому простирали взоры и руки всѣ искавшіе пользы душевной. По этому поводу онъ говорилъ: «Самъ Богъ поможетъ пройти ко мнѣ тѣмъ, которымъ это полезно».

Вотъ примѣры многообразнаго пользованія старцемъ Леонидомъ обращавшихся къ нему постороннихъ посѣтителей.

Покойный оптинскій настоятель архимандритъ Исаакій¹¹⁰ рассказывалъ о первомъ своемъ свиданіи съ старцемъ о. Леонидомъ слѣдующее: «Бывши мірскимъ человѣкомъ, пріѣхалъ я въ первый разъ въ Оптину Пустынь и пожелалъ принять благословеніе отъ о. Леонида. Пришелъ къ Старцу рано утромъ. Народу у него еще не было; только какая-то женщина стояла предъ нимъ на колѣняхъ. Келейникъ доложилъ обо мнѣ: „Пришелъ Иванъ Ивановичъ Антимоновъ“. – „Пусть подождетъ“, – громко сказалъ Старецъ. Я сѣлъ въ передней

¹¹⁰ Скончался 22 августа 1894 г.

на лавочку. Отпустивъ женщину, Старець громко позвалъ: „Ванюшка!“ – Никакъ не думая, чтобы это слово относилось ко мнѣ, я спокойно сидѣлъ. Келейникъ, улыбнувшись, промолвилъ: „Это Батюшка васъ зоветъ“. – Мнѣ, губернскому франтику, показалось очень неожиданнымъ такое патріархальное названіе, но я этимъ нисколько не обидѣлся. Напротивъ, такое простое обращеніе великаго Старца пришлось мнѣ по сердцу и почему-то очень утѣшило меня, и я до сихъ поръ вспоминаю объ этомъ съ душевною отрадою. „Ванюшка! Иди-ка сюда, – продолжалъ Старець, – вотъ я тебя!“ – Я подошелъ къ Старцу, принялъ отъ него благословеніе и, ставъ на колѣни, объяснилъ ему обстоятельства, которыя меня беспокоили. Старець, выслушавъ все съ отеческою любовію, очень утѣшилъ меня своею бесѣдою и, отпуская, предсказалъ мнѣ, что со временемъ и я буду въ монашествѣ. Лѣтъ черезъ семь предсказаніе это исполнилось». – Впослѣдствіи о. архимандритъ Исаакій припоминалъ, что любившій его дѣдъ называлъ его въ дѣтствѣ также Ванюшкой.

Въ 1839 г. одинъ молодой человѣкъ по имени Михаилъ, изъ болховскихъ гражданъ, желая вступить въ монашество, отправился для сего въ Бѣлобережскую пустынь. Здѣсь, между прочими разсказами объ Оптиномъ старецѣ о. Леонидѣ, онъ слышалъ слѣдующій замѣчательный случай. Когда о. Леонидъ былъ настоятелемъ въ Бѣлыхъ Берегахъ, въ монастырскомъ лѣсу жилъ монахъ, караульщикъ, который приходившихъ къ нему крестьянскихъ дѣтей обучалъ грамотѣ. Однажды пришелъ къ нему пьяный крестьянинъ и безъ всякой при-

чины такъ избилъ его, что этотъ монахъ вскорѣ умеръ. Когда объ этомъ передали о. Леониду, онъ утвердительно сказалъ: «За то, что этотъ крестьянинъ безъ всякаго справедливаго повода убилъ неповиннаго, онъ и самъ скоро умереть». И дѣйствительно, дня черезъ три этотъ человѣкъ внезапно умеръ. – Отъ этого и другихъ разсказовъ, свидѣтельствовавшихъ о духовной мудрости Старца, сердце Михаила разгорѣлось. Онъ пожелалъ проходить монашескую жизнь подъ руководствомъ о. Леонида и съ этою мыслию отправился изъ Бѣлобережской пустыни въ Оптину Пустынь. Старецъ же, поговоривши съ нимъ, благословилъ ему поступить въ Тихонову пустынь «подъ началь къ о. Геронтію». Михаилъ, не желая разстаться съ о. Леонидомъ, попросилъ у него дозволеніе остаться въ Оптиной Пустыни. Старецъ дозволилъ. Но нѣкоторые изъ оптинскихъ братій объяснили Михаилу, что онъ, оставшись въ Оптиной Пустыни, послушался Старца и въ этомъ послѣдовалъ своей волѣ. Смутившись этимъ, Михаилъ просилъ у Старца прощенія, что не пошелъ по его назначенію въ Тихонову пустынь. Старецъ на это сказалъ: «Ничего, живи пока здѣсь; а знай, что въ Тихоновой пустыни все-таки будешь, будешь и будешь». – Этотъ юноша Михаилъ, впослѣдствіи оптинскій іеромонахъ о. Моисей, чрезъ 18 лѣтъ послѣ сего предсказанія, по волѣ епархіальнаго начальства, былъ назначенъ настоятелемъ Тихоновой пустыни, при которомъ и процвѣла сія обитель ¹¹¹.

¹¹¹ Скончался 4 ноября 1895 г.

Оптинскій іеромонахъ Пахомій разсказываль, что когда онъ въ первый разъ пріѣхаль въ Оптину Пустынь и пришелъ къ старцу о. Леониду, то, увидѣвъ его тучность, соблазнился и, остановившись у дверей его келліи, подумаль: «Что жъ это за схимникъ?» – Замѣтивъ его, прозорливый Старець всталъ и, ударяя руками по своему животу, громко чрезъ весь окружавшій его народъ сказалъ: «Что Копцевъ? Видно, славны бубны за горами, а близко подойдешь, – какъ лукошко. Смотри-ка, братъ, какое у меня пузенько». На пріѣзжаго напаль страхъ: онъ съ старцемъ Леонидомъ знакомъ былъ только по перепискѣ, а лично до сего времени съ нимъ не видался и, пріѣхавши въ Оптину, ни къ кому не заходя, прямо пошелъ къ Старцу, – какъ же Старець, никогда его не выдавшій, называетъ его по фамиліи? Какъ онъ могъ узнать тайный его помысль? – Съ невольнымъ трепетомъ пришлецъ палъ къ ногамъ о. Леонида, который тутъ же при всѣхъ обличилъ его, какъ онъ на дорогѣ поссорился съ извозчикомъ.

Разсказываль козельскій житель Семень Ивановичъ, который былъ однимъ изъ приверженныхъ почитателей старца о. Леонида:

«Въ тридцатыхъ годахъ (19-го вѣка) я, какъ и послѣ, занимался приготовленіемъ горшечной посуды. Жили мы съ матушкою въ своемъ домикѣ; лошади у насъ не было, а была порядочная повозка. Накладу, бывало, горшковъ въ эту повозку, попрошу у кого-нибудь лошадку и свезу горшки-то на базаръ. Такъ, бывало, и пробавлялся. Въ это время стоялъ у насъ въ домѣ солдатъ полякъ, но потомъ отошелъ отъ насъ и сбился съ

Преп. Левъ.
Вторая треть XIX в. Оптиная Пустынь.
Художникъ іером. Гавріиль (Спасскій)

толку. Разъ, улучивши удобное время, онъ залѣзъ къ намъ на дворъ и стащилъ колеса съ нашей повозки. Объяснилъ я батюшкѣ о. Леониду свое горе и сказалъ, что знаю вора и могу отыскать колеса. „Оставь, Семенишка, не гонись за своими колесами, – отвѣтилъ Батюшка; это Богъ тебя наказалъ, ты и понеси Божіе наказание и тогда малою скорбію избавишься отъ большихъ. А если не захочешь потерпѣть этого малаго искушенія, то больше будешь наказанъ“. Я послѣдовалъ совѣту Старца, и, какъ онъ сказалъ, такъ все и сбылось. Въ скоромъ времени тотъ же полякъ опять залѣзъ къ намъ на дворъ, вытащилъ изъ амбара мѣшокъ съ мукой, взвалилъ на плечо и хотѣлъ пройти съ нимъ чрезъ огородъ; а съ огорода въ это время шла моя матушка и встрѣтила его. – „Куда ты, – сказала она, – это несешь?“ Тотъ бросилъ мѣшокъ съ мукой и убѣжалъ.

Вскорѣ за этимъ былъ и другой случай. У насъ была корова, – мы рѣшились продать ее. Нашли купца, сторговались и взяли задатокъ. Но покупатель почему-то нѣсколько дней не бралъ отъ насъ коровы; наконецъ взялъ ее къ себѣ. А въ слѣдующую за тѣмъ ночь влѣзъ къ намъ воръ и разломалъ закуту, гдѣ стаивала наша корова, безъ сомнѣнія, чтобы свести ее; но ея уже тамъ не было. Такъ опять Господь, по молитвамъ Старца, избавилъ насъ отъ напасти. – Послѣ сего чрезъ много лѣтъ былъ со мною и третій подобный случай, уже послѣ смерти моей матери. Оканчивалась Страстная седмица, и наступалъ праздникъ Пасхи. Мнѣ почему-то пришло на мысль перенести всѣ свои нужныя вещи изъ своего домика къ сестрѣ сосѣдкѣ. Такъ я и сдѣлалъ. А какъ

наступалъ первый день праздника, я заперъ со всѣхъ сторонъ свой домъ и пошелъ къ утрень. Всегда, бывало, эту утреню я проводилъ радостно; а теперь, самъ не знаю отъ чего, въ душѣ было что-то непріятно. Прихожу отъ утрени, смотрю: окна повывставлены, и дверь отперта. „Ну, думаю себѣ, должно быть былъ недобрый человѣкъ“. И дѣйствительно былъ; но такъ какъ всѣ нужныя вещи перенесены были мною къ сестрѣ, то онъ и ушелъ почти ни съ чѣмъ. Такъ три раза исполнялось на мнѣ предсказаніе батюшки о. Леонида, что если понесу малое наказаніе Божіе, то больше уже Богъ не станетъ наказывать меня».

Этотъ Семень Ивановичъ долгое время жилъ при Оптиной Пустыни мірскимъ человѣкомъ и управлялъ монастырскимъ кирпичнымъ заводомъ. Скончался въ глубокой старости, принявъ тайное постриженіе въ схиму.

«По вступленіи моемъ въ Бѣлевскій женскій монастырь, — рассказывала монахиня Н., — первое время я жила въ чужой келліи. Родитель мой имѣлъ средства и могъ бы купить или построить мнѣ собственную келлію, но старецъ о. Леонидъ не позволилъ. По времени предложили мнѣ купить мѣсто подъ келлію въ монастырѣ; о. Леонидъ позволилъ, но до году келлію не велѣлъ строить. Тогдашняя игуменія, которая не относилась къ старцу Леониду, и многія изъ сестеръ находили это старческое рѣшеніе очень страннымъ и непонятнымъ. „Имѣя мѣсто и средства, почему же не строить келлію?“ — говорили онѣ. Да и мнѣ самой очень хотѣлось жить въ своей келліи. По неразумію своему я и

употребила нѣкоторую хитрость. Съѣздила къ родителю своему и предложила ему построить мнѣ келлію, какъ бы по его собственному желанію. Онъ согласился. Я объявила батюшкѣ о. Леониду, что родитель мой непременно желаетъ теперь же поставить для меня келлію. Старець возразилъ: „Онъ желаетъ, потому что ты его объ этомъ просила. Ну, пожалуй, срубъ можете поставить, а печку до году не класть, чтобы тебѣ перейти въ келлію въ будущемъ году“. Но я, побѣдившись желаніемъ имѣть скорѣе свою келлію, этимъ не удовлетворилась, а опять подговорила родителя своего безъ отсрочки класть печь; Батюшкѣ же сказала, что на это была воля отца моего. „Ну смотри, – сказалъ Старець, – не на пользу будетъ тебѣ твоя келлія, не утѣшишься ею“. Скоро сбылись эти слова Старца. Только я перешла въ свою самочинную келлію, постигло меня наказаніе Божіе за то, что не слушалась и обманывала его. Я лишилась душевнаго мира, стала испытывать безотрадную тоску, а наконецъ подверглась страшной душевной болѣзни, или, лучше сказать, попущеніемъ Божіимъ нападенію душевныхъ враговъ и помрачилась умомъ. Три года продолжались тяжкія и невыразимыя страданія. Что со мной было въ это время, того и рассказать не могу. Вразумившись нѣсколько своими страданіями, я обратилась къ Старцу съ покаяніемъ. „Говорилъ я тебѣ, – сказалъ о. Леонидъ, – что не на пользу будетъ тебѣ твоя келлія. Вотъ ты пострадала за свое ослушаніе и лукавство, и еще должна пострадать. Теперь тебѣ одно спасеніе, – продай келлію; безъ этого исцѣлѣть не можешь“. Послѣ всего, испытаннаго мною,

я на этотъ разъ съ вѣрою приняла слово Старца и рѣшилась оказать ему послушаніе во что бы то ни стало.

Родитель мой сильно негодовалъ на меня за намѣреніе продать построенную имъ келлію; очень противился этому и грозилъ оставить меня на будущее время безъ помощи. Несмотря ни на что, я все-таки продала свою несчастную келлію, и тутъ только получила душевное облегченіе, хотя, по предсказанію Старца, мучительная болѣзнь не вдругъ оставила меня. Много я перенесла скорбей, живя въ чужихъ келліяхъ, особенно испытала тяжкія страданія, когда узнала о кончинѣ старца о. Леонида. Я доходила до отчаянія, не получивъ разрѣшенія отъ Старца жить въ своей келліи и не зная, какъ устроится моя жизнь. Но, по милости Божіей, мало-помалу все уладилось. По времени преемникъ старца Леонида батюшка о. Макарій благословилъ мнѣ купить келлію. Я страшилась исполнить это; но Батюшка успокоилъ меня, сказавъ, что время моего испытанія прошло, и что пришелъ часъ воли Божіей жить мнѣ въ своей келліи. Съ его благословенія я и перешла въ купленную мною келлію, въ которой и жила болѣе тридцати лѣтъ. Наученная горькимъ опытомъ моей жизни, я поняла, какъ губительно въ чемъ-либо ослушаться своихъ духовныхъ наставниковъ. Съ тѣхъ поръ, что бы Старецъ мнѣ ни говорилъ, я старалась всегда въ точности и безъ разсужденія исполнять его волю. Желала бы я, чтобы мой примѣръ послужилъ урокомъ и для другихъ, относящихся за совѣтами къ старцамъ».

У одной тульской купчихи по кончинѣ ея мужа осталась дочь дѣвица, которую мать хотѣла отдать въ заму-

жество, и отправилась за благословеніемъ къ старцу о. Леониду. Онъ велѣлъ привезти ее къ себѣ, сказавъ, что имѣеть для нея прекраснаго жениха. Мать сама привезла свою дочь къ Старцу; а онъ благословилъ отвезти ее въ Бѣлевскій дѣвичій монастырь, въ которомъ она скоро окончила земную жизнь свою, соединившись съ Небеснымъ Женихомъ своимъ Христомъ.

Разсказъ монахини О.:

«Съ дѣтства у меня было большое желаніе жить въ монастырѣ. Потому въ 1837 г., когда мнѣ было отъ роду 12 лѣтъ, я просила мать свою оставить меня въ дѣвичьемъ монастырѣ въ Кіевѣ, гдѣ мы были проѣздомъ. Она на это не согласилась, а обѣщала помѣститъ меня въ Борисовскую пустынь Курской губерніи, когда мнѣ будетъ 15 лѣтъ. Но вскорѣ послѣ этого она скончалась. Отецъ же мой никакъ не хотѣлъ отпустить меня въ монастырь раньше 35-лѣтняго возраста. Много я объ этомъ скорбѣла, и въ 1840 г., когда мнѣ минуло 15 лѣтъ, я очень опасалась, какъ бы участь моя не была рѣшена противъ моего желанія, и потому я уже хотѣла тайно уйти изъ родительскаго дома. Но одна моя тетка, которая хорошо была расположена ко мнѣ, взяла меня къ себѣ въ домъ, а потомъ уговорила отца моего поѣхать въ Оптину Пустынь къ батюшкѣ о. Леониду и предоставить ему рѣшить мою участь. Отецъ мой согласился. Когда же мы явились къ Старцу, онъ, никогда не знавши насъ, назвалъ всѣхъ насъ по имени и сказалъ, что давно ожидаетъ такихъ гостей. При такой неожиданной встрѣчѣ мы всѣ стали въ тупикъ, не зная, что отвѣтить. Потомъ мы поодиночкѣ входили въ его келлію, и тутъ Батюшка

всѣмъ по устроенію говорилъ настоящее, прошедшее и будущее. Меня впустили къ нему послѣ всѣхъ. Въ ожиданіи той минуты, когда мнѣ нужно было къ нему идти, я находилась въ большомъ страхѣ, а вышла изъ его келліи покойною и съ большимъ утѣшеніемъ душевнымъ. Онъ меня благословилъ прямо въ Борисовскую пустынь, и за его молитвы родитель мой уже болѣе не удерживалъ меня; но обезпеченія денежнаго мнѣ никакого не далъ. А когда Старца спросили, какъ я буду жить, его отвѣтъ былъ такой: „Она будетъ жить лучше лучшихъ“. Слова батюшки о. Леонида во всемъ сбылись. Въ 1841 г. родитель мой самъ привезъ меня въ Борисовскую пустынь, въ которой и осталась я на жительство, и всегда на опытъ видѣла надъ собою во всемъ Промыслъ Божій за святые молитвы Старца.

Со словъ борисовской схимницы м. Анатоліи, бывшей въ міру дворянки, дѣвицы Параскевы Труновой, записано слѣдующее.

Въ дѣтствѣ эта дѣвочка была наблюдательна и любила разсуждать. Смотря на свою старшую замужнюю сестру, какъ она ухаживала за своими малолѣтними дѣтками, которыя то и дѣло шумѣли и плакали, не давая матери покоя, Паша стала смущаться ея суетливою безпокойной жизнію. Смущеніе это, наконецъ, дошло до того, что она рѣшительно сказала себѣ: «Ни за что не пойду замужъ». Когда же сдѣлался извѣстенъ въ домѣ ихъ старецъ о. Леонидъ, она вздумала поѣхать къ нему и спросить у него совѣта и благословенія, какъ ей жить, въ монастырь ли идти или еще какъ. Въ 1839 г., когда Пашѣ исполнилось 14 лѣтъ, она пріѣхала въ Оптину и

пришла къ Старцу. Но такъ какъ намѣреніе ея поступить въ монастырь было еще нетвердо, то, вѣроятно, отчасти по этой причинѣ и Старецъ положительнаго ничего ей не сказалъ. Братьямъ же ея, Павлу и Симеону, жившимъ въ Оптиной послушниками, рѣшительно сказалъ: «Черезъ годъ она будетъ въ монастырь, только вы не говорите ей о семъ». А ей самой только сказалъ: «Черезъ годъ побывай къ намъ». Съ тѣмъ и отпустилъ Старецъ дѣвочку домой. Тяжелъ былъ для нея этотъ годъ. Разныя смущенія, сомнѣнія, недоумѣнія терзали ея сердце, и нерѣдко она плакала неутѣшными слезами. Въ этой скорби она два раза видѣла во снѣ старца о. Леониду, который въ первый разъ далъ ей кусокъ хлѣба безъ соли, а во второй – посоливши, и сказалъ: «Не скорби. я сказалъ, что будешь въ монастырь, только прежде побывай ко мнѣ». Когда минулъ годъ, Паша поѣхала съ одной своей товаркой въ Оптину. Пришедши къ Старцу, она хотѣла было передать ему сновидѣнія. Но Старецъ, не давши ей выговорить слова, сказалъ: «Ну что скорбѣла и плакала? Вѣдь я далъ тебѣ кусокъ хлѣба безъ соли, и ты съѣла, а теперь посолилъ». – Смыслъ этихъ сновидѣній, кажется, такой: проведенный дѣвицею Труновою годъ такъ же былъ для нея непріятенъ и невкусенъ, какъ безъ соли хлѣбъ; а теперь жизнь ея должна была измѣниться къ лучшему и сдѣлаться пріятною, какъ хлѣбъ посоленный.

Тутъ же она и получила отъ Старца благословеніе поступить въ Борисовскую Тихвинскую пустынь вопреки своему желанію поступить въ какой-либо другой монастырь, поближе къ Старцу, и опредѣлена была въ

сожителство къ борисовскимъ монахинямъ, вышеупомянутой м. Тавиѣ Варпаховской и м. Алипіи Сукачевой (обѣ дворянки), случайно прибывшимъ къ сему времени въ Оптину. Въ то же время Старецъ благословилъ ей ходить къ нему въ келлію выслушивать у него молитвенныя правила. Вотъ однажды Паша съ своей товаркой стояли предъ Старцемъ въ его келліи. Тутъ же были еще какія-то монахини, которыя просили у него дозволенія придти къ нему на другой день послѣ ранней обѣдни получить отъ него напутственное благословеніе, такъ какъ собирались уѣзжать изъ Оптиной. Но вдругъ Старецъ говоритъ имъ: «Да вѣдь вы обѣдню-то проспите». – Тѣ отвѣчали: – «Ну зачѣмъ же, Батюшка, просыпать-то; мы попросимъ гостиника, чтобы онъ насъ разбудилъ». – Но Старецъ настаивалъ на своемъ: «Нѣтъ, проспите, проспите обѣдню». – Подумала и Паша: «Ну какъ это такъ можно, чтобы монахини да проспали обѣдню?» На другой день послѣ утрени прилегли всѣ отдохнуть. Проснувшись, Паша спрашиваетъ встрѣтившагося съ нею гостиника: «Что, къ обѣднѣ ударяли?» – «Чего ударяли, – отвѣчаетъ гостиникъ, – обѣдня теперь уже на отходѣ». Очень смутилась проспавшая обѣдню Паша и тотчасъ же, убравшись, съ своею товаркою, обѣ поспѣшили къ Старцу. Обѣдня, между прочимъ, уже окончилась, и въ его келліи стояли пришедшія получить отъ него напутственное благословеніе вчерашнія монахини. Не обращая ни на кого и ни на что вниманія, смущенная Паша повалилась въ ноги къ Старцу, прося прощенія въ своемъ неумышленномъ грѣхѣ: «Простите, батюшка, вѣдь мы обѣдню-то про-

спали». – А Старець въ отвѣтъ: «Ну вотъ, а все про меня говорятъ, что я знахарь, что я узнаю. Гдѣ жъ я узналъ-то? Я вотъ про нихъ говорилъ, что онѣ проспять, а онѣ не проспали; про васъ же я вовсе и не говорилъ, что проспите, а вы проспали. Гдѣ же я узнаю? Какой же я знахарь?»

Въ другой разъ вмѣстѣ съ Пашей стояли около Старца прїѣхавшіе изъ Калужской Тихоновой пустыни два монаха, Михайль Ивановичъ Антимоновъ и Алексѣй Поликарповичъ Бочковъ. Обратившись къ нимъ, Старець спросилъ: «А что, Паша будетъ наша?» – Взглянувъ на дѣвочку, Антимоновъ отвѣтилъ: «Да кажется, Батюшка, что будетъ наша». – «То-то, – поддакнулъ Старець, – и я также думаю, что Паша будетъ наша (т. е. монахиня)».

Неоднократно въ присутствіи Паши приходилъ къ Старцу одинъ послушникъ. Но всякій разъ, какъ только, бывало, онъ придетъ, Старець спроситъ: «Кто тамъ?» Послышится отвѣтъ: «Послушникъ вашъ». – На это Старець возражалъ: «Какой послушникъ? – Помѣщикъ». Вскорѣ послушникъ этотъ вышелъ въ міръ и женился.

Еще, по рассказамъ Паши Труновой, приведена была при ней къ Старцу о. Леониду шестью человѣками одна бѣсноватая. Какъ только она увидѣла Старца, упала предъ нимъ и сильно закричала: «Вотъ этотъ-то сѣдой меня выгонитъ. Былъ я въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Воронежѣ, никто меня не гналъ, а теперь-то я выйду». Старець читалъ надъ нею молитву и мазалъ ее святымъ масломъ изъ лампы отъ иконы Божіей Матери. Вначалѣ же,

когда больную вели къ Старцу, она сильно упиралась и наступила ему на ногу, такъ что до синеты оттоптала ему большой палець ноги, который послѣ долго болѣлъ. Послѣ молитвъ Старца бѣсноватая встала тихо и пошла изъ его келліи. Потомъ ежегодно приходила она въ Оптину уже здоровая, а послѣ кончины о. Леонида съ вѣрою брала съ могилы его землю для другихъ больныхъ, отъ которой они также получали пользу.

Настало, наконецъ, время возвратиться Пашѣ во-своися и, въ концѣ концовъ, по назначенію Старца, отправиться въ Борисовскую пустынь на постоянное жительство. На прощанье Старець сказалъ ей: «Десять лѣтъ проживешь въ монастырѣ и ни въ чемъ не будешь имѣть нужды». Такъ и было. Но и послѣ проведеннаго ею въ обители десятилѣтія, хотя обстоятельства ея измѣнились, она все-таки жила, не имѣя большой нужды. Прожила въ монастырѣ очень долго (болѣе 60 лѣтъ) и скончалась схимницей въ глубокой старости въ началѣ XX вѣка.

Бывшая въ 1862 г. въ Оптиной Пустыни сѣвская монахиня Назарета передавала о себѣ слѣдующее: «Еще при жизни покойнаго старца іеросхимонаха Леонида я страдала жесточайшею болѣзнію въ груди, называемою ракомъ, который разъѣдалъ мнѣ грудь, не поддаваясь никакимъ средствамъ лѣченія. Врачи предсказывали мнѣ смерть черезъ три дня. Но вотъ во время бдѣнія подь праздникъ Введенія во храмъ Божіей Матери (главный обительскій праздникъ Оптиной Введенской Пустыни), когда страданія мои, день ото дня усиливаясь, достигли высшей степени, я вижу наяву, – входятъ

ко мнѣ два старца, которыхъ я прежде никогда не видѣла. Соболебзнуя мнѣ, они смотрѣли на меня, а я на нихъ смотрѣла. Вотъ одинъ, который былъ постарше, и говорить мнѣ: „Пріѣзжай въ Оптину, помолись Богу и получишь исцѣленіе“. Больше я ихъ не видѣла, но отъ этихъ словъ во мнѣ ожила надежда на исцѣленіе отъ болѣзни. Собравъ послѣднія силы, я поспѣшила отправиться въ путь. Когда же пріѣхала въ Оптину Пустынь, два старца пришли ко мнѣ на гостиницу, выслали бывшихъ при мнѣ изъ номера, посадили меня среди комнаты на стулъ, а сами сѣли около мѣня, одинъ съ правой стороны, а другой съ лѣвой. Я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы вѣрнѣе узнать, дѣйствительно ли пришедшіе ко мнѣ старцы были тѣ самые, которые являлись мнѣ въ нашей обители. Вставши со стула и обратившись къ нимъ лицомъ, я съ изумленіемъ увидѣла, что точно были они. Въ старшемъ я узнала о. Леонида, а въ младшемъ – о. Макарія. Отецъ Леонидъ, взявши меня за руки и сажая на мое мѣсто, сурово сказалъ: „Когда къ намъ пріѣхала, нечего глазѣть, садись да слушай“. И оба начали кое о чемъ меня спрашивать. На другой день рано утромъ, только что ударили въ колоколь къ утрени, пришелъ ко мнѣ о. Леонидъ, помазалъ мою больную грудь масломъ изъ лампы и окропилъ святою водою. Боль у меня тотчасъ затихла, а вечеромъ я уже чувствовала себя совершенно здоровою. И вотъ за молитвами старцевъ живу я уже болѣе 20 лѣтъ вмѣсто обѣщанныхъ мнѣ врачами трехъ дней».

«Вскорѣ по поступленіи моемъ въ Оптину Пустынь (около 1832 г.), – рассказывалъ о. игумень П., –

когда келейниками у о. Леонида были о. Геронтій, о. Макарій (Грузиновъ) и Павелъ Тамбовцевъ, привели къ Старцу бѣсноватую крестьянку, которая во время бѣснованія говорила на иностранныхъ языкахъ. Старецъ читалъ надъ нею раза три молитву, мазалъ ее елеемъ отъ неугасимой лампы предъ иконою Божіей Матери и давалъ ей пить это масло. Въ другой разъ ее приводили къ Старцу еще больною, а въ третій уже исцѣленною. Когда же Тамбовцевъ попросилъ ее поговорить, какъ говорила она въ прежніе разы, на иностранныхъ языкахъ, она сказала: „И, батюшка! Гдѣ мнѣ говорить на иностранныхъ языкахъ? Я и по-своему-то (по-русски) едва говорю и насилу хожу. Слава Богу, что прежняя болѣзнь-то моя прошла“».

«Я помню, – рассказывалъ кіево-печерскій іеросхимонахъ Антоній, – пришла къ старцу о. Леониду одна женщина, у которой была на груди рана. Отбросивъ стыдливость, она открыла ее Старцу въ присутствіи всѣхъ насъ, его келейныхъ. Батюшка, ничтоже сумняся, омочилъ свой указательный перстъ въ елей теплившейся предъ св. иконою Матери Божіей лампы, помазалъ рану женщины и отпустилъ ее домой. Черезъ недѣлю эта женщина пришла къ Старцу съ благодареніемъ и всѣмъ намъ заявила, что рана ея зажила вскорѣ послѣ того, какъ Старецъ помазалъ ее елеемъ». – «Бывало нерѣдко, – прибавлялъ о. Антоній, – придетъ къ Батюшкѣ больной, еле ноги волочить, а отъ него идетъ бодро и весело и всѣмъ объявляетъ свою радость, что исцѣлѣнъ».

«Однажды, – рассказывалъ оптинскій старожиль іеромонахъ Пимень ¹¹², – когда я, бывши еще новона-
чальнымъ, пришелъ къ о. Леониду съ тремя другими
послушниками, и мы, стоя предъ нимъ на колѣняхъ,
объясняли ему, что каждому было нужно, вошелъ ка-
кой-то пріѣзжій господинъ въ густыхъ эполетахъ. Ста-
рецъ спросилъ его: „Что вамъ угодно?“ Господинъ отвѣ-
тилъ: „Я много объ васъ слышалъ и, пріѣхавши въ
Оптину Пустынь, желалъ посмотрѣть на васъ“. – „Из-
вольте смотрѣть“, – сказалъ о. Леонидъ. При этомъ онъ
встаетъ и, поглаживая обѣими руками грудь и животъ,
поворачивается къ пріѣзжему бокомъ, спиною и дру-
гимъ бокомъ, а потомъ опять обращается къ нему ли-
цомъ, повторяя: „Вотъ, извольте смотрѣть меня“. Оза-
даченный и смущенный такимъ поступкомъ Старца,
господинъ тотчасъ же пошелъ къ настоятелю жаловать-
ся, что пріѣхалъ въ обитель ради пользы душевной, а
Старецъ очень странно принялъ его, – вставши, только
кругомъ повернулся предъ нимъ. Настоятель спросилъ:
„Какъ вы пришли къ Старцу и что ему сказали?“ – Тотъ
отвѣчалъ: „Я ему сказалъ, что, много наслышавшись о
немъ, желалъ посмотрѣть его“. – „По вопросу вашему
былъ и отвѣтъ вамъ, – замѣтилъ настоятель, – о. Лео-
нидъ иногда полуюродствуетъ, но, увѣряю васъ, что
Старецъ мудрый и святой“».

«Не успѣли мы уйти, – продолжалъ іеромонахъ Пи-
мень, – какъ господинъ съ густыми эполетами опять
явился къ батюшкѣ о. Леониду и поклонился ему въ

¹¹² Скончался 1 сентября 1881 г.

ноги, хотя Старець и удерживаль его. – „Простите, Батюшка, – сказалъ онъ, – я вамъ не сумѣлъ объяснить о себѣ и васъ не понялъ“. – Тогда Батюшка махнулъ намъ рукою, и мы ушли, а Старець часа два занимался съ прїѣзжимъ господиномъ. Что они говорили, не знаю. Только послѣ этотъ господинъ цѣлый мѣсяцъ жилъ въ монастырской гостиницѣ, очень часто ходилъ къ о. Леониду, и послѣ много разъ писалъ ему, что онъ былъ въ отчаянномъ положеніи, и что Старець оживилъ и воскресилъ его».

Разсказъ вышеупомянутаго кїево-печерскаго іеросхимонаха Антонія:

«Въ 1812 г. въ войнѣ съ французами убитъ былъ полковникъ Кульневъ. Послѣ него осталась жена его Анастасія Степановна съ сыномъ Николаемъ. Мальчикъ опредѣленъ былъ на казенное воспитаніе. А вдова Кульнева такъ была огорчена лишеніемъ своего супруга, что потеряла способность хозяйствовать и все свое имѣніе раздала бѣднымъ, сама оставшись нищею съ двумя своими крѣпостными крестьянками, которыя, впрочемъ, отпущены были ею на волю. Несмотря на это, онъ добровольно оставались при своей доброй госпожѣ и покоили ее до самой блаженной ея кончины. Сначала Кульнева жила въ Курскѣ и пользовалась духовными совѣтами и попеченіемъ о ней игумена Коренной пустыни Палладія (Бѣлевцова). А затѣмъ, когда о. игумень Палладій опредѣленъ былъ намѣстникомъ Александро-Невской Лавры, она перебралась въ Орель и наконецъ въ г. Болховъ, поближе къ Оптиной Пустыни и къ старцу о. Леониду, чтобы имѣть возможность чрезъ своихъ

прислужницъ пользоваться его совѣтами, такъ какъ она нѣсколько лѣтъ уже не могла писать писемъ. Болховскіе жители, какъ и прежде орловскіе, обезпечивали ее въ содержаніи съ избыткомъ, особенно когда въ Болховѣ сдѣлалось извѣстно, что Кульнева тайная схимница и живетъ подъ руководствомъ Оптиныхъ старцевъ, о. Леонида и о. Макарія. А гдѣ ея единственный сынъ Николушка, какъ она выражалась, ей вовсе не было извѣстно.

Но вотъ однажды проходила мимо Оптиной Пустыни армія солдатъ, назначенная квартировать въ г. Бѣлгородъ Курской губ. Въ Козельскѣ была дневка. Начальникъ арміи генераль, изъ любопытства, съ нѣсколькими офицерами отправился въ означенную обитель, гдѣ просилъ монаховъ ознакомить его съ монастырскими достопримѣчательностями. Между прочимъ ему предложили познакомиться съ старцемъ о. Леонидомъ. Предложеніе было принято. И когда генераль въ сопровожденіи своихъ офицеровъ вошелъ въ келлію Батюшки, послѣдній пригласилъ всѣхъ гостей сѣсть и началъ спрашивать генерала, кто онъ и гдѣ служилъ. Тотъ назвалъ свою фамилію: „Кульневъ; я остался послѣ отца малолѣтнимъ, поступилъ въ учебное заведеніе, окончилъ курсъ наукъ и съ того времени нахожусь на службѣ“. – Старецъ: „А гдѣ же ваша матушка?“ – Кульневъ: „Право, не знаю, въ живыхъ ли она находится или нѣтъ. Для меня, впрочемъ, это все равно“. – Старецъ: „Какъ такъ? Хорошъ же вы сынокъ“. – Кульневъ: „А что же? Она мнѣ ничего не доставила, все имѣніе раздала, потому и я потерялъ ее изъ виду“. – Старецъ: „Ахъ,

генераль, генераль! Что мелешь? Мать тебѣ ничего не доставила, а все прожила. И какъ это ты говоришь, что все она раздала? А вотъ объ этомъ-то ты и не подумаешь, что она едва могла перенести ударъ лишенія твоего родителя, а своего супруга; и съ того времени и до настоящаго стоитъ предъ Богомъ, какъ неугасимая свѣча, и какъ чистая жертва посвятила свою жизнь на всякое злостраданіе и нищету за благо своего единственнаго сына Николушки. Вотъ уже около тридцати лѣтъ она проходитъ таковой самоотверженный подвигъ. Неужели же эти ея молитвы для своего Николушки не наслѣдство? У многихъ генераловъ, при всѣхъ изысканныхъ средствахъ, дѣти не лучше прохвостовъ, а Николушка и безъ средствъ, да вотъ генераль!“

Глубоко потрясли Кульнева эти простыя, но и правдивыя старческія слова. Обратясь къ св. иконамъ, онъ зарыдалъ. Офицеры послѣдовали его примѣру. У каждаго изъ нихъ защемило сердце. Генераль становится предъ Старцемъ на колѣни и говоритъ: „Отецъ мой! Вы оживили мой духъ. Чѣмъ болѣе я старался пренебречь именемъ моей матери, тѣмъ болѣе стѣснялась душа моя. Я усиливался убить вѣру во все святое; и если я не отчаянный, то меня удерживалъ авторитетъ, которымъ я во всю мою жизнь дорожу. Отецъ мой! Вы меня воскресили. Я теперь ясно вижу попечительность о мнѣ Промысла Божія. Скажите же мнѣ теперь, когда и гдѣ я могу видѣть мою молитвенницу матушку?“ – Батюшка разсказалъ ему, и генераль распротился съ Старцемъ при безчисленныхъ благодарностяхъ. По прибытіи въ Болховъ, Кульневъ вошелъ въ переднюю, гдѣ квартиро-

вала его матушка, и попросилъ доложить, что сынъ ея Николай желаетъ ее видѣть. Услышавъ голосъ своего сына, старица воскликнула: „Николушка, Николушка, голубчикъ мой! иди сюда; а я не могу встать, – вотъ уже сколько лѣтъ нахожусь въ сидячемъ положеніи“. А Николушка, какъ только увидѣлъ изъ двери свою матушку, тотчасъ палъ на колѣни и такъ на колѣняхъ подползъ къ ея кровати и расцѣловалъ у ней руки и ноги, съ искреннимъ сыновнимъ отъ сердца рыданіемъ. Она же послѣ сказывала: „И не знаю, какъ только могла я перенести такую радостную для меня встрѣчу. Слава Богу за все!“ Съ того времени Кульневъ содержалъ мать свою до самой ея смерти и принялъ отъ нея родительское благословеніе на бракосочетаніе. Добрая невѣстка посѣщала ее; по предложенію мужа была и у батюшки о. Леонида. Между прочимъ Кульневъ разсказалъ своей матери, какъ онъ напалъ на слѣдъ ея, и какъ простыя безыскусственные слова старца о. Леонида сильно повліяли на его сердце. – „О, я ихъ никогда не забуду, – прибавилъ Кульневъ, – передамъ ихъ своимъ друзьямъ и потомству“».

Другой разсказъ тоже іеросхимонаха Антонія.

«Два мценскихъ компаніона отправили барки съ хлѣбомъ, который они надѣялись продать или въ Коломнѣ или, во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ. По принятому ими обычаю они заѣхали въ Оптину получить отъ старца о. Леонида напутственное благословеніе. Увидѣвъ ихъ, Старецъ спросилъ: „Ну что, господа, какъ хлѣбныя дѣла?“ – „Да пока вяло, – отвѣтили купцы, – благословите, ѣдемъ“. – Старецъ: „Нѣтъ, я думаю,

завтра поѣдете“. – Купцы: „Батюшка, благословите сегодня“. – Но батюшка рѣшительно сказалъ: „Нѣтъ-нѣтъ, сказано – завтра; что тутъ еще спорить?“ – А завтра еще прождали до вечера. – „Ну, теперь съ Богомъ“, – сказалъ, прощаясь съ ними, Старецъ. Такимъ образомъ, купцы въ пути своемъ просрочили около трехъ дней. А въ это время цѣны на хлѣбъ возвысились; и они отъ продажи хлѣба получили хорошіе барыши. Это одно. А затѣмъ послѣдовало еще вотъ что. Получивши за хлѣбъ порядочную сумму денегъ, означенные купцы должны были везти домой деньги при себѣ. На обратномъ пути они опять заѣхали въ Оптину; и лишь только вошли въ келлію къ Батюшкѣ, онъ поздравилъ ихъ съ полученіемъ большого прибытка: „А что, купцы-молодцы? Немножко пождали, да много пожали. А если еще послушаете, то хорошо и сладко покушаете“. – И Батюшка удержалъ ихъ въ Оптиной на цѣлыя сутки. Затѣмъ они благополучно возвратились въ Мценскъ. Что же оказалось? Когда купцы получали за хлѣбъ деньги, они были замѣчены и преслѣдованы мошенниками, которые взяли номеръ для квартированія въ сосѣдствѣ съ ними, въ одной гостиницѣ, вошли въ дружескій разговоръ и сказали, что ѣдутъ по одной съ ними дорогѣ до г. Бѣлева. Намѣреніе же злоумышленниковъ было ограбить купцовъ на дорогѣ и даже лишить ихъ жизни. И достигли бы они этой цѣли, если бы Старецъ не удержалъ ихъ въ Оптиной. Объ этомъ своемъ зломъ намѣреніи и неудачѣ сами злодѣи послѣ письменной извѣстили чудесно избавленныхъ отъ угрожавшей имъ опасности. Событіе это всѣхъ жителей г. Мценска

расположило къ безусловному повиновению старцу о. Леониду, а послѣ и къ его преемникамъ – о. Макарію и о. Амвросію».

Пріѣхаль въ Оптину Пустынь ректоръ *** семинаріи. Когда ему предложили поговорить съ старцемъ о. Леонидомъ, онъ сказалъ: «Что я съ нимъ, мужикомъ, буду говорить?» Однако пошелъ къ Старцу. Когда же онъ вошелъ къ нему въ келлію, о. Леонидъ повторилъ его слова: «Что тебѣ со мною, мужикомъ, говорить?» Несмотря на такую безцеремонную встрѣчу, ректоръ не оскорбился на Старца и съ пріятностію разговаривалъ съ нимъ часа два, а потомъ выразился о Старцѣ такъ: «Что наша ученость? Его ученость трудовая, благодатная».

Одинъ бывшій въ свое время въ извѣстности архимандритъ нарочно пріѣхаль въ Оптину повидать старца о. Леонида. Посѣтителя окружили всевозможными знаками вниманія, но о. Леонидъ и для него не прерывалъ обычнаго своего пріема больныхъ, странныхъ, монахинь и своихъ учениковъ. Чтобы доставить архимандриту возможность съ большею свободою побесѣдовать съ о. Леонидомъ, вздумали вмѣстѣ съ гостемъ пригласить на обѣдъ къ о. игумену Старца и ближайшихъ лицъ. Вѣроятно, это было предложено самимъ гостемъ. Оптинскіе знали, что старецъ Леонидъ никогда не ходилъ на парадныя игуменскія угощенія и неохотно надѣвалъ рясу и камилавку съ клобукомъ, считая свои трудническіе часы и дѣломъ, и вмѣстѣ отдыхомъ; а эти обѣды были для него самымъ тяжкимъ трудомъ и мукою. Старецъ облачился въ свою изношенную

мухояровую рясу и, послушанія ради, пришелъ къ обѣду. Архимандритъ послѣ первыхъ блюдъ и предварительнаго молчанія предложилъ Старцу вопросъ: «Скажи намъ, Старецъ, слово на пользу», подражая этимъ вопросомъ древнимъ монахамъ, которые, впрочемъ, искали слово на пользу не за обѣдами, а послѣ мысленнаго моленія, окруженные всею монашескою скудостію. Отецъ Леонидъ поморщился и отвѣтилъ наотрѣзь: «Да что было полезнаго, все высыпаль женщинамъ; теперь ничего не осталось». Отвѣтъ сочли смиреніемъ и умолкли. Архимандритъ покраснѣлъ, почувствовавъ намекъ на свою жизнь, протекшую между женщинами, его поклонницами. Не знаемъ, было ли это сказано Старцемъ съ намѣреніемъ. Но если ждали слово на пользу, то душа Старца сама собою изрекла это слово въ назиданіе архимандриту, человѣку умному и духовному.

Нѣкогда говорилъ съ старцемъ о. Леонидомъ одинъ изъ бывшихъ его учениковъ, настоятель обители, о своей братіи и, между прочимъ, сказалъ: «У меня такой-то примѣрно живетъ». – Старецъ вдругъ вскочилъ съ своего стула, бросилъ свое вязанье и сотворилъ на себѣ большое крестное знаменіе, ударяя съ силою въ чело, грудь и оба плеча. «Господи Боже мой! – воскликнулъ онъ, – сколько безумной гордости въ малыхъ словахъ! У меня! У меня! А что есть у тебя своего? Одни твои грѣхи, одно твое бессмысленное тщеславіе. Монастырь не твой, – преподобнаго; братія пришли не къ тебѣ, а ко Христу Господу своему, чая спасенія отъ Него. Что ты, подрядчикъ что ли, а они батраки, что ты мнѣ реко-

мендуешь одного изъ нихъ? Хотя бы ты сказалъ: братія наши находятъ, что такой-то живетъ такъ-то. А ты говоришь: у меня. Господствовать хочешь надъ братією? Хочешь, чтобъ они были твоими крѣпостными? Да знаешь ли, за что братія соблазнялись на меня въ Бѣлыхъ Берегахъ? Не за чванство мое, а, напротивъ, за то, что держалъ себя предъ ними слишкомъ просто, что ѣздилъ въ Брянскъ въ простой телѣгѣ, правя иногда самъ лошадыю. Вотъ за что. А имъ хотѣлось, какъ и тебѣ, чтобы настоятель походилъ на барина. Ужъ и тогда червь честолюбія сталъ грызть братскія сердца. Изъ нихъ вышли подобные тебѣ; а на пользу ли душѣ было ихъ начальство? Нѣтъ, братъ, добраго настоятеля изъ барина не будетъ. Слѣдовало бы тебѣ подражать отцу игумену Моисею хотя удержаніемъ словесъ и обдуманностію ихъ. Ты помнишь, что такое апостоль въ посланіи своемъ говорить, что *могуцій удержатъ уста силенъ воздержатъ и все тѣло* ¹¹³. Помяни мои слова: не быть и тебѣ воздержному!» – Настоятель краснѣлъ, но не оправдывался.

Пріѣхалъ однажды въ Оптину Пустынь помѣщикъ П. и, увидѣвъ Старца, подумалъ про себя: «Что же это говорятъ, что онъ необыкновенный человѣкъ? Такой же, какъ и прочіе, необыкновеннаго ничего не видно». Вдругъ Старецъ говоритъ ему: «Тебѣ бы все дома строить; здѣсь вотъ столько-то оконъ, тутъ столько-то, крыльцо вотъ такое-то». Нужно замѣтить, что помѣщикъ этотъ, когда ѣхалъ изъ Калуги въ Оптину, увидѣлъ

¹¹³ Ср.: Іак. 3, 2.

прекрасную мѣстность и такъ заинтересовался ею, что вздумалъ на этомъ мѣстѣ выстроить домъ и уже составлялъ въ умѣ своемъ планъ, какой онъ долженъ быть, и сколько въ немъ оконъ, въ чемъ Старецъ и обличилъ помѣщика. Когда же П. сталъ исповѣдываться у него, о. Леонидъ напомнилъ ему грѣхъ, давно имъ забытый и который онъ даже и за грѣхъ не считалъ. Тогда П. и призналъ Старца за необыкновеннаго человѣка.

Жилъ въ недалнемъ разстояніи отъ Оптиной Пустыни одинъ баринъ, который хвастался, что какъ только онъ взглянетъ на о. Леонида, такъ его всего насквозь увидеть. Вотъ однажды этотъ баринъ прїѣзжаетъ къ Старцу, когда у него было много гостей, и входитъ къ нему въ келлію. Ростомъ онъ былъ высокій и тучный тѣломъ. У старца Леонида былъ такой обычай: когда онъ хотѣлъ на кого произвести особое впечатлѣніе, то загородить глаза лѣвою рукою, приставивъ ее ко лбу козырькомъ, какъ будто разсматривая какой-либо предметъ на солнцѣ. Такъ поступилъ онъ и при входѣ этого барина и сказалъ: «Эка остолопина идетъ! Пришелъ, чтобы насквозь увидѣть грѣшнаго Леонида. А самъ, шельма, 17 лѣтъ не былъ на исповѣди и у Святаго Причащенія». Баринъ затрясся, какъ листъ, и послѣ плакалъ и каялся, что онъ грѣшникъ невѣрующій и дѣйствительно 17 лѣтъ не исповѣдывался и не причащался Св. Христовыхъ Таинъ.

Слѣдующіе три разсказа показываютъ въ Старцѣ ревность по Богу.

Какая-то госпожа принесла о. Леониду рукописную службу съ акаѣистомъ Богу Отцу и просила его раз-

смотре́ть ее. Служба, написанная уставомъ, была въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Старець передалъ эту рукопись на рассмотре́ніе тогдашнему скитоначальнику іеромонаху Антонію. Разсмотре́въ рукопись, о. Антоній замѣтилъ, что такъ какъ Св. Церковію не принято особой службы Богу Отцу, то считаетъ принятіе сего опаснымъ. Тогда о. Леонидъ сказалъ: «А вотъ дай-ка ее сюда, мы ее положимъ въ печь». – Отець Антоній возразилъ было: «Да что же скажетъ барыня?» – «Пускай говорить, что хочетъ, мы на нее не посмотримъ», – отвѣтилъ Старець и сжегъ книгу.

Отець Леонидъ, чадолубивый и премилосердый къ кающимся, посвятившій себя на службу меньшимъ братіямъ своимъ, былъ непреклоненъ предъ тѣми изъ мірскихъ лицъ, которыя свое богатство, силу или значеніе поставляли наравнѣ съ законами Церкви и, безстрашно нарушая правила церковныя, требовали у отцовъ духовныхъ разрѣшенія въ явныхъ грѣхахъ.

Одинъ изъ помѣщиковъ, благодѣтельствовавшій монастырю и посѣщавшій его, хотя не часто, жилъ въ явной незаконной связи съ крѣпостною своею женщиною до старости, хотя отъ первой законной жены имѣлъ уже взрослыхъ и женатыхъ дѣтей. Наслышавшись о славномъ старцѣ о. Леонидѣ, принимавшемъ многихъ на исповѣдь, помѣщикъ, пріѣхавши въ Оптину, сдѣлалъ чрезъ о. настоятеля Старцу предложеніе, что желаетъ у него исповѣдаться. Отець Леонидъ отказался, къ немалому оскорбленію помѣщика, который началъ просить о. игумена и о. Макарія быть его посредниками предъ о. Леонидомъ. Послѣ вторичнаго прошенія Старець

нехотя согласился, сказавъ, что не отвѣчаетъ за послѣдствія. Помѣщикъ исповѣдался и Старцемъ не допущень былъ до Причащенія Св. Таинъ. Можно себѣ представить стыдъ и посрамленіе барина, который смотрѣлъ на всѣхъ свысока, а теперь долженъ былъ смириться предъ всѣмъ монастыремъ, яко оглашенный. Къ вѣщшему его стыду сопровождавшая его замужняя его дочь готова была благодарить великаго Старца за такое рѣшеніе. Баринъ покушался просить о. игумена и о. Макарія о заступничествѣ, но тѣ отказались, и по совѣсти и зная непреклонность въ такихъ дѣлахъ о. Леонида. Что же произошло? Возвратившись домой, помѣщикъ черезъ мѣсяцъ или менѣе разорвалъ многолѣтнюю связь съ своей наложницей къ общей радости всего своего семейства. Вѣроятно, Старецъ въ глубинѣ души своей молился о заблудшемъ и просилъ Господа о смягченіи сердца духовнаго своего сына.

Въ другой разъ пожелалъ исповѣдаться у старца о. Леонида нѣкоторый господинъ, пріѣхавшій изъ Вязьмы. Послѣ исповѣди Старецъ благословилъ ему приступить къ Причастію, но съ условіемъ, если онъ твердо рѣшится исправить свою жизнь, что тотъ и обѣщалъ исполнить. «Если же не сдержишь слова, – заключилъ Старецъ, – то и не являйся ко мнѣ». – Въ слѣдующее лѣто вяземскій господинъ опять пріѣхалъ въ Оптину. Но когда онъ подходилъ къ келліи о. Леонида, Старецъ, увидавъ его чрезъ открытое окно, остановилъ его словами: «Стой, стой! Что, исполнилъ ты свое обѣщаніе?» – Послышалось со стороны пріѣзжаго:

«Батюшка! простите...» – Старецъ: «Не исполниль? Ну такъ поворачивай назадъ и не приходи ко мнѣ». – Такъ и принужденъ былъ этотъ господинъ уѣхать, не принявши даже благословенія отъ Старца. Долго, долго послѣ кончины о. Леонида въ Вязьмѣ и во всей Смоленской губерніи помнили этотъ случай, который тогда же сдѣлался извѣстенъ и на многихъ навелъ спасительный страхъ, вразумляя, что желающимъ пользоваться духовными наставленіями старцевъ недостаточно только спрашивать ихъ, но должно стараться и исполнять то, что они скажутъ.

Кромѣ сихъ, были и еще отъ старца Леонида разные чудесные случаи. – Такъ, о. Антоній (Путиловъ) рассказывалъ одному изъ своихъ дѣтей духовныхъ, что сынъ одной четы, которую онъ видѣлъ у о. Леонида, имѣлъ какъ бы нѣкую уродливость души и совершенное несходство лица съ отцомъ и матерію. Старецъ говорилъ, что это было наказаніемъ Божиимъ за несоблюденіе праздниковъ его родителями.

Пріѣхало въ Оптину Пустынь одно карачевское семейство, въ которомъ не разъ повторялись семейныя несчастія. Пріѣхавшіе отыскали тутъ своего земляка, казначея старика іеромонаха Гавріила, и объяснили ему свои обстоятельства. Онъ вздумалъ было помочь ихъ горю херувимскимъ ладаномъ, но безъ благословенія о. Леонида не рѣшался подать имъ какой-либо совѣтъ и пошелъ къ Старцу благословиться. – «Чудакъ ты! – сказалъ ему Старецъ. – Поможетъ ли тутъ херувимскій ладанъ? Гдѣ гнѣвъ Божій, тамъ Господь не щадитъ и Своей святыни. Тутъ потребно другое, т. е. искреннее

раскаяніе въ грѣхахъ, за которые посланъ гнѣвъ Божій и исправленіе».

Жена мценскаго купца Орловской губ. Николая Васильевича Ломакина, Екатерина Ивановна, долгое время страдала отъ винопитія, такъ что готова была всего лишиться, лишь бы только гдѣ-нибудь и какъ-нибудь достать и напиться вина. Много она приняла за это побоевъ отъ своего мужа, но отстать отъ винопитія не могла. Вздумали они, наконецъ, поѣхать въ Оптину къ старцу о. Леониду. И какъ только вошли къ нему въ келлію, Старецъ, обратясь къ страдавшей запоемъ, сказалъ: «Катя! Пойдемъ-ка, я тебя исповѣдую на живую ниточку» (наскоро). Послѣ исповѣди болѣзнь ея немедленно прекратилась. Возвратившись домой въ Мценскъ, женщина та не могла даже терпѣть виннаго запаха.

У этихъ купцовъ Ломакиныхъ былъ сынъ, Василій Николаевичъ Ломакинъ, 18-ти лѣтъ. Онъ подвергся каменной болѣзни. Люди совѣтовали везти его на операцію, для чего и повезли его сперва къ старцу Леониду за благословеніемъ. Но больной, побывши недолгое время въ Оптиной Пустыни, по молитвамъ Старца и безъ операціи получилъ совершенное исцѣленіе и возвратился въ Мценскъ здоровымъ. — Объ этихъ двухъ случаяхъ разсказалъ оптинскій послушникъ Петръ Ломакинъ, ихъ родственникъ ¹¹⁴.

Многіе, относившіеся къ старцу Леониду изъ мірянъ, обращались къ нему за благословеніемъ предъ совершеніемъ браковъ. Преимущественно такъ поступа-

¹¹⁴ Скончался 26 апрѣля 1904 г.

ли жители нѣкоторыхъ городовъ Тульской губерніи, и замѣтно было, что браки, совершавшіеся по благословенію Старца, были благополучны. Но, съ другой стороны, если державшіеся этого обыкновенія почему-либо не хотѣли брать благословеніе на совершеніе брака, то оказывалось, что браки эти не всегда были удачны. Такое различіе побудило нѣкоторыхъ и поневолѣ обращаться къ старцамъ за благословеніемъ не только на совершеніе браковъ, но и на другія предпріятія.

Просившимъ благословеніе на бракъ о. Леонидъ обыкновенно совѣтоваль хорошенько разсматривать всѣ благопріятствующія или неблагопріятствующія обстоятельства. Такъ, напримѣръ, обращать вниманіе на то, чтобы и женихъ, и невѣста – оба были здоровы, и чтобы было имъ чѣмъ жить; чтобы званіе отъ званія рѣзко не отличалось, и чтобы по лѣтамъ, или по возрасту, мало было различія. Особенно бѣднымъ семействамъ не совѣтоваль брать богатую невѣсту, чтобы не быть ей рабами. При этомъ Старецъ повторялъ самую простую старинную пословицу: «Знай сапогъ сапога, а лапоть лаптя». Кромѣ того, вопрошавшимъ о выборѣ жениха говорилъ, чтобы обращали вниманіе на свойства его отца, а вопрошавшимъ о выборѣ невѣсты, – чтобы обращали вниманіе на свойства матери. При этомъ говариваль: «Яблочко отъ яблоньки далеко не укатится». Наконецъ жениху и невѣстѣ и родителямъ ихъ совѣтоваль смотрѣть, при усердной молитвѣ, на свое сердце. Если при послѣдней рѣшимости на бракъ женихъ и невѣста и родители ихъ стали бы ощущать душевное спокойствіе, то Старецъ совѣтоваль рѣшаться

на такой бракъ. Въ противномъ же случаѣ, если бы при этомъ оказалось сомнѣніе, безотчетная боязнь, безпокойство и смущеніе, то Старецъ говорилъ, что это неблагопріятный знакъ, и совѣтовалъ пріискивать другого жениха или другую невѣсту. Это былъ общій совѣтъ старца о. Леонида для всѣхъ. Но самъ онъ, по данной ему отъ Бога прозорливости, преподавалъ иногда совѣты, несходные съ человѣческими мнѣніями и соображеніями. – Пришелъ однажды къ Старцу небогатый человекъ и, объяснивъ, что за его дочь сватаются три жениха, – мѣщанинъ, фабричный и зажиточный поселянинъ, спросилъ его, за кого изъ нихъ отдать ему свою дочь. Отецъ Леонидъ посовѣтовалъ отдать за поселянина, сказавъ, что тутъ будетъ сытнѣе. Затѣмъ наступилъ голодный годъ, по прошествіи котораго отецъ означенной невѣсты приходилъ благодарить Старца за то, что онъ посовѣтовалъ ему отдать дочь за поселянина, который въ голодное время прокормилъ его, прибавивъ при этомъ, что мѣщанинъ и фабричный сами чуть съ голода не померли.

Сказывалъ о себѣ уроженецъ г. Перемышля Калужской губ., проживавшій долгое время въ Саратовѣ, купецъ Василиій Ивановичъ Богомолловъ слѣдующее. Будучи молодымъ человекомъ, онъ подыскалъ себѣ невѣсту дѣвицу, мать которой придерживалась какой-то секты и дочь свою готовила, по обычаю сектантовъ, принять титулъ «богородицы». Но до вступленія въ бракъ онъ отправился къ старцу о. Леониду за совѣтомъ, жениться ли на ней или искать другую невѣсту. Старецъ благословилъ жениться. Совѣтъ Богомолловымъ принять, и

бракъ былъ совершенъ. Такимъ образомъ особа эта, вышедши замужъ за православнаго, и сама сдѣлалась православною и, между прочимъ, недолго въ замужествѣ пожила, всего года полтора.

У сего купца Богомолова были двѣ сестры дѣвицы, которыя, по благословенію старца о. Леонида, обѣ поступили въ Калужскій женскій монастырь. Старшей изъ нихъ, которую родители желали выдать замужъ, онъ предрекъ близкую кончину, сказавъ ей лично: «Тебѣ и жить-то осталось всего 12 лѣтъ». Такъ и случилось. По прошествіи 12-ти лѣтъ монастырской жизни она скончалась.

Кромѣ этихъ и подобныхъ имъ частныхъ случаевъ, старецъ о. Леонидъ постоянно окруженъ былъ крестьянами и, по преимуществу, крестьянками, къ занятію съ которыми, какъ упомянуто выше, былъ болѣе расположенъ. Бывали по этому поводу очень странные случаи. Архимандритъ А. рассказывалъ, что, пришедши въ первый разъ къ старцу Леониду, онъ засталъ его занимавшимся съ крестьянками. Старецъ былъ въ простомъ холщевомъ замаранномъ балахонѣ; въ одной рукѣ держалъ штофъ, наполненный какою-то жидкостію, а въ другой рюмку и, наливая въ нее изъ штофа, подавалъ одной изъ окружавшихъ его крестьянокъ. При видѣ этого архимандритъ остолбенѣлъ. – «Что жъ ты удивляешься? – сказалъ Старецъ, – али не помнишь, какъ ты самъ бочками варилъ это зелье?» При этихъ словахъ неожиданное зрѣлище очень просто объяснилось для архимандрита. Старецъ подавалъ больной крестьянкѣ горькую воду, которою и пріѣзжій архимандритъ

когда-то, бывши еще мірскимъ человѣкомъ, лѣчилъ многихъ больныхъ и для сего приготавлиалъ ее въ большемъ количествѣ. Соблазнъ въ архимандритѣ смѣнился послѣ сего удивленіемъ, какъ Старецъ, который въ первый разъ его видѣлъ, могъ напомнить ему о такомъ обстоятельстве изъ его жизни, о которомъ даже и самъ онъ забылъ. Видя старца Леонида въ такой молвъ народной, нѣкоторые изъ посѣтителей выражали нѣкое недовольство на него, вѣроятно, считая занятіе его съ простымъ народомъ дѣломъ не очень важнымъ, а можетъ быть, и бесполезнымъ или даже неумѣстнымъ. Но Старецъ умѣлъ вразумлять таковыхъ. — Однажды пріѣхалъ въ Оптину Пустынь благочинный изъ г. Бѣлева почтенный о. протоіерей Іоаннъ (Глаголевъ), который любилъ и уважалъ о. Леонида и взаимно имъ были уважаемы. Пришедши къ Старцу, о. Іоаннъ нашелъ его по обычаю окруженнымъ крестьянками. — «Охота вамъ, Батюшка, возиться съ бабами», — сказалъ онъ съ своею истинною ему простотою. — «Что жъ, о. Іоаннъ, и правда: это бы ваше дѣло, — отвѣтилъ Старецъ, — а скажите-ка, какъ вы ихъ исповѣдуете? Два-три слова спросите, вотъ и вся исповѣдь. Но вы бы вошли въ ихъ положеніе, вникнули бы въ ихъ обстоятельства, разобрали бы, что у нихъ на душѣ, подали бы имъ полезный совѣтъ, утѣшили бы ихъ въ горѣ. Дѣлаете ли вы это? Конечно, вамъ некогда долго съ ними заниматься. Ну, а если и мы не будемъ ихъ принимать, куда же онѣ, бѣдныя, пойдутъ съ своимъ горемъ?» — Пристыженный протоіерей сознался въ необдуманности сказанныхъ Старцу своихъ словъ.

Глава XIII

**Гоненіе на старца о. Леонида и на его ученицъ,
жившихъ въ Бѣлевскомъ женскомъ
Крестовоздвиженскомъ монастырѣ
(1839–1841 гг.)**

Несмотря на видимо благія и благотворныя дѣйствія старца о. Леонида, его постоянно подозрѣвали неблагорасположенные къ нему люди, за нимъ слѣдили и, въ свое время, судили формальнымъ порядкомъ. – Такъ рассказывала о себѣ вышеупомянутая дѣвица изъ дворянъ Параскева Трунова.

«Бывши въ Оптиной въ 1839 г., я проживала съ компаніонкой на монастырской гостиницѣ. Вздумалось намъ съ нею однажды пройтись по дорожкѣ къ скотному двору. Тутъ мы нечаянно встрѣтились съ двумя особами – іеромонахомъ и подначальнымъ священникомъ, противниками старца о. Леонида. На вопросъ послѣднихъ, – кто мы и зачѣмъ пріѣхали въ Оптину, мы отвѣтили, что пріѣхали къ старцу о. Леониду полѣчиться, такъ какъ, дѣйствительно, у одной изъ насъ болѣла рука, а у другой нога. Допрашивающіе насъ замѣтили,

что Старець не докторъ и лѣчитъ только душевныя болѣзни. Мы, въ свою очередь, возразили: «Въ такомъ случаѣ мы попросимъ у него совѣта, что намъ дѣлать». – «А вы, – продолжали іеромонахъ съ священникомъ, – возьмите маслица отъ св. иконы Божіей Матери и мажьте имъ больныя мѣста». Мы поблагодарили ихъ за совѣтъ, сказавъ, что у насъ есть въ Оптиной братья¹¹⁵, которые доставятъ намъ масла. Узнавъ же, что у насъ тутъ есть родственники, непрощенные наставники прекратили разговоръ. А послѣ Старець, узнавъ о нечаянной нашей встрѣчѣ, посовѣтовалъ намъ впередъ остерегаться и избѣгать подобныхъ людей.

Пришлось намъ съ компаніонкой въ этотъ пріѣздъ и еще быть у Старца. Вдругъ онъ намъ и говорить: «Завтра, дѣвочки, сидите въ номерѣ гостиницы и никуда не выходите; завтра будетъ судъ». – «Кого же, Батюшка, будутъ судить-то?» – спросили мы. – «Да меня», – отвѣтилъ Старець. Дѣйствительно, на другой день расположилась слѣдственная комиссія въ нижнемъ этажѣ гостиницы, на второмъ этажѣ которой сидѣли мы въ страхѣ. Судьи призывали къ себѣ сначала іеромонаховъ, потомъ іеродиаконовъ, далѣе монаховъ и послушниковъ, и всѣхъ допрашивали, не знаетъ ли кто объ о. Леонидѣ чего-либо укорнаго. Однако никто изъ нихъ не сказалъ о немъ ни одного плохого слова. Судъ окончился скоро, а мы цѣлый день просидѣли въ номерѣ голодными, потому что гостиникъ въ суетахъ забылъ покормить насъ въ свое время. – Узнавъ о счастливомъ

¹¹⁵ Вышеупомянутые послушники Павелъ и Симеонъ Труновы были родные братья Параскевы Труновой.

исходъ суда надъ собой, Старець сказалъ: «Это дѣвочки помолились обо мнѣ».

Но всѣ эти и подобныя имъ неблаговолительныя дѣйствія со стороны начальства и вообще неблагожелательныхъ людей не были для старца о. Леонида новостію и не могли много беспокоить его, такъ какъ они касались только его одного. Попущеніемъ Божиимъ предъ самою кончиною Старца врагъ навелъ на него еще одно послѣднее предсмертное испытаніе, которое для него особенно было чувствительно, потому что касалось не его одного, а многихъ изъ его духовныхъ дѣтей.

Въ числѣ приходившихъ къ старцу о. Леониду для духовныхъ совѣтовъ были и дѣвицы разныхъ сословій, которыя, не имѣя склонности къ брачной жизни, но желая съ молодыхъ лѣтъ уневѣстить себя Единому Небесному Жениху и Невѣстохранителю чистыхъ душъ, Царю Христу, просили о семъ совѣта у опытнаго Старца. Онъ принималъ и ихъ съ отеческою любовію и, раскрывая имъ правильный взглядъ на иноческую жизнь, научалъ идти узкимъ путемъ отсѣченія своей воли и разума и не только удаляться отъ страстей, но исторгать и самые корни ихъ, очищая сердце отъ страстныхъ помысловъ и мысленныхъ прираженій, чрезъ частое откровеніе и исповѣданіе оныхъ опытнымъ и искуснымъ въ духовномъ дѣланіи. Нѣкоторымъ изъ дѣвицъ, изъявлявшимъ искреннюю готовность идти симъ путемъ, Старець совѣтовалъ вступить въ Бѣлевскую обитель и отдать себя въ руководство бывшей тамъ старицѣ рясофорной монахинѣ матери Анѳіи,

которая возрасла и преуспѣла въ дѣятельной духовной жизни подъ опытнымъ руководствомъ самого о. Леонида и относилась къ нему за духовными совѣтами и наставленіями еще до водворенія Старца въ Оптиной Пустыни. Настоятельница же Бѣлевскаго монастыря игуменія Епафродита, видя, какъ м. Анѳіея и близкія къ ней сестры видимо преуспѣваютъ въ духовной жизни, оказывала имъ замѣтное предпочтеніе. Исконный врагъ рода человѣческаго воспользовался симъ, чтобы уязвить другихъ нерадивыхъ, и онѣ приняли въ свое сердце стрѣлу зависти противъ Анѳіи и преданныхъ ей сестеръ. Вслѣдствіе чего и постигло Бѣлевскую обитель великое искушеніе.

Дѣло было такъ. Въ Бѣлевскомъ монастырѣ жила манатейная монахиня Н., дочь вышеупомянутаго скитскаго схимника о. Вассіана, такая же необразованная простушка, какъ и родитель ея. Она часто посѣщала его, и что ни говорилъ ей о. Вассіанъ, все принимала за истину и переносила въ свой монастырь. Въ то же время въ обители этой жили двѣ сестры дворянки, Марія и Марѳа Николаевны Сомовы, которыя поступили въ монастырь по благословенію Оптинскихъ старцевъ о. Леонида и о. Макарія. Въ числѣ относившихся къ упомянутой м. Анѳіи за духовными совѣтами были и эти двѣ сестры, которыя жили сначала вмѣстѣ въ одной келліи. Но такъ какъ онѣ были разнаго настроенія, то одна изъ нихъ, Марія Николаевна, рѣшилась отдѣлиться отъ своей сестры и пріобрѣсти для себя другое помѣщеніе, что и сдѣлала. По благословенію старца о. Леонида она продолжала относиться къ м. Анѳіи, а Марѳа Николаев-

на, какъ образованная институтка, стала смотрѣть на старческое благословеніе и духовное руководство, какъ на дѣло излишнее и стала жить въ монастырѣ вольно. Отъ скуки она часто приглашала къ себѣ м. Н., которая каждый разъ, по возвращеніи изъ Оптиной отъ своего родителя, рассказывала про старца о. Леонида разныя небылицы. Послушать эти небылицы Марѳа Николаевна всегда приглашала своего духовнаго отца, монастырскаго священника о. Григорія. Общее ихъ мнѣніе о старцѣ о. Леонидѣ и о его ученицѣ м. Анѳіи было таково: будто бы м. Анѳія привлекаетъ къ себѣ сестеръ, распространяетъ между ними какое-то новое ученіе, исповѣдуетъ ихъ и разрѣшаетъ именемъ о. Леонида. Эти и подобные имъ вымыслы, основанные на извращеніи самыхъ простыхъ и невинныхъ словъ и дѣйствій добродѣтельной старицы, конечно, по внушенію бѣсовскому, принимались какъ истинныя.

Священникъ и въ свое время духовникъ Бѣлевскаго женскаго монастыря о. Григорій, человѣкъ молодой, строгой постнической жизни, поначалу, когда старецъ о. Леонидъ жилъ на скитской пасѣкѣ, глубоко почиталъ его, былъ его духовнымъ сыномъ и даже удивлялся его старческимъ подвигамъ. А о. Макарій, духовный другъ и сотаинникъ старца о. Леонида, проѣзжая по обстоятельствамъ изъ Оптиной въ Орель чрезъ Бѣлевъ и обратно въ Оптину, всегда имѣлъ въ домѣ о. Григорія ночлегъ. Потому о. Григорій къ обоимъ старцамъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Но когда ему пришлось слышать разныя ложныя невыгодныя толки о старцѣ Леонидѣ, вѣра его къ Старцу поколебалась. Естественно

потому было, что онъ сталъ подозрительно смотрѣть и на м. Анѳію, которую невзлюбили за то, что она и по ея примѣру нѣкоторыя другія сестры обращались за духовными совѣтами къ старцу о. Леониду. Въ этомъ онъ считалъ себя только единственнымъ законнымъ руководителемъ ихъ и потому видѣлъ въ этомъ умаленіе своей чести, смѣшивая въ своихъ понятіяхъ таинство исповѣди, составляющее, какъ извѣстно, неотъемлемое право всѣхъ имѣющихъ духовную власть вязать и рѣшить, т. е. облеченныхъ благодатію священства, со «старчествомъ» или съ откровеніемъ помысловъ, которое, по уставу иноческаго жительства, есть принадлежность лишь однихъ опытныхъ и усовершенствовавшихся въ дѣятельной иноческой жизни старцевъ и старицъ ¹¹⁶.

Кромѣ того, о. Григорій при строгомъ личномъ взглядѣ на монашество блазнился тѣмъ, что старецъ о. Леонидъ былъ тучнаго тѣлосложенія и принималъ много посѣтителей разнаго рода и возраста, входилъ въ ихъ объясненія и выслушивалъ всякія ихъ непристойныя слова и дѣянія, — что, по его мнѣнію, не должно бы входить въ слухъ схимника и осквернять ангельскую чистоту души его. Вслѣдствіе сего о. Григорій сталъ думать, не кроется ли здѣсь какая-либо ересь, — масонство или еще что. Объ этомъ онъ прежде всего писалъ близкому своему родственнику, извѣстному подвижнической жизнію іеросхимонаху Кіево-Печерской Лавры и духовнику Кіевского митрополита Филарета (Амфиатрова) о. Парѳенію, который нашель нужнымъ вы-

¹¹⁶ Смотри о сѣмъ различіи подробно ниже въ письмѣ старца о. Макарія къ м. Анѳіи и Маріи Николаевнѣ Сомовой.

звать о. Григорія въ Кіевъ для личнаго совѣщанія, какія принять мѣры къ тому, чтобы открыть заблужденіе.

Извѣстно, что старецъ о. Парѣеній, хотя былъ подвижникъ и Божій угодникъ, но недалекъ былъ въ знаніи догматовъ Св. Православной Церкви и не знакомъ былъ съ ученіями еретическими, а потому послѣ бесѣды съ о. Григоріемъ, который по недоразумѣнію передалъ ему ложь за истину, оба они заключили, что заблужденіе Оптинскаго старца о. Леонида и его учениковъ и ученицъ есть не что иное, какъ масонство. Если бы о. Парѣеній въ то время представилъ о. Григорію митрополиту Филарету, то дѣло объ о. Леонидѣ очень легко бы разъяснилось, и ничего бы особеннаго не произошло. Но врагъ, ненавистникъ всякаго добра, попуталъ – не допустилъ старцу Парѣенію придти къ этой благой мысли, и затѣянное о. Григоріемъ дѣло получило весьма печальный оборотъ.

Получивъ отъ старца Парѣенія благословеніе, о. Григорій отправился въ свой Бѣлевскій монастырь съ твердымъ намѣреніемъ вывести наружу таящуюся ересь и тотчасъ по пріѣздѣ ревностно принялся за это дѣло. Онъ началъ съ того, что сдѣлалъ заявленіе о своемъ открытіи настоятельница монастыря игуменіи Елафродитѣ и тѣмъ немало смутилъ добрую старушку. Напрасно она поставляла на видъ о. Григорію, что оговариваемая имъ старица Анѳоія и единомысленныя съ нею сестры – лучшія овечки врученнаго ей Богомъ словеснаго стада. Отецъ Григорій не хотѣлъ ничего слушать, увѣряя съ клятвою, что онъ открылъ таившуюся доселѣ ересь и по долгу своего званія считаетъ себя

обязаннымъ вооружиться всѣми мѣрами противъ этого зла.

Затѣмъ онъ сталъ усердно распространять какъ въ своей обители, такъ и внѣ оной разныя хулы и пореченія на старца о. Леонида. Когда извѣстіе о семъ дошло до смиреннаго Старца, онъ, какъ уже искусившійся въ духовныхъ браняхъ воинъ, встрѣтилъ благодушно не новыя для его слуха клеветы. Но его спостникъ и духовный другъ о. Макарій, имѣя въ виду не столько обличеніе, сколько вразумленіе ревнующаго не по разуму о. Григорія, написалъ ему весьма убѣдительное и вмѣстѣ проникнутое духомъ кротости и снисхожденія къ заблуждающемуся собрату письмо слѣдующаго содержания:

«Ваше благословеніе, достопочтеннѣйшій во іереяхъ отецъ Григорій! Къ сердечному моему сожалѣнію слышу о васъ, что вы приняли ложно мнѣніе и убѣдились въ ономъ противъ батюшки о. Леонида не только въ худую сторону о его жизни, но даже и о вѣрѣ, причитая къ какой-то сектѣ или ереси, чего я отъ васъ не ожидалъ. Имѣя къ вамъ сердечное расположеніе, желаю вывести васъ изъ сего заблужденія; ибо вы подпадаете грѣху хулы на неповиннаго и дѣлаетесь виновникомъ того же и въ другихъ. Кто вамъ внушилъ о немъ таковое мнѣніе, надобно испытать, достоинъ ли онъ вѣроятія и на чемъ основалъ свои доводы.

Не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, — пишетъ св. апостолъ (1 Ин. 4, 1). Отца Леонида довольно знаютъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода члены, высокопреосвященные митрополиты,

весьма съ хорошей стороны. Кіевскій же митрополитъ зналъ его еще прежде, бывши въ Орловской епархіи настоятелемъ въ Свѣнскомъ монастырѣ; а о. Леонидъ жилъ тогда въ Бѣлобережской пустыни, которая была разстояніемъ не болѣе какъ въ 20 верстахъ, и частое имѣли сношеніе. Въ 1837 г., въ проѣздъ его высокопреосвященства въ Кіевъ, бывши въ нашей Пустыни, оказалъ ему очень милостивое архипастырское благоволеніе. Отецъ игумень (Моисей) и о. Антоній имѣютъ къ нему весьма хорошее расположеніе и уваженіе и во многомъ съ нимъ совѣтуются. Также и другіе отцы и братія наши имѣютъ къ нему довѣріе и любовь и пользуются его наставленіями. И свѣтскіе разнаго званія люди приходятъ къ нему и отходятъ не безъ утѣшенія въ душевномъ ихъ прискорбіи и недоумѣніяхъ. Отецъ Леонидъ находился около 20 лѣтъ при опытномъ въ духовной жизни старцѣ схимонахѣ Θεодорѣ. Схимонахи Θεодоръ и спостникъ его Клеопа извѣстны правостію вѣры и святостію жизни, которые были ученики молдавскаго старца Паисія, а онъ (о. Леонидъ) отъ нихъ былъ составляемъ въ духовной жизни.

Правость вѣры его извѣстна высокопреосвященнымъ митрополитамъ Московскому и Кіевскому и нашему преосвященному, яко предстоятелемъ Церкви. Да и мы всѣ знаемъ и твердо увѣряемъ, что онъ вѣруетъ во Святую Единосущную и Нераздѣльную Троицу – Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Святая Соборная и Апостольская Греко-Россійская Церковь повелѣваетъ, и всѣ догматы и постановленія ея право исповѣдуетъ и содержитъ и никогда ни къ какой ереси и сектѣ не принадле-

жалъ и не принадлежить. Жизнь проводить, сколько можно по силамъ его и здоровью, воздержную, а не соблазнительную. Иначе какъ бы могли какъ свои братія, такъ и свѣтскіе люди отъ него пользоваться? Есть, правда, люди, которые приходятъ со испытаніемъ и лукавствомъ, желая найти чудотворца, прозорливца или прорицателя и, не находя въ немъ ничего изъ сихъ качествъ, произносятъ на него свои хулы, которыя, какъ видно, дошли и до вашего слуха и возмутили духъ вашъ. Тогда бы надобно было о немъ сожалѣть, если бы всѣ рекли о немъ добро; ибо, по слову Спасителя нашего, *горе чловѣку тому, о немъ же рекутъ вси чловѣцы добръ* (ср. Лк. 6, 26). Кто жъ убѣждалъ хулы и поношеній изъ благочестиво живущихъ, когда и на Самого Спасителя Господа нашего Иисуса Христа, не сотворившаго ни единого грѣха, но благодѣтельствующаго душамъ и тѣлесамъ чловѣческимъ туне, вопіяли и соблазнялись? Въ чемъ удостовѣряемся Его божественными словами: *аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашніа его* (Мѳ. 10, 25). *Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Ин. 15, 20).

Очень немудрено, что врагъ вооружается на него за то, что онъ наставленіями своими возставляетъ многихъ къ твердости въ вѣрѣ, къ благочестивой жизни, къ разрушенію вражды, между людьми бываемой. Всего этого врагъ ненавидитъ и возставляетъ на него возносить хулы, мня его поколебать. Однако жъ онъ, благодатію Божіею хранимый, нимало не повреждается и не малодушествуетъ отъ оныхъ; но сожалѣя о нихъ, охотно имъ прощаетъ и молится за нихъ Богу, да не поставитъ имъ

въ грѣхъ сего. И объ васъ онъ крайне соболѣзнуеть, всуе преткнувшемся о немъ въ вашемъ мнѣніи и себѣ вреждающемъ. А мнѣ жалъ и батюшку о. Леонида за ложную о немъ клевету, и васъ за вѣроятіе оной. Какъ же можетъ быть совѣсть ваша спокойна и мирна, когда столько душъ ложно преткнулись? Св. апостоль Павелъ пишетъ къ Галатамъ въ 5-й главѣ ст. 10: *смущай васъ понесетъ грѣхъ*. Вотъ какъ важно и бѣдственно разглашеніемъ ложныхъ слуховъ возмущать другихъ совѣсть!

Еще когда бы порицать только въ какой-нибудь, по мнѣнію ихъ, грѣховной жизни, то это сродно всякому человѣку, и *никто же безъ грѣха, еще и единъ день жизни его будетъ* (ср. Іов. 14, 4, 5). А когда дѣло идетъ до вѣры, то имѣю долгъ въ семъ его защитить и оправдать. Св. Агаѳонъ, бывъ укорень отъ нѣкоторыхъ различными грѣховными укоризнами, отвѣчалъ на всякую: грѣшенъ есмь. А когда сказали ему: Агаѳонъ – еретикъ, – онъ сдѣлалъ возраженіе. И когда спросили его, – почему онъ всѣ укоризны съ терпѣніемъ перенесъ, а сего послѣдняго не перенесъ, – отвѣчалъ: грѣхи оные сродны человѣку, и надѣмся во онѣхъ получить прощеніе милосердіемъ Божіимъ, а еретикъ есть отлученъ отъ Бога. – Видите, какъ это важно, что и святой сталъ противъ сего; то не долженъ ли я, имѣя къ Батюшкѣ любовь и зная его правость, въ защиту его представить вамъ, что онъ вѣруеть такъ, какъ выше вамъ объяснилъ.

Но и жизнь его есть добродѣтельнѣйшая, и служить для насъ и для многихъ примѣромъ. Всѣ же ереси и противныя религіи мудрованія совершаютъ въ тайнѣ и

скрытно, а въ немъ ничего такого не видимъ. Если жъ кто находитъ что противное, пусть судить какъ хочетъ; но судъ Божій и судъ человѣческой имѣютъ великую разность. *Прежде времени ничтоже судите* (1 Кор. 4, 5). На Страшномъ Судѣ, когда предстанутъ человѣцы нелицепріемному Судіи, тогда обличатся каждого не токмо дѣла, но и совѣты сердечные. Можетъ быть и скажутъ: *се человѣкъ, егоже имѣхомъ нѣкогда въ помятыхъ и поруганіе, како вмѣнися въ сыновъ Божіихъ, и во святыхъ жребій его есть* (Прем. 5, 3, 5). Сіе пишу вамъ единственно изъ сожалѣнія къ вамъ и желая васъ вывести изъ ложнаго мнѣнія, дабы успокоить духъ вашъ. Вѣдь я увѣренъ, что вы не имѣете спокойствія, принявъ на него таковое мнѣніе. Прошу васъ, Господа ради, для вашей душевной пользы, оставьте оное и не вѣрьте тѣмъ, кои внушаютъ вамъ сіе. Желая, чтобы благодать Божія коснулась вашего сердца въ познаніи предлагаемой мною вамъ истины.

Поручая себя вашимъ святымъ молитвамъ, съ нижайшимъ почтеніемъ остаюсь вашего благословенія усердный смолитвенникъ, многогрѣшный іеромонахъ Макарій. – Января 24 дня 1839 года».

Это убѣдительное и вмѣстѣ любвеобильное письмо смиренномудраго старца Макарія, можетъ быть, и оказало бы на о. Григорія благопріятное дѣйствіе, но подкрѣпляемый авторитетомъ кіево-печерскаго старца Парѣенія, онъ, какъ видно изъ послѣдствій, не придалъ ему особеннаго значенія. – Между тѣмъ пущенная имъ въ ходъ молва, будто бы онъ открылъ въ Бѣлевскомъ женскомъ монастырѣ ересь, въ томъ же году дошла до

епархіального архіерея. Отець Григорій и м. игуменія Епафродита немедленно вызваны были въ Тулу. На вопросъ преосвященнаго Дамаскина – въ чемъ дѣло, о. Григорій подтвердилъ свои мнѣнія о мнимой ереси, называя проповѣдникомъ оной Оптинскаго старца о. Леонида, а распространительницами ея въ Бѣлевскомъ монастырѣ – старицу Анѳію и послушницу Марію Николаевну Сомову, подкрѣпляя все это ссылкой, будто бы на признаніе бывшихъ въ той же ереси и раскаявшихся двухъ своихъ духовныхъ дочерей.

Преосвященный, смущенный неблагопріятными слухами объ обители и притомъ опасаясь, чтобы молва эта не пошла далѣе и не повредила ему во мнѣніи вышшаго начальства, поспѣшилъ дать вѣру словамъ о. Григорія и рѣшился строгими мѣрами пресѣчь зло въ самомъ началѣ и тѣмъ утолить молву, не выгодную для обители въ частности и для епархіи вообще.

Дѣло началось тѣмъ, что вслѣдъ за о. Григоріемъ вызвана была въ Тулу оговоренная имъ въ ереси м. Анѳіа съ единомысленными съ нею сестрами. По прибытіи въ Тулу м. Анѳіа по приказанію преосвященнаго отдана была на увѣщаніе тогдашней игуменіи Тульскаго Успенскаго монастыря Клавдіи. Наслышавшись о какой-то ереси и боясь, какъ бы самой не подпасть гнѣву Владыки, игуменія принялась за дѣло съ полнымъ усердіемъ. Она позвала м. Анѳію въ свою образную и, поставивъ ее передъ иконами, стала настойчиво увѣщавать мнимую еретичку признаться чистосердечно въ своемъ заблужденіи, обѣщая, что она въ такомъ случаѣ будетъ ходатаицею о ихъ прощеніи у преосвященнаго,

который, какъ чадолубивый отецъ, желаетъ лишь раскрыть истину. Мать Анѳіа, не зная за собой никакой вины, просто и кротко отвѣчала игуменіи, что она, признавая себя грѣшною вообще, однако, не знаетъ за собой никакой ереси и просила въ свою очередь объяснить ей, въ чемъ именно требуютъ отъ нея признанія. Тогда игуменія повела рѣчь съ другой стороны и начала осыпать неизвѣстнаго ей старца хулами, говоря, что онъ масонъ и увлекъ ихъ, невинныхъ, въ свою ересь. — Мать Анѳіа замѣтила на это, что она не знаетъ, что такое значить «масонъ», но твердо знаетъ, что безвинно хулимый ею старецъ о. Леонидъ извѣстенъ какъ мужъ опытный въ духовной жизни и училъ ихъ не чему иному, какъ прямому монашескому пути, согласному съ писаніями Св. богодухновенныхъ отцовъ, просіявшихъ въ монашескомъ жительствѣ. — Игуменія прервала ее вопросомъ: «А что онъ давалъ вамъ читать свои книги?» — «Да, — отвѣчала м. Анѳіа, — я и теперь читаю по его наставленію книгу аввы Дороея, которая, по словамъ старцевъ, есть азбука монашеской жизни».

По запискамъ же кіево-печерскаго іеросхимонаха о. Антонія, игуменія, увидавши у подсудимыхъ — м. Анѳіи съ другими сестрами книги «Добротолубіе» славянское и св. Ефрема Сирина, спросила: «Какія это книги?» — Мать Анѳіа отвѣтила. Но какъ сама игуменія, повидимому, никогда этихъ святоотеческихъ книгъ не читала, то, желая привести свое неудачное увѣщаніе къ какому-либо концу, воскликнула: «Ну, такъ и есть, масоны, чернокнижники! Говорю вамъ: вы, милыя, впали въ ересь и, если не раскаетесь, погибнете, погибнете

непремѣнно; и здѣсь еще будете наказаны съ примѣрною строгостію». – Разсерженная своей неудачей, игуменія представила преосвященному м. Анѳію упорною еретичкою, ни въ чемъ не сознающеюся. При чемъ и отобранныя отъ нея книги – «Добролюбіе» и св. Ефрема Сирина – препровождены были игуменію при рапортѣ въ духовную консисторію, какъ еретическія.

Надъ остальными оговоренными въ мнимой ереси сестрами (всѣхъ числомъ 13) поручено было произвести дознаніе бывшему тогда настоятелю Новосильскаго Свято-Духова монастыря архимандриту Никанору. Слѣдователь хотя и допрашивалъ поодиночкѣ сестеръ, но ничего не могъ узнать болѣе того, что было прежде извѣстно всему Бѣлевскому монастырю, т. е. что сестры эти ходили къ старицѣ Анѳіи за духовными совѣтами, отъ чего ни она, ни сестры и не думали отпираться. Не желая обвинить въ слишкомъ поспѣшномъ заключеніи о. Григорія, слѣдователь не рѣшился оправдать и подпавшихъ гнѣву Владыки сестеръ и потому представилъ ихъ въ своемъ донесеніи какъ упорныхъ, ни въ чемъ не сознающихъся.

Послѣ этого дознанія, не приведшаго ни къ какому положительному результату, преосвященный Дамаскинъ словесно приказалъ игуменіи Епафродитѣ донести ему письменно о случившемся въ ея обители. Добросердечная, но робкая старица игуменія, видя, что ей во исполненіе даннаго порученія всячески придется обвинить тѣхъ, кого она по внутреннему своему убѣжденію считала невинными, рѣшилась, по крайней мѣрѣ, обви-

нить ихъ не въ ереси, а въ самочиніи; и потому въ донесеніи своемъ преосвященному отъ 24 ноября 1840 г. объ обвиняемыхъ сестрахъ написала, что она «никакой другой ереси въ нихъ не нашла, какъ одно лишь монахини Анѳіи своевоольство».

Времени послѣ того прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, на донесеніе игуменіи Епафродиты въ февралѣ 1841 г. послѣдовала резолюція преосвященнаго такого содержанія: «Монахиню Анѳію, по снятіи съ нея рясофора, выслать изъ монастыря немедленно, препроводивъ видъ ея увольнительный въ правленіе (Бѣлевское) для выдачи ей по принадлежности. Послушницъ, не опредѣленныхъ начальствомъ, но, вопреки распоряженій онаго, проживающихъ въ монастырѣ, также выслать изъ монастыря. Настоятелиницъ, за слабое смотрѣніе за проживающими въ монастырѣ и за неисполненіе распоряженій начальства, воспретить въ теченіе двухъ недѣль употребленіе мантии, привнушивъ, чтобы она смотрѣла внимательнѣе за порядкомъ въ монастырѣ и не допускала до невыгодныхъ слуховъ объ ономъ». — Не во всей, однако, силѣ приведена была въ исполненіе эта резолюція преосвященнаго, осуждавшая на изгнаніе изъ обители м. Анѳію и всѣхъ ходившихъ къ ней за совѣтами сестеръ. Матери игуменіи удалось упросить Владыку ограничиться лишь двумя, признанными болѣе другихъ виновными и упорными м. Анѳією и дѣвицею изъ дворянъ Марією Николаевною Сомовою, которыя посему и высланы были изъ обители. Прочія же остались въ сильномъ подозрѣніи и подъ надзоромъ.

Между тѣмъ молва о бѣлевскихъ происшествіяхъ разнеслась всюду и вызвала новыя стѣснительныя мѣры въ отношеніи къ Оптиному старцу о. Леониду, какъ причастному судебному дѣлу о его бѣлевскихъ ученицахъ. Недоброжелатели, по этому особенно случаю, представляли его какимъ-то самовольнымъ нарушителемъ монашескихъ правилъ и упорнымъ послушникомъ начальства. Изъ келліи, построенной для успокоенія Старца г. Желябужскимъ, вѣрно было о. игумену Моисею, въ концѣ 1840 г., перевести его въ другую, въ корпусъ жившаго въ то время на покой въ Оптиной Пустыни архимандрита Мелхиседека, подальше отъ воротъ и отъ мимо ходившаго народа. Главное же при семъ имѣлось въ виду то, что архимандрить, какъ человѣкъ заслуженный и имѣвшій видъ необщительный, не потерпитъ въ сосѣдствѣ старца Леонида, всегда окруженнаго множествомъ народа, и будетъ за это жаловаться начальству, а тѣмъ самымъ подастъ случай запутать Старца и двинуть его изъ Оптиной Пустыни въ какой-либо другой монастырь. Но ожиданіе это не оправдалось. Отецъ архимандрить понималъ Старца и смотрѣлъ на него, какъ на человѣка въ Божѣ живущаго, а хоть по временамъ и ворчалъ на посѣтителей, – зачѣмъ Старца беспокоятъ и чрезъ это навлекаютъ на него такую бѣду, но къ самому Старцу былъ вѣжливъ и ласковъ и нерѣдко съ уваженіемъ къ нему выражался такъ: «Отецъ Леонидъ! Я удивляюсь вашей жизни и безпредѣльному вашему труду, да еще въ вашей старости. Я соглашусь лучше землю копать, нежели толковать съ ними, да еще такъ любезно, что всѣ довольны остаются.

О, да поможет вамъ Богъ! Меня это удивляетъ». – Добрый этотъ о. архимандритъ скоро скончался.

Вмѣстѣ съ переводомъ Старца въ другую келлію, ему снова строго запрещено было епархіальнымъ начальствомъ принимать мірскихъ посѣтителей, что, впрочемъ, опять было ненадолго. Какъ разъ къ этому времени пріѣхала въ Оптину осужденная на изгнаніе м. Анѳіа. Старець очень стѣсненъ былъ въ пріемъ постороннихъ посѣтителей; но когда узналъ о ея пріѣздѣ, то, какъ отецъ сердобольный, готовый положить душу свою за своихъ искреннихъ учениковъ и ученицъ, рѣшительно сказалъ: «Хоть бы мечъ надъ головою моею висѣлъ, а Анѳію принять нужно». Полный вѣры въ Божественный Промыслъ, Старець всѣми мѣрами ободрялъ упавшую духомъ м. Анѳію и прочихъ оклеветанныхъ съ нею сестеръ. И вообще старецъ о. Леонидъ и о. Макарій, сами искушенные въ скорбяхъ, знали, какъ помогать искушаемымъ. Будучи глубоко убѣждены въ торжествѣ навѣтваемой истины, они укрѣпляли скорбящихъ потерпѣть въ чаяніи *Бога, спасающаго отъ малодушія и бури*, помня, что Господь никому не посылаетъ искушенія выше силъ, но не замедлитъ сотворить со искушеніемъ и избытіе.

Стѣснительное положеніе самого о. Леонида усиливалось еще тѣмъ, что его, больного Старца, заставили ходить ежедневно къ церковнымъ службамъ. Повинуясь волѣ начальства, какъ волѣ Самого Господа, Старець собиралъ свои слабѣющія силы и съ ударомъ колокола выходилъ изъ келліи. Но чудное было въ то время зрѣлище. Его шествіе въ храмъ Божій походило на шествіе

тріумфальное. Народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его появленія. При его выходѣ изъ келліи многіе повергались предъ нимъ на землю, всѣ старались принять отъ него благословеніе и поцѣловать его руку, нѣкоторые цѣловали края его одежды, а иные громко выражали свое состраданіе къ нему. Небольшое пространство отъ келліи до церкви Старецъ проходилъ между двухъ стѣнъ народа не менѣе получаса, шутя отгоняя палкою слишкомъ тѣснившихся къ нему. У праваго клироса, гдѣ становился Старецъ, собирались огромныя толпы народа.

Между тѣмъ жизнь Старца догорала. Къ осени 1841 г. пришлось по обстоятельствамъ быть въ Оптиной Пустыни вышеупомянутой дѣвицѣ изъ дворянъ, въ то время уже послушницѣ Борисовской женской пустыни Параскевѣ Труновой. Пришла она къ Старцу. По слабости силъ онъ лежалъ въ это время на койкѣ, а возлѣ него сидѣлъ батюшка о. Макарій. «Вотъ хорошо, что пришла, – сказалъ Старецъ. – Иди, я передамъ тебя о. Макарію». И затѣмъ, взявъ ея руку въ свою полу, передалъ ее въ полу о. Макарія. Нужно было вскорѣ послѣ того Труновой исповѣдаться. Старецъ о. Леонидъ раскрылъ ей въ подробности всю ея жизнь, гдѣ, когда и что она дѣлала. И затѣмъ велѣлъ ей пойти исповѣдаться у батюшки о. Макарія. Когда же она возразила: «А что же вы-то, Батюшка?» – Старецъ сказалъ: «Вѣдь я передалъ тебя о. Макарію, а я скоро долженъ умереть». Въ это время слышалось сильное урчаніе въ животѣ Старца. – «Вотъ слышишь? – промолвилъ онъ, – это признаки моей близкой смерти». Смущенная такою неожидан-

ностію, Трунова заговорила было: «Да какъ же такъ, Батюшка? Какъ же жить-то безъ васъ?» Старець успокоительно отвѣтилъ: «Не смущайся, о. Макарій будетъ дѣйствовать точно такъ же, какъ и я». Когда же готовившаяся къ исповѣди Трунова высказала Старцу свое опасеніе, какъ бы ей не забыть кое-что изъ того, о чемъ напоминать ей Старець, онъ сказалъ: «Если что забудешь, о. Макарій напомнитъ, а если и онъ о чемъ не напомнитъ, то, когда придетъ ко мнѣ, я ему напомню». Съ того времени она стала духовною дочерью о. Макарія. Все это было, по замѣчанію Труновой, мѣсяца за два до кончины старца о. Леонида.

Отпуская на этотъ разъ Трунову изъ Оптиной обратно въ свой монастырь, Старець еще подтвердилъ ей, что онъ скоро умереть, и велѣлъ втайнѣ передать двумъ борисовскимъ монахинямъ, чтобы пріѣхали проститься съ нимъ, что, конечно, въ свое время и было ими исполнено. А кромѣ того, Старець вручилъ Труновой письмо къ одной изъ бывшихъ подъ опалою ученицъ своихъ въ Бѣлевскомъ женскомъ монастырѣ, м. Павлинѣ, и крѣпко заповѣдалъ ей всячески добиться, чтобы отдать м. Павлинѣ письмо въ собственныя ея руки и отъ его имени сказать ободрительное: «Не унывай!» – Пріѣхавши въ Бѣлевъ, Трунова, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, остановилась не на монастырской гостиницѣ, а на частной квартирѣ; ибо бѣлевскія старцевы ученицы были въ большемъ подозрѣніи, и за ними слѣдили. Когда Трунова подошла къ келліи м. Павлины, первая вышла ей навстрѣчу, вѣроятно, какъ изгнанница, прибывшая сюда на время, м. Анѳіа съ вопросомъ: «Что

вамъ надо?» – «Мнѣ надо, – отвѣчала Трунова, – видѣть м. Павлину». – Мать Анѳіа сказала, что она нездорова. – «Но у меня есть письмо къ ней отъ батюшки о. Леонида, – продолжала Трунова, – и Батюшка велѣлъ мнѣ передать его письмо въ собственныя ея руки». – Тогда только м. Анѳіа, передавъ слова Труновой м. Павлинѣ, вызвала ее для свиданія. Вышла м. Павлина, блѣдная, худая. Видно было, что сильная скорбь до безнадежія точила ея сердце. Трунова передала ей письмо и сказала: «Батюшка не велить вамъ унывать». – Слезы радости при этихъ словахъ полились изъ глазъ м. Павлины и оросили какъ старцево письмо, такъ и принесшую его. Разспросамъ не было конца: «Какъ же это вы его видѣли? И гдѣ же видѣли?»

Кстати продолжимъ еще рѣчь о бѣлевскихъ страдальцахъ. Много скорбнаго досталось на долю невинно оговоренной м. Анѳіи и преданныхъ ей сестеръ. По изгнаніи изъ монастыря она и Марія Николаевна Сомова не знали, гдѣ главу приклонить, потому что, куда ни являлись, вездѣ ихъ принимали съ недовѣріемъ и подозрѣніемъ. Пріѣхавши въ Воронежъ, м. Анѳіа желала пріютиться, хоть на нѣсколько времени, въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ. Встрѣтившись съ одной монахиней, она спросила: «Не была ли здѣсь М. Н. Сомова?» Монахиня съ боязнію отвѣтила: «Была и пробыла у насъ нѣсколько дней; но мы боимся объ этомъ и говорить, чтобы самимъ не попасть въ бѣду. Говорятъ, она какая-то опасная еретичка. А еще, слышно, была тамъ въ Бѣлевѣ какая-то Анѳіа, такъ ту, говорятъ, въ Сибирь сослали». – Слыша о себѣ такой отзывъ, м. Анѳіа,

конечно, должна была скоро удалиться из Воронежа и въ ожиданіи какой-либо перемѣны проводить скитальческую жизнь.

Великимъ скорбямъ и униженіямъ подвергались и оставшіяся въ монастырѣ единомысленныя съ м. Аѳеіею сестры. Но во всѣхъ скорбяхъ ихъ поддерживали взаимныя между ними любовь и единодушіе; ибо общія скорби и гоненія, какъ извѣстно, сближаютъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что эти достолюбезныя качества были въ нихъ, такъ сказать, отраженіемъ любви и единомыслія, господствовавшихъ между ихъ старцами руководителями, Леонидомъ и Макаріемъ. По словамъ одной изъ числа бывшихъ въ гоненіи сестеръ, упомянутой выше м. Павлины, радости и скорби у нихъ были общія: если одна изъ ихъ малаго общества была чѣмъ-нибудь утѣшена, то это составляло общую радость для всѣхъ, — онѣ не знали зависти; и, напротивъ, скорбь каждой раздѣлялась и облегчалась общимъ участіемъ и общеою любовію всѣхъ сестеръ. — Также великимъ укрѣпленіемъ и утѣшеніемъ среди скорбей служила для гонимыхъ отеческая любовь старца о. Леонида, который въ это тяжелое для нихъ время не оставлялъ ихъ своими словесными и письменными назиданіями. Утѣшая ихъ, онъ твердилъ имъ: «Потерпите, Господа ради. Печаль ваша въ радость преложится. Вѣрую Господу, — прибавлялъ онъ еще, — насколько Бѣлевская обитель обезславилась, настолько въ послѣдствіи прославится. Вѣрую, что Бѣлевскій монастырь будетъ мой, что будетъ въ немъ моя игуменія». Слыша эти слова о. Леонида, м. Павлина (въ послѣдствіи игуменія Бѣлевскаго

монастыря), извѣстная своею духовною жизнію, въ недоумѣніи размышляла: «Какъ это можетъ быть? Должно быть, для возстановленія нашей обители пришлютъ къ намъ какую-нибудь монахиню изъ Сѣвска». А что слова Старца относились къ ней самой, этого она, находясь въ то время въ скорбномъ и уничиженномъ положеніи, и предположить не могла.

Между тѣмъ время шло, а конца испытанію бывшихъ въ гоненіи еще не было видно. И м. Анѳіа съ М. Н. Сомовой такъ были удручены своимъ неопредѣленнымъ безвыходнымъ положеніемъ, что, какъ можно видѣть изъ приводимаго здѣсь старческаго къ нимъ письма, стали уже и терять вѣру къ старцамъ и въ старчество. По этому поводу онѣ и получили отъ Оптиныхъ старцевъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Достопочтеннѣйшія о Господѣ мать Анѳіа и Марія Николаевна! Мы прочли ваше письмо съ немалымъ удивленіемъ. *Маловѣре, почто усомнился еси* (Мѡ. 14, 31)? – такъ говорилъ Божественный нашъ Спаситель возлюбленному Своему ученику Петру въ то время, когда онъ утопалъ. Теперь тоже потопленіе случилось съ вами. И мы тѣмъ же гласомъ Спасителя взываемъ къ вамъ: *Маловѣре!..* Неужели многократные опыты нашихъ наставленій отъ Божественныхъ Писаній и св. богоносныхъ Отецъ не могли удостовѣрить васъ въ истинѣ спасительнаго пути, коимъ шествовали преподобные отцы, которымъ и мы тщимся подражать, по мѣрѣ силъ нашихъ? Хотя недостойны и скудны въ добродѣтеляхъ, но желаемъ вамъ, хотящимъ спастися, шествовать путемъ, указаннымъ намъ ими, а потому немало огорчаетъ

насъ ваше малодушіе. Если вамъ угодно слушать насъ, то почто злая помышленія входятъ въ сердца ваша? Разсматривая едва не потонку дѣйствіе врага рода чело-вѣческаго, видимъ, какъ онъ тщится подъ предлогомъ истины совратить васъ съ пути избраннаго, съ пути добродѣтели. Спрашиваемъ васъ: можетъ ли учить иностранному языку тотъ, кто не знаетъ онаго? Великое различіе между людьми, дознавшими по опыту и знающими по одному слуху. Кто въ какой чинъ призванъ, тотъ въ немъ да пребываетъ. Опытъ лучшій учитель. Писано есть: *да будутъ тебѣ друзи мнози, но совѣтницы единъ отъ тысящъ* (Сир. 6, 6). А когда усомнѣваетесь въ совѣтахъ и наставленіяхъ нашихъ, почто прибѣгаете къ намъ? Мы никого къ себѣ не привлекаемъ, – вы это знаете.

По уставамъ иноческаго преданія при постриженіи отъ Евангелія передаютъ старицамъ, а не духовнымъ отцамъ, которымъ (т. е. старицамъ) и должны новона-чальныя открывать свою совѣсть для полученія совѣ-товъ и наставленій, какъ противостоятъ искушеніямъ вражіимъ. Но это не есть исповѣдь, а откровеніе. И въ семь случаѣ исполняется апостольское преданіе: *испо-вьдайте другъ другу согрѣшенія ваша* (Іак. 5, 16). Таин-ство же исповѣди совершенно другое и не имѣетъ къ откровенію никакого отношенія. Обязанности духовни-ка совершенно другія, нежели отношенія къ старицамъ. Припомнимъ объ одной синклитикѣ, которую архіерей передалъ одной старицѣ и спросилъ ее, въ какомъ на-ходится исправленіи. Получилъ отвѣтъ, что слишкомъ добра къ ней. Тогда онъ передалъ ее другой старицѣ,

строжайшей и по прошествіи нѣкотораго времени узналъ отъ нея, что сія смягчила ея нравы. Не есть ли оное образъ и нынѣшняго преданія? Мать игуменія ваша поступаетъ благоразумно и сообразно уставамъ иноческаго преданія, желая сестеръ заблаговременно пріучить къ очищенію своей совѣсти, до постриженія въ монашество, а тѣмъ самымъ дѣлаетъ настоящій искусь, по преданію святыхъ Отець, въ иночествѣ просіявшихъ.

Что касается до того, что будто въ келліи безъ священника нельзя молиться, то это болѣе удивленія достойно, нежели вѣроятіе. Сколько видимъ Св. женъ, въ пустынѣ жительствовавшихъ, въ постѣ просіявшихъ! Чѣмъ онѣ занимались, какъ не молитвою въ уединеніи? Святая Марія Египетская въ пустынѣ безъ пресвитера приносила свои молитвы и токмо въ послѣдній годъ жизни удостоилась узрѣть святого Зосиму и принять отъ него Святые Христовы Тайны. Насчетъ же того, что безъ благословенія старицы ничего не дѣлать, это не только полезно, но и спасительно. Изъ множества примѣровъ, имѣющихся въ Патерикѣ и писаніяхъ св. Отець, напоминаемъ о томъ ученикѣ, который, будучи посланъ за послушаніе отъ старца въ городъ, едва не впалъ въ любодѣяніе, но, вспомняувъ старца, невидимою силою былъ восхищенъ и очутился въ келліи своей. Что относится до старцевъ, то въ дѣвичьихъ монастыряхъ подразумѣвать должно о старицахъ. Не всѣ старцы были священники. Сіе ясно видѣть можно изъ житія преподобнаго Пафнута Боровскаго чудотворца (1 мая). Ибо у него въ монастырѣ изъ 700 братій не было ни одного

священника, но всѣ были подъ руководствомъ старцевъ. Итакъ, лучше сообразоваться съ уставами иноческаго житія и быть спокойными.

Въ Добротолюбіи (славянскомъ) въ посланіи св. Касіана къ Леонтину игумену (IV часть) напечатано: „Авва Моисей рече: да не точію, яже творимъ, но и яже помышляемъ, открываемъ отцемъ, и да ни въ чемъ же своему помыслу вѣруемъ, но и во всемъ словесемъ старецъ да послѣдуемъ, и оно быти добро вѣруемъ, еже аще они искусятъ. Сіе же дѣланіе не точію истиннымъ разсужденіемъ и правымъ путемъ инока невредима пребывати устрояетъ, но и отъ всѣхъ сѣтей діавольскихъ безъ вреда того сохраняетъ“. – Сія помянувъ вашей любви отъ многаго малое и поручая васъ покрову Божію и слову благодати Его, остаемся ваши недостойные богомольцы, многогрѣшный іеросхимонахъ Леонидъ и многогрѣшный іеромонахъ Макарій. – 19 сентября 1840 г.».

Такъ старецъ о. Леонидъ совмѣстно съ о. Макаріемъ старался утѣшать и ободрять гонимыхъ за правду ученицъ своихъ несмотря на то, что и самъ въ то же время, какъ сказано, терпѣлъ гоненіе. А тутъ еще, по кознямъ вражіимъ, кромѣ стѣсненія отъ начальства, стала въ народѣ разноситься молва, что о. Леонида сошлютъ въ Соловецкій монастырь. Другіе поговаривали, что его переведутъ въ больницу Боровскаго монастыря подъ надзоръ и не позволятъ никому съ нимъ видѣться. Оптинскіе, тихоновскіе и малоярославецкіе ученики о. Леонида съ ужасомъ говорили объ участи семидесятидвухлѣтняго Старца, заточаемаго въ штатную оби-

тель. Страшась за Старца, они опасались и за себя: кто могъ безъ него вести ихъ по пути спасенія. Пока живъ былъ о. Леонидъ, никто для нихъ не могъ назваться старцемъ, ни къ кому не было такой полной вѣры, ничье слово не имѣло такой великой силы. Онъ былъ какъ крѣпкій дубъ, около котораго обвивались они какъ слабыя растенія. Съ отнятіемъ его все падало. Правда, послѣ смерти своей о. Леонидъ какъ бы ожилъ въ лицѣ о. Макарія, но въ то время казалась невозможною жизнь безъ о. Леонида. Ученики предложили Старцу защищаться и оправдываться, и написать близкому знакомому о. архимандриту Сергіевой пустыни Игнатію (Брянчанинову), чтобы заступился за него у членовъ Св. Синода и наипаче у Московскаго митрополита Филарета, бывшаго тогда на чредѣ въ Петроградѣ. Отецъ Леонидъ отказался. Съ непоколебимою вѣрою въ охраняющій насъ Промыслъ, не попускающій искушеній паче силъ нашихъ, а можетъ быть, и пріявъ свыше извѣщеніе, что Оптина Пустынь будетъ его могилою, Старецъ на всѣ опасенія и жалостныя о немъ рѣчи отвѣчалъ молчаніемъ, плелъ свои пояски и принималъ по-прежнему приходящихъ. Тогда уже и о. Макарій, во главѣ всѣхъ, рѣшился убѣждать старца о. Леонида, чтобы поберегъ себя, по крайней мѣрѣ, для учениковъ. – «Что съ нами будетъ, Батюшка, если васъ переведутъ въ Боровскъ?» – «Не переведутъ, – отвѣчалъ утвердительно о. Леонидъ, – я здѣсь умру». – «Батюшка! – возразилъ о. Макарій, – да мы малодушны, мы не имѣемъ вашей вѣры. Умилосердитесь надъ нами и разрѣшите мнѣ написать къ о. Игнатію. Вы только подпишите, –

объ этомъ всѣ васъ умоляемъ». Нѣсколько времени продолжались усиленные просьбы учениковъ. Наконецъ о. Леонидъ преклонился на мольбы чадъ своихъ и, видя, что отъ него не отстаютъ, и страхи за него съ каждымъ днемъ усиливаются, сказалъ о. Макарію на послѣднее его прошеніе: «Пиши, что хочешь — я подпишу, не читая». — Отецъ Макарій воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ Старца и отъ его имени составилъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, написано было слѣдующее:

«Вы желаете успокоить меня при старости лѣтъ моихъ, изыскиваете мѣры и средства къ тому... Вполнѣ сіе чувствую и, пріемля, приношу вамъ мою искреннюю благодарность. Что же касается до положенія моего, въ какомъ я теперь нахожусь, скажу вамъ: извѣстныя вамъ, можетъ, наши обстоятельства, касающіяся до личности моей, при Божіей помощи, благодушно пріемлю. Хотя и не смѣю сказать: „Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ“, но знаю, что милосердый Господь, вѣдый немощь мою, таковыя посылаетъ искушенія, во еже бы возмощи и понести ихъ; и вѣрую, что безъ воли Его ничтоже можетъ послѣдовать, а что происходитъ, все есть на пользу и ко спасенію многгрѣшной души моей... Въ отношеніи же къ ближнимъ обязанъ принять участіе въ скорбяхъ и сострадать имъ съ соболѣзнованіемъ, видя ихъ немощствующихъ и еще требующихъ охраненія отъ вредящихъ чувствамъ случаевъ и опасаясь, да не будутъ оныя имъ преткновеніемъ и соблазномъ къ ущербу душевнаго ихъ устроенія... Я не сопротивляюсь вашему ко мнѣ усердію, а что Господь

возвѣститъ вамъ сдѣлать къ успокоенію моей старости, или сказать къ защитѣ меня противъ ложныхъ клеветъ, усердно вамъ буду благодаренъ и тѣмъ болѣе, что сіе относится не къ одному мнѣ, но и къ благорасположеннымъ по Бозѣ ко мнѣ. И, конечно, за то не лишитъ васъ Господь награды Своей, какъ за состраданіе ближнимъ».

Письмо, написанное о. Макаріемъ и безъ прочтенія подписанное старцемъ Леонидомъ, послано было въ Петербургъ. Въ это время въ Сергіевой пустыни (Петербургской губ.) жилъ одинъ изъ учениковъ Старца, какъ будто нарочно занесенный туда на краткое время для участія въ этомъ дѣлѣ. Къ нему то и отослано было письмо о. Макарія или о. Леонида скитскимъ монахомъ Іоаннікіемъ, постриженникомъ и духовнымъ сыномъ о. Леонида, для передачи о. архимандриту Игнатію и для общаго содѣйствія. Письмо получено было вечеромъ, а на слѣдующее за симъ утро о. архимандритъ отправился къ митрополиту Филарету для объясненія дѣла. Вскорѣ затѣмъ святитель Филаретъ написалъ въ Калугу къ епископу Николаю, что «ересь предполагать въ о. Леонидѣ нѣтъ причины», и немедленно слухи объ удаленіи Старца изъ Оптиной замолкли.

Удивляться надо тому, что какія бы перемѣны ни происходили въ положеніи старца о. Леонида, онъ все принималъ равнодушно, много не тревожась ими. — «Всеобщій и всезлбный врагъ діаволь, — писалъ онъ одному духовному своему сыну, — хотя и многія творить подсады намъ, но ничтоже успѣетъ, если мы будемъ уповать на Бога, помня сіе ученіе: *блаженни*

есте, егда поносятъ вамъ и изженутъ и рекутъ всякъ золь глаголъ на вы, лжуще, Мене ради: радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ¹¹⁷. – И хоть есть нѣчто смущенное въ насъ, но Господь всемогущій поколь сохраняетъ мое ничтожество, и впредь уповаю и вручаюсь Промыслу Его». – «Вы печетесь о моей худости, что я будто нахожусь въ оскорбленіи, – писалъ Старецъ другому лицу. – Попечение сіе доказываетъ чувства вашей ко мнѣ любви, и я за оное чувствительно васъ благодарю. Но что касается до меня, то благодареніе всевышнему и всеблаговому о мнѣ Промыслу! Не вижу таковыхъ скорбей, которыя были бы невыносимы. Аще и какія случаются, то получаю и помощь Божию, во еже понести оныя. Невозможно же, чтобы совершенно избавиться ихъ, когда намъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ оставилъ ихъ, яко наслѣдіе. Самъ бо пострада за насъ. И св. апостолы между многими ученіями о терпѣніи и необходимости скорбей написали и сіе, что многими скорбѣми подобаетъ намъ внити во Царствіе Небесное¹¹⁸. Посему, не ища добровольно скорбей, должно повиноваться волѣ Божіей. Какія ему угодно послать намъ скорби, принимать должны всѣ съ благодареніемъ». – Съ такими чувствами встрѣчалъ Старецъ и переносилъ всѣ причиняемыя ему скорби, и о собственной своей участи здѣсь на землѣ вовсе не заботился.

При послѣднемъ свиданіи преосвященнаго калужскаго Николая съ старцемъ о. Леонидомъ, когда уже

¹¹⁷ Мѣ. 5, 11, 12.

¹¹⁸ Деян. 14. 22.

перестали стѣснять его въ пріемѣ посѣтителей, Владыка все-таки не преминулъ упрекнуть его въ этомъ: «Ну что, старикъ, тебѣ все неймется? Сколько тебѣ ни за-прещай, ты все возишься съ этою безтолковой толпой. Пора бы тебѣ это оставить. Вѣдь умирать пора». – Правдивый и прямодушный Старецъ благодержновенно отвѣтилъ: «Владыко святой! Уже не къ чему мнѣ остав-лять то, къ чему я призванъ. *Пою Богу моему, дондеже есмь*¹¹⁹. Я и гоню ихъ отъ себя палкою, какъ вы мнѣ го-ворили, да вотъ не слушаютъ». – Затѣмъ прибавилъ еще: «А не угодно ли вамъ спросить у нихъ, зачѣмъ они ко мнѣ обращаются, – я вѣдь ихъ къ себѣ не зову». – Но на это предложеніе Старца Владыка только разсмѣялся и сказалъ: «Вотъ еще какую штуку выдумалъ!» – Меж-ду прочимъ, оставилъ Старца жить и дѣйствовать, какъ ему угодно, – вѣрнѣе же сказать, – какъ указалъ ему Самъ Господь.

¹¹⁹ Пс. 145, 2.

Глава XIV

Блаженная кончина старца о. Леонида и погребеніе

риблизился, наконецъ, опредѣленный Богомъ старцу Леониду день и часъ перейти отъ міра сего. Объ этомъ онъ давно уже имѣлъ предчувствіе или предувѣдомленіе отъ Господа, потому многимъ говорилъ положительно о близости своей кончины. Такъ одинъ военный, ревнуя о спасеніи души своей, возложилъ на себя вериги и, слыша о прозорливости Старца, пожелалъ видѣть его. Пришедши же въ обитель, онъ засталъ о. Леонида въ церкви у ранней обѣдни, по окончаніи которой и пошелъ за Старцемъ вмѣстѣ съ прочими, желая принять отъ него благословеніе. Старецъ, благословляя, началъ уговаривать его, чтобы снялъ вериги. «Батюшка! – сказалъ военный, – благословите еще годокъ поносить, тогда я приду къ вамъ, и вы сами снимете съ меня». Такъ разговаривая, они дошли до мѣста, гдѣ нынѣ похоронено тѣло о. Леонида. Въ отвѣтъ на просьбу военнаго Старецъ, показывая палкой на это мѣсто, сказалъ ему: «Черезъ годокъ я буду вотъ гдѣ; а ты теперь съ ними».

Такъ и случилось; черезъ годъ о. Леонидъ былъ похороненъ на указанномъ имъ мѣстѣ.

«На другой годъ по поступленіи моемъ въ Оптину Пустынь, – рассказывалъ іеромонахъ Анатолій¹²⁰, – произошло у меня сильное желаніе уйти для жительства на Аѡонъ. Сперва я объяснилъ свое желаніе батюшкѣ о. Макарію. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Живи въ Скиту по-аѡонски; тогда и Скитъ будетъ для тебя Аѡономъ“. Я этимъ не удовлетворился, пошелъ къ старцу о. Леониду и сталъ его просить, чтобы онъ благословилъ меня отправиться на Аѡонъ. Какъ онъ зашумитъ на меня, затопасть: „Куда ты, – говорить, – хочешь идти, бездѣльникъ этакій? Послушникъ неопытный, еще не утвердившійся въ монашеской жизни, а вздумалъ на Аѡонъ идти. Чтобы ты у меня никогда и не думалъ объ этомъ!“ Такъ я и ушелъ отъ Старца. Но желаніе идти на Аѡонъ не оставляло меня. Прихожу къ Старцу въ другой разъ и уже начинаю просить его настойчиво, чтобы онъ отпустилъ меня изъ Оптиной. Старецъ опять зашумѣлъ, было, на меня, но, замѣтивъ, что я остаюсь непреклоненъ въ своемъ желаніи, вдругъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня обѣими руками, прижалъ къ своей груди и съ нѣжною отеческою любовію началъ говорить: „Арсеньюшка! Что же ты дѣлаешь? Вотъ ты уйдешь на чужую сторону, а отецъ твой тутъ умереть безъ тебя. Каково тебѣ будетъ, когда ты услышишь объ этомъ?“ Тутъ я заплакалъ, упалъ ему въ ноги и, испросивъ прощеніе въ своей

¹²⁰ Скончался 18 февраля 1880 г. Былъ нѣкоторое время духовникомъ въ Оптиной Пустыни. Въ мірѣ именовался – Арсеній Артемьевичъ Вулковскій-Буднинъ, харьковскій мѣшанинъ.

безразсудной просьбѣ, остался жить въ Оптиной. Спустя годъ послѣ этого батюшка о. Леонидъ скончался».

Въ іюнѣ 1841 г. было послѣднее посѣщеніе Старцемъ Тихоновой пустыни, гдѣ по его благословенію начали строить новую трапезу. Говоря о начатой постройкѣ, Старецъ сказалъ о. настоятелю: «Не увижу я, видно, вашу новую трапезу». – Когда же о. настоятель возразилъ: «Можетъ, Господь продлитъ вашу жизнь, и еще насъ утѣшите своимъ посѣщеніемъ»; – Старецъ опять сказалъ: «Нѣтъ, едва ли до зимы проживу и здѣсь уже больше не буду». – Приѣхавши же въ Оптину Пустынь, говорилъ многимъ: «Зимы не доживу» – и давалъ нѣкоторымъ конечное рѣшеніе въ недоумѣніяхъ.

Одному знатному лицу, посѣтившему Оптину Пустынь лѣтомъ 1841 г., Старецъ говорилъ: «Поживи, если хочешь, до ноября, схоронишь меня». Но тотъ не рѣшился остаться; а когда впослѣдствіи дошло до него извѣстіе о кончинѣ о. Леонида, весьма удивился, что сбылись его слова.

Незадолго до кончины старца о. Леонида посѣтилъ Оптину Пустынь и Старца постриженникъ Св. Аѳонской Горы инокъ Парееній, бывшій впослѣдствіи игуменомъ новосозданнаго имъ Гуслицкаго монастыря въ Московской епархіи. Изъ его разсказа объ этомъ посѣщеніи, между прочимъ, видно, что Старецъ почти до конца своей жизни, пока имѣлъ возможность, проводилъ время въ обычныхъ своихъ занятіяхъ, – плелъ пояски и вмѣстѣ принималъ посѣтителей¹²¹. Такъ онъ повѣствуетъ:

¹²¹ См.: Сказаніе о странствіи инока Пареенія. Ч. I. Москва, 1856. С. 275–280.

«Изъ Бѣлобережской пустыни я въ пятый день прибылъ въ общежительную Оптину Пустынь, что въ Калужской губерніи близъ города Козельска. Прежде за много лѣтъ я слышалъ о живущемъ въ Оптиной Пустынѣ великомъ старцѣ іеросхимонахѣ Леонидѣ и да-вно желалъ видѣть его, насладиться его бесѣды и получить отъ него наставленіе и въ скорбяхъ своихъ утѣшеніе. По прибытіи моемъ въ Оптину Пустынь я нетерпѣливо желалъ сходить къ о. Леониду, съ надеждою получить себѣ утѣшеніе и, разспросивъ о келліи его, пошелъ къ нему немедленно. И пришедши въ его сѣни, убоаяся, ово отъ радости, что сподоблюсь видѣть такого великаго отца, ово отъ мысли, какъ я недостойный явлюсь предъ такого великаго Старца, и долго, стоя въ сѣняхъ, опасался отворить дверь. Потомъ вышелъ его ученикъ. Я спросилъ: „Можно взойти къ Старцу?“ – Онъ отвѣчалъ: „Можно“. Потомъ я вошелъ къ нему въ келлію, но тамъ еще болѣе убоаяся и вострепеталъ. Ибо почти полная келлія была людей разнаго званія: господъ, купцовъ и простыхъ, и всѣ стоятъ на колѣняхъ со страхомъ и трепетомъ, какъ предъ грознымъ судіею, и каждый ожидаетъ себѣ отвѣта и наставленія. И я также позади всѣхъ палъ на колѣни. Старецъ же сидитъ на кроваткѣ и плететъ поясъ. Это было его рукодѣліе, – плести пояски и давать посѣтителямъ въ благословеніе. Потомъ Старецъ возгласилъ: „А ты, аѳонскій отецъ, почто палъ на колѣни? Или ты хочешь, чтобы и я сталъ на колѣни?“ – Я утѣшилъ отъ того, что никогда онъ меня не видалъ и не зналъ, въ одеждѣ же я былъ простой, а назвалъ меня отцомъ аѳонскимъ.

Я отвѣчалъ: „Прости мя, отче святой, Господа ради; я повинуюсь обычаю: вижу, что всѣ стоять на колѣняхъ, и я палъ на колѣни“. – Онъ же сказалъ: „Тѣ люди мірскіе, да еще и виновные, – пусть они постоятъ; а ты монахъ, да еще аѳонскій; встань и подойди ко мнѣ“. Вставши, я подошелъ къ нему. Онъ же, благословивши меня, приказалъ сѣсть съ нимъ на кровать и много меня спрашивалъ о Св. Горѣ Аѳонской, и о иноческой жизни, и о монастырской общежительной, и о прочихъ аѳонскихъ уставахъ и обычаяхъ, а самъ руками безпрестанно плететь поясъ. Я все подробно рассказалъ; онъ же отъ радости плакалъ и прославлялъ Господа Бога, что еще много у Него есть вѣрныхъ рабовъ, оставившихъ міръ и всякое житейское попеченіе, и Ему, Господу своему, вѣрою и любовію служащихъ и работающихъ. Потомъ началъ отпускать людей и каждому врачевалъ душевныя и тѣлесныя его болѣзни, тѣлесныя – молитвою, а душевныя – отеческою любовію и кроткими словами и душеполезнымъ наставленіемъ, иныхъ строгимъ выговоромъ и даже изгнаніемъ изъ келліи.

Между этими людьми стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ одинъ господинъ, пріѣхавшій на поклоненіе въ обитель и для посѣщенія великаго Старца. Старецъ спросилъ его: „А ты что хочешь отъ меня получить?“ Тотъ со слезами отвѣтилъ: „Желаю, отче святой, получить отъ васъ душеполезное наставленіе“. Старецъ спросилъ: „А исполнили ли ты, что я тебѣ прежде приказалъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, отче святой, не могу того исполнить“. Старецъ сказалъ: „Зачѣмъ же ты, не ис-

полнивши перваго, пришелъ еще и другого просить?“ Потомъ онъ грозно сказалъ ученикамъ своимъ: „Вытолкайте его вонъ изъ келліи“ – и они выгнали его вонъ. Я и всѣ тамъ бывшіе испугались такового строгаго поступка и наказанія. Но Старецъ самъ не смутился и паки началъ съ кротостію бесѣдовать съ прочими и отпускать людей. Потомъ одинъ изъ учениковъ сказалъ: „Отче святой, на полу лежитъ златница“. Онъ сказалъ: „Подайте ее мнѣ“. Они подали. Старецъ сказалъ: „Это господинъ нарочно выпустилъ изъ рукъ, и добре сотворилъ, ибо пригодится аѳонскому отцу на дорогу“. И отдалъ мнѣ полуимперіаль.

Потомъ я спросилъ Старца: „Отче святой, за что вы такъ весьма строго поступили съ господиномъ?“ Онъ же отвѣчалъ мнѣ: „Отецъ аѳонскій! Я знаю, съ кѣмъ какъ поступать: онъ рабъ Божій и хочетъ спастися, но впалъ въ одну страсть, – привыкъ къ табаку. Онъ прежде приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ о томъ; я приказалъ ему отстать отъ табаку и далъ ему заповѣдь болѣе никогда не употреблять его и, пока не отстанетъ, не велѣлъ ему и являться ко мнѣ. Онъ же, не исполнивши первой заповѣди, еще и за другой пришелъ. Вотъ, любезный отецъ аѳонскій, сколько трудно изъ человѣка исторгать страсти!“»

«Когда мы бесѣдовали, привели къ нему три женщины одну больную, ума и разсудка лишившуюся, и всѣ три плакали и просили Старца о больной помолиться. Онъ же надѣлъ на себя епитрахиль, положилъ на главу болящей конецъ епитрахили и свои руки и, прочитавши молитву, трижды главу больной перекрестилъ и прика-

заль отвести ее на гостиницу. Сіе сдѣлалъ онъ сидя; а потому онъ сидѣлъ, что уже не могъ встать, былъ боленъ и доживалъ послѣдніе свои дни. Потомъ приходили къ нему ученики, монастырскіе братія, и открывали ему свою совѣсть и свои душевныя язвы. Онъ же всѣхъ врачевалъ и давалъ имъ наставленія. Потомъ говорилъ имъ, что приближается къ нему кончина, и сказалъ: „Доколѣ вы, чада мои, не будете мудры, яко змія и цѣли, яко голубіе? Доколѣ вы будете изнемогать? Доколѣ вы будете учиться? Уже пора вамъ и самимъ быть мудрыми и учителями, а вы сами ежедневно еще изнемогаете и падаете. Какъ вы будете жить безъ меня? Я доживаю послѣдніе дни и долженъ оставить васъ и отдать долгъ естеству своему, и отойти ко Господу моему“. — Ученики, слышавши сіе, горько плакали. Потомъ всѣхъ отпустилъ, и меня также.

На другой день я паки пришелъ къ нему, и онъ паки принялъ меня съ любовію и много со мной бесѣдовалъ. Потомъ пришли вчерашнія женщины, и больная была съ ними, но уже не больная, а совершенно здоровая. Онъ пришелъ благодарить Старца. Видѣвши сіе, я удивился и сказалъ Старцу: „Отче святой, какъ вы дерзаете творить такія дѣла? Вы славою человѣческою можете погубить всѣ свои труды и подвиги“. Онъ же въ отвѣтъ сказалъ мнѣ: „Отецъ аѳонскій! Я сіе сотворилъ не своею властію, но это сдѣлалось по вѣрѣ приходящихъ, и дѣйствовала благодать Святаго Духа, данная мнѣ при рукоположеніи; а самъ я человѣкъ грѣшный“. Слышавши сіе, я весьма воспользовался его благимъ разсужденіемъ, вѣрою и смиреніемъ. Потомъ паки при-

ходилъ вчерашній господинъ и просилъ у Старца прощенія со слезами. Онъ же простилъ и приказалъ исполнять то, что приказано было прежде. Потомъ отпустилъ насъ всѣхъ.

Я препроводилъ въ Оптиной Пустыни цѣлую седмицу и торжествовалъ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Торжественное было всенощное бдѣніе: на полвелѣе всѣ три псалма пѣли нараспѣвъ по стихамъ; всѣ братія и весь народъ стояли со свѣчами. И многажды я посѣщалъ тихій и безмолвный Скитъ, который отстоитъ отъ монастыря съ полверсты посреди лѣсу, и многажды тамъ бесѣдовалъ съ отцами, іеросхимонахомъ Іоанномъ, обратившимся изъ раскола, также и съ духовникомъ іеромонахомъ Макаріемъ. Многажды бесѣдовалъ и съ страннолюбивымъ оптинскимъ игуменомъ Моисеемъ. Потомъ отправился въ путь. А старецъ Леонидъ послѣ меня чрезъ мѣсяць кончилъ жизнь свою и отошелъ ко Господу своему».

Приведенные здѣсь рассказы ясно показываютъ, что старцу о. Леониду извѣстно было время его кончины. Теперь же будемъ говорить и о кончинѣ.

Съ первыхъ чиселъ сентября Старецъ началъ ослабѣвать здоровьемъ и болѣлъ недѣль пять. Болѣзнь его была водяная, причеиъ онъ чувствовалъ сильную боль въ правомъ боку, въ груди скопленіе мокротъ и въ животѣ большую затвердѣлость. Окружавшіе Старца желали позвать лѣкаря, но онъ на это не согласился и никакихъ лѣкарствъ не хотѣлъ принимать.

До 15 сентября Старецъ, хотя съ трудомъ, но по-немногу ходилъ еще по келліи и въ праздники – Рожде-

ства Пресвятыя Богородицы и Воздвиженія Честнаго Креста Господня, на всенощномъ бдѣніи, которое, по болѣзни его, служили для него въ келліи, въ положенное время, поддерживаемый братіями, самъ кадилъ и пѣлъ величаніе.

15 числа Старецъ былъ особорованъ святымъ елеємъ, при большемъ стеченіи любившихъ его братій. Къ самому этому времени, какъ бы предувѣдомленные, пріѣхали въ Оптину Пустынь настоятель Малоярославецкаго монастыря игумень Антоній и настоятель Тихоновой пустыни ученикъ старца Леонида о. Геронтій. Они-то вмѣстѣ съ сотрудникомъ Старца о. Макаріемъ и жившимъ въ Скиту на покоѣ игуменомъ Варлаамомъ, при участіи казначея іеромонаха Гавріила, іеросхимонаха Іоанна и іеромонаха Іосифа, и совершили Таинство елеосвященія.

Съ этого дня Старецъ особенно началъ готовиться къ кончинѣ. Онъ прощался съ приходившими къ нему братіями и, благословляя ихъ, иному давалъ книгу, другому образъ, и никого не оставилъ безъ утѣшенія.

28 сентября, сообщившись Св. Христовыхъ Таинъ, больной пожелалъ, чтобы былъ пропѣтъ канонъ на исходъ души, – что и было исполнено. Окружавшіе его братія смутились и, размысливъ о своемъ сиротствѣ, начали съ плачемъ просить его не оставить ихъ въ скорби. Онъ же, слыша и видя сіе, возмутился духомъ и, прослезившись, сказалъ: «Дѣти! Если у Господа стяжу дерзновение, всѣхъ васъ къ себѣ приму. Я васъ вручаю Господу. Онъ вамъ поможетъ теченіе сіе скончати; только вы къ Нему прибѣгайте. Онъ сохранитъ васъ отъ

всѣхъ искушеній. А о семъ не смущайтесь, что канонъ пропѣли. Можетъ быть еще разъ шесть или семь пропоете». – Дѣйствительно, съ 28 сентября до дня блаженной кончины Старца, послѣдовавшей 11 октября, канонъ пропѣтъ былъ восемь разъ. Пищи въ это время онъ никакой не принималъ, кромѣ малой части воды. Его укрѣплялъ только одинъ Небесный Хлѣбъ – пречистыя Тѣло и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, ибо онъ въ эти послѣднія двѣ недѣли двѣнадцать разъ сподобился принятія сего Таинства.

Съ 6 октября Старецъ уже не могъ вставать съ постели и, видимо, жестоко страдалъ, – все тѣло его опухло. Лежа на смертномъ одрѣ, онъ взывалъ умиленнымъ гласомъ: «О Вседержителю! О Искупителю! О Премилосердый Господи! Ты видишь мою болѣзнь; уже не могу болѣе терпѣть: пріими духъ мой въ мирѣ». И потомъ: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой». Также и къ Преподобнословенной Матери Пресвѣтѣй Богородицѣ взывалъ, прося отъ Нея помощи. Приходившимъ же отцамъ и братіямъ говорилъ: «Помолитесь, чтобы Господь сократилъ мои страданія». Но потомъ опять, повинувся волѣ Божіей и поручая себя Его Промыслу, взывалъ: «Господи, да будетъ воля Твоя! Якоже Тебѣ угодно, тако и сотвори».

«Дня за два или за три до кончины Старца, – рассказывалъ его келейникъ Іаковъ (впослѣдствіи іеромонахъ Кіево-Печерской Лавры Іоакимъ), – какъ вышло такое время, что оставался при Старцѣ одинъ я, пришло мнѣ желаніе, чтобы онъ сказалъ мнѣ что-либо на пользу. Старецъ быстро взглянулъ на икону и перекрестился съ

произнесеніемъ словъ: „Благодарю Тебя, милостивый Создателю мой Господи, что я избѣжалъ тѣхъ бѣдъ и скорбей, которыхъ ожидаетъ грядущее время; но не знаю, избѣжите ли вы ихъ. – Поди сюда, Яша!“ – Я подошелъ. Старецъ благословилъ меня и еще повторилъ тѣ же самыя слова. Я, какъ былъ въ то время младъ и неопытенъ, не спросилъ Батюшку, какія это бѣды и скорби. А послѣ его кончины и желалъ бы знать, да уже было поздно».

Насталъ, наконецъ, послѣдній день жизни старца о. Леонида – суббота 11 октября. Утромъ, въ восьмомъ часу, онъ пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ. Въ это же утро прибылъ въ Оптину Пустынь проститься съ отходящимъ отъ міра сего подвижникомъ бывшій въ той странѣ юродивый Василій Петровичъ Брагузинъ, съ которымъ Старецъ находился въ духовномъ общеніи. Находясь въ 180 верстахъ отъ Оптиной Пустыни въ домѣ гг. Дубровиныхъ, онъ провидѣлъ духомъ кончину старца Леонида и встревожилъ этою вѣстью хозяевъ дома, которые и сами съ нимъ поспѣшили на почтовыхъ пріѣхать въ Оптину обитель. Вошедъ въ келлію больного, Брагузинъ сказалъ: «Надобно переодѣться», – давая симъ разумѣть о скоромъ исшествіи души изъ тѣла. «Василій Петровичъ! Помолись, чтобы Господь избавилъ меня отъ вѣчной смерти», – тихо проговорилъ Старецъ. – «Авось избавить!» – отвѣтилъ протяжно Брагузинъ на эту смиренную просьбу великаго подвижника.

Около 10 часовъ старецъ Леонидъ началъ креститься, говоря: «Слава Богу!» Повторивъ много разъ эти

слова, нѣсколько помолчалъ; потомъ обступившимъ его сказалъ: «Нынѣ со мной будетъ милость Божія». Спустя часъ послѣ этихъ словъ, Старецъ началъ болѣе веселиться духомъ и радоваться сердцемъ; и хотя испытывалъ тяжкія тѣлесныя страданія, но, уповая на будущія воздаянія, не могъ скрыть ощущаемой имъ духовной радости, и лице его начало болѣе и болѣе свѣтлѣть. Заблаговѣстили къ вечернѣ. Старецъ благословилъ ученикамъ своимъ читать малую вечерню, но до конца не могъ выслушать оную. Когда онъ велѣлъ прекратить чтеніе, ученикъ его, вышеупомянутый послушникъ Іаковъ, умиленно сказалъ: «А прочее, Батюшка, вы, вѣрно, будете править тамъ, въ соборѣ Свв. Отецъ?» – такъ какъ наступало празднованіе памяти Свв. Отецъ VII Вселенскаго Собора, положенное въ воскресенье подъ 11-мъ октября. Умиравшій Старецъ нѣсколько разъ воззвалъ: «Слава Богу, слава Богу, слава Тебѣ, Господи!» И вопрошавшимъ его давалъ богомудрые, исполненные великой пользы, отвѣты. Потомъ, простясь со всѣми окружавшими его, поспѣшно отпустилъ ихъ, оставивъ при себѣ одного ученика, который, спустя нѣсколько времени, замѣтилъ рѣдкое его дыханіе и быстрый взглядъ на икону Пресвятыя Богородицы и позвалъ другихъ; но уже Старецъ пересталъ говорить. Посмотрѣвши на предстоящихъ учениковъ своихъ, онъ поднялъ правую руку, перекрестился самъ, затѣмъ благословилъ ихъ всѣхъ, и опять взглянулъ на икону Божіей Матери, какъ будто прося ученикамъ своимъ Ея заступленія. Послѣ сего въ 7 часовъ и 30 минутъ пополудни, закрывъ глаза, тихо испустилъ духъ и пере-

шелъ отъ здѣшнихъ скорбей и болѣзней къ вѣчному успокоенію ¹²².

Многіе усердно преданные Старцу почитатели его въ отдаленныхъ мѣстахъ имѣли тайное и утѣшительное извѣщеніе о блаженной его кончинѣ.

Тѣло старца о. Леонида стояло въ соборномъ храмѣ три дня, не издавая нисколько смертнаго запаха, и согрѣло всю одежду и даже нижнюю доску гроба. Руки его были мягки, какъ у живого, и имѣли особенную бѣлизну. Въ болѣзни же Старець имѣлъ руки и все тѣло холодныя. Многимъ особенно любившимъ его и преимущественно любимому своему келейнику Іакову говорилъ: «Если получу милость Божию, тѣло мое согрѣется и будетъ теплое».

До самаго погребенія церковь съ утра до ночи была полна народомъ, приходившимъ отдать послѣднее цѣлованіе тому, кто былъ духовнымъ отцомъ и безмезднымъ врачомъ всѣмъ приходившимъ къ нему. Также и при погребеніи, которое совершено 3 октября игуменомъ Моисеемъ со всѣми наличными іеромонахами и іеродіаконами, стеченіе богомольцевъ было огромное, какъ будто въ великій праздникъ. Хотя въ монастырѣ нѣтъ обыкновенія цѣловать тѣло умершаго, но посѣтители, будучи побѣждены великою любовію къ почившему, въ продолженіе Литургіи и отпѣванія непрерывно цѣловали

¹²² Небольшой съ мезониномъ корпусокъ, гдѣ скончался старецъ Леонидъ, находится на юго-восточной сторонѣ отъ Казанскаго храма. Въ немъ, исключая мезонинъ, только четыре келліи: при входѣ въ коридоръ на правой сторонѣ двѣ и на лѣвой двѣ. Келлія же, въ которой Старець доживалъ остатокъ дней своихъ и перешелъ въ вѣчную жизнь, обращена на юго-западъ.

его руки со слезами. Когда же настало время выноса, народъ сталъ болѣе и болѣе тѣсниться ко гробу Старца. Но, проникнутые скорбію о потерѣ любимаго отца, братія толпою кинулись нести гробъ его, и уже мірскимъ посѣтителямъ невозможно было подойти къ нему отъ множества братій. Блаженный Василій Петровичъ Брагузинъ на погребеніи, какъ замѣтно было, торжествовалъ духомъ, а прощаясь съ Старцемъ, плакалъ.

Погребено тѣло старца о. Леонида, по общему желанію настоятеля и братій, близъ соборной Введенской церкви за южнымъ придѣломъ св. Николая Чудотворца, рядомъ съ могилою его духовнаго сына и друга о Господѣ Алексѣя Ивановича Желябужскаго, скончавшагося нѣсколькими мѣсяцами ранѣе о. Леонида, 11 іюня того же 1841 г. При жизни своей о. Леонидъ какъ бы шуточно говаривалъ ему: «Старецъ! Мы съ тобой рядушкомъ ляжемъ, бокъ съ бокомъ». Объ этихъ словахъ о. Леонида вспомнили уже послѣ погребенія его и дивлялись точному исполненію ихъ. На могилахъ старца о. Леонида и А. И. Желябужскаго стоятъ два высокихъ памятника одинаковой формы, вылитые изъ чугуна, украшенные позолотою и обведенные чугуною рѣшеткою.

На памятникъ старца Леонида посѣтитель прочтетъ слѣдующія надписи: 1. «Кто есть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти; но блажени умирающіе о Господѣ: ей, почіють отъ трудовъ своихъ». – 2. «Памятникъ сей покрываетъ тѣло почивающаго о Господѣ съ миромъ іеросхимонаха Леонида (Льва), понесшаго благое Христово иго въ монашествѣ 46 лѣтъ; родомъ былъ изъ Карачевскихъ гражданъ, по фамиліи Наголкинъ». –

3. «Уснуль сномъ смерти въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя. Оставиль о себѣ память въ сердцахъ многихъ, получившихъ утѣшеніе въ скорбяхъ своихъ». – 4. «Скончался 11 октября 1841 г.; всего житія его было 72 года». – 5. «Памятникъ сей воздвигнули усердіе и любовь къ нему».

По кончинѣ старца о. Леонида осиротевшіе его духовные дѣти находились въ великой скорби о потерѣ своего духовнаго отца и наставника. Но скорбь эта во всѣхъ растворялась благонадежіемъ, что Старецъ получилъ милость Божію и ходатайствуетъ предъ Богомъ о всѣхъ чадахъ своихъ. Вотъ какъ выражалъ эти общія чувства въ письмахъ къ разнымъ лицамъ ближайшій ученикъ и преемникъ Старца іеромонахъ о. Макарій: «Любезнаго нашего батюшки о. Леонида уже не стало съ нами, тѣло его сокрыла отъ насъ мать сыра земля, а душа отошла вѣрно въ руцѣ Божіи... Вы вѣрно поскорбите о нашемъ сиротствѣ, но вмѣстѣ и утѣшитесь духомъ о его покоѣ, который онъ, несомнѣнно, обрящетъ по милосердію Божію... Видно, время, назначенное для него Божіимъ опредѣленіемъ, приспѣло, и надобно было разлучиться душѣ отъ плоти, освободиться отъ здѣшнихъ скорбей и болѣзней и перейти къ вѣчному покою... Нельзя сомнѣваться, чтобы онъ не удостоился получить милость отъ Господа, и вѣрно будетъ ходатайствовать о насъ грѣшныхъ, странствующихъ въ юдоли сей плачевной и боримыхъ страстями душевными и тѣлесными».

«Пряясно изобразилось, – писалъ о. Макарій къ о. игумену Антонію въ Малоярославецъ, – чувство любви вашей къ достоуважаемому и любезному наше-

му батюшкѣ о. Льву въ писаніи вашемъ, писанномъ ко мнѣ отъ 17 октября, и соболѣзнованіе объ отшествіи его отъ насъ. Вы и окружающая васъ братія точно пролили нелестныя, но искреннія слезы прискорбія о разлученіи съ таковымъ отцомъ. Да, кажется, изъ знавшихъ его немного найдется такихъ, кто бы не принесъ ему сей дани. *Память праведнаго съ похвалами* (Притч. 10, 7), оправдалось надъ нимъ сіе слово. А какія я получаю извѣстія отъ дѣвичьихъ монастырей! Что тамъ было по полученіи писемъ о кончинѣ его! Плачь и рыданіе, и вопль многъ. Въ Сѣвскѣ учредили неусыпаемую Псалтирь до 40 дней и думали, что только нѣкоторыя отверженныя будутъ читать, но вмѣсто того всѣ непрерывъ бѣгутъ почитать память его славословіемъ Божиимъ и моленіемъ о немъ, – до двухсотъ человекъ произвольно читаютъ. Тверская игуменія пишетъ, что не осушаетъ слезъ, что медлила отъѣздомъ и лишила себя видѣть его (Старца) и принять его благословеніе, учредила у себя по немъ поминовеніе и послала въ нѣкоторыя церкви поминать. – Изъ Борисовки пишетъ М. Т., что всѣхъ расположенныхъ къ Батюшкѣ огорчило до зѣла извѣстіе о кончинѣ его; только что-то всѣхъ надежда одушевляетъ объ обрѣтеніи имъ вѣчнаго блаженства, и симъ разгоняется мракъ печали... Поистинѣ наша обитель счастлива, что даровалъ намъ Господь такого добродѣтельнаго подвижника имѣть близъ себя. И хотя мрачная могила сокрыла его тѣло отъ взоровъ нашихъ, но мы мысленно помнимъ и созерцаемъ его къ намъ любовь отеческую и вѣруемъ, что духомъ съ нами пребываетъ».

Глава XV

Заключение

Память праведных съ похвалами
(Притч. 10, 7).

В заключение всего сказаннаго о жизни, подвигахъ и кончинѣ достоблаженнаго старца іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва) отмѣтимъ здѣсь то отрадное знаменательное явленіе, что къ послѣднимъ днямъ жизни сего Старца всѣ неблагопріятствовавшія ему обстоятельства стали измѣняться на лучшія, и предсказанія его исполняться; а вскорѣ послѣ его кончины и все уладилось.

Дѣло о бѣлевскихъ изгнанницахъ и прочихъ ученикахъ о. Леонида, по его прореченію, закончилось полнымъ торжествомъ истины. За нихъ вступился кіевскій митрополитъ Филаретъ, котораго Старецъ письменно просилъ о защитѣ не для себя, а для бѣдныхъ инокинъ, терпѣвшихъ такія невзгоды единственно за то, что желали пользоваться его духовными наставленіями и проводить монашескую жизнь по указанію свв. Отецъ. Кіевскій святитель, какъ уже упомянуто, хорошо и дав-

но знавшій старца о. Леонида, писалъ Тульскому преосвященному Дамаскину въ оправданіе Старца и оклеветанныхъ монахинь. О томъ же писалъ ему и Московскій митрополитъ Филаретъ. И преосвященный Дамаскинъ скоро убѣдился, что введенъ былъ въ заблужденіе ревностію не по разуму священника о. Григорія. Въ концѣ 1841 г., 4 октября, бѣлевскія изгнанницы м. Анѳіа и Марія Николаевна Сомова, по соизволенію Тульскаго Владыки, снова были приняты въ монастырь, такъ что старецъ о. Леонидъ, скончавшійся 11-го октября того же года, за недѣлю до кончины своей былъ утѣшенъ и успокоенъ вѣстію о прекращеніи гоненія на духовныхъ его дочерей. Тогда и книги – «Добротолубіе» и св. Ефрема Сирина, представленныя игуменією Клавдією въ Тульскую консисторію, какъ еретическія, возвращены были владѣлицамъ уже какъ православныя.

Черезъ нѣсколько же лѣтъ послѣ кончины Старца исполнилось и другое его предсказаніе. Именно, въ 1848 г. одна изъ ближайшихъ ученицъ его и м. Анѳіа монахиня Павлина избрана и посвящена во игуменіи Бѣлевскаго монастыря, а м. Анѳіа, постриженная въ мантию съ именемъ Магдалины, назначена казначеєю той же обители и до самой кончины своей была ревностною помощницею игуменіи, особенно въ духовномъ окормленіи сестеръ монастыря, какъ опытная старица, посредствуя между сестрами и игуменією въ ихъ нуждахъ, умиротворяя враждующихъ, смиряя строптивыхъ, утѣшая малодушныхъ, успокоивая немощныхъ и больныхъ. Мать игуменія почитала ее, какъ только мо-

жетъ почитать нѣжная дочь свою родную мать. А уваженіе духовнаго начальства, общая любовь сестеръ и почтительное вниманіе всѣхъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ обители и настоятельницѣ, вполнѣ вознаградило старицу за скорби, претерпѣнныя ею въ началѣ пребыванія въ семъ монастырѣ. При игуменіи Павлинѣ и при казначеѣ и старицѣ Магдалинѣ Бѣлевская обитель, по предсказанію о. Леонида, начала процвѣтать. Преосвященный Дамаскинъ, во все послѣдующее время своего управленія епархіею, своею довѣренностію и отеческимъ вниманіемъ, которыми постоянно отличалъ невинно заподозрѣнныхъ, не только загладилъ въ ихъ сердцахъ память бывшихъ скорбей, но и заслужилъ ихъ общую любовь и благодарную память и за личное его къ нимъ вниманіе и особенно за покровительство и одобреніе того самаго духовнаго отношенія, которое прежде представлено было ему въ извращенномъ видѣ.

Другая ближайшая ученица старца Леонида, вмѣстѣ съ м. Анѳіею болѣе прочихъ пострадавшая во время гоненія, Марія Николаевна Сомова, въ монашествѣ Макарія, въ 1862 г. сдѣлана настоятельницею Каширской женской общины (нынѣ монастыря), въ которой благополучно настоятельствовала до глубокой старости.

Что касается до о. Григорія, виновника бѣлевскихъ нестроений, то онъ, познавъ свою ошибку и вину, хотя не рѣшился принести явное раскаяніе предъ всѣми за явный соблазнъ и возмущеніе многихъ, но втайнѣ много разъ просилъ прощеніе у казначеи Магдалины (бывшей м. Анѳіи) и другихъ бывшихъ въ гоненіи сестеръ.

Впрочемъ, по недовѣдомымъ судьбамъ Божиимъ, онъ восхищенъ былъ изъ жизни сей въ лѣтахъ среднихъ.

Въ самой Оптиной Пустыни разныя волненія и нестроенія стали утихать, ибо вооружавшіеся противъ старца Леонида монахи-старожила, еще при жизни его, какіе повышли изъ Оптиной въ другіе монастыри, а какіе отошли въ жизнь вѣчную. Когда же вывелись въ Оптиной Пустыни недоброжелательныя къ Старцу лица, тогда и скитскій схимонахъ о. Вассіанъ, какъ ни-къмъ не смущаемый, присмирѣлъ.

«Случалось мнѣ (такъ рассказывалъ тихоновскій монахъ Антоній, бывшій прежде о. Алѣксандръ, ученикъ старца Леонида) его видѣть послѣ кончины батюшки о. Леонида. Обыкновенно при свиданіи попривѣтствую его: „Благословите, батюшка“. – Получу сочувственный отвѣтъ: „А, рабе Божій, Богъ благословить. Ну что, – скажете, – скучно послѣ Старца?“ – „Скучно, батюшка, помолитесь!“ – „Да я о рабѣ Божиѣмъ молюсь“. – Таковыя встрѣчи всегда вызывали сердечную горечь и слезы. – „Ну-ну, – прибавить о. Вассіанъ, – терпите, рабе Божій. А старецъ-то, – того – былъ мудрецъ. Макарій-то, рабъ Божій, его дюже слушалъ. А хорошъ вотъ и Макарій, – и меня помнитъ. Спаси его, Господи!“ – Сказалъ я ему еще какъ-то: „Вы, батюшка, не такъ понимаете объ о. Леонидѣ. Сами же говорите, что о. Макарій его слушалъ, а такой старецъ, какъ о. Макарій, кого-нибудь слушать не сталъ бы“. – „Да-да, – смиренно отвѣтилъ о. Вассіанъ, – видно есть за что. Царство ему Небесное!“ – Этотъ простоватый старичокъ скончался въ глубокой старости, лѣтъ 90, мирною христіанскою

кончиною, и на третій или на четвертый послѣ сего день былъ погребенъ самымъ о. игуменомъ Моисеемъ соборнѣ. Во все это время тѣло покойника было мягкое, какъ у живого, – что, по замѣчанію духовно-опытныхъ мужей, служить знакомъ милости Божіей».

Наконецъ и Калужскій преосвященный Николай перемѣнилъ свое мнѣніе о старцѣ о. Леонидѣ, хотя, впрочемъ, нескоро. Долго Владыка увлекался невыгодными о Старцѣ отзывами его недоброжелателей, и никто не могъ разубѣдить его въ томъ. Не разъ пытался высказать объ о. Леонидѣ правду о. игумень Моисей. Но лишь только, бывало, сдѣлаетъ на это намекъ, какъ тотчасъ преосвященный рѣзко прерывалъ его. «Знаю, знаю, – скажетъ, – онъ для тебя дойная корова, значить, все ладно, все сойdetъ». Когда дѣти покойнаго вышеупомянутаго г. Желябужскаго приготовили два одинаковой формы и величины памятника, одинъ на могилу своего родителя, а другой на могилу его духовнаго отца старца о. Леонида, тогда одинъ изъ сыновей Желябужскаго нарочно ѣздилъ въ Калугу просить у преосвященнаго дозволеніе поставить эти памятники на своихъ мѣстахъ. Владыка холодно отвѣтилъ: «Дѣлать нечего, ставьте и надъ о. Леонидомъ, хотя это и излишне, такъ ужъ и быть! Не назадъ же отправлять памятникъ». Поэтому и заключали въ то время, что если бы предварительно стали испрашивать у Владыки дозволеніе отлить памятникъ на могилу старца Леонида, то онъ не дозволилъ бы сего. Можетъ быть, и такъ.

Но вотъ въ 1842 г. вторично посѣтилъ Оптину Пустынь высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ

Кіевскій, какъ и въ первый разъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Кіевъ. Его по обычаю сопровождалъ калужскій епископъ Николай, который и былъ свидѣтелемъ того, какъ великій іерархъ-митрополитъ почтилъ память своего давняго, близкаго къ нему человѣка старца о. Леонида, отслуживъ надъ его могилою литію, а, можетъ быть, при этомъ и разсказалъ преосвященному Николаю что-либо изъ давно минувшаго, что сладкъ воспоминается. Съ того времени и владыка Николай уже переѣмнилъ свое мнѣніе о Старцѣ на лучшее. Послѣ того уже не слышно было съ его стороны шутокъ и насмѣшекъ, когда разговоръ касался старца о. Леонида, а, напротивъ, сталъ онъ относиться къ почившему съ уваженіемъ.

Въ слѣдующемъ же 1843 г. преосвященный Николай, пріѣхавши въ Оптину Пустынь, служилъ соборнѣ панихиду, а потомъ и литію на могилѣ Старца; въ разговорахъ съ настоятелемъ и братіями высказывалъ къ почившему уваженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно выражалъ сожалѣніе, что по недоразумѣнію при жизни Старца не цѣнили его и давалъ вѣру несправедливымъ толкамъ о немъ. — «И я человѣкъ, — говорилъ преосвященный, — и потому могъ ошибаться, повѣривъ тому, что нѣкоторые говорили». — Вмѣстѣ съ тѣмъ Владыка выразилъ желаніе, чтобы собраны были свѣдѣнія о жизни старца о. Леонида и напечатано его жизнеописаніе. — Впослѣдствіи же онъ даже приводилъ слова почившаго Старца въ назиданіе другимъ. Именно, когда малоярославецкій игумень о. Антоній въ 1843 г. по болѣзни просилъ себѣ увольненія на покой, преосвящен-

ный Николай писалъ ему: «Прежнихъ временъ старцы въ подобныхъ случаяхъ говорили съ пророкомъ: *пою Богу моему, дондеже есмь...* Рекомендую и вамъ слѣдовать сихъ богомудрыхъ мужей примѣру».

Такъ смиренному Старцу воздалъ честь тотъ самый архипастырь, который прежде съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ взиралъ на его служеніе въ пользу страждущаго человѣчества! Но болѣе всего оправдало старца о. Леонида время. Достоинство каждаго учителя и правильность его ученія болѣе всего познаются отъ плодовъ ихъ. А извѣстно, что ученіе старца Леонида и его личное вліяніе вездѣ, куда оно ни простиралось и гдѣ съ усердіемъ ни принималось и ни принимается, всегда оказывало и оказываетъ самыя благопріятныя дѣйствія. Трудамъ Старца много обязаны своимъ благоустройствомъ и процвѣтаніемъ три мужскія обители въ Калужской епархіи и пять женскихъ обителей въ другихъ епархіяхъ. Въ этихъ послѣднихъ, отчасти при жизни Старца, отчасти же послѣ его кончины, поставлены были настоятельницами достойныя его ученицы. А кто изочтетъ великое число частныхъ лицъ, иноковъ и мірянъ, которыя чрезъ отеческое его попеченіе обрѣли вѣрный путь къ душевному спасенію и всегда съ благодарностію благословляли память Старца-наставника! Голоса и отголоски противниковъ о. Леонида давно замолкли, а имя его сдѣлалось извѣстнымъ по всей православной Россіи и съ благоговѣніемъ произносится всѣми истинными монахами и читателями монашества. Въ св. обители Оптинской всегда служителями Церкви возглашается ему: «Вѣчная память!» – Сбылось на

немъ и сбывается слово Св. Писанія: Имя мужа благочестиваго переживаетъ *роды*, и *слава его не потребится: премудрость его повѣдаютъ людѣе, и похвалу исповѣсть Церковь* (Сир. 44, 12, 14).

Достойно замѣчанія, что наканунѣ того дня (т. е. въ субботу 11 октября 1841 г.), когда положено Св. Церковію праздновать память Свв. Отцовъ VII Вселенскаго Собора, Господь благоволилъ принять къ Себѣ душу вѣрнаго раба Своего, какъ бы въ обличеніе тѣхъ, которые, по неразумію своему, при жизни называли его еретикомъ.

Итакъ, дивны и предивны дѣла всепремудраго и всеблагаго промысла Твоего, Господи, хотящаго всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити! *Затворилъ бо еси, Боже, всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ* (Рим. 11, 32). Тебѣ слава и благодареніе и поклоненіе подобаешь, Царю Святый, во вѣки безконечные. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Нѣсколько писемъ старца о. Леонида,
въ схимѣ Льва**

1

Пречестнѣйшій и Препочтеннѣйшій нашъ Батюшка отецъ А-ъ ¹²³, усердно желаемъ тебѣ о Единомъ Пресладчайшемъ Господѣ Иисусѣ радоваться!

Спѣшу симъ, при излитіи слезъ, извѣстить васъ о блаженной кончинѣ нашего всеобщаго батюшки отца Θεодора. Воистину блаженна была его кончина. Онъ преставился апрѣля седьмого, въ началѣ девятаго часа пополудни, въ пятокъ Свѣтлой седмицы. Предъ позднею обѣднею самъ отецъ архимандритъ, единственно отъ своего усердія, соборовалъ масломъ; при окончаніи елеосвященія, когда разогнули надъ главою его Евангеліе, во время чтенія послѣдней молитвы – открылось Евангеліе отъ Матѳея – воскресное, то самое, которое читается въ Великую субботу на Божественной литургии.

При всемъ этомъ довольно участвовалъ своимъ усердіемъ отецъ А. Изъ поздней обѣдни пріобщили Святыхъ Таинъ.

¹²³ Впослѣдствіи архимандритъ и намѣстникъ Александро-Нѣвской Лавры.

Онъ отъ Великой Среды ничего хлѣбнаго и даже горячей воды не употреблялъ, кромѣ сухарной воды и квасу, да и то очень мало: глоточка по два. На праздникъ же Пасхи и на второй день принималъ мало молока, раза по два въ день – по два глотка и мало болѣе... Прости, Господа ради, подробно писать отъ слабости не въ силахъ, а ежели заблагоразсудишь, можешь прочесть въ письмѣ къ отцу Г-у ¹²⁴. Ежели же не удастся, то при помощи Божіей, по времени, когда живы будемъ, и будетъ ваше желаніе, то напишемъ, а теперь изнемогъ: правила нынѣ по немъ третины.

На Свѣтлой, дня за два предъ смертію, братія приходили прощаться съ нимъ, а Отецъ архимандритъ неоднократно и съ довольнымъ чувствованіемъ говорилъ съ нимъ и прощался раза три, поразительно, хотя прежде никакой у него съ нимъ не было ссоры. Но вотъ, слава Богу, сверхъ всякаго чаянія и Палеостровский строитель заѣзжалъ изъ П-а, и ласково, съ усерднымъ чувствомъ говорилъ съ нимъ и простился не безъ слезъ. На другой день онъ отправился въ свой монастырь.

Еще достойно вниманія, что нашего отца А-а родной отецъ, пріѣхавшій въ Соловецкій монастырь, по желанію бывъ постриженъ въ мантию (о великомъ же образѣ мало у нихъ понятія было, но только Отецъ его былъ жизни примѣрной и достохвальной простоты всегда держался), по прожитіи въ Соловкахъ съ прибавкомъ 10 годовъ скончался также въ пятокъ на Свѣтлой седмицѣ предъ позднею обѣдней. Отецъ А-ъ очень

¹²⁴ Казначеемъ въ Оптиной Пустыни.

удивляется такому тождеству, т. е. что Премилосердый Господь сподобилъ и духовному его отцу, какъ и родному, преставиться въ пятокъ Свѣтлой седмицы; даже и число седьмое въ ихъ кончинѣ было одно.

И сократя, пребыть имѣемъ съ наичувствительнѣйшимъ почтеніемъ ваши покорные слуги и недостойные сомолитвенники, многогрѣшніи іеросхимонахи Леонидъ и А-ъ, униженно заочно кланяемся и просимъ вашихъ святыхъ молитвъ въ подкрѣпленіе немощей нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Отецъ Θ-ъ и Отецъ И-ъ также вамъ кланяются, а Отецъ В-й особенно свидѣтельствуеть тебѣ свое почтеніе съ поклоненіемъ. 10 апрѣля 1822 г., Александро-Свирскій монастырь.

2

Христось Воскресе!

Пречестнѣйшіе и прелюбезнѣйшіе наши о Господѣ отцы и собратіе, отецъ Г. и отецъ І., усердно желаемъ вамъ о Единомъ Пресладчайшемъ Господѣ Иисусѣ радоватися и благодушествовать.

Пущенное вами писаніе 10 апрѣля мы получили 14-го и содержанію, по силѣ скудоумія нашего, вняли. Хотя мы за премногіе грѣхи наши и нерадѣніе и лишились всеобщаго нашего душевнаго наставника къ спасенію – но что же дѣлать?.. Не отчаемъ себя въ конецъ; ибо когда по его, при послѣднихъ часахъ бывшему, дражайшему наставленію будемъ слѣдовать, то есть, чтобы отнюдь не разлучатися изъ духовнаго нашего сообщества и союза, а пребывать между собою въ совѣтѣ духов-

ной любви и другъ друга послушати, когда сіе наставленіе при помощи Всемогущаго потщимся исполнить, то хотя и находимся въ крайней душевной бѣдности, но вѣруемъ Премилосердому Господу, что онъ, имѣя у Него дерзновение, своими богопріятными молитвами къ неограниченному Его благоутробію всячески и паче будетъ намъ бѣднымъ вспомоствовать; только мы сами должны стараться не отпасть нерадѣніемъ нашимъ отъ духовнаго его мудрованія; а то, хотя тѣломъ и разлучился отъ насъ, но духомъ пребудетъ съ нами.

А что вы пишите, что вамъ находить тамъ иногда трепетная боязнь, дабы чѣмъ не растравиться, этого, по нашему худому разсужденію, мы всѣ вообще должны бояться и трепетать поползновенія, и не токмо въ столицѣ, но гдѣ бы ни случилось житьельствовать.

Что же касается до пищи, кажется, вамъ это уже рѣшено во время нашего личнаго посѣщенія, что предлагаемая съ воздержаніемъ употреблять во славу Божию, а для чревобѣсіа не изыскивать излишняго.

А на счетъ неудовольствій, по мнѣнію вашему, отъ собратій, то всечасно просимъ и молимъ Премилосердаго Владыку нашего, Создателя и Промыслителя, дабы дароваль намъ бѣднымъ разумъ для безпогрѣшительнаго обхожденія съ ними, и въ находящихъ, дабы ниспослалъ терпѣніе. Въ таковыхъ случаяхъ пренужно вспоминать себѣ для утѣшенія авву Кира¹²⁵, коего все братство выгоняли и хухнали и изъ трапезы, и проч. Но онъ при исходѣ изъ тѣла благодарилъ ихъ, что они его иску-

¹²⁵ См. книгу «Лѣствица», св. Іоанна Лѣстничника, слово 4-е.

шали; вмѣсто же того онъ отъ бѣсовъ пребылъ неискушаемъ. Да еще вамъ припомню батюшку, всеобщаго нашего отца Θεодора, скажите – гдѣ его любили?.. И св. Апостоль пишетъ, что *хотящїи благочестно жити... гонимы будутъ* ¹²⁶.

...А большїе ваши, что сѣяли и досѣвають, то пожнуть и жать будутъ до избытка... Признавать же себя во всемъ недостаточными... это пренужно и не токмо намъ, но и всѣмъ вообще; мы же пребѣднѣйшіе какъ скудоумны, то вездѣ намъ должно жить и повсечасно соображаться съ братїею для заимствованїя добраго.

И сократя, просимъ васъ и молимъ вообще, Господа ради, потерпите еще тамо. А что вы въ великомъ граду-сѣ выражаете, что случается вамъ ночевать въ трехъ и болѣе домахъ, это намъ съ вами полезно: вы, видно, забыли слова покойнаго батюшки отца Θεодора; онъ часто повторялъ мысль единаго духоноснаго старца, что намъ должно прїобучать себя такъ, что ежели, времени зовущу, прїйдется и въ тюрьмѣ посидѣть, чтобы и тамъ совмѣстно было.

...Возблагодаримъ Премилосердаго Господа Бога, устрояющаго нашу судьбу въ пользу убогихъ душъ нашихъ, и паки просимъ потерпѣть: можетъ Премилосердый Господь не преподастъ ли намъ каковаго неизреченнаго Своего милосердія!

...Пещись же намъ чрезмѣрно не о чемъ, а только по возможности о убогой душѣ нашей. А когда бѣсовскїе помыслы влекутъ въ душепагубную жизнь, то мы

¹²⁶ 2 Тим. 3. 12.

должны на сіе воображать и помнить, для чего отлучились отъ міра и всего яже въ немъ, – единственно для спасенія своей души; при постриженіи данъ намъ на злые помыслы мечъ духовный, – четки, дабы симъ отражать помыслы, бываемые отъ врага, ибо св. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ: «Иисусовымъ Именемъ бій ратники, не обрящеши бо крѣпчайша оружія ни на небеси, ни на земли». Отцы наши и собратія! Попечемся о спасеніи убогихъ душъ нашихъ и потщимся всегда призывать въ помощь Имя Божіе.

И сократя, пребыть имѣемъ съ нашимъ наичувствительнѣйшимъ почтеніемъ и обычною преданностію, ваши покорные слуги и недостойные сомолитвенники, многогрѣшніи: І. Л., или по формѣ, Леонидъ и Антіохъ ¹²⁷, заочно униженно кланяемся, прося вашихъ святыхъ молитвъ въ подкрѣпленіе немощей нашихъ душевныхъ и тѣлесныхъ. 17 апрѣля 1822 года.

3

Пречестнѣйшая и Препочтеннѣйшая въ монахиняхъ матушка N.! усердно желаемъ вамъ о Пресладчайшемъ Господѣ Иисусѣ Христѣ радоватися и благодушествовати.

Пріятное ваше писаніе получили сего 8 мая и содержанію вняли; на что и отвѣтствуемъ, но только съ великимъ понужденіемъ.

¹²⁷ Старецъ по кончинѣ отца Θεодора въ подписи нѣкоторыхъ писемъ своихъ прилагалъ, изъ смиренія, къ своему имени и имя Антіоха, духовнаго сына своего, хотя послѣдній нисколько не участвовалъ въ его письмахъ.

Что касается до откровения N.N., – мы васъ нудить къ сему многотяжестному игу отнюдь духу не собираемъ; да и нравъ ея отчасти предвидимъ, и законность, полученную ею въ препровождении жизни или по своей волѣ, или въ ея сообщеніи съ различными наставниками и наставницами, что много ей повредило и разрушило до крайности. Это намъ понятно. Но какъ она пишетъ и объясняетъ свою крайность притомъ, и свою, хотя и посредственную, приверженность къ вашему благонравію, отъ чего ощущаетъ иногда отъ васъ нѣкоторую отраду въ своихъ встрѣчахъ; по таковымъ причинамъ мы совѣтуемъ ей, по ея вѣрѣ къ вамъ, объясняться для облегчения отъ наводнения злыхъ помысловъ и страстей, колеблющихъ наши души. Для чего вспомните вторую заповѣдь Господню (Мѡ. 22, 39), въ которой повелѣвается любить ближняго, яко самого себя. Чѣмъ же и какъ любить? Никакъ невозможно и сего исключить, дабы, въ чемъ можемъ, вспомоществовать ближнимъ; и всевозможно да стараемся въ прощающемъ и сострадающемъ духѣ утѣшать, но дабы только по силѣ, сирѣчь, когда, при помощи Божіей, не вредишься сама; а когда кто самъ, при назиданіи другого, повреждается, то совѣтуютъ святіи Отцы слѣдовать лучшему, т. е. себѣ внимать и себя сохранять. Итакъ, по сей части внимайте и усматривайте силу свою и совѣсть. Можешь, благостію Вышняго покрываема, по силѣ и вспомоществовать требующимъ, не скрывая таланта, Богомъ даннаго; ибо какъ сказано во Святомъ Евангеліи: *емуже дано много, и взыщется много*, и также:

*другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ*¹²⁸.

При благоразсмотрѣніи въ нуждѣ бываетъ полезно и самой посовѣтоваться съ благомыслящими; и это похвально – окаявать себя предъ всѣми. А скорбѣть, кажется, не о чемъ, но вникать въ свою совѣсть и не безпокоиться, будто мать Н... вовлечетъ васъ въ молву; просимъ по этой части быть покойными. Но открывать помыслы вашей любви, видно, мать Н... еще духу не собрала, хотя чувствуетъ, что въ разсужденіи малодушествуетъ, но будто ты не понесешь ея немощи; однако это мы только гадательствуемъ. Впрочемъ, ежели вашему сердцу Богъ возвѣститъ, то во время каковой нужды, ради заповѣди Господней, не оставляй ее¹²⁹. А что вы пишете, что вы ни подъ какимъ видомъ не согласитесь принять ее совершенно въ окормленіе, въ разсужденіи своей немощи; мы въ семъ васъ не опровергаемъ; да едва ли и она совершенно можетъ предатися. Кажется, можно гадательствовать, что отнюдь не можетъ по вышеписаннымъ закоснительнымъ навыкамъ. Писано есть: *духъ бодръ, да плоть немощна*¹³⁰.

Что я вамъ напоминалъ насчетъ игуменства, въ томъ прощенія прошу, – я васъ обезпокоилъ своимъ безуміемъ. Ей, матушка, истинно вамъ признаюсь, и не ласкаемъ, и отнюдь не желаемъ, ниже мыслимъ, чтобъ

¹²⁸ Ср. Лк. 12, 48. Гал. 6, 2.

¹²⁹ И да извѣстно вашей любви будетъ, что кто съ большею вѣрою вопрошаетъ, то по толикой же мѣрѣ и Господь преподаетъ разумъ отвѣтствующему въ сказаніи отвѣта.

¹³⁰ Ср. Мѡ. 26, 41.

вы игуменією были, или бы замѣтили въ васъ склонность къ любоначалию; но сердечно утѣшаемся вашему о семь благопріятному и рѣшительному отвѣту; но надмѣніе и тщеславное мнѣніе внутрь вопіеть, что едва ли гомзнетъ мать Z. игум. Но, однако, прости Бога ради, и благодушествуй, и мирствуй, потому что отъ безумія сія пишу. Я вамъ, матушка, истинно объясню, что у меня самого отнюдь не было чувства и воображенія быть начальникомъ; но Премилосердый Господь попустилъ искуситися, да милостію Своею и освободилъ.

Но что по вѣрѣ вашей и отъ частаго понужденія чувствуете облегченіе въ страстяхъ, о семь благодарите Премилосердаго Господа Бога, облегчающаго ваше бремя. Однако бодрствуй и блюди, и остерегайся, — паки врагъ съ наглостію пріидетъ и начнетъ потрясать вашу душевную храмину; но вѣруй, что и помощь невидимо отъ Господа пріидетъ и подкрѣпитъ, и возставитъ къ благодѣиію.

Что жъ касается до вещелюбія и мшелоимства (сирѣчь излишества различныхъ вещей), то сія немощь, по разсужденію святыхъ Отцовъ, горше и пребѣдственнѣе сребролюбія; но да пополняемъ и окаяваемъ себя, и Господь всесилень насъ и судьбу нашу во благоутишный и спасительный устроить конецъ. О пищѣ держи прежде написанный вамъ нами совѣтъ, и будешь спокойна. Уединеніе и хотя чувственное молчаніе, безпрекословное и неоспоримое, есть средство къ спасенію; и опыты всегда показываютъ, и святіи утверждаютъ, что способствуетъ ко всякому благому дѣлу; и обратно, дѣянiе помогаетъ нашему спасенію.

И молитву Іисусову проходи, какъ творишь, и приидеть время, тогда самое дѣло и милосердіе Божіе просвѣтитъ и вразумить вашу душу, какъ и кого воспросить, и пошлется, что ищешь и желаешь. Писано въ тропарѣ священномученикамъ отцамъ, что «дѣяніе обрѣлъ еси, богодухновенне, въ видѣнія восходь». Молитву творить обыкновенно – это дѣяніе, каковую бы (молитву) кто ни творилъ; а видѣніе или восхищеніе ума – то даръ Божій отъ благодати Божіей къ намъ. Канонъ вамъ читать совѣтуемъ акаѳистный одинъ, но только со вниманіемъ сколь возможно. Это справедливо, что кто бы ни былъ, подвижникъ или постникъ, но живущій по своей волѣ, и самъ собою окормляясь, утвержденія и благого разсужденія въ немъ отнюдь не увидишь. Того-то ради св. Симеонъ Новый Богословъ пишетъ въ словѣ 6-мъ, что лучше ученикомъ ученика именоватися, нежели самочинно жити. О семъ же и св. Маркъ Подвижникъ въ посланіи къ Николаю иноку въ 1-й части «Добротолюбія» на оборотѣ 37-го листа пишетъ: «Мнози многими труды и постничествомъ, и злостраданіемъ проидоша, и труды многи Бога ради потерпѣша; но самочиніе, неразсужденіе и нетребованіе отъ ближняго пользы, таковыя ихъ труды нетвердыми и суетными содѣлаша».

Касательно вопроса о молитвахъ, будто къ матери К. писано мною начало; кажется, долженъ быть и конецъ. Послѣ всякаго правила непременно должно читать: Достойно есть яко воистинну; Слава и нынѣ; Господи, помилуй – трижды; молитвами святыхъ Отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе... до конца и отпусти простолю-

денный ¹³¹ Господи Иисусе Христе... до конца. А дважды въ сутки должно присовокуплять послѣ обычнаго отпуска, то есть: послѣ «Господи Иисусе Христе»... поутру послѣ утреннихъ молитвъ и ввечеру послѣ молитвъ на сонъ грядущимъ: «Ослаби, остави, прости, Боже, согрѣшенія наша...» до конца; потомъ молитву: «Ненавидящихъ и обидящихъ насъ», находящуюся въ концѣ великаго повечерія, потомъ повседневную исповѣдь, которую можно сыскать въ мѣсяцесловѣ кievской печати въ самомъ концѣ книги. Каноны читать хотя и должно бы послѣ вечерни и послѣ повечерія, но когда вамъ не вмѣщается – оставьте; а когда позволить случай и время, то, прочитавши каноны, должно и молитвы при канонахъ читать, и конецъ обычный сдѣлать.

И мы непотребніи пребываемъ искреннѣйшими пожелателями вашей любви, благихъ и душеспасительныхъ успѣховъ, – ваши покорные слуги и недостойные сомолитвенники, убозіи и многгрѣшніи І. Л. и схимонахъ Ѳ., заочно земно кланяемся и просимъ вашихъ святыхъ молитвъ въ подкрѣпленіе немощей нашихъ; и всѣ наши собратія и отцы единомушно вамъ кланяются – и всѣмъ вашимъ единомудреннымъ сестрамъ.
15 мая 1817 г. Валаамскій монастырь.

¹³¹ Не священнической.

Къ той же

Ваше преподобіе! Достопочтеннѣйшая о Господѣ сестра и по духу дочь, мать N.! Всеусердно желаю здравствовать душевно и тѣлесно и о Господѣ радоваться.

Пріятное ваше писаніе, пущенное вами съ почтою отъ 27 октября, я получилъ во всякой исправности и, прочитавши, содержанію внялъ по мѣрѣ слабаго моего понятія, изъ коего вижу, что ваша расположенность и усердіе къ моей худости и по днесь не оскудѣваетъ; и вы, по великой своей вѣрѣ, съ сожалѣніемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ объясняете свои немощи. Что касается до вашего обрадованнаго чувства, которое ощущали вы при чтеніи моего ничтожнѣйшаго письма, то я полагаю – сіе не иное что, какъ особенная помощь Божія, утѣшающая васъ немощнѣйшихъ, дабы вы, оскорбленныя отъ тиннаго и піявицами наполненнаго вражіяго езера, за подлежащую нужду прохлажденіе жаждущей души своей получили. Слава Премилосердому Великодаровитому Господу, что возвѣстилъ вашей любви послушать моего недостойнаго совѣта: взявъ душеспасительныя мѣры, преданныя духоносными святыми Отцами, согласныя и со святыми животворящими заповѣдями, Самимъ Спасителемъ заповѣданными: *возлюбиши Господа Бога всѣмъ сердцемъ и всею мыслію, а ближняго яко самого себе*¹³², дабы непреткновенными быть и между тѣмъ ближнихъ любить.

¹³² Ср.: Лк. 10, 27; Мк. 12, 31.

А какъ вы, дочь, при таковой вашей вѣрѣ и благоговѣнствѣ, о назначеніи къ вамъ матери К. смутились и говорите, чтобы она по моему совѣту ничего не начинала и не дерзала безъ васъ дѣлать, и вы пишете, что за сіе оскорбились, – для меня сіе крайне непонятно и темно, что бы это значило? – Я, кажется, на васъ обѣихъ клятвы не наложилъ и ничѣмъ не связалъ. А какъ вы по своей вѣрѣ просите и молитесь, дабы васъ не покинуть, но преподать вамъ душеназидательный совѣтъ, – въ каковой надеждѣ я, непотребный, дерзаю паки объяснить вамъ, что она, К., какъ вы уже сами писали, во время вашей болѣзни служила вамъ со всякимъ усердіемъ и тщаніемъ не для какого интереса и выгодъ, но единственно ради заповѣди Божіей; то почему же, ежели ея вѣра и благорасположенность будутъ къ вамъ, ея положеніемъ не заняться? И вы то худо знаете, что не столько искусство и опыты старческіе дѣйствуютъ, сколько вѣра со упованіемъ вопрошающихъ благодать Божію на насъ вообще привлекаютъ; и вы, дочь, почто скорбите, не разсудя ни мало? Если бы неразсудительно я связалъ васъ съ запрещеніемъ, чтобы ты по всѣмъ частямъ преслѣдовала ея преподобство – мать К. и, словомъ сказать, како бы на бичевкѣ водила, то, точно, отяготительно бы вамъ было. А какъ вы и прежде имѣли одну матушку и отъ одного воспитываемы были духовнаго млека, также и таковую ко другъ другу всегдашнюю отъ частыхъ соображеній получили привычку открываться, – это и понудило мою унылость предложить вышесказанное, хотя для нѣкоторой отрады душъ вашихъ. Что же касается до ея дерзновенныхъ произносовъ въ словахъ, то

мы должны смиреніемъ, самоукореніемъ и терпѣніемъ препобѣждать все; вы сами знаете, что она значительно повреждена, и Господь силенъ ее исправить. Итакъ, если вамъ Премилосердый Господь возвѣститъ меня грѣшнаго послушать, какъ согласнаго съ заповѣдями Господними и преданіями свв. Отцовъ, то извольте понудиться исполнять оное, и надѣюсь, что полезно вамъ будетъ. А когда не извѣстится, то какъ вамъ угодно; только мирствуйте и не смущайтесь. Я, мало того, расположился вамъ еще вручить и Е. какъ она мою худость объ этомъ просить, и по своему чувству и ее также къ вамъ назначаю; и сколько ея вѣры будетъ, столько и пользы будетъ ощущать, а безъ вѣры кто и къ пророку пойдетъ, не получить пользы... И вы на вопросы каждой то можете отвѣчать, что по вѣрѣ ихъ будетъ Богъ вразумлять; а я еще вамъ скажу удивительное, что св. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ: «Нѣкоторые отцы другимъ, по вѣрѣ ихъ, слова произносили и, своихъ словъ устыдившись, положили начало благое и исправили свою жизнь». И сіе ваше намѣреніе одобряю, чтобы устроить себя глухою и нѣмою... однако, съ разумомъ. А что вы хотя и рѣшились принять было М., но матушка игуменія не благословила, то знайте, что, видно, не на пользу было бы; и смотрите, остерегайтесь усиливаться какую себѣ принять. Боже васъ избави! А ежели Богу будетъ угодно которой у васъ быть, то объ оной совершеннаго препятствія сдѣлать не могутъ; потерпите, можетъ, и М. благословять. Слава и о семъ Господу, что насъ гонять и злословять, но отъ сего мы не должны въ пагубное отчаяніе погру-

жаться; чтенія по два листика прибавить можно, а мать Д. я почитаю съ тобою за едино... Господь Премилостивый да поможет вамъ и да сохранить, и покрыть отъ всѣхъ десныхъ и шуихъ сѣтей и навѣтовъ діавольскихъ, и да проститъ вся согрѣшенія ваша молитвами отецъ и матерей; и азъ недостойный посылаю отеческое вамъ прощенье и благословеніе. Вашъ навсегда богомолецъ І. Л. съ приверженною братією кланяемся.

5

Къ той же

Пріятное ваше для меня писаніе, пущенное вами съ почтою въ сентябрѣ, мы удостоились получить 2 октября, и прочитавши внялъ, по силѣ слабаго моего понятія, – сколько силы позволили, и ясно вижу, что вы при таковыхъ скорбныхъ приключеніяхъ, коими угнетаемы до изнеможенія, побѣждаетесь и страждете душевреднымъ малодушіемъ и тлетворною печалію, которая и послѣднія твои силы разстроиваетъ и измощдаетъ, что весьма претщетно для вашей слабой обремененной души по всѣмъ частямъ, но отселѣ да положимъ начало, съ Божіею помощію, за все находящее благодарить и терпѣть, и Премилосердый Господь, видя ваше послушаніе и тщаніе къ благоназидательнымъ дѣяніямъ, всячески ниспослеть свыше помощь и благодать Свою, даруя благоотишныя чувства и благодушіе препровождать жизнь вашу въ терпѣніи и благохваленіи Господа, призвавшаго васъ въ благоотиш-

ное сіе пристанище, то есть въ званіе ангельскаго образа обители вашей.

Что касается до лишенія опытной и преискусной старицы, достопамятной матушки В., также и удаленія на время окормителя душъ вашихъ, батюшки отца духовнаго и наставника Макарія, хотя сіи потери значительны и неоспоримо обязаны приписать сіе лишеніе грѣхамъ своимъ и недостойнству, что лишились мы таковыхъ благоназидательныхъ окормителей душъ нашихъ, но, однако, при всемъ этомъ должны вспомнить, что Премилосердый Господь все устроиваетъ въ душевную нашу пользу; къ тому же Богъ неоскуденъ въ милости, и дѣйства Его также неоскудны; и гдѣ только восхощетъ явить силу Свою, – побѣждаются уставы и естества чинь!.. Но, о несмысленная и косная сердцемъ дочь!.. Что тако въ смущеніе и малодушіе вдаешися и почто унываешь и безмѣрно печалишися? И хотя вы точно лишились дражайшей и нѣжнѣйшей наставницы и матери, но вы лишились ея тѣлесно, а не душевно; потому что она, достоблаженная, взята отъ насъ тѣлесно, а духъ ея и благіе останки подвиговъ ея – терпѣніе и злостраданіе въ находящихъ, непамятозлобіе и любовь безъ изытія ко всѣмъ, не токмо къ благомыслящимъ и любящимъ, но и къ сопротивоборствующимъ, также и повиновеніе, и послушаніе, и вѣра ко благоискуснымъ – останутся незабвенны. Сіи подвиги она продолжала до послѣдняго исхода изъ жизни сей; наконецъ въ дополненіе запечатлѣла благое мудріе свое благопріятною кончиною, которой Премилостивый Господь ее удостоилъ и воспріялъ въ вѣчное блаженство, гдѣ, по апостолу,

*яже око не видѣтъ, и ухо не слыша, сія Господь уготовилъ любящимъ Его*¹³³.

Да одумаемся, для чего намъ печалиться излишне, хотя и въ виду нашемъ предпошла наша наставница и учительница? Она и здѣсь васъ, по возможности силъ и мѣрѣ вѣры вашей, окормляла и вразумляла, и защищала отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ; но даже и въ тѣлесномъ облагодѣтельствовала, оставивъ вамъ покровъ и убѣжище – келлію. Когда мы вѣру и соблюденіе душе-назидательныхъ ея наставленій будемъ сохранять и по онымъ исполнять, то и въ будущей жизни умили-вить и упросить Великодаровитаго Господа соединить и сопричислить любимое чадо свое къ себѣ во едину обитель. Вотъ когда печалиться слѣдовало бы (только, Боже, избави всякаго человѣка), если бы наша мать на-ставница духомъ жизнь свою начинала, а плотски кон-чила, т. е. грѣховнымъ паденіемъ, и, не покаявшись, восхищена отъ среды насъ; о таковомъ погибельномъ концѣ должно рыдать и плакать!!!

Также равнымъ образомъ печалиться и унывать удержитесь о прелюбезнѣйшемъ батюшкѣ отцѣ Ма-каріи¹³⁴, поелику хотя онъ отъ васъ, равно и отъ насъ, на время удаленъ, но духомъ соединенъ; точно дальняго ради разстоянія уста его къ наставленію не могутъ дѣйствовать, но любовь его и десная рука, перомъ дѣйствуемая, въ полномъ смыслѣ будетъ васъ окормлять и утѣшать, по мѣрѣ вашего благого произволенія и

¹³³ Ср.: 1 Кор. 2, 9.

¹³⁴ Онъ въ это время былъ въ Петербургѣ, куда взять отъѣзжавшимъ на чреду архіереємъ.

вѣры. А ежели вамъ сказать ясно, что если наставникъ и вблизи, и повсечасно напоминаетъ намъ наши недостатки, съ сострадательностію совѣтуетъ и увѣщаваетъ охраняться злобы, то намъ злокозненный врагъ діаволь челоувѣконенавистный не по рѣдку предлагаетъ пови- нующимся ему въ помыслѣ недостатки его челоувѣ- ческіе и влагаетъ презорство, дабы обезвѣрить насъ къ нему и хладнокровно принимать благоназидательныя его наставленія. Этимъ-то и лишаемся пользы; посему св. и богодухновенный отецъ Симеонъ Новый Бого- словъ и совѣтуетъ, – не учащать входа своего въ на- стоятельную келлію изъ предосторожности, дабы не впасть въ презорство и дерзновеніе. Что же вы изволи- те упоминать, что во время пребыванія батюшки въ мо- настырѣ вашемъ вы словно какъ во снѣ видѣли его, ибо во время послѣдней его отлучки вы почти нечувствен- ны были, слава Богу за сіе, потому что вы этимъ, за немощь свою, предохранены были отъ значительной скорби.

Что касается до вашего недоумѣнія и скорби о непо- лученіи отъ меня. непотребнаго, отвѣтственныхъ къ ва- шей любви писемъ, то извольте выслушать долготерпѣ- ливо и благодушно причины, сему препятствующія: во 1-хъ, слабость моего здоровья; во 2-хъ, со своими братіями ежедневное занятіе; въ 3-хъ, приходящія и пріѣзжающія ко мнѣ благонамѣренныя разныя лица премного удерживаютъ и воспящаютъ удовлетворить ваши желанія; и скажу тебѣ, дочь моя любимѣйшая, мать N., что сіе письмо оканчивается уже третію недѣ- лю, и по такимъ отрывкамъ вы можете изъ содержанія

его замѣтить, что не по свойству многія слова помѣщены.

О сестрахъ П. и А., что взяла матушка игуменія, много не скорби, поелику Премилостивый и Всемогушій Богъ силенъ и въ таковой молвѣ поддержать и сохранить; и о протекшемъ времени тоже не скорби, что худо ихъ врачевала и наставляла, ибо такое наставленіе наиболѣе дѣйствуетъ не нашимъ мнимымъ искусствомъ, но отъ ихъ вѣры и благопроизволенія со благоговѣиствомъ. Но и теперь, дочь, если онѣ и отъ игуменской келліи прійдутъ, вы должны, призвавъ въ помощь Бога, дабы невидимо васъ вразумилъ и просвѣтилъ вашъ умъ и сердце, преподать имъ благоназидательныя и утѣшительныя словеса и совѣты въ утвержденіе ихъ душъ; и хотя вы, дочь М., сами жаждете, дабы вамъ кто изъ благоумудствующихъ душеполезное слово сказалъ, но писано есть: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе* ¹³⁵, и прочая.

Съ матерью К. сообращаться вамъ совѣтую, яко съ единомудренною сестрою, – не токмо въ тѣлесныхъ, но и въ душевныхъ; а особливо же когда вамъ батюшка благословилъ съ нею духомъ неотлучною быть; а посему, уважая батюшки отца Макарія благій совѣтъ, и къ тому же сами вы объясняете плоды ея къ вамъ любви во время самой крайней нужды вашей – болѣзни – она неотлучно вамъ служила, какъ купленная раба, и по такой ея приверженности къ вамъ, кажется, не должно употреблять женской хитрости, которая даже прямо

¹³⁵ Ср.: Мѡ. 22, 39; Мк. 12, 31.

противна нашему званію, что бѣсь представляетъ мысль: когда она совершенно обучится рукодѣлію вашему – ей больше, чѣмъ вамъ, будутъ давать работы, а вы уже безъ пропитанія останетесь. И на сіе извольте выслушать, что Богъ неоскуденъ въ Своей неизслѣдимой милости къ намъ, силенъ и всемогущъ насъ пропитать Своимъ неизслѣдимымъ промысломъ, и пропитать изобильно. И такъ, дочь, старайся всѣ свои внѣшнія дарованія преподать ей, тѣмъ болѣе, что она единомудренна, и ты будешь въ числѣ дѣлательницъ заповѣдей Божіихъ. Дѣланіе заповѣдей Господнихъ животворитъ душу, и даже тѣло твое умиротворитъ и утѣшитъ до обилія.

Въ келейныя, кажется, пренужно вамъ принять какую изъ благомыслящихъ, а особливо при такой попущенной вамъ слабости, – это Господь вамъ да благословитъ. А насчетъ сестры С. старайтесь соблюдать, дабы не замѣчать ея дѣяній и разныхъ уловчивыхъ ея соображеній; тѣмъ всячески предохраните себя отъ гибельнаго презорства, – осужденія, которое крайне помрачаетъ и разстраиваетъ всю нашу жизнь; но я вамъ скажу, что намъ должно ее любить, а непристойныя ея дѣянія ненавидѣть; она, по Писанію, своему Господу стоитъ, и своему служа падаетъ, а мы кто, что чуждимъ рабамъ будемъ судить? Также да стараемся сохраниться отъ продерзости и понудимся всячески благоназидательнѣе быть, ибо мягкое слово премного вливаетъ благоговѣинства въ чувства слышащаго или слышащей. Господь Премилостивый да просвѣтитъ тебя, да умудришися во смиреніи и паче сихъ написанныхъ моею худостію:

вспоминай «яко на всякое искушение, – смиреніе, самоукореніе и терпѣніе – побѣда». Господь Премилосердый да поможетъ тебѣ, и да сохранить, и покрываетъ тя отъ всѣхъ десныхъ и шуихъ сѣтей вражихъ, и да проститъ тебѣ вся согрѣшенія твоя; и азъ многогрѣшный посылаю тебѣ отеческое мое прощеніе и благословеніе, и, молитвами покойныхъ и достоблаженныхъ: батюшки отца Θεодора и матерей Варвары и Виталіи, миръ Божій да почіетъ на васъ, и я непотребный навсегда пребываю жаждающій вашего спасенія недостойный богомолецъ І. Л. съ единомудренною братією.

Ежели застанетъ въ живыхъ письмо сіе мать и дочь мою И., то объявите ей мое усердное и любовное почтеніе; и испрашиваю свыше на нее Божіе благословеніе, дабы терпѣла и благодарила Бога за все.

6

Достопочтеннѣйшая по духу дочь, мать N., всеусердно желаю тебѣ, купно и съ любезнѣйшею вашею сестрицею, матерью И., здравствовать душевно и тѣлесно и о Единомъ Пресладчайшемъ Господѣ Иисусѣ радоваться!

Слава Премилосердому Господу, возвѣстившему батюшкѣ отцу Макарію ваши унылыя души утѣшить благоназидательнымъ писаніемъ къ поощренію и ободренію печалующихъ духомъ. Но, о дочери по духу! Теперь, кажется, вамъ ясно и самимъ видно, что васъ всемилостивый и великодаровитый Господь не оставляетъ, но всячески удовлетворяетъ и утѣшаетъ; а потому

мы должны, по возможности слабыхъ силъ, благодарить Его благоутробіе и не забывать всѣхъ воздаяній Его.

Что же вы, дочь, жалуетесь: яростная и плотская страсти хотя отступили на время, но недугъ малодушія временемъ наиболѣе гнететъ васъ; то, о мати и дочь! Да будетъ твоей любви извѣстно, что всеобщій врагъ діаволь, свои брани и козни всегда премѣняя, обманываетъ и побѣждаетъ насъ таковыми злохитрыми и коварными злоухищреніями; и вы не утверждайтесь въ томъ, чтобы у васъ вовсе угасла ярость и плотская страсть; но развѣ на нѣкое время данъ вамъ отлогъ для отдохновенія. И не врагъ сію ослабу преподаетъ, но милосердіемъ Божиимъ благодать Его невидимо за молитвы отецъ и матерей вспомошествоуетъ; ибо аще бы не Божія благодать невидимо защищала и подкрѣпляла, то едва бы кто возмогъ соблюсти въ непорочности себя. А какъ вы откровенно объясняетесь, что даже ни малѣйшаго слова претерпѣвать не можете, и что даже всякая малость васъ трогаетъ до самаго сердца, то, дочь моя..., сіе меня печалитъ до избытка; поелику намъ Самъ Спаситель во Святомъ Евангеліи Своими пречистыми усты изрекъ тако: *въ терпѣніи вашемъ стяжите* (т. е. пріобучите) *души ваши, и: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*. И св. Илія Экдикъ въ главѣ 62 пишетъ: «Домъ убо души есть терпѣніе, обдержится бо въ немъ; имѣніе – смиреніе, питается бо тѣмъ». Изъ сихъ причинъ явственно, что въ насъ съ тобою мало обрѣтается смиренія; а потому еще намъ пренужно самимъ изыскивать, – кому повиноватися и объяснати свои

дѣянiя и помышленiя, отчего и сами вѣдомѣ будете и, по возможности силѣ, и къ вамъ приходящимъ благоуспѣшнѣе будете преподавать благiе совѣты. Да и не будетъ мѣста мысленному врагу влагать мысли тщеславiя, что вы своими дарованiями утѣшаете приходящихъ, но между тѣмъ должны воображать, что за молитвы отца или наставницы своей; такимъ образомъ пребудешь неподвижима отъ высокоумдрiя, но по апостолу Павлу, *смирненными мыслями утверждатися.*

А что вы съ прискорбiемъ извѣщаете о постигающей васъ, по мнѣнiю вашему, неудобоносимой бурѣ искушенiй, то я, грубый, со дерзновенiемъ напоминаю вашей любви Духомъ Святымъ изреченный чрезъ пророка Давида псаломъ 26: *Господь просвѣщенiе мое, и спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся? Внегда приблизатися на мя злобующимъ, еже снѣсти плоти моя: оскорбляющii мя и врази мои, тii изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полкъ, ни убоится сердце мое: аще встанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю и прочее.* Хотя сила выраженiя псалмовъ сихъ относится къ невидимымъ всеобщимъ врагамъ, но, однако, по наущенiю сихъ враговъ, и чловѣцы возстають и смущаются, и насъ въ смущенiе приводятъ. А что насъ укоряють и поносятъ, и нарицають холопницами, мы должны совѣстiю своею довольствоваться, и по заповѣди Господней да потщимся молиться за творящихъ намъ напасти... и Премилостивый Господь Своею всемогущею силою запретить нашедшей бури и въ мгновенiе ока превратитъ въ благоприятную тишину.

О, мати и дочь N.! мужайся и да крѣпится сердце твое во благудушїи. Сїи-то наведенныя намъ искушенїя всячески преполезны, во 1-хъ потому, что приводятъ, хотя или нехотя, со смиренїемъ прибѣгать къ покровительству и помощи Божїей, прося о защищенїи; 2-е, обнадеживаютъ, что мы, хотя и отъ ничтожныхъ ничтожнѣйшіе и слабѣйшіе всей твари, но имѣемъ скорбная сообразно по Бозѣ жительствовавшимъ и во искушенїяхъ предуспѣвшимъ и спасшимся; какъ за грѣхи наши попущены скорби, ко очищенїю и смиренїю также, то благонадежїемъ и упованїемъ подкрѣпляемы, въ пагубное отчаянїе не попускаемся. И сіе насъ да не смущаетъ, что карауль приставятъ къ твоей келлїи; пусть потрудятся и, уморясь, оставятъ; а намъ должно во всемъ терпѣнїемъ и благодаренїемъ препобѣждать, и Господь поможетъ. Слава Премилостивому Господу, что вы съ матерью К. духомъ поутвердились; а извнѣ врагъ воздвизаетъ брань, но и та скоро исчезнетъ... А насчетъ сестры С. да положимся на терпѣнїе всевозможное и потщимся всячески съ своей стороны, какъ бы ей, немоществующей, не подать вины къ смущенїю; поелику писано есть: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ*¹³⁶. И Самъ Спаситель во Святомъ Евангелїи объяснилъ: нѣсть болѣе любви, да кто душу свою положитъ за други своя¹³⁷. А какъ сія добродѣтель превосходнѣйшая и пренеобходимѣйшая, то да потщимся понести хотя малыя немощи ближайшей сестры нашей! И паки речено: *вы сильнїи немощи немощ-*

¹³⁶ Гал. 6. 2.

¹³⁷ Ин. 15, 13.

ных носите¹³⁸. Вы объясняете, что не можете терпѣть и оскорбляетесь, кто на васъ клевететь и поносить. О семъ прочти 127 главу св. Марка Подвижника въ 1-й части «Добротолюбія», она содержитъ сіе: «Егда увидиши кого во многихъ безчестіяхъ болѣзнующа, вѣждь, яко помысль тщеславія насытився, непріятнѣ сердечныхъ сѣмень жнетъ рукояти»...¹³⁹

Подобнѣ прочтите св. Симеона Новаго Богослова въ 1-й части, главу 31-ю, и увидишь свое неможеніе, и какія должно мѣры брать.

Господь же Премилостивый да просвѣтитъ и да вразумитъ васъ, да умудритесь въ смиреніи, и да поможетъ вамъ, и да сохранить, и покрыть отъ всѣхъ десныхъ и шуихъ сѣтей вражихъ, и да проститъ вамъ вся согрѣшенія ваша. И азъ многогрѣшный посылаю мое отеческое прощеніе и благословеніе, и, молитвами покойныхъ нашихъ отецъ и достопамятныхъ матерей, миръ Божій да почіетъ на васъ; а я пребываю навсегда вашъ недостойный богомолецъ, многогрѣшный І. Л. со единомушными братіями.

Пречестнѣйшей сестрѣ М. желаю мужества и долго-терпѣливаго пребыванія, – и хотя недостойнѣ, но умоляю Премилосердаго Господа, да поможетъ ей, и да сохранить, и покрыть отъ всѣхъ сѣтей вражихъ, и да проститъ ей вся согрѣшенія ея. И азъ недостойный по-

¹³⁸ Рим. 15, 1.

¹³⁹ По-русски: Если увидишь, что кто-либо, находясь въ много-различномъ безчестіи, скорбитъ о семъ, то знай, что онъ, насытившись помыслами тщеславія, съ непріятностію пожинаетъ снопы сердечныхъ сѣмянъ.

сылаю ей мое отеческое благословеніе и прощеніе, а равно и страждущей бѣдняжечкѣ Е., да поможетъ и ей всемогущій и великодаровитый Господь, и да не предасть ее въ совершенное наругательство злокозненному врагу діаволу, но да вразумить и сохранить Своею всемогущею силою, и да устроить на спасительномъ пути.

W. и V. объявите мое почтеніе, и да ниспошлетъ имъ Самъ великодаровитый Господь Свое свыше благословеніе; однако W. когда не положится совершенно сохранять двери огражденія о устнахъ своихъ, то иначе не возможно ей освободиться отъ смущенія и мучительства сладострастнѣйшихъ прилоговъ и такихъ же мыслей и отъ оной происходящей скуки и унынія, влекущихъ въ помыслы всепагубнѣйшей отчаянности.

7

Достопочтеннѣйшая по духу дочь, мать Z.! Всеусердно вамъ желаю душевнаго мира и благодушнаго пребыванія!

Пріятное ваше писаніе, пущенное вами 30 марта съ почтою, мы получили во всякой исправности; изъ него ясно видно, что ваше устроеніе и положеніе течетъ съ слабыми успѣхами... Сожалительно!

Что же касается до тягости, чувствуемой вами при обращеніи къ вамъ значительныхъ лицъ, то вы должны помнить, что безъ труда и пролитія во внутренности крови спастися невозможно, поелику писано есть: «Дажь кровь, и пріими духъ», почему обязаны и съ поужденіемъ послушаніе продолжать, по вѣрѣ окормля-

емыхъ вами; а всемилостивый Господь за ваше понужденіе и состраданіе къ ближнимъ – невидимо будетъ вамъ вспомошествовать, да и вспомошествоуетъ.

Вы жалуетесь и съ болѣзненнымъ тономъ, а по-видимому будто и съ смиреннопроизношеніемъ, что вы ввергнуты въ малодушіе! То сіи плоды произрастаютъ наиболѣе отъ тщеславныхъ о себѣ мечтаній...

На молитвы отцовъ добро и похвально уповать, но слѣдуетъ при всемъ томъ и себя не забывать.

Вы, по неограниченному своему усердію, требуете всегдашнихъ моихъ отвѣтовъ, и въ противномъ случаѣ малодушествуете: это знакъ маловѣрія; неразсудительность сія отъ самолюбія произрастаетъ и въ помраченіе вводитъ. Вы, забывши Божественное Писаніе, запрещающее на тлѣнныхъ человѣкъ совершенно надежду полагать, а токмо на Единого всепремилосердаго Господа, пострадали безразсудно, ибо Той Единъ воздвизаетъ нища отъ гноища, хотя и чрезъ ангельское посредство, или, по мѣрѣ вѣры сущихъ въ повиновеніи у искусныхъ отцевъ, и чрезъ человѣкъ. И воистину когда бы помнили Духомъ Святымъ произнесенныя въ псалмѣ слова, что *надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ: не подвижится* ¹⁴⁰ и паки: *еще не Господь сохранитъ градъ, всеу бдѣ стрегій; и: еще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущіи* ¹⁴¹ и прочее, и если бы сіе въ полномъ чувствованіи имѣли, то не пострадали бы. Къ тому же, какъ изволите объяснять, вы не только что чрезъ меня непотребнаго руководствуетесь, но равно и чрезъ дру-

¹⁴⁰ Пс. 124, 1.

¹⁴¹ Ср.: Пс. 126, 1.

гого, – батюшку отца Макарія. И воистину, по мѣрѣ вѣры, невидимо благодать Божія дѣйствуетъ и утѣшаетъ, и просвѣщаетъ всякаго, желающаго спастися.

Если сестры по благорасположенности къ вамъ просятъ духовной пищи, а вы, напротивъ, въ себѣ чувствуете алчность сами; то хотя мы сами, какъ выше сказано, о себѣ творити не можемъ ничесоже, но за великую нужду, по ихъ вѣрѣ, силенъ и всемогущъ Богъ и отъ бесплодной смоковницы напитать живоносно. И если когда, яко человецы, Божиимъ попущеніемъ ко смирению нашему, и грубо каковой сестрѣ скажемъ, или видъ неблаговидень покажемъ, то, о семъ вздохнувъ изъ глубины души, раскаяніемъ и самоукореніемъ да навержаемъ. Что вы объясняете: при крайнемъ нашемъ изнеможеніи дерзнули сказать немощнѣйшимъ и поврежденнымъ сестрамъ, дабы вамъ дали хотя малый покой, то сіе событіе представляетъ вашей любви искусь и опытъ, чтобъ отнюдь такъ не отказывать; т. е. эти слова, что «не могу говорить, дайте мнѣ хотя малый покой», за скулой удерживать; видите, что онѣ отъ сего даже пострадали припадками, все это въ ваше нравоученіе.

Итакъ, видно, дочь М., намъ съ тобою не столько другихъ приходится наставлять, сколько отъ ихъ сообрашенія учиться. И вотъ паки новый вышелъ вамъ искусь, что должно о мертвецѣ своемъ пещися болѣе, чѣмъ о другихъ, – что и своя сестра больная и немощнѣйша изъ немощнѣйшихъ, и у тебя самой слабы силы, и выходить въ обоюдныхъ немощахъ большое искушеніе; такъ ни на что не похоже было дѣйствовать, какъ вы. Лучше бы, по моему младоумному разсужденію,

тебѣ, отдохнувши, въ своей келліи съ ними заняться, не-
жели въ чужія келліи ходить утѣшать и умиротворять, –
себя и сестру въ неустройство приводить. А что вы про-
сите, дабы мнѣ худѣйшему помолиться о дарованіи ва-
шей любви благоназидательныхъ произносовъ, то и въ
семъ да будетъ тебѣ извѣстно, что молитва и праведнаго
тогда вспомошествоуетъ во благое, и тогда благодать
Божія неоскудно дѣйствуетъ, когда и просящій о молит-
вѣ покажетъ во всѣмъ произволеніе. Прежде же сего
Богъ не преподаетъ намъ оную, какъ неспособнымъ ее
принять (по слабости духовныхъ силъ нашихъ въ раз-
ныхъ искушеніяхъ) и не претерпѣвшимъ скорбей, ко-
ими едиными очищается нашъ внутренній человѣкъ, но
по мѣрѣ терпѣнія и благодаренія за оныя даруется отъ
всемиловитаго Господа благодать Святаго Духа и да-
рованіе.

Еще позвольте васъ, хотя мало, заочно укорить, а вы
благодарушно понесите это: вы тамъ, какъ аѳинянки ¹⁴²,
желаете всегда одна передъ другою узнавать вездѣ, что
есть ли письма отъ меня или отъ батюшки. Когда же къ
одной пришлется, а къ другой нѣтъ, – вотъ тутъ и от-
кроется крамола и бѣды, – не получившихъ объемлетъ
скорбь и малодушіе съ пагубнымъ мнѣніемъ: что и по-
чему не пишутъ? И прочее... а того и не понимаете, что
иногда пяти только строкъ не кончивши въ письмѣ, кто-
либо прійдетъ и займетъ, – и осталось письмо до дру-
гой почты.

¹⁴² Этимъ словомъ Старецъ сравниваетъ ихъ съ древними жителями
города Аѳинъ, между которыми была распространена страсть любопыт-
ства и новостей.

Но и за предпочтене другой сестры намъ оскорбляться – тоже знакъ самолюбія... Вашъ недостойный богомолецъ І. Л.

8

Къ той же

Ваше Преподобіе, достопочтеннѣйшая о Господѣ сестра, мать N.! Купно со всѣми единомысленными о Христѣ сестрами, желаю о Господѣ Единомъ радоваться и въ благодушіи пребывать!

Пріятное ваше писаніе, пущенное съ почтою, я, недостойнѣйшій, получилъ во всякой исправности и, прочитавши, содержанію внялъ; изъ него вижу ваше жалостное положеніе и устроеніе... Но какъ имѣете раскаяніе и произволеніе ко исправленію своихъ поползновеній, то и предполагаемъ, что Всемилостивый и Великодаровитый Господь, единственно по Своему милосердію, всеисленъ васъ простить и возставить на правую стезю святыхъ и животворящихъ заповѣдей. Объясняемый вами вашъ поступокъ, что въ разсужденіи восхитилась яростною частію, – это за гордость и за презорство другихъ вамъ попустилось, что мысленный волкъ вамъ поругался и въ таковое неистовство васъ ввелъ!.. А потому, какъ довольно пострадали, – отъ сего должно познать свое недостойнство и ничтожество, и, при помощи Божіей, да положимъ начало предостерегати себя. А всего нужнѣе совѣтую вашей любви, для уврачеванія себя и познанія въ тонкостяхъ искушеній гнѣвомъ, – прочитывать о сей душетлѣнной страсти въ 4-й части

«Добролюбїя» статью Кассіана Римлянина о страстных 8 помыслахъ, и именно о гнѣвѣ – числомъ четвертый; и я надѣюсь, когда вы будете почаще прочитывать сію главизну, то, при содѣйствїи благодати Божіей, молитвами угодниковъ Божїихъ, отъ сей страсти избавлена будеши. Теперь вамъ сдѣлалось понятно, каковое дѣлаетъ ослѣпленіе сія помрачающая и ослѣпляющая страсть, что даже больную единоутробную сестру едва не растерзала. И воистину съ тобою великая послѣдовала милость Божія, что сестрѣ дароваль Господь таковое благодушїе и смиренныя словеса, что укротило твое ожесточенное и бѣсомъ дѣйствуемое сердце; и теперь мы съ тобою, почувствовавшись, должны св. пророка Давида, Духомъ Святымъ произнесенныя, глаголати словеса: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*¹⁴³; и паки: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданїемъ Твоимъ*¹⁴⁴. И да будетъ твоей любви извѣстно, что это съ вами случилось не безъ причины, таившейся въ тебѣ самой; ибо издавна въ тебѣ закрались гордостныя помыслы противу матери И., что она, будучи пораженная болѣзнію, и обременяетъ васъ, и тягость наноситъ вашему сердцу дѣянїями по всѣмъ частямъ...

Таковыя помыслы, гнѣздившіеся въ вашей душѣ, подобно искрѣ тлѣющей, вдругъ вспыхнули отъ вѣтра въ пламень жестокаго гнѣва, при прилучившейся малой противной вамъ вещи. А к тому жъ и останки закоснѣлой прелести, видно, еще не потреблены совершен-

¹⁴³ Пс. 117, 18.

¹⁴⁴ Пс. 118, 71.

нымъ послушаніемъ и отсѣченіемъ своей треклятой воли; то и тая вспомошествовала къ сему душетлѣнному поступку. Сими событіями оказывается наше недостаточное устроеніе; посему и твердо да помнимъ сіе: когда приидеть къ тебѣ которая сестра для объясненія своихъ немощей, тогда съ опасствомъ говори и со страхомъ Божиимъ помышляй о себѣ не яко старица, но яко единая отъ немощныхъ немощнѣйшая и недостойная того, чтобъ кого врачевать, яко сама въ тягчайшемъ недугованіи душою и тѣломъ лежащая; точію за святое послушаніе обязана сіе творить и продолжать, и не яко обладательница, но яко недостойнѣйшая совѣтовальница. Такжеже разумѣй и о Д. – И благословляемъ, и соизволяемъ вамъ и, по возможности слабыхъ твоихъ силъ, наставлять; принимай и Господа Бога проси, дабы даровалъ вамъ чувство и разумъ со здоровымъ разсужденіемъ слова произносить въ пользу души ея и по возможности силъ нудитися къ сострадательности. Ежели, паче чаянія, совершенно окажется немощь твоя, и не можешь удовлетворить по ея желанію, тогда, познавши свои немощи, кому слѣдуешь отнесись письмомъ, и умиротворишься совѣстію. Что дѣлать, матушка? Видно, мы недостойны съ тобою имѣть единомысленныхъ, – мы дожили или рождены въ такія бѣдственныя времена, въ коихъ сбывается древняя пословица: «Овецъ не стало, то и на козъ честь мала». И обратно сказать къ наставникамъ – не то же ли? Ибо вамъ ясно видно, что уже и меня, непотребнаго, слѣпо ввѣрившіеся старцемъ почитаютъ; да не исключаетесь и вы изъ сихъ слѣпотствующихъ.

Вы гадательствуете, что ваше разстройство послѣдовало не отъ удаленія ли причащенія святыхъ и животворящихъ Таинствъ Тѣла и Крови Христовыхъ. И сіе неоспоримо, это можетъ быть; но причины также бываютъ отъ нашѣго нерадѣнія и неуготовленія къ искушеніямъ.

Господь всемогущій да вразумить и просвѣтитъ тебя, да умудришися во смиреніи. Господь премилостивый да поможетъ тебѣ и сохранить, и покрыетъ тебя отъ всѣхъ сѣтей діавольскихъ, и да проститъ тебѣ вся согрѣшенія твоя вольная и невольная. И азъ, многгрѣшный, посылаю тебѣ отеческое прощеніе и благословеніе; и молитвами прежде отшедшихъ отецъ и матерей миръ Божій да почіетъ на тебѣ; а я, хотя и непотребенъ по всѣмъ частямъ, но пребываю съ моимъ обычнымъ благорасположеніемъ, навсегда вашъ недостойный богомолецъ І. Л. съ приверженною братією. 9 марта 1832 г.

9

Достопочтеннѣйшій о Господѣ N.! Писаніе ваше, отъ 28 числа февраля пущенное, я имѣлъ честь получить чрезъ монаха нашего отца А. марта 29 числа, по прибытіи его въ Пустынь. Вы изыясняете свои скорби, навѣтами и клеветами неблагопріятствующихъ вамъ наносимыя, и просите моего совѣта: какъ вамъ поступить и чѣмъ оградить и подкрѣпить себя противъ злодѣйскаго ихъ мщенія?

Зная свою скудость въ разумѣ, а паче въ дѣлѣ, долженъ бы молчаніемъ перейти ваше вопрошеніе, но,

видя ваше смущеніе и по Бозѣ вѣру къ моей худости, а также и сознание ваше въ долгѣ христіанскихъ обязанностей, вынужденъ изъ состраданія къ вамъ, забывъ свое недостоинство и призвавъ въ помощь премилосердаго Господа, дарующаго и безсловеснымъ гласъ слова въ пользу разумаго Своего созданія, дерзаю простреть къ вамъ скудоумную мою бесѣду не хитро-сплетенными словами риторскаго слова, но отъ искренняго желанія вамъ укрѣпленія и утѣшенія въ скорби.

Я увѣренъ, что вы воспитаны въ нѣдрахъ Святой нашей матери Церкви православнымъ христіанскимъ ученіемъ, и, какъ вижу изъ письма вашего, страшитесь, дабы не дать отвѣтъ на Страшномъ Судѣ Христовомъ! О! Если бы сей страхъ руководилъ насъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, то не было бы столько причиняемо другъ отъ друга скорбей и притѣсненій. Святая вѣра учитъ насъ, что и власъ главы нашей не погибнетъ безъ воли Божіей, и птица не падетъ безъ оной. Сіе основаніе и вамъ возможно положить на сердцѣ своемъ, равно и это: что ни случается со мною, – все Божіимъ попущеніемъ бываетъ или за грѣхи въ наказаніе (когда вы оными въ чемъ виновны, яко человекъ, или ради искуса вѣры моей; и наконецъ – для того, дабы скорбми не допустить насъ до какихъ-либо преступленій, кои часто мы дѣлаемъ, упоенные благоденствіемъ, и не входимъ въ совѣсть свою для разсмотрѣнія ея; и нападающіе и возстающіе на васъ суть нечто, какъ орудія, коими Богъ дѣйствуетъ.

Сему твердо вѣруйте и съ покорностію духа покоряйтесь; и паче, когда при всѣхъ вашихъ усиліяхъ не

можете отвратить посланнаго бича, но, не укрѣпившись вѣрою, смущаетесь и духомъ упадаете.

Видно, что еще любить васъ Господь; ибо не хочетъ, дабы вы шли пространнымъ путемъ, – куда сей отводить, довольно извѣстно, – но желаетъ вести путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ, ведущимъ въ животь вѣчный. Мнѣ неизвѣстны ваши дѣла и жизнь, но кто предъ Богомъ не грѣшенъ? Войдите въ свою совѣсть, помяните грѣхи свои и пріимите за оныя посланныя вамъ скорби; считайте себя достойнымъ, приносите Богу благодареніе и увидите сами, что эти самыя скорби будутъ для васъ удобоносимы, и совсѣмъ вскорѣ освободитесь отъ нихъ.

Напротивъ же, когда будете обвинять не себя, а другихъ (хотя бы въ таковыхъ случаяхъ вы были и не виновны; но правда Божія дѣйствуетъ за другія), и будѣте на Бога роптать и на непостижимый промыслъ Его, то скорбь ваша болѣе увеличится, и не скоро ея освободиться можно.

Вы болѣзнуете, что чрезъ злословія и ябеды сдѣлались вы въ виду старшихъ, равныхъ и ближнихъ своихъ дурнымъ человѣкомъ; это явный знакъ самолюбія. Ежели вы невинны, то совѣсть ваша должна васъ утѣшать, по слову Спасителя нашего: *блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, Мене ради; радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѡ. 5, 11–12).

А какъ поступать съ враждующими противъ васъ? Спасительныя и животворящія заповѣди Христовы повелѣвають: *любите враги ваша, благословите кленущія*

вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящія вы (тамъ же стихъ 44); и: всяку радость имѣйте, братіе моя, егда во искушенія впадаете различна: въдыще, яко искушеніе вашея вѣры содѣловаетъ терпѣніе: терпѣніе же дѣло совершенно да имать (Іак. 1, 2–4); и паки: скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же – искусство, искусство же – упованіе, упованіе же не посрамить (Рим. 5, 3–5).

Въ удостовѣреніе того, что скорби посылаетъ намъ Богъ отъ любви Своей, святой апостоль пишетъ: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ. Который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ. Аще же безъ наказанія есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодѣйчици есте, а не сынове (Евр. 12, 6–9).* Видите, что еще должно опасаться тому, кто живетъ въ благоденствіи и не имѣетъ никакихъ скорбей.

И такъ утѣшайтесь тѣмъ, что Богъ, любя васъ, посѣтитъ... Но Онъ силенъ и избавитъ, когда мѣра правосудія Его исполнится.

Св. Апостоль утѣшаетъ насъ: *всяку радость имѣйте (Іак. 1, 2)...* Конечно, міръ и чувственность скорби сіи дѣлаетъ вамъ чувствительными... но я уже сказалъ вамъ, что съ пространнаго пути не выгоденъ входъ; отъ сего-то пути васъ Богъ и отвлекаетъ.

Представляется вамъ, что чрезъ лишеніе чего-нибудь супруга и дѣти ваши должны претерпѣвать недостатки. Но они, любя васъ, могутъ раздѣлить съ вами скорбь вашу и служить вамъ утѣшеніемъ. Ежели не

будутъ они богаты; то вспомните, – для полученія благъ вѣчныхъ бѣдность удобнѣе, нежели богатство, и большая часть людей находится въ умѣренномъ или бѣдномъ состояніи, чѣмъ въ богатомъ. А это все творить Премудрый Промыслитель: неужели бы Онъ не могъ всѣхъ обогатить? Но какая изъ сего была бы польза? Онъ смиряетъ и возвышаетъ, убожить и богатить; и воли Его кто противиться можетъ?

Я думаю, вы тамъ у себя можете у кого-нибудь сыскать книги: сочиненія св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1-й ихъ части есть небольшое его сочиненіе: «Апология во утѣшеніе скорбящихъ», которую извольте прочесть. Надѣюсь, что оная подастъ вамъ помощь ко облегченію тяготящей сердце ваше печали и къ упованію на Бога.

Примите сіи скудоумные совѣты, излейте бальзамъ вѣры и надежды на скорбное сердце ваше, предайте себя въ волю Создателя нашего, и Онъ пошлетъ вамъ утѣшеніе, а паче въ наступающій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, прежде котораго, вспоминая великую седмицу страстей Его, насъ ради воспріятыхъ, – увидите недостойнство нашихъ скорбей противъ Его невинно подъятыхъ, нашего ради спасенія, и воздавайте Ему благодареніе. И такъ, срѣтая праздникъ славнаго Его Воскресенія, желаю вамъ съ семействомъ духовно торжествовать его съ сердечною радостію и спокойствіемъ.

Испрашивая на васъ и на семейство ваше миръ и благословеніе Божіе, съ почтеніемъ моимъ остаюсь, вашъ усердный богомолецъ, многогрѣшный І. Л.

Достопочтеннѣйшая о Господѣ N.!

Съ чувствомъ прискорбія увидѣлъ я изъ письма почтеннаго М. извѣстіе о кончинѣ, по волѣ Божіей, любезнаго вашего супруга. Знаю, что для васъ сія разлука весьма горестна, и, судя по слабости нашего естества, нельзя не скорбѣть, разставаясь навсегда съ самымъ близкимъ нашему сердцу; но гдѣ же искать утѣшеніе? – Въ святой религіи!

Для невѣрующихъ – не имущихъ упованія въ жизни вѣчной – точно неутѣσιμο лишеніе близкихъ. А мы, хотя и грѣшны, но имѣемъ упованіе на милость всецѣдраго и челоувѣколюбиваго Бога, Господа Иисуса Христа, искупившаго насъ безцѣнною Своею кровію и даровавшаго намъ по сей жизни животъ вѣчный...

Святой апостоль такъ утѣшаетъ вѣрующихъ: *не хочу же васъ, братіе, не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія. Аще бо вѣруемъ, яко Иисусъ умре и воскресъ: тако и Богъ умершія во Иисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. 4, 13–14). Покойный супругъ вашъ былъ истинный христіанинъ, сохранившій вѣру до конца жизни, и съ оною отошелъ ко Господу, хотя и не сподобился видимо при кончинѣ причастія Святыхъ Таинъ. Еще болѣе васъ оскорбляетъ, что вы не знаете сокровенныхъ судебъ Божіихъ!.. Но Онъ пріиметъ и желаніе его за самое дѣйствіе; ежели прочтете въ книгахъ святыхъ Отецъ, много найдете тому примѣровъ. Не смущайтесь этимъ и возверзите все ваше упованіе на неизреченныя щедроты и милость челоувѣколюбиваго Господа.

По полученіи вашего извѣстія и въ нашей обители поминовленіе начало совершаться какъ въ монастырѣ на Литургіяхъ, такъ и въ Скиту при чтеніи Псалтири. Да сподобить его Господь получить жизнь вѣчную и сотворить ему вѣчную память! А вамъ съ сѣтующими вашими любезными дѣтками и ближними родными – пошлетъ Свое утѣшеніе вѣрою и упованіемъ на Его неизреченное милосердіе; съ каковымъ желаніемъ, а равно мира и здравія наслаждаться – остаюсь вашъ усердный богомолецъ І. Л.

11

Ваше преподобіе, почтеннѣйшій отецъ іеродіаконъ Н.! Почтеннѣйшее писаніе ваше я получилъ, писанное еще отъ мірскаго имени А. съ замѣчаніемъ, что стоите въ предверіи принятія иноческаго сана; почему надѣюсь, что вы уже удостоились получить сіе званіе, съ чѣмъ васъ усерднѣйше поздравляю и желаю сохранить данные вами при постриженіи Богу обѣты непреткновенно.

Вступая въ сіе званіе, вы полагаете нужными вамъ назидательные совѣты и, обращаясь ко мнѣ, ищете отъ меня наставленія для безпоползновеннаго прохожденія сего великаго обязательства. Сколько справедливо ваше мнѣніе и похвально желаніе, столько съ моей стороны удовлетворительное исполненіе вашего прошенія неудобно какъ по скудоумію моему, такъ и по недостаточеству дѣлъ благихъ; а притомъ и прохожденіе образа жизни общежительныхъ монастырей большую имѣетъ

разность съ штатными монастырями, хотя намѣреніе и цѣль едины – спасеніе.

Не находя въ себѣ ни отъ дѣлъ моихъ, ни отъ разума дать вамъ искомага вами наставленія, совѣтую прибѣгнуть къ тѣмъ блаженнымъ подвижникамъ, которые, благочестіе исправивши, принесли исполненіемъ заповѣдей Божіихъ дары смиренномудрія, цѣломудрія, нестяжанія... и пріяли отъ Бога дарованіе разума и премудрости для наученія и просвѣщенія другихъ, послѣдовать имъ хотящихъ, и предали сіе ученіе въ сохранившихся промысломъ Божіимъ и дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ ихъ и книгахъ. Вы, имѣя образованіе ума, читаете ихъ ученіе не изъ любопытства токмо, но желая подражать имъ по силѣ и сообразно съ возможностью проходимаго вами послушанія, и благодатію Божіею сподобитесь обрѣсти путь истинный, незаблудный; при всемъ же томъ, ищите духовнаго собесѣдника, могущаго по вѣрѣ вашей даровать вамъ здравые и благіе совѣты во всякомъ дѣлѣ, словѣ и мысли.

Книги же для чтенія совѣтую проходить приличныя нашему намѣренію, какъ-то: св. Іоанна Лѣствичника, св. аввы Дорофея, св. Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита, Марка Подвижника, Кассіана Римлянина о 8-ми страстныхъ помыслахъ и его же «Посланіе къ Леонтину игумену о разсужденіи», преисполненное духовной пользы, и прочія отеческія книги, которыя учатъ насъ побѣждать злобу и исправлять добродѣтели не наружно только, но внутренно.

Желая вамъ обрѣсти душевную пользу и поручая себя вашимъ святымъ молитвамъ, съ сердечнымъ моимъ почтеніемъ пребыть честь имѣю, вашъ покорный слуга и богомолецъ, недостойный І. Леонидъ.

12

Достопочтеннѣйшая о Господѣ мати О.! Писаніе твое, отъ 25 февраля пущенное, мною получено; въ немъ ты описываешь свое душевное устройство и смущеніе, просишь моего совѣта и мнѣнія, что съ тобою происходитъ и какое средство употребить къ исцѣленію. Не зная въ точности, какую ты проходила жизнь и дѣланіе, нельзя совершенный дать совѣтъ; но сколько можно понимать отъ плодовъ, твое неустройство происходитъ отъ вражіей прелести, попусценіемъ Божиимъ за високоуміе наведенное.

Вѣрно, ты прежде времени старалась снискать безмолвіе и проходила умную, но самочинную молитву, ища прежде времени высокаго устройства и дарованій, каковыя даются проходящимъ только истинную молитву, и, между прочимъ, ощутивъ въ сердцѣ нѣкое сходственное движеніе, принимала оное за благодатное; затѣмъ, услаждаясь имъ, пришла мало-помалу въ таковое устройство. Но хотя бы и точно благодатное было устройство, и это весьма опасно до времени принимать безъ вопроса о семъ разсудительныхъ; ибо что мы безвременно взыщемъ, того и во время съ трудомъ не можемъ получить. Ты, прочитавши о дѣланіи семъ, оставила то, чѣмъ должно прежде предостеречь себя отъ прелести,

между тѣмъ, какъ это послѣднее тѣ же отцы совѣтуютъ, т. е. — понуждая себя на безмолвіе и молитву, ты не старалась о исцѣленіи страстной, яростной части (раздражительности) и не познавала, что она въ тебѣ дѣйствуетъ. Исцѣляется же она не уединеніемъ, а соображеніемъ съ ближними и претерпѣваніемъ отъ нихъ досады, а въ случаѣ побѣжденій ими — познаніемъ своихъ немощей и смиреніемъ. Святый Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ: «Кто ощущаетъ себя склоннымъ къ гнѣву, ярости, мщенію и лукавству, тотъ ниже да зрѣть слѣдъ безмолвія»; и въ 4 степени паки: «Загляни въ помышленія неискусныхъ послушниковъ и обрящешь тамо мысль заблужденную: обрящешь въ нихъ желаніе безмолвія, жесточайшаго пощенія, неразвлекаемыя отъ разныхъ мыслей молитвы, совершеннаго славы суетной отверженія, незабвенныя смертныя памяти, безпрестаннаго о грѣхахъ сокрушенія, наикротчайшаго безгнѣвія, глубокаго молчанія и превосходнѣйшаго цѣломудрія. Они при вступленіи въ иноческій подвигъ сихъ добродѣтелей, по особенному Божію промыслу, не достигнувъ, на послѣдокъ, въ намѣреніи обманувшись, вовсе отъ него отпадаютъ. Ибо врагъ внушаетъ имъ искати ихъ прѣжде времени съ тѣмъ, да по довольномъ въ ономъ обращеніи въ настоящую пору оныхъ не получатъ».

Ты, вѣрно, ощутивъ теплоту сего въ сердцѣ или персѣхъ, приняла ее за благодатную, но вмѣсто того оказалось — жженіе прелестное. И сіе, совокупляясь съ яростною частію, повредило твое устроеніе. Полагаю, отъ того происходитъ у тебя и бессонница, что сердце,

трогаясь онимъ жженіемъ, не имѣть мира, но тревожась, лишаѣтъ тебя успокоенія, да и каждая малость трогаѣтъ тебя и смущаѣтъ. Послушай ученіе свв. Отцовъ, которые, возбуждая къ безмолвію и молитвѣ, между тѣмъ предостерегаютъ и отъ прелести и совѣтують не искать безвременно того, что дается по времени и со смиреніемъ проходящимъ сіе дѣланіе. Именно св. Исаакъ Сиринъ во 2-мъ словѣ пишетъ: «Дѣянiе креста сугубо есть, и есть вещь сія по сугубству естества, раздѣляемаго на двѣ части. И ово убо ко еже претерпѣти скорби плотскія, исполняемая дѣйствомъ яростныя части души есть и нарицается – дѣянiе, ово же тонкимъ дѣланіемъ ума, и божественнымъ обрѣтается приснопоученіемъ и пребываніемъ молитвы и прочими, еже создѣвается желательною частію и нарицается видѣніе. И едино убо, сирѣчь дѣянiе, страдательную часть ¹⁴⁵ души очищаетъ силою ревности; другое же дѣйство любви душевныя еже есть привожделѣніе естественнo, еже процѣждаетъ ¹⁴⁶ мысленную часть души. Кійждо убо прежде совершеннаго обученія въ первѣй части, приходя къ онѣй вторѣй за сладость ея рачительнѣ, да не глаголю отъ лѣности, гнѣвъ ¹⁴⁷ находитъ нанѣ, за еже не умертвити прежде уды своя, еже на земли, то есть еже исцѣлѣти немощь помысловъ терпѣніемъ дѣланія досады креста. Дерзнулъ бо есть возмечтати въ умѣ своемъ

¹⁴⁵ Страстную часть, т. е. вожделѣніе и раздражительность. По ученію свв. Отцовъ естество души раздѣляется на три части: словесную (разумную), яростную (раздражительную) и похотную (вожделѣвательную).

¹⁴⁶ Очищаетъ.

¹⁴⁷ Божій.

славу креста. Сіе же есть, реченное отъ древнихъ святыхъ: яко прежде неже умолкнути чувствамъ отъ немощи, аще восхождеть умъ взыти на крестъ, гнѣвъ Божій приходитъ нань. Восхожденіе еже на крестъ, наводящее гнѣвъ, не первою частію терпѣнія скорбей, еже есть распятіе плоти, но еже взыти въ видѣніе, еже есть вторая часть по исцѣленіи души бываемая. Его же умъ осквернень есть страстьми безчестія и течеть еже возмечтати умомъ своимъ мечтанія помысль, запрешеніемъ заушавается¹⁴⁸, за еже не быти первѣе чисту умомъ скорбьми, и покорити похоти плотскія, но отъ слуха ушесь, и чернила письмень потече прямо лицу своему¹⁴⁹, еже пойти въ путь исполнень мраковъ и самъ слѣпъ сый очима. И здравствующіи бо зрѣніемъ и исполненніи свѣта, и стяжавшіи наставниковъ благодати и тіи въ бѣдѣ суть нощь и день; вегда очеса ихъ исполнена суть слезъ, и въ молитвѣ и плачѣ изработаютъ весь день, и въ нощи страха ради путешествія и стремнинъ ради крѣпльшихъ¹⁵⁰ срѣтающихъ тѣхъ, и образовъ истины обрѣтаемыхъ смѣшенныхъ съ лицемѣрными образы». Изъ чего видно, что за оставленіе дѣланія первой части подвига противу страстей гнѣвъ Божій находитъ, а сей гнѣвъ заключается въ лишеніи мира и спокойствія. И св. Григорій Синаитъ въ Словѣ о безмолвіи¹⁵¹ въ 7 главѣ пишетъ: «Нѣсть – чудно прельститися кому новоначальну и по мнозѣхъ трудѣхъ, за неже бысть мнозѣмъ и нынѣш-

¹⁴⁸ Удерживается наказаніемъ.

¹⁴⁹ Прямо – впередъ.

¹⁵⁰ Ужасныхъ.

¹⁵¹ См. 1-ю часть «Добротолюбія славянскаго».

нимъ, и древнимъ, Бога взыскующимъ. Ибо память Божія, сієсть умная молитва, – вышша всѣхъ дѣланій есть, сія есть и добродѣтелей глава, яко любы Божія. И иже безстуднѣ и дерзостнѣ хотая къ Богу внити и исповѣдати Его чистѣ и стяжати Его въ себѣ нудяся, удобъ умерщвляемъ есть сицевый отъ самѣхъ бѣсовъ, глаголю, аще попустится; дерзновенно бо и дерзостно паче устройства своего, взыскавъ съ киченіемъ понуждается до того паче времени dospѣти... со смиреніемъ, паче же съ повинovenіемъ и вопрошеніемъ искусныхъ бываетъ сіє чудное дѣло. Да не како вмѣсто пшеницы терніє отай пожнетъ, и горестъ вмѣсто сладости, и вмѣсто спасенія обрящетъ погибель. Сильныхъ бо и совершенныхъ есть противоборствовать присно бѣсомъ и *мечъ духовный, иже есть глаголь Божій* (Еф. 6, 17) выну на нихъ возпростирати».

«Сего ради внимай, да не приложиши вѣровати чему, согласуясь съ тѣмъ вскорѣ, аще и благо есть, прежде вопрошенія искусныхъ и истязанія многа, яко да не вредъ пріимеши; но пребывай негодуя къ тому присно, блюдя умъ твой необразованъ, безвиденъ, невообразителенъ... Узрѣвый бо что въ мысли или въ чувствѣ, аще вѣдущихъ – удобъ прельщается или прельстится хошетъ, яко удобопріятеленъ... Богъ бо не негодуєтъ на иже опасно себе внимающаго прелѣсти ради, аще сице и не пріиметъ, еже отъ Него, кромѣ вопрошенія и многа испытанія, но паче похваляетъ, яко премудра, аще на нѣкихъ и негодова. Не всѣхъ же долженъ есть вопрошати, но единого, ему же ввѣрено есть и другихъ окормленіє и житіємъ блистающа, убога убо суща,

многои же богатяще, по Писанію» (2 Кор. 6, 10)... многогрѣшный І. Л.

13

Достопочтеннѣйшая о Господѣ N.N.! Отъ 11 числа августа писаніе ваше получилъ; изъ него вижу смущенное ваше устроеніе и соболѣзнованіе о томъ, что и отъ насъ возвратились съ разстройствомъ духа. Вы считаете себя виновною сему за прекословіе ваше, но и я не смѣю считать себя столь благоразумнымъ и достойнымъ, чтобъ могъ преподавать всѣмъ наставленіе объ образѣ жизни, а паче просвѣщеннымъ въ разумъ «по вѣку сему», находящимся въ кругу «большого свѣта». Но ежели кто съ вѣрою и несомнѣннымъ сердцемъ приступаетъ, отвергая свой разумъ и волю, то силенъ Богъ и невѣждѣ подать слово къ назиданію. А съ сомнѣніемъ и соиспытаніемъ¹⁵² и не съ вѣрою приходящіе «аще и пророка вопросятъ, и тому повелитъ Господь рещи слово противу произвола ихъ сердца».

Пишу сіе не съ тѣмъ, чтобы отнести сіе къ вашему лицу, но только представляю вамъ дѣйствіе благодати; а вы, ежели что-нибудь находите въ себѣ сходное съ симъ, то въ волѣ вашей состоитъ исправить въ себѣ это.

Вы поѣхали отъ насъ, не сказавши своего смущенія, чѣмъ уже начало положили къ разстройству своего духа, которое можетъ и все зданіе поколебать. Явно, что къ тому не допустило васъ самолюбіе (въ коемъ вы и

¹⁵² Лукавымъ любопытствомъ.

сами сознаетесь); да и теперь страдаете онымъ; слова ваши доказываютъ сіе: «Какое мнѣніе должны вы теперь имѣть обо мнѣ?» – говорите вы, что васъ беспокоить и наводить скорбь... Спрошу васъ я, – какое вамъ угодно, чтобы я имѣлъ? Ежели вы хотите показываться тѣмъ, чего у васъ нѣтъ, то это политика, а не искренность. Вы не о томъ думайте: какое я буду имѣть мнѣніе, но о томъ, какова я есмь, чтобъ въ точности открыть раны душевныя, показать эти язвы и искать исцѣленія... Оставьте о семъ скорбѣть и малодушествовать – какое я имѣю объ васъ мнѣніе – и будьте покойны совѣстію. Я имѣю мнѣніе такое, что вы желаете спастись, но хотите высоко воспарять, не приготовившись, или хотите вдругъ вступить на верхъ лѣстницы, не проходя низшихъ ступеней ея исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, со смиреніемъ и врученіемъ себя въ волю Божию и въ святой Его промыслъ.

Впрочемъ, смущеніе ваше должно васъ вразумить, гдѣ искать спокойствія. Оно-то васъ и понудило написать ко мнѣ скудоумному о вашемъ смущеніи, – этимъ вы открыли свои язвы; но «открываяй язвы, – по словамъ отцовъ, – не предуспѣетъ на горшее, но исцѣлѣетъ». Да исцѣлитъ Господь и вашу душевную болѣзнь за признаніе и откровеніе ваше.

Когда не имѣете спокойствія, – знайте, что не имѣете въ себѣ смиренія. Это Господь явилъ слѣдующими словами, кои вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, гдѣ искать спокойствія. Онъ сказалъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѡ. 11, 29).

Вы хотите въ скоромъ времени достигнуть въ совершенную любовь Божію, которая есть вѣнецъ добродѣтелей, – и не видя сего въ себѣ, смущаетесь, но вмѣсто того надо ко смиренію прибѣгнуть, считая себя недостойною сей высоты... и всегда умъ свой должно низводить во глубину смиренія. Это бы могло васъ успокоить. Да и самое неустройство свое – считать наказаніемъ за бездѣйствіе и за преступленіе заповѣди Божіей; и такъ, полагая начало понуждать себя къ исполненію оныхъ, чрезъ немощъ же – паки смирать себя, пока призритъ Господь на понужденіе ваше и на смиреніе; тогда умертвится въ васъ страсть самолюбія, не дающая нынѣ вамъ спокойствія, которая, между прочимъ, наводитъ и сими мыслями скорбь: какое теперь я буду имѣть о васъ мнѣніе?

Къ утѣшенію и укрѣпленію вашему, чтобъ вы мужествовали и не смущались въ приключающихся вамъ мысленныхъ браняхъ, предлагаю вамъ у сего выписанныя свв. Отцовъ ученія о семъ предметѣ ¹⁵³, которыя прочитывая обрящете душевную пользу.

Васъ еще беспокоятъ какія-то предчувствія возможныхъ скорбей. Приписывая ихъ суевѣрію, можно прямо назвать невѣріемъ въ промыслъ Божій, пекущійся о всякой твари и о насъ; когда безъ воли Божіей не падаетъ власъ главы наша, то кольми паче ничего не можетъ случиться съ нами скорбнаго безъ воли Его.

(Конца письма недостаетъ.)

¹⁵³ Къ сожалѣнію, они затеряны впослѣдствіи.

Достопочтеннѣйшая о Господѣ N.N.! ¹⁵⁴

Духовная жизнь внутренняго челоѣка, по сказанію святыхъ Отцовъ, раздѣляется на двѣ части: дѣятельную и умозрительную. Первая есть – сѣятва добродѣтелей на сердечную ниву исполненіемъ заповѣдей, вторая – радостная жатва, бракъ души, очищенной отъ страстей заповѣдями, съ женихомъ Христомъ въ тайныхъ чертогахъ сердца совершаемый. Кто взойдетъ на бракъ сей не въ брачной одеждѣ, а въ рубищахъ, т. е. кто несмысленно и дерзостно пожелаетъ, не совлекши съ себя рубища страстей и не облекшись въ брачную одежду чистоты, войти въ брачный чертогъ – внутреннюю клѣть сердца своего, гдѣ непрестаннымъ богомысліемъ совершается любовное бесѣдованіе челоѣка съ Богомъ, – таковому, по словамъ евангельскимъ, связываются руки и ноги, т. е. прекращаются теченія его по пути благочестія, погибають всѣ труды его, и ввергается онъ «во тьму кромѣшнюю», т. е. – въ невѣжество, которое горше всякаго невѣжества, раждающееся отъ гордыни, въ коемъ челоѣкъ, не понимая самого себя, мечтаетъ, что онъ все знаетъ и будто служить примѣромъ добродѣтели. И нѣкоторые, ощутивши въ себѣ нѣкое желаніе къ добродѣтельной жизни, яко страстные, страстно разсуждаютъ, то и полагають вмѣсто основанія своихъ подвиговъ, самомнѣніе и гордость, не могши, бѣдные, къ сожалѣнію

¹⁵⁴ Просившимъ у старца рукописнаго наставленія, для постояннаго руководства, письмо особенно замѣчательно. Съ сего № 14 и послѣдующія письма писаны, по порученію старца Льва, его сотрудиномъ старцемъ о. Макаріемъ (Ивановымъ).

распознать лица ея, имѣя очи ума, ослѣпленные страстями. Они прежде дѣятельной части стремятся ко второй и, такъ сказать – прямо изъ блудилища страстей безстыдно ищутъ прикасаться чистѣйшему Владыкѣ! Весьма рѣдкіе избираютъ тѣсный и прискорбный путь дѣланія заповѣдей, который заповѣдалъ намъ Господь Иисусъ Христосъ. Потому-то Онъ и изрекъ святѣйшими Своими устнами, по окончаніи притчи о человѣкѣ, вшедшемъ на бракъ сына царева не въ брачной одеждѣ, что «мнози суть звани, мало же избранныхъ» (ср. Мѡ. 22, 14).

Возлюбленные о Христѣ братія!

Слыша таковыя слова Спасителя и отчасти видя исполненіе оныхъ, мы страха исполняемся и, по вашему желанію, дерзаемъ сложить сіи худосложныя строки въ нѣкоторую вамъ предосторожность, потому что «врагъ нашъ діаволь, яко левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити» (ср. 1 Пет. 5, 8) не только для всѣхъ видимыми ясно сѣтями распутства: пьянствомъ, блудомъ и прочимъ, но и для рѣдкихъ примѣтною прелестію (сѣтію) самомнѣнія или гордости, кои часто скрываются подъ личиною смиренія, какъ ядовитыя змѣи подъ благоухающими цвѣтами.

Такъ, многіе изъ насъ читаютъ Святое Евангеліе, но малые оное разумѣютъ, какъ должно, потому что умственные ихъ уши не отворены для такового слышанія. – какъ у не просящихъ у Бога вразумленія при такомъ начинаніи. Почему Христосъ часто говоритъ: «Имѣяй уши слышати, да слышитъ», желая симъ возбу-

дять насъ отъ нерадѣнія. Мы же, грѣшные, не умягчаемся и страданіями Господа Іисуса Христа, не поражаетъ насъ видимая ежечасная смерть какого-нибудь изъ братій нашихъ, и отъ того-то пренебрегаемъ спасеніемъ нашимъ; а когда и прійдетъ маленькое желаніе спастись, принимаемся за оное опять не такъ, какъ повелѣваетъ Святое Евангеліе, но какъ сами желаемъ и потому исполняемъ не волю Божию, но свою, и дѣлаемся рабами самомнѣнія. Много въ нынѣшнемъ вѣкѣ видимъ подвижниковъ, много постниковъ, много такихъ, кои по цѣлымъ ночамъ простаиваютъ на молитвѣ, но, къ сожалѣнію, очень мало смиренныхъ и кроткихъ, мало такихъ, которые бы украшались молчаніемъ устъ своихъ, а не велерѣчіемъ, кои бы угощали странниковъ, съ любовью ходили бы за больными, насыщали голодныхъ, одѣвали нагихъ, посѣщали заключенныхъ въ темницахъ, т. е. мало такихъ, кои бы вниманіе для своего спасенія обращали на болѣе важныя и необходимыя добродѣтели. Нигдѣ прямо не сказано въ Св. Писаніи, что для спасенія души необходимо морить себя голодомъ, дѣлать многочисленные поклоны, носить вериги и предпринимать тому подобные подвиги; между тѣмъ Евангеліе говоритъ ясно, что именно за нелюбовь къ ближнему осудятся на Страшномъ Судѣ грѣшные, а праведные за исполненіе оной будутъ оправданы. И когда юноша сказалъ Спасителю: *Учителю благій, что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный?* Онъ же отвѣчалъ: *Аще ли хочеши внити въ животъ, соблюди заповѣди. Глагола Ему: кія? Іисусъ же рече: не убіеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши,*

*чти отца и мать и возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе (ср. Мѡ. 19, 16–19). И св. апостоль, разъясня сїе, говорить: *Аще языки челоувѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звенящи, или кимвалъ звяцай. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы престаवляти, любви же не имамъ, ничтоже есмь. И аще раздамъ вся имѣнїя моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любви же не имамъ, ни кая польза ми есть (1 Кор. 13, 1–3). И неоднократно повторялъ Господь слова Свои, сказанныя прежде юношѣ; такъ предъ смертію Своею говорилъ ученикамъ: *Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте, и имѣй заповѣди Моя и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя; и опять, аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ (Ин. 14, 15, 21, 23).***

Видите ли, возлюбленные, что соблюденіе заповѣдей рождаетъ любовь, и желающій достигнуть оной не можетъ иначе, какъ сохраненіемъ заповѣдей. Слѣдовательно, не имѣющій любви – ничего не имѣетъ, или иначе сказать, какъ любовь прїобрѣтается исполненіемъ заповѣдей, то, кто не исполняетъ заповѣдей, какъ слѣдуетъ, награды не получить, какіе бы подвиги (мнимые) ни имѣлъ. И еще яснѣе скажу: не только обыкновенный мірской челоувѣкъ, къ которому клоняются слова мои, никакой надежды ко спасенію не имѣетъ, когда онъ не исполняетъ, какъ должно, заповѣдей Христовыхъ, т. е. когда смиреніе не полагаетъ въ основаніе своихъ подвиговъ и самочинно къ нимъ приступаетъ; но даже пророкъ и чудотворецъ, если не сохраняютъ всѣхъ заповѣдей, отвергаются Христомъ Спасителемъ, по сказан-

ному: *Мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ, отъидите отъ Мене, делающіи бѣззаконіе*¹⁵⁵. Видите ли, кто изгоняется за несохраненіе заповѣдей? Но за прине-сеніе должнаго покаянія – мытарь, блудница, разбой-никъ сдѣлались наслѣдниками блаженствъ несконча-емыхъ.

Можетъ быть, спросить здѣсь кто, отчего же многіе святые Отцы дѣлали большіе подвиги, какъ напримѣръ: постились, безмолвствовали, носили вериги (послѣднее хотя и рѣдкіе), отвѣчается: всякому духовному возрасту прилична сообразная пища духовная. Святые Отцы прежде исполненіемъ заповѣдей очищались отъ стра-стей; и когда очистились, сдѣлались такъ духовны, что иногда забывали: еще въ тѣлѣ суть, или внѣ тѣла, не ощущая его потребностей, какъ говоритъ св. Макарій Городскій (Александрійскій): «Вы еще плоть, и требуете пищи, а я не требую нынѣ». (Дост. сказ. о подв. св. Отцовъ, глава о аввѣ Макаріи Городскомъ, статья 1-я); ибо онъ былъ духовень и оправдывалъ на себѣ сказан-ное: «Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіемъ, изъ устъ Его исходящемъ»; ибо Богъ, какъ Господь естества, содѣлываетъ чело-вѣка, въ коемъ обитаетъ, превыше естества и нуждъ естественныхъ, коимъ, напротивъ, мы плотяные, яко страстные и немощные, необходимо покоряемся. И ка-

¹⁵⁵ Мѡ. 7, 22, 23.

ково было ихъ притомъ смиренномудріе, когда, и достигнувъ совершеннаго безстрастія черезъ непрерывное понужденіе себя къ добродѣтелямъ, все еще почитали себя страстными и, не престава въ семь подозрѣвать себя, продолжали удручать тѣло свое подвигами? По сей-то причинѣ и мужъ «въ себѣ Христа имѣвшій» говорилъ: *Умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27).

Теперь видно, кажется, почему святые Отцы принимали великіе подвиги, хотя такжѣ въ иныхъ излишнихъ подвиговъ непримѣтно¹⁵⁶. Сими словами никакъ не намѣрены мы сказать, что большіе посты, молитвы, колѣнопреклоненія и прочіе подвиги, коими тѣло удручается, вовсе не нужны, но желаемъ только склонить васъ къ благоразумной умѣренности въ нихъ, которую и святые Отцы похваляютъ, называя ее «царскимъ путемъ», и притомъ хотимъ обратить ваше главнѣйшее вниманіе на исполненіе животворящихъ и необходимѣйшихъ заповѣдей Іисусовыхъ.

Любите, братія, враговъ вашихъ, благословите кланущихъ, добро творите ненавидящимъ и гонящимъ васъ, побѣждайте благимъ злое (т. е. смирениемъ) по заповѣди: *Ударившему тебя въ ланиту обрати и другую, желающему взять твою ризу отдай и срачицу*¹⁵⁷. *Лобзайте милосердіе, ибо Господь сказалъ: «Аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меншихъ, Мнѣ сотвористе»* (Мѡ. 25, 40). Когда съ кѣмъ хочешь подружиться и ему ввѣриться, узнай напередъ: люби-

¹⁵⁶ См. въ Дост. сказ. о подв. св. Отцовъ главу о аввѣ Римлянинѣ.

¹⁵⁷ Ср.: Лк. 6, 29.

тель ли онъ заповѣдей Господнихъ? На сіе Спаситель говоритъ: «Отъ плодъ ихъ познаете ихъ»¹⁵⁸; ибо отъ тернія, т. е. порочнаго человѣка, не собираютъ виноградныхъ лозъ, то есть: заповѣдей (дѣлъ) цѣломудрія и чистоты души, и отъ репейника (т. е. горделиваго и прелестнаго, самочиннаго) не собираютъ смоквъ: заповѣдей смиренія.

А какъ за исполненіемъ заповѣдей, а иногда и прежде, иные увлекаются осужденіемъ ближняго, то въ предостереженіе надо вспомнить совѣтъ евангельскій: вынуть прежде бревно изъ собственнаго глаза, т. е. изъ своего ума гордость, отъ коей происходитъ осужденіе другихъ, и тогда, излѣчившись отъ своей немощи, возможемъ вынуть (искусно) сучецъ изъ oka ближняго, т. е. случайное его поползновеніе, и большею частію въ то время, когда насъ попросятъ о томъ; а если не просимый осудилъ ты сучецъ въ глазѣ братнемъ, знай извѣстно, что твой глазъ завалѣнъ бревномъ гордыни.

Поминайте сказанное: отпускающимъ ближнимъ ихъ согрѣшенія, отпускаетъ и имъ Богъ собственные ихъ грѣхи. *Просите, и дастся вамъ, ищите, и обрящете, толцуйте, и отверзется вамъ*¹⁵⁹. Въ молитвахъ не просите наслажденія благами міра сего, но «Царствія Божія, и остальное (т. е. нужное и потребное) все приложится вамъ». Возлюбите искушенія; ибо блаженны поносимые, гонимые, оклеветаемые Господа ради. Лобзайте терпѣніе, потому что не взявшіе креста своего, т. е. терпѣніе и благодареніе за все случающееся, не могутъ

¹⁵⁸ Мѡ. 7, 16, 20.

¹⁵⁹ Мѡ. 7, 7.

быть учениками Иисусовыми. Когда нарушишь заповѣдь Божию, возопій мытаревымъ гласомъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному»; а когда исполнишь оную, скажи себѣ: «Я рабъ неключимый и сотворилъ только повелѣнное». Милосердый же Господь, милуя нашу немощь, успокоить насъ въ Своемъ Царствіи (когда будемъ нудиться ко благу) и оправдаетъ на Страшномъ Судищѣ, гдѣ, по сказанному въ Евангеліи, первые (т. е. желающіе въ семъ мірѣ первенствовать) будутъ послѣдними, а послѣдніе (уничиженные и смиренные духомъ) первыми...

15

Письмо ваше я получилъ. Подлинно, что трудно спастись среди обилія, или яснѣе, въ богатствѣ; однако жъ «отъ Бога вся возможна». А поелику богатство есть вещь, сама по себѣ ни добрая, ни злая – средняя, и притомъ сказано: «Избавленіе мужу – свое ему богатство»¹⁶⁰; то, слѣдственно, ничто не возбраняетъ богатому хранить умѣренность въ отношеніи нужныхъ въ жизни, никто не препятствуетъ ему посильно трудиться, милосердствовать и пребывать въ глубокомъ униженіи духа. Богоугодна мысль, что достаточный превосходитъ бѣднаго однимъ своимъ имѣніемъ; въ порядкѣ вещей онъ тотъ же прахъ и пепелъ, нисколько не далеку по законамъ естества отъ каждаго смертнаго, не менѣе подлежитъ видимой и непредвидимой пре-

¹⁶⁰ Ср.: Притч. 13, 8.

вратности земнородныхъ, какъ и самый нищій; – отъ него не отнято: «Смиряяй себе вознесется» ¹⁶¹. Такая мысль хранить спокойствіе чувствъ и духа; она есть благодѣтельница внутренняго христіанина во всякомъ родѣ жизни; она есть хранительница непоколебимости ума во всякомъ случаѣ, какъ бы мудрый всадникъ, управляя стремленіями страстей, ограничиваетъ оныя отъ непрестанныхъ движеній и колесницу тѣла нашего, возимую иногда свирѣпыми (и тщетными) склонностями, благополучно управляетъ къ чаемой цѣли, или и самую душу къ Отечеству Небесному. Такъ убо имѣйте смиреніе и, упоая на Бога, будьте великодушны. Сколько можно старайтесь о добродѣтели, о сердечной преданности себя судьбамъ Всемогушаго, соединяя оную съ молитвою. Удовольствіями не увлекайтесь и въ горестяхъ не унывайте.

Итакъ, ни богатство не обвиняйте, ибо судьбы Всевышняго привели васъ въ жизнь такого семейства; и о томъ равно не безпокойтесь, что оно не въ полной нашей волѣ, но храните умѣренность; любите трудъ посильный, милостыню, непосредственную преданность къ Богу, возможную молитву, и одно изящнѣйшее – святое смиреніе, за коимъ да управить въ прочемъ Господь васъ, о васъ, и въ васъ, и утѣшить сердце ваше, по мѣрѣ смиренія, утѣшеніемъ благодатнымъ.

Дѣти ваши, проѣздомъ въ П...у, при посѣщеніи нашей обители располагали перебыть однѣ сутки, но, разсудя, пробыли двое сутокъ; они довольно оба и по

¹⁶¹ Ср.: Мѡ. 23, 12.

одному со мною о Господѣ занимались; наконецъ благополучно отправились въ путь. Да благословить Господь ихъ и васъ всѣхъ; желаю, да устроить Онъ ваше спасеніе, Ему же и вручаю васъ съ искренностію.

Вашъ недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Л.
съ братією кланяемся.

16

Къ той же

Сообщаю вамъ общую нашу радость: на пожертвованную вами икону Тихвинской Божіей Матери (которая находится въ скитской церкви на горнемъ мѣстѣ), нашъ монахъ Александръ, прежде бывшій мологскій купецъ Александръ Петровичъ Мальцовъ, поусердствовалъ къ возложенному на оную отъ васъ вѣнцу — однимъ своимъ лицомъ серебряную ризу, которая отъ усердія прочихъ благодѣтелей вызолочена и получена уже изъ Москвы отъ мастера Полтавцева сего іюня 18 числа.

Всѣ старцы наши съ сердечною любовію благословляли благотворителей такого украшенія и заботились совершать Царицѣ Небесной, яко утѣшительницѣ ихъ старости и несомнѣнной надеждѣ въ будущей жизни, должное молебствіе. Но къ общей нашей скорби нашъ скитскій начальникъ, извѣстный вамъ по жизни отецъ А., (пятая уже недѣля) боленъ правою ногою, и болѣзнь его такъ сильно умножилась, что сонъ совершенно отнять былъ, и ниже ходить и сидѣть, ни ногъ съ постели опустить не могъ. — Икона же была принесена подъ

19-е число въ келлію его съ вечера, и сей удрученный болѣзнію старецъ, нелицемѣрный Ея служитель, изъ глубины сердца и со слезами возопилъ къ своей Владычицѣ и Избавительницѣ всѣхъ скорбей, прося даровать ему терпѣніе въ болѣзни, и по утру (т. е. 19 числа, въ день св. апостола Іуды) совершилось должное молебствіе, на коемъ провозглашались имена вашего семейства, монаха Александра и болящаго іеромонаха А. Потомъ св. икона съ церковною церемонією и звономъ перенесена была въ церковь на свое мѣсто, а отецъ А. какъ будто съ того часа началъ чувствовать легче и легче, и теперь, благодаря Бога и Пречистую Его Матерь, можетъ самъ сойти съ постели и перейти на стулъ; явился сонъ и въ больной ногѣ успокоеніе. Онъ, благословляя все ваше семейство, кланяется вамъ и молить Господа о благоустроеніи «пути, по нему же ходите».

По написаніи сихъ строкъ получилъ я почтеннѣйшее ваше писаніе, отъ 16 іюня пущенное, изъ коего вижу, что Господь, о васъ промышляя, устраиваетъ на лучшее къ успокоенію вашему касательно распоряженія супруга вашего. Желаю, дабы вы, при благодарныхъ чувствахъ къ Господу, имѣли попеченіе о исполненіи святой Его воли и, тако пользуясь дарованными Его благами, имѣли бы благонадежіе на полученіе въ будущей жизни вѣчныхъ благъ, уготованныхъ любящимъ Господа по неизреченному Его челоуѣколюбію.

Когда есть воля Божія ко исполненію вашего намѣренія устроить судьбу любезнаго вашего сына съ избираемою дѣвицею; то да благословитъ Господь совершать начинаемое дѣло съ призываніемъ Его святой

помощи и врученіємъ ихъ Его всесильному Промыслу. Да будутъ вамъ они на утѣшеніе старости вашей купно и со всѣми любезными вашими дѣтками... да утѣшить васъ Матерь Божія.

Также и отъ 22 мая писаніе ваше получилъ; на оное до сихъ поръ не могъ отвѣчать; теперь же, кстати, пріимите усердную мою благодарность за письма эти. Отправившемуся путешествовать любезному сыну вашему желаю съ успѣхомъ исполнить порученную комиссію и благополучно возвратиться къ вамъ; да сохранить его Господь и пошлетъ Ангела-хранителя, соблюдающаго его отъ всѣхъ сѣтей и козней вражіихъ. Любезному сыну вашему Z. желаю, да укрѣпитъ его Господь въ благомъ намѣреніи къ соблюденію себя, и да избавить его Господь отъ случающихся ему скорбей. Онъ хотѣлъ ко мнѣ писать; я съ любовію пріиму его писаніе, и по силѣ слабаго моего ума постараюсь и отвѣтствовать. Отецъ И. свидѣтельствуетъ вамъ свое нижайшее почтеніе, равно и отецъ С. и всеусерднѣйше васъ благодарятъ за вашу память объ нихъ, желаютъ вамъ всѣхъ благъ и совершеннаго здравія, душевнаго и тѣлеснаго. Чего равномѣрно и я вамъ желаю и, призывая на васъ и на все ваше почтенное семейство миръ и благословеніе Божіе, съ почтеніемъ моимъ остаюсь недостойный вашъ богомолецъ многогрѣшный І. Л. 27 іюня 1836 г.

Возлюбленный о Христъ братъ отецъ Z.!

Исполненное скорби писаніе твое получилъ я; внимая ему и слыша несчастную кончину твоего родителя, сознаю, что истинно велія скорбь сердцу твоему и всѣмъ ближнимъ и воистину достойное скорбенія. Каковой скорби твоей и мы чувствительно состраждемъ и безъ особаго чувства событія сего вспомнить не можемъ. Ты просишь моего утѣшенія. Оное и нужно тебѣ къ укрѣпленію духа. Но кто столько силенъ въ словѣ, дабы могъ излить цѣлительный бальзамъ, прохлаждающій и исцѣляющій раны твоего сердца? Потеря невозвратна! Но чего не силенъ умъ человѣческій изобрѣсти ко утѣшенію и врачеванію, то все сіе есть у Премилосердаго Господа, ибо у Него Единаго *милость и многое избавленіе*¹⁶³, и надежда на Него не посрамляетъ. Онъ силенъ тебя утѣшить и излить бальзамъ Своего милосердія на уязвленное твое и оскорбленное сердце. И утѣшить Онъ непостижимымъ утѣшеніемъ, токмо да пребываемъ твердо въ вѣрѣ и не отпадаемъ упованія на всесильную Десницу Его. Да не дерзаемъ же входить во испытаніе недовѣдомыхъ и непостижимыхъ судьбъ Его, но, благоговѣя предъ Его величествомъ, да видимъ себя, въ необозримомъ пространствѣ и неизмѣримой безднѣ созданій Его, хотя малѣйшимъ существомъ, но Промысломъ Его присно содержимымъ и почтеннымъ предъ прочими тварями самовластіемъ и разумомъ, а схожденіемъ Его

¹⁶² Всѣ эти послѣднія 14 писѣмъ писаны къ одному лицу, бывшему впослѣдствіи иноку Оптиной Пустыни.

¹⁶³ Ср.: Пс. 129, 7.

спасительнымъ дарована намъ вѣчная жизнь, искупленная безцѣнною Его кровію. Потщимся достойными содѣлаться любви Его исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей, и сколько силъ есть, да имѣемъ къ сему благое произволеніе и сохранимъ наше устроеніе при всемъ, что воля Его святая хочетъ Своимъ попущеніемъ.

Обращаюсь паки къ винѣ вашей скорби. Святая Церковь точно узаконила о воспріявшихъ сію кончину не творить поминовенія, чему мы, яко чада ея, должны повиноваться и оставить печальное сіе и неожиданное событіе на судъ Божій, какъ я уже сказалъ, не испытывая судебъ Его, но пребывать въ покорности онымъ. Милостыни же и подаванія продолжать дѣлать можете; они веліи творять чудеса!.. Итакъ, ко успокоенію себя отдайся въ волю Божию, укрѣпляй себя вѣрою и надеждою на Его неизреченное милосердіе, а о недовѣдомомъ и непостижимомъ для насъ испытаніи прекрати. Имѣй же попеченіе о своей душѣ: въ будущую страшную годину ни родители, ни други, ни богатство, ни слава не могутъ помощи, а единственно только благія дѣла, со смиреніемъ творимыя.

Не имѣя болѣе слова къ утѣшенію твоему, молю Премилосердаго Господа, да ниспослетъ Онъ благодать Свою и даруетъ тебѣ и братцу твоему утѣшеніе, ими же Онъ вѣсть судьбами, и да укрѣпитъ васъ не малодушествовати, да поможетъ же, окончивъ дѣла свои, возвратиться во свои обиталища. Я писалъ отъ истиннаго состраданія и желанія васъ укрѣпить, но «аще не Господь дастъ силу слову сему и не изліетъ Своего милосердія, суетны наши умствованія».

При окончаніи сихъ строкъ подоспѣлъ московскій послушникъ И. съ письмецомъ вашимъ и на словахъ пополнилъ ваше мнѣніе насчетъ Z. Но только на сей предметъ намъ затруднительно въ точности подать совѣтъ; вы же, призвавъ въ помощь Всемогущаго Промыслителя Господа Іисуса Христа и посовѣтовавшись между собою, можете ему сказать, чтобъ онъ старался вести себя осторожнѣе, а особливо при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, но, однако, старайтесь умѣренности держаться. А какъ ваше тамъ присутствіе наиболѣе нужно для меньшаго брата К., то по таковой нуждѣ (по болѣзни, для развлеченія и подкрѣпленія въ малодушіи) благословляемъ кончить дѣла. Господь Премилостивый да вразумить и да просвѣтитъ васъ къ благопоспѣшному ихъ окончанію и обратному возвращенію въ обитель; и тогда *еще* Премилостивый Господь *восхощетъ, и живи будемъ* ¹⁶⁴ тогда обо всемъ можемъ переговорить и вообще посовѣтовать.

И поручая васъ покровительству всемогущаго Бога, остаюсь вашъ недостойный богомолецъ многгрѣш. І. Л.

И я, іеромонахъ Макарій, и благорасположенная братія желаемъ вамъ благодушнаго утѣшенія.

18

Достопочтеннѣйшій о Господѣ N.N.!

Желаніе ваше избѣгать сѣтей міра въ юныя лѣта душеспасительно, и если оно не ослабѣваетъ, а укореняет-

¹⁶⁴ Іак. 4, 15.

ся въ сердцѣ вашемъ при всѣхъ препятствіяхъ, то сіе есть знакъ неложнаго призванія Божія на скорбный (особенно въ наше время) монашескій путь. Нѣтъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, что только есмы посредники въ дѣлѣ вашемъ, а совершитель есть и будетъ Господь нашъ, отъ Коего истекаетъ всякое благое произволеніе, и по власти Коего мы, яко смертные, можемъ быть скоро позваны на судъ Его, и потому суетна надежда на однихъ насъ; а Онъ вовѣки пребываетъ. Слѣдовательно, ваша надежда, опора, совѣтникъ и руководитель долженствуетъ быть Тотъ, Коему желаете обручить душу свою. Ему первѣе всего вы должны со страхомъ и любовію молиться, да благословитъ Онъ намѣреніе ваше, да укоренить въ сердцѣ вашемъ сѣмя, Имъ посѣянное, и да устранить препятствія въ началѣ пути, если путь вашъ Ему благоугоденъ. Страхъ Божій есть начало премудрости, и вы безъ самонадѣянности и дерзости должны помышлять, на что рѣшаетесь! На умертвіе не только міру и родственникамъ, но и самому себѣ. Аще кто не возненавидитъ самыя души своея, не можетъ быть Его ученикомъ. Вы готовитесь на ежедневныя лишеныя, на безропотное терпѣніе обидъ, на умерщвленіе тѣлесное, а что всего труднѣе – на отсѣченіе своей воли. Не на силы и не на пылкость желанія своего полагаться надобно, готовясь на безкровное продолжительное мученичество, а единственно на помощь Господа нашего. Испытайте строго самихъ себя: чисто ли ваше намѣреніе? Нѣтъ ли другихъ постороннихъ причинъ, побуждающихъ къ сему? Чего вы ожидаете и желаете въ монашествѣ? Одного спасенія и скорбей или чего другого?

Что касается до препятствій отъ родителя ¹⁶⁵, то Господь, побѣждающій, «идѣже хочетъ, естества чинѣ», силенъ преклонить и его сердце, если только дѣло ваше есть дѣло Божіе. «Волю боящихся Его Господь исполнить, и призывающихъ Его во истинѣ услышитъ». Поручаю васъ Его святому покрову, смиренно прошу Его благословенія на васъ, – недостойный вашъ богомолецъ многогрѣшный І. Л. Декабря 21 дня 1838 года.

19

Отъ 16 іюня писаніе ваше я исправно получилъ и сохраненію онаго внялъ... Нѣтъ никакихъ словъ къ изъясненію, какъ превосходно наслаждается сердце призваніемъ сладчайшаго Господа Іисуса Христа!

Сколько можно – удаляйся отъ молвы, уклоняйся отъ суетныхъ людей; употреби волю свою и ревность на взысканіе угоднаго предъ Господомъ и на пріобрѣтеніе вѣчныхъ вещей. Все временное измѣнится, но вѣчное пребудетъ вѣчно. Не позволяй разсѣиваться добрымъ мыслямъ; все тамъ суетно, гдѣ не назидается душа во спасеніе и не просвѣщается страхомъ Божіимъ. Ангель мирный да оградить сердце твое мирными мыслями. Остаюсь вашъ недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Л. Іюля дня 1839 г. Обитель Преподобнаго Тихона ¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Родитель его принадлежалъ къ раскольнической сектѣ.

¹⁶⁶ Это писано изъ Тихоновой пустыни (Калужской губерніи), куда покойный Старецъ часто передъ кончиною ѣздилъ для внутренняго устройства оной, по просьбѣ его учениковъ, тамъ жившихъ.

Всеусердно желаю вамъ здравствовать душевно и тѣлесно и о Господѣ Единомъ радоваться. Писаніе твое получилъ; уже вторично вы просите моего совѣта, — какъ вамъ оставить такого рода жизнь, всегда ненавистную Богу. Желаю, чтобы исполнилось это желаніе ваше, — чтобы сдѣлаться и воиномъ Христовымъ, — и вы изволите писать, что разгорается въ васъ сердечное усердіе и благое произволеніе, дабы по заповѣди Господней, къ совершенной жизни призывающей, оставить все и отрещися себя самаго и взявши крестъ терпѣнія, послѣдовать Христовой жизни, (т. е.) поступивъ въ ограду словесныхъ Христовыхъ овецъ въ монастырь; — сему я духовно радуюсь и не воспреещаю тебѣ вступить въ Христово воинство; но какъ вы ясно доказываете, что тятенька вашъ не только ненавидитъ, но и гонитъ монашескій чинъ, да къ тому же и весьма строгъ, то, ежели вы тайно отъ него пойдете въ монастырь, не случилось бы какого-нибудь препятствія отъ родителя вашего. Совѣтую вамъ молиться за него Богу: по три поклона полагать утромъ и вечеромъ, говоря молитву сію: «Спаси, Господи, и помилуй дражайшаго родителя моего Н. его же молитвами прости и моя согрѣшенія». И аще будете сію молитву исполнять, то вѣруйте Богу, что всячески Господь его присоединитъ къ вашему единомуслию. Впрочемъ, я не воспреещаю вамъ вступить въ Христово воинство, но помни только то, — какимъ страдальческимъ путемъ шелъ подвигоположникъ нашъ Іисусъ Христосъ, такимъ же путемъ и всѣ,

хотящіе вслѣдъ Его идти, должны (идти), а время не упускай.

И сократя, приношу мою благодарность за присланные гостинцы, кои получилъ исправно. Поручая васъ покрову Божію, – хотя и недостойнъ, испрашиваю на васъ Божіе благословеніе и остаюсь, жаждущій твоего спасенія, недостойный богомалець многогрѣшный І. Л.
27 февраля 1839 г.

21

Писаніе ваше получилъ, а при ономъ отъ усердія вашего и гостинець, за что вамъ приношу мою благодарность. Господь же Премилостивый да просвѣтитъ вашъ смыслъ и разумъ въ познаніе истиннаго пути спасительнаго, и укрѣпитъ къ творенію святыхъ заповѣдей, и управитъ житіе ваше къ славѣ Божіей. И сократя, поручаю васъ Промыслу Божію и, хотя недостойнъ, испрашиваю миръ и благословеніе Божіе на васъ, и всегда пребываю вашимъ недостойнымъ богомольцемъ, многогрѣшный І. Л.

Р. S. Болѣзнь ваша, какъ я признаю, болѣе отъ житейскихъ попеченій; въ такомъ случаѣ прошу васъ, чтобы болѣе не разстраивать себя, возложите на Промыслъ Божій дѣла ваши, и Той, по слову св. Апостола, Господь помощникъ скорый да будетъ въ дѣлахъ вашихъ. Декабря 8-го 1839 г.

Всеусердно желаю здравствовать вамъ душевно и тѣлесно, и со благодушіемъ препровождать текущіе дни вашей жизни.

Пишешь, что родитель твой склоняется отпустить тебя въ монастырь, но только черезъ 3 года. Слава Богу, что онъ такъ говорить, – я радуюсь, но только о томъ сердечно сожалью, что до такого долгаго времени отлагается, надѣясь, что живы будемъ, но неизвѣстно: въ нашей ли волѣ состоитъ продолженіе жизни? Писано бо есть: «Отъ утра есмь, – до вечера не суть». И Іовъ праведный пишетъ: *«Вчерашни есмы»*¹⁶⁷; – вчерашній день, извѣстно, прожили, а настоящій день неизвѣстно, проживемъ ли?» И паки писано: *Отъ утра до вечера измѣняется время*¹⁶⁸. И евангельскій богачъ явнымъ служить примѣромъ и доказательствомъ, что время жизни нашей состоитъ въ волѣ Божіей, а не въ нашей: онъ, собравъ жита своя и благая, думалъ на многа лѣта въ благоденствіи наслаждаться и «реку», говорилъ, «душѣ своей – душе! Имаши блага многа на лѣта многа, яждь, пій и веселися», но обманулся бѣдный; вмѣсто того слышалъ гласъ свыше: *Безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ?*¹⁶⁹ То, мнѣ кажется, и вашъ батюшка тому уподобляется; онъ говоритъ: два сына подрастутъ, тогда отпущу. На дѣтей надѣется, а писано есть: «Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія». Еще же къ тому:

¹⁶⁷ Іов. 8, 9.

¹⁶⁸ Сир. 18, 26.

¹⁶⁹ Лк. 12, 20.

«День Господень, яко тать въ нощи приходитъ». Теперь видите, что неизвѣстно, живъ ли будешь ты, или батюшка, то не должно отлагать до времени день спасенія. И сократя, вручая тебя покрову Божію и испрашиваю на васъ миръ и благословеніе Божіе и пребуду навсегда вашимъ богомольцемъ, многогрѣшный І. Л.
18 августа 1840 г.

23

Желаю вамъ мира, здравія и душевнаго спокойствія получить отъ Подателя всѣхъ благъ Господа нашего Иисуса Христа.

Не поскорби на меня, В., что я пишу не своеручно сіе письмо, но диктую другому, потому что, по старости и дряхлости моей и притомъ отъ многаго занятія съ народомъ, самъ я не въ силахъ.

Не желая болѣе огорчать васъ и родителя вашего, посылаю вамъ брата І., хотя ему и еще было бы нужно погостить, но, въ теченіе его пребыванія у меня, я предлагалъ ему, по силѣ слабаго моего ума, совѣтованія и, при Божіей помощи, сколько могъ, старался пользоваться его утѣшеніемъ, но послать оное состоитъ въ волѣ Божіей, и еще съ вѣрою принялъ онъ совѣты мои, то получилъ врачеваніе скорбному сердцу своему. За симъ сократя, вручаю васъ, а равно и семейство все, Божію Промыслу и притомъ дерзаю испрашивать Божія благословенія, пребываю навсегда жаждущій вашего спасенія, – недостойный богомольецъ многогрѣшный І. Л.

Р. С. Изъ письма твоего видно, что вы худо мою азбучку твердили, забывая по три поклона класть за родителя вашего. Старайтесь Господа ради. 27 ок. 1840 г.

24

Желаю вамъ мира и здравія душевнаго и тѣлеснаго получить отъ Господа нашего Иисуса Христа. Письмо твое получилъ во всякой исправности, и изъ онаго усмотрѣлъ ваше прошеніе о бывшихъ вамъ снахъ – растолковать просишь, но это совсѣмъ излишнее. Священное Писаніе запрещаетъ довѣрять снамъ и искать чрезъ оныхъ будущихъ событій. Но совѣтую вамъ положиться во всемъ на волю Божию, то всегда дорога ваша ко спасенію будетъ удобна.

Итакъ, при сокращеніи сихъ строкъ, вручаю васъ покрову Божию и пребываю навсегда жаждущимъ вашего спасенія недостойный богомолецъ вашъ, многогрѣшный І. Л. Декабря 4-го 1840 г.

25

Изъ письма вашего вижу, что вы отъ болѣзни своей маменьки возмалодушествовали и боитесь, чтобы не умерла. Совѣтую вамъ Промыслу Божию предать судьбу своей маменьки: Богъ предвидитъ и дѣла людей, и обстоятельства, и причины ихъ, и устроиваетъ все на пользу. Вы слышите гласъ Господа, глаголюща, что Онъ и крины сельныя одѣваетъ, и *ни одна птица безъ воли*

Отца Небеснаго не падаетъ ¹⁷⁰. Онъ больше объ насъ, нежели какъ матеръ, печется. Итакъ, видите – Господь силенъ и маменьку вашу сохранить на многіе годы. По просьбѣ же вашей посылаю святое масло и бутылку воды ¹⁷¹. Затѣмъ пребываю жаждающимъ вашего спасенія, недостойный богомолецъ – многогрѣшный І. Л. 26 декабря 1840 г.

26

Письмо ваше получилъ и прочиталъ: изъ онаго вижу, что зять вашъ лишился смертію сыновъ своихъ и дочери, и сѣтуетъ о разлученіи съ ними. По сей причинѣ пишу вамъ нѣсколько строкъ, полагая, что онѣ доставятъ утѣшеніе въ его скорби, а вамъ большое желаніе къ небесному жилищу, которыя вы ему прочтите.

Святое Писаніе показываетъ намъ, что мы чрезъ смерть теряемъ въ жизни сей и что пріобрѣтаемъ въ будущей: пріобрѣтаемъ жизнь вѣчную, безболѣзненную, – жизнь, въ которой нѣтъ страсти смущающей, нѣтъ зависти изсушающей, нѣтъ бѣдъ оскорбляющихъ, въ которой нѣтъ дряхлой старости и младенческой слабости, но состояніе присноцвѣтущее, никакимъ перемѣнамъ не подлежащее, пребываніе блаженное, никакихъ предѣловъ не имѣющее, житіе непорочное, отъ всякихъ соблазновъ житейскихъ удаленное. Сіе въ высокой мысли своей воображая, блаженный Давидъ съ радостнымъ

¹⁷⁰ Ср.: Мѡ. 10, 29.

¹⁷¹ Вѣроятно, это упоминается «о горькой водѣ», которою Старецъ часто просящихъ пользовалъ.

восторгомъ возопилъ: «Господи силь! Блажени живущіи въ дому Твоемъ, въ вѣки вѣковъ восхваляютъ Тя! Лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящъ». Куда и мы должны отрѣшиться: они, умершіе, только намъ предшествуютъ и даютъ чувствовать, коль кратка жизнь наша. Притомъ она состоитъ въ волѣ Божіей, коей и совѣтую вамъ вручить себя.

При сокращеніи сихъ строкъ, испрашиваю на васъ миръ и благословеніе Божіе, пребывая навсегда жаждущимъ вашего спасенія, недостойный богомолецъ — многогрѣшный І. Л. 31 декабря 1840 г.

27

Вы увѣдомляетъ меня о своей маменькѣ, что она сильно больна, чѣмъ вы огорчааетесь, смотря на ея страданія, и въ такой скорби просите меня помолиться и утѣшить васъ.

На прежнее ваше письмо я не отвѣчалъ по слабости здоровья, и притомъ не находилъ крайняго требованія; но тепѣрь, будучи убѣжденъ вашимъ прошеніемъ, хотя диктованіемъ пишу сіи строки, и если съ вѣрою пріимете, получите утѣшеніе. Хотя маменька ваша и болитъ, но вамъ надобно благодушествовать и помышлять слова Спасителя нашего Бога (Лк. 12, 6–7): *«Не пять ли птицъ цѣнятся пѣнязема двѣма; и ни единая отъ нихъ нѣсть забвена предъ Богомъ. Но и власи главы вашея вси изочтени суть: не убойтесь убо, мнозѣхъ птицъ униши есте вы»*. Сими словами ясно доказалъ Господь Свое о насъ промышленіе. Совѣтую вамъ: отложите отъ сердца

свое маловѣріе и возложите на Промысль Божій, всегда полезное душамъ нашимъ устраивающій. За симъ сократя, вручая васъ Промыслу Божию, и, при испрашиваніи на васъ Божія благословенія, пребываю навсегда жаждущимъ вашего спасенія, недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Л. 31 генваря 1841 г.

28

Письмо ваше получилъ; въ немъ объясняешься, что во время молитвы находятъ скверные помыслы, отчего ты и малодушествуешь. Въ такомъ случаѣ, при разсѣянности мыслей на молитвѣ, Отцы святые учатъ насъ не смущаться, но смирять себя и окаывать, – тогда можно успокоить себя. Въ чемъ и святой Іоаннъ Лѣствичникъ укрѣпляетъ насъ, поучая въ 4-й степени: «Старайся всегда бродящія мысли воедино собирать. Богъ не взыскиваетъ того, чтобъ ты во время молитвы совсѣмъ никакихъ не могъ имѣть другихъ мыслей. Не отчаявайся, будучи мыслями расхищаемъ, но благодумствуй, созывая всегда бродящіе свои помыслы. Никогда бо не быти расхищаему мыслями единому Ангелу свойственно».

Еще просите совѣта – маменькѣ вашей лечиться или нѣтъ? Я въ этомъ вполнѣ не могу распорядиться, – какъ она хочетъ. Впрочемъ, для меня кажется и для ея душевной пользы лучше бы съ благодарностію терпѣливо переносить оную, и сіе терпѣніе ея доставить ей христіанское утѣшеніе и благонадежіе на милосердіе Божіе удостоиться въ вѣчности блаженства. И грѣха

не будетъ, если лечиться у докторовъ; но какъ бы не вышла одна денежная трата. Уже сами видите, что по сіе время нѣтъ облегченія.

Сократя строки сіи, вручаю васъ покрову Божію, и при испрошеніи на васъ и семейство ваше мира и Божія благословенія, пребываю жаждущимъ навсегда вашего спасенія, недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Л.
1 мая 1841 г.

29

Письмо ваше получилъ во всякой исправности. Въ отвѣтъ скажу вамъ, что въ поползновеніяхъ силенъ Господь васъ простить. Но если вы подлинно хотите пріити въ любовь у Царя Небеснаго, должны оставить всѣ увеселенія и забавы міра сего и прилѣпитися ко Господу всею душою и помышленіемъ и не возвращаться на то, что вы прежде признали мерзкимъ. Почему такъ? Потому что какъ сосудъ, чѣмъ снова напоенъ будетъ, то запахъ тотъ уже трудно изъ него выведется. Такъ и человекъ, къ какимъ нравамъ въ молодости пріобыкнетъ, отъ тѣхъ трудно уже отстать по самый конецъ своей жизни. Вотъ почему вамъ должно удаляться отъ дурныхъ сообществъ.

За симъ желаю вамъ мира и спасенія, пребывая жаждущимъ вашего благоденствія, недостойный богомолецъ вашъ многогрѣшный І. Л.

Р. S. И паки подтверждаю, что когда «съ избранными будешь знаться, избранъ будеши, а со строптивыми – развратишися».

Почтеннѣйшій о Господѣ N.!

Всеусердно желаю тебѣ получить миръ и благословеніе Божіе. Письмо твое получилъ, и особенно замѣчательное изъ него усматриваю то, что у тебя есть желаніе быть въ званіи монашескомъ. Желаніе это хорошее, но дабы оное совершилось на тебѣ, надобно молиться Богу и не быть подобнымъ вѣтви, колеблющейся на обѣ стороны. Господь же силенъ тебѣ даровать сіе второе крещеніе, то есть постриженіе въ ангельскій образъ. Прежде сего я послалъ вамъ письмо; надѣюсь, что нынѣ получили. За симъ вручая покрову Божию васъ, пребуду навсегда жаждущій вашего спасенія, недостойный богомолецъ вашъ многогрѣшный I. Л. ¹⁷²

¹⁷² Письма старца Леонида къ вышеозначенному лицу прекратились, такъ какъ Старецъ 11 октября 1841 г. скончался.

Плачь на гробъ отца¹⁷³

Предисловіе

И въ наши дни, и въ нощи сей глубокой,
Когда почти нѣльзя исполнить ничего (Ин. 9, 4),
Жиль мужъ съ душою свѣтлой и высокой.
Немного словъ скажу вамъ про него.

Не формулярный списокъ жизни странной,
А плачь о немъ я предлагаю вамъ.
Не по закону мужъ Богоизбранный,
А въ буйствѣ, по апостольскимъ словамъ,
Внѣ всякихъ формъ и выше всякихъ правилъ,
Въ юродствѣ Христа ради жилъ.
Господь возлюбленнаго Своего прославилъ
Дѣлами, а не буквами чернилъ.

Родители его были не славны,
Но онъ имѣлъ духовнаго отца.
Какъ сынъ его достойный, благонравный,
Былъ вѣренъ старцу до его конца.
Отечество, начальство и обитель
Оставилъ онъ и взялъ единый крестъ,
И странствуя, какъ повелѣлъ Спаситель¹⁷⁴,
Онъ наконецъ достигъ до здѣшнихъ мѣстъ.

¹⁷³ Въ Скитской лѣтописи подъ 2 числомъ мая 1862 г. помѣтка:
«Одинъ изъ многихъ учениковъ достоблагеннаго и приснопамятнаго
старца Леонида іеромонаха Антонія Бочкова прислалъ о. Макарію въ
мартъ мѣсяцъ стихотвореніе: „Плачь на гробъ отца“, написанное имъ въ
память своего Старца, которое и помѣщается здѣсь на память, по прика-
занію Батюшки (о. Макарія)».

¹⁷⁴ «Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить главу» (Мѡ. 8, 20).

И здѣсь себѣ онъ и дѣтей и братій
Евангельскихъ сторицею обрѣлъ.
На лонѣ сихъ отеческихъ объятій
Временно и я убѣжище нашель.
Оставя явное Богослуженье,
Онъ явно человѣчеству служилъ;
Безъ внѣшнихъ знаковъ власти и правленья
Правителемъ духовнымъ тайно былъ.
И дѣйственно-живое его слово
Онъ подкрѣплялъ примѣромъ добрыхъ дѣлъ.
Когда же для служителя Христова
Конецъ давно желаемый прispѣлъ,
Когда ужъ грудь его едва дышала,
И взоръ былъ въ вѣчность устрѣмлень,
Рука его еще благословляла;
Для ближнихъ все еще трудился онъ.
Предвидя скорую разлуку,
Друзья его боялися вздохнуть.
Онъ опустилъ съ благословеньемъ руку,
И въ первый разъ надолго могъ заснуть.

Плачь

Гдѣ нашъ отецъ? И гдѣ святое тѣло
Наставника, цѣлителя лежить?
Вотъ памятникъ чугунный и тяжелый
У алтаря чернѣяся стоитъ.
Тебя рѣшеткой золоченой оградили;
А ты насъ всѣхъ молитвой ограждалъ.
Тебя въ могилу тѣсную вмѣстили,
А ты въ широкомъ сердцѣ всѣхъ вмѣщаль.

Ужель бы мы тебя не отыскали
Между другихъ, безвѣстныхъ намъ могиль?
Давно ужъ къ ней дорогу протоптали;
И кто изъ насъ тропинку къ ней забылъ?
 Отецъ нашъ! Ты опять на новосельѣ.
 Тебя хотятъ, какъ видно, удержать
 Надолго въ этой тѣсной, темной келліи.
 Надъ ней стоитъ тяжелая печать.
Не думаютъ ли у твоей ограды
Опять врата накрѣпко затворить,
И огнь цѣлительной твоей лампы
Рукою подозрѣнья потушить?
 Еще ль народъ, – убогихъ отгоняють
 Отъ рукъ твоихъ, отъ ногъ твоихъ опять?
 Еще ль завистнымъ окомъ назирають,
 Какъ будешь ты болящихъ исцѣлять?
Доносчики поносно очернили
Твои сѣдины, бѣлый твой хитонъ;
Но мы слезами нашими омыли,
Лобзаннями отерли левитонъ.
 Я помню мантии короткой крила, –
 Подъ ними всякъ скрывался отъ грѣховъ,
 На сей груди, которая любила
 И всѣмъ была прибѣжище, покровъ.
Я помню лентіонъ съ тремя крестами,
Когда онъ на главѣ моей лежалъ,
То, примиренный съ Богомъ и людьми,
Изъ-подъ него твой ученикъ вставалъ.

Я, какъ теперь, стою передъ божницей,
Гдѣ столько свѣтъ пылало передъ Той,
Предъ Матерью – Дѣвою, Царицей.
Кто приходилъ къ иконѣ сей святой,
Кто былъ помазанъ масломъ изъ лампы,
Съ благословеньемъ милосердыхъ рукъ,
Тотъ отходилъ, исполненный отрады,
Избавленный отъ тяжкихъ сердца мукъ.
Вокругъ тебя, у ногъ твоихъ болящихъ,
Всегда стоялъ страдальцевъ тѣсный кругъ.
Ты былъ отцомъ и матерью скорбящихъ,
Утѣшитель, цѣлитель, старецъ, другъ.
Не возносясь надъ падшимъ предъ тобою,
Ты наши просьбы къ небу возносишь,
И тихихъ устъ неслышною мольбою
Ты Бога преклониться къ намъ просишь.
Я помню твои кроткіе совѣты
И власть твою надъ сердцемъ и умомъ,
И какъ легко было давать обѣты,
Когда ты былъ порукой предъ Творцомъ,
И какъ легко было тогда спасенье,
Когда ты путь указывалъ дѣтямъ, –
Путь послушанья, простоты, терпѣнья!
Ты самъ прошелъ по вѣрнымъ симъ стезямъ.
Ты не носилъ личины фарисейства,
Открытъ и простъ и нравомъ и лицомъ,
Ты шутками училъ свое семейство,
И дѣти были веселы съ отцомъ.

Ты сыномъ былъ Θεодора послушнымъ,
Дѣлилъ со старцемъ скорби и труды,
И научился быть великодушнымъ,
Перенося изгнанія, бѣды.

Съ нимъ изъ лѣсовъ непроходимыхъ Брянскихъ
Достигъ до Невскихъ дикихъ острововъ
И отъ предѣловъ каменныхъ Финляндскихъ
Дошелъ до Свирскихъ тихихъ береговъ.

Повсюду скорби, бури и волненья
Ты претерпѣлъ съ великимъ симъ отцомъ,
Вездѣ были подсады, нападенья
Устроены невидимымъ врагомъ.

Какъ вождь духовный, важень и спокоень,
Ты отъ врага не робко отступаль,
И, помощи небесной удостоень,
На Бога упованье возлагаль.

Тебя стерегъ невидимый губитель,
Угрызена была твоя пята,
И персть руки твоей, пустыни житель,
Быль брошенъ въ его алчныя уста.

Но шутка съ устъ твоихъ не удалялась,
Тебѣ послушны были плоть и кровь;
Отъ страха челоуѣча не смущалась
Сѣдая ненахмуренная бровь.

Какъ левъ, своей сребристой гривой
Ты устрашалъ невидимыхъ волковъ,
И, какъ младенецъ, рѣчію игривой
Ты утѣшалъ евангельскихъ сыновъ.

И твой Божественный Путеводитель
Быль также клеветою обнесень:
Другъ мытарей и грѣшниковъ сожитель
И ядца, винопійца наречень;
И тяжкій крестъ позора, поруганья
Возлюбленнымъ Своимъ Онъ обѣщаль;
И ты, взирая на Его страданья,
Себя для ближнихъ въ жертву отдаваль.
Когда гостепріимная обитель
Отверзла для тебя свои врата,
Ты въ нихъ вступишь какъ чуждо-посѣтитель,
Какъ странникъ, въ эти темныя мѣста.
Ты уклонился здѣсь не для покоя,
Въ двѣнадцать лѣтъ немного отдыхаль.
Мы знаемъ, кто невидимой рукою
Духовный садъ цвѣтами украшаль,
Кто юныя и слабыя растенья
Берегъ и насадилъ и укрѣпилъ,
И кто сухіе старые коренья
Живительной росой оживилъ.
Мы знаемъ, кто исправилъ искривленныхъ,
И кто привилъ къ неплоднымъ цвѣтъ и плодъ,
Кто въ скитскихъ пчельникахъ уединенныхъ
Собралъ духовный воскъ и сладкій сотъ.
Одинъ изъ этихъ трутней мимолетныхъ
(Онъ былъ противнымъ вѣтромъ отнесенъ
Изъ роя пчель, изъ сихъ садовъ завѣтныхъ)
Теперь жужжитъ надгробный поздній стонъ,

И вмѣсто воска, меда благовонна
Несеть на гробъ оторванный листокъ.
Прими его, отецъ нашъ, благосклонно,
Хоть безъ него богатъ небесный твой вѣнокъ.

С. А.

21 марта 1852 г.